ДЕНЬ и НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №*1* | *2024*

Андрей Поздеев

"Букет". Холст, масло.
90x90, 1993

Андрей Поздеев

"Цветы". Холст, масло.
100x100, 1992

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №*1* | 2024

В номере

ДиН ПУБЛИЦИСТИКА

Лидия Довыденко
3 От неба данная земля

Геннадий Малашин
14 (Не)забытые голоса Сибири

ДиН ГАЛЕРЕЯ

Олег Ампилогов
32 Чудо жизни Андрея Поздеева

ДиН РЕВЮ

Нина Веселова
37 Годовые кольца

Александр Конопкин
48 Хельга

Мария Ватутина
55 Прощай, Украина!

Анна Ревякина
57 Донецк—Москва

Екатерина Годвер
68 После больших снегов

Ольга Козэль
73 Когда разбивается самолёт

Римма Чучилина
94 Только ……. после буквы Л

Индира Зубаирова
173 На этом краешке земли

ДиН ЮБИЛЕЙ

Владимир Шанин
38 Летописец собственной души

Александр Щербаков
43 От имени сердца

ДиН АНТОЛОГИЯ

Иван Крылов
47 Басни

ДиН СТИХИ

Олеся Николаева
49 Я говорю: за наших!

Анна Долгарева
52 Под небом отчаянно-синим

Любовь Галицкая
54 Душа сияла…

Марина Щенятская
56 Слова в молчанье раствори

Геннадий Васильев
174 Господь нам дал терпение и веру

Николай Ерёмин
177 Сонеты про…

Ирина Денисова
179 Времени нет

Анатолий Арестов
181 Рождение звезды

Диана Синёва
183 Освободить пространство

Евгения Симакова
184 Лицом к лицу

МОСТЫ НАД ОБЛАКАМИ

Нвард Авагян, Юрий Беликов
58 Армянский складень

Ирина Дюгаева
61 Хикикомори Камилла

Наталия Дробинина
63 Noli nocere

Роман Разживин
69 Клуб потерянных надежд

ДиН РОМАН

Василий Киляков
74 Зарницы памяти

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Анастасия Астафьева
90 Карточки

Игорь Герман
95 Вопросы, по которым не следует беспокоить

Владимир Квашнин
102 Атя и Ома

Иса Айтукаев
158 Слово мужчины

Галина Шляхова
164 Когда в окнах много света

ДиН ПРОЗА

Геннадий Волобуев
106 У парадного подъезда

ДиН КОНКУРС

Дарья Похабова
186 Будущее горит

Илья Ерёмин
187 Последняя надежда человечества

Влада Власова
190 Будущее: неизведанный мир или давно известная истина?

ДиН СИММЕТРИЯ

Павел Антокольский
42 Июль 1914-го

Эдуард Багрицкий
62 О Пушкине

София Парнок
192 Тихо, как нигде

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ

Нина Ищенко
193 «Вектор Донбасса»: Луганск — Иркутск — Россия

195 ДиН АВТОРЫ

Лидия Довыденко

От неба данная земля

А зачем выдумывать? Зачем героини и герои? Зачем роман, повесть, с завязкой и развязкой? Вечная боязнь показаться недостаточно книжным, недостаточно похожим на тех, что прославлены! И вечная мука — вечно молчать, не говорить как раз о том, что есть истинно твоё и единственно настоящее, требующее наиболее законного выражения, то есть следа, воплощения и сохранения хотя бы в слове!
Иван Бунин

Янтарный пролог

Ветер с ровной силой гонит тёмно-синюю воду из неглубокого Балтийского моря по Калининградскому морскому каналу в Вислинский залив, и эту картину я наблюдаю из своего окна. В Балтийске мы жили в служебных квартирах, арендовали, получали свою на улицах Солдатской, Пирогова, Ушакова, Литке, на Гвардейском бульваре, но самое романтическое жильё было в трёхэтажном доме довоенной постройки на Морском бульваре, 1, на первом этаже, № 14. Как сейчас, я вижу из окна, ежедневно наблюдая движение судов и кораблей по Калининградскому морскому каналу, как мелкие белые барашки волн проносятся в потоке воды со скоростью, с какой летают чайки. Но птицы делают разворот и, пытаясь лететь навстречу ветру, зависают в воздухе, усиленно машут крыльями, то поднимаясь вверх, то опускаясь, высматривая зоркими глазами рыбёшку в стремительном потоке воды, преодолевают ветер. Через пару дней непостоянный ветер изменит своё направление, и вода по каналу побежит из залива в море. «Не может поток бежать вспять!» А здесь это возможно. Здесь, в Янтарном крае. Такое же явление происходит с рекой Иордан в день именно православного Крещения. Река начинает бурлить и поворачиваться вспять. Это вселенская тайна — почему.

Если бы я приехала в Калининград как путешественница, я, наверное, вряд ли захотела бы здесь жить. Но выбора у меня не было, земля, а точнее, вода Балтийского моря и его берег притянули и не отпускают. Зачем, почему? Кто-то должен быть женой моряка, ждать его на берегу. Я покинула родную землю, оказавшись на краю Советского Союза, пронизанного дождями, туманами, ветрами и штормами, и расценивала это как поступок, равный следованию жён декабристов в Сибирь. Мои чувства не связаны с пессимизмом, который является отсутствием задач и целей или дешёвыми идеалами, а с пониманием, или хотя бы его задатками, волшебной тайны судьбы, в которой ты не наблюдатель, а участник. Живя здесь, мыслями я пребываю в родном краю, в родной Беларуси, где так жадно читала я классиков, русских и белорусских, всматривалась в окружающих меня людей, распознавая наши национальные типы, интересуясь историей славянских стран и проникаясь их величием, внутренним убеждением: нужно служить своему народу. И сейчас, выходя на берег Балтийского моря, я помню, что всё течёт и изменяется, жизнь многовариантна, потоки воды могут двинуться вспять и в любой истории есть Божественный Промысел, а родная Беларусь — совсем недалеко и в мыслях, и в душе.

Корни и кроны

Беларусь мы называем Батьковщиной, а по-русски — Отечеством. И, думая о Родине, я вспоминаю отца, так любившего стихи Александра Сергеевича, а прозу — Льва Николаевича, но также и Янку Купалу, и Ивана Шамякина, и Владимира Короткевича. Мой отец, Щепов Владимир Алексеевич (1925–2009), родился в деревне Хомичи Быховского района Могилёвской области. Он говорил, что род Щеповых всегда был связан с лесом и обработкой дерева, но вот его дед служил на флоте Российской империи, как и многие другие выходцы из Беларуси, ведь практически все жители родной деревни росли на берегу стремительной, с омутами, реки Друть и отлично плавали, сплавляли лес, легко управлялись с плотами и вёсельной лодкой, были отменными рыбаками. Мой прадед, Щепов Архип (в некоторых документах — Артём) Филиппович (1840–1932), вернулся после службы на флоте в родную деревню, женился, родилось двенадцать детей. Архип (Артём) Филиппович будто бы основал деревню Дедово, находящуюся между Хомичами и Тощицей. Дед Архип, по воспоминаниям отца, несмотря на то, что был уже слабеньким, любил топить баню, или делал какие-то другие дела во дворе, просил внука:

— Володька, давай почитай мне псалмы вслух.

Внук садился во дворе на деревянную колоду, читал, но и слушал тоже эпизодические воспоминания… Однажды рассказал дед внуку, как ходил в составе русской экспедиции к берегам Соединённых Штатов Америки. Мальчику Володе было интересно, но он мало понял тогда, а уже значительно позже, после войны, будучи взрослым, он прочёл более подробно о том, как в 1863 году отправились русские корабли к охваченной Гражданской войной Америке, войной нерабовладельческого Севера и рабовладельческого Юга. Первая эскадра России в составе шести кораблей отправилась под флагом контр-адмирала С. Лесовского, численность экипажа которого составила три тысячи человек. Вторая эскадра, также из шести кораблей, направилась в Сан-Франциско под командованием контр-адмирала А. Попова, численностью тысяча двести человек. Россия безоговорочно поддержала Север. Американцы с большой симпатией принимали русских моряков. Итогом войны стало запрещение рабства, закреплённое в Конституции США.

А я с удивлением начала читать об этой забытой истории, когда в 2013 году была выпущена медаль к стапятидесятилетию морского похода с изображением портретов Александра Второго и Авраама Линкольна. Ведь мой прадед был в походе, в котором участвовал композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков, более того — там был отец моего любимого поэта Николая Гумилёва, Степан Яковлевич Гумилёв, который ходил в составе американской экспедиции в должности доктора на фрегате «Пересвет».

Неизвестно, спас ли жизнь кому-то в Америке мой прадед… Но почему я об этом думаю? Меня впечатлил рассказ моего отца о том, как американец в конце апреля 1945 года спас ему жизнь. Папа не помнил, как звали этого водителя студебекера, который копался в капоте в поисках неисправности, когда на территории Германии два узника концлагеря, измождённые, промёрзшие до костей, на грани потери сознания, вышли на дорогу, убегая от горящего концлагеря, подвергнутого бомбардировке английской авиацией. Отец мой помнил лишь белоснежную улыбку чернокожего человека, протянувшего ему тёплую куртку и горячий кофе из термоса.

— Мы так намёрзлись за ночь в каком-то парке, что зуб на зуб не попадал. Не так мучил голод, как холод. Водитель машины дал мне куртку, которая мне очень хорошо подошла, несмотря на мой высокий рост, и я был ей несказанно рад. «Рад» — это не то даже слово, это было счастьем — наконец согреться. Не раз я добрым словом потом вспоминал этого американского солдата с благодарностью за спасение.

Как мир тесен, и как причудливо переплетаются факты истории и судьбы людей. Уже в двадцать первом веке, когда все уже почти поголовно стали искать свои корни в глубинах веков, задала и я поисковику в интернете фамилию «Щепов». Удалось найти её среди потомков Ярослава Мудрого, а затем Владимира Мономаха, князей Ростовских-Щеповых, а потом следы пропадают…

— Куда же потом они делись — эти князья Щеповы, которые были в четырнадцатом веке? Почему исчезли в других веках? — спрашивала я генеалогов.

— А все они погибли на Куликовом поле, — отвечали мне историки.

Так вот оно что… Вот почему так волновалось сердце, когда в 2015 году по пути из Москвы в Воронеж со своими коллегами остановились мы уже на закате дня у храма Преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле. День стремительно завершался, и мы пошли к стеле, установленной два века назад в честь победы Дмитрия Донского над войском Мамая, — к символу нашей славянской воинской доблести, чтобы остановиться в трепетном молчании, в благодарной памяти о тех, кто отдал жизни за святую Русь. На многоступенчатой круглой колонне читали надпись золотом в чугунном проёме: «Победителю татар великому князю Дмитрию Иоанновичу признательное потомство лета от Рождества Христова 1848».

Мы вошли в храм Сергия Радонежского, окна которого сияли золотым светом среди белеющих стен, и уже в тёмно-синем небе с трудом различались ярко-зелёные купола и кровля церкви. При входе в храм стояли манекены в красных одеждах, покрытых тонкой кольчугой, русских воинов и тёмно-зелёные костюмы с кожаными тонкими ремешками воинов-татар. В храме молились немногочисленные прихожанки, и так тепло было в нём от горящих свечей и негромкого голоса священника. И как тут не вспомнить художника Юрия Ракшу, его картину «Проводы ополчения» — проводы на Куликовскую битву. В правой части триптиха потрясают фигуры женщин с детьми, оставшихся дома. В центре — красавица-славянка, мать, ждущая ребёнка, который, возможно, никогда не увидит отца. Князья Щеповы все полегли на Куликовом поле. Остались дети без отцов, и фамилию Щеповых мы находим в разных веках в Пскове, в Сибири, потом на Брянщине, а потом — в Беларуси. Что интересно, что прадеда-моряка судьба определила на фрегат «Пересвет», вооружённый сорока тремя орудиями. К одной из этих пушек и был приставлен прадед. А внук его, то есть мой отец, в армии служил в артиллерии, а теперь я живу в Калининграде на улице Артиллерийской.

Но никогда я не забуду этого письма историка-генеалога: «Все князья Щеповы полегли на Куликовском поле, в числе тысяч русских людей».

Вспомнился мне Александр Блок, его цикл «На поле Куликовом». Вот почему он ушёл

от торжественных нот. Он понимал трагедийность события, несмотря на победный итог битвы. Какой же ценою? По подсчётам московского боярина Михаила Александровича, «погибло у нас дружины всей 253 тысячи, а осталось у нас дружины 50 (40) тысяч». Хоронили убитых семь дней. «Плачь, сердце, плачь!» — повторяет Блок. Провидчески он чувствовал неизбежность и в будущем возвращения России к навязанной ей ситуации Куликовской битвы. Битва — это отдание жизни за победу в ней.

И вот двадцатый век. Узнала о такой формулировке, как «сведения о безвозвратных потерях». На обелиске в память об участниках Великой Отечественной войны в деревне Хомичи — восемь фамилий Щеповых, павших на фронте. Удалось установить у некоторых павших родственников места их захоронений: Бранденбург, Подляское воеводство, — а у большинства не указано мест захоронения, и везде причина смерти: убит, убит, убит. А сколько погибло в оккупации…

Мой отец выжил. Под диктовку его записывала я членов его семьи, его братьев и сестёр: «Брат Ефим Щепов был женат на Маруте. Дети их: один мальчик погиб во время войны. Марута его держала на руках, когда переходила линию фронта, и пуля попала ему в голову. Маленькая дочь её Зина плакала, немецкая пуля попала ей в щёку и вылетела через открытый рот. Марута в юбке обнаружила две дырки от пуль, которые её не задели…»

И вот двадцать первый век. Ковидные времена. На экранах телевизора — кадры протестных улиц США и поцелуев белыми людьми ботинок чернокожих. Мне вспоминается водитель студебекера, спасший отца, и думается, что никогда бы он не позволил никому целовать свои ботинки.

На берегу Узбинки

Деревня Хомичи, в которой я родилась спустя семь лет после Победы, помнится мне уже почти восстановленной после войны. Эта деревня состояла из четырёх улиц, которые имели названия как отдельные поселения: Выгон, Селиба, Село, Вирок. В деревне все дома были деревянными, с резными наличниками, редко — со ставнями, обычно выкрашенными голубой и белой краской, и обязательными палисадниками для цветов перед окнами, выходящими на улицу. А за домами, окружёнными хозяйственными пристройками, тянулись сады, а за ними — огороды.

Каждый метр деревенской земли мне дорог, живёт своей жизнью в воспоминаниях, в сердце, являясь высоким смыслом того, что мне непостижимо, почему я оказалась там, почему душа моя выбрала именно этот уголок земли для любви до конца своих лет.

Центром деревни был клуб. В длинном бревенчатом здании был не только клуб, там размещались правление колхоза «Новая жизнь», довольно большая библиотека, где я провела немало времени в своём детстве, и клуб — зал с деревянными скамейками, где проходили праздники, концерты, собрания, где показывали фильмы, открывавшие нам страну и мир.

Клуб стоял на берегу небольшой речки Узбинки, протекавшей через всю деревню.

Сейчас его нет, на его месте кусты и большие деревья, но он был частью моего детского мира, а небесный свод над деревней — моим храмом, моим постижением совести и добра.

Чуть ближе к реке стоял магазин, в котором продавали как продовольственные, так и промышленные товары. От клуба вдоль магазина дорога спускалась вниз к реке, через которую был переброшен хлипкий дощатый мост на деревянных сваях. От моста начиналась прямая улица, которая называлась Селиба. В своём начале по весне и по осени, во время дождей, эта улица была очень грязной. Идти по ней нужно было, тщательно выбирая дорогу — и всё-таки без всякой надежды не испачкать обувь. Но потом улица начинала подъём вверх, чем выше, чем чище дорога.

На этой улице жила сестра моего дедушки Ивана — Аксинья, всегда опрятная, чистенькая, ласковая, со стройной изящной фигуркой с тонкой талией, обхваченной пояском домашнего фартука, и косой, которая короной лежала на голове. Она жила со своей дочерью Груней, красавицей, общественницей, её мужем Василием и их детьми.

Довольно длинная улица заканчивалась некрутым спуском к широченному лугу — пойме реки Друть, притока Днепра. В последнем доме по левой стороне улицы жил брат моего отца, дядя Ефим, с женой Марутой и детьми. Тётя Марута угощала меня отменной сладкой и сочной морковкой. И не от неё ли я поняла потребность повторять себя в других добротой, лёгкостью, гостеприимством?

По весне река разливалась так широко, что подходила как раз к берегу, где заканчивалась Селиба. И хотя в детстве я не видела моря, но весенний разлив мне и казался морем. Край его сливался на горизонте с небом. И тёмно-синяя вода, и синее небо были неподвижны, лишь редкий ветерок слегка рябил поверхность воды, и отражавшееся в ней небо было торжественно и величаво. Казалось, вода и небо наслаждались своей величественностью, рождая и в тебе представление о чём-то Большом и приучая тебя к Большому, без которого ты уже и не мыслишь своей жизни. Потом вода начинала медленно спадать, появлялись пятна грязных островков, и к июню месяцу луг покрывался сочной изумрудной травой, в которой пестрели цветы и вили гнёзда птицы. Трудно найти слова, чтобы описать красоту этого луга, когда он созревал и начинался сенокос. О простор, о запах сена, о песни косцов! Сколько счастья

вы дарили детскому сердцу! О сказки и легенды в изложении мамы!

Если стать спиной к клубу, глядя на Селибу, то по левую руку начиналась длинная улица под названием Село. Она не имела прямизны Селибы, потому что повторяла изгибы речки Узбинки, вдоль которой по обе стороны дороги стояли дома. Особенную добрую зависть вызывали у меня дома, чьи огороды спускались к самой реке. Плодородная почва их давала обильные урожаи. Владельцам этих огородов не нужно было таскать вёдрами воду из колодцев для полива, потому что они черпали её прямо из реки. И так улица шла до второго, более прочного и чаще ремонтируемого, моста через Узбинку. А после моста дорога раздваивалась: прямо — в богатый грибами и ягодами лес, а влево начиналась ещё одна улица, получившая название Вирок. Длинная эта улица продолжалась просёлочной дорогой среди широких полей и вела через лес, тянущийся примерно шесть километров, в сторону деревни Дедово, которую основали, по словам моего отца, его предки, а дальше, километров через пять, была железнодорожная станция Тощица. В начале этой улицы жил мой крёстный, Щепов Евдоким, со своей большой семьёй. Он всю войну был в партизанах и помог моей бабушке Марфе с двумя младшими детьми и маленькой внучкой перейти ночью по льду Друти и присоединиться к партизанскому отряду.

От клуба в противоположную сторону от Селибы начиналась короткая улица под названием Выгон, на которой стоял дом моей бабушки, а немного дальше по этой же стороне улицы — дом моих родителей. Это широкая песчаная улица, на ней никогда не было грязи, потому что вода уходила в песок. В засушливые лета босая детская нога уходила в мягкий, очень мелкий песок по щиколотку. Улица заканчивалась дорогой среди огромных полей, и за ними начинался лес, среди которого путь вёл в маленькую деревню Езву. На эту улицу выходил край деревенского кладбища. Здесь хоронили испокон веков. Я помню ухоженные могилы с деревянными крестами, где не было никаких гранитных или мраморных памятников, не было даже камней, только редкие деревья, кусты сирени, акации, жасмина, трава ползунок, неприхотливые цветы — и никаких оградок. Туда по весне на Радуницу устремлялась вся деревня, чтобы провести необходимые работы и поклониться могилам своих предков. Мы с бабушкой Марфой отправлялись на могилу её мужа Ивана, прибираясь, выпалывая молча траву. Бабушка вообще была молчуньей, и здесь тоже она говорила очень мало, видимо, будучи мыслями в её прошлом.

Вдоль домов на улицах стояли колодцы. Там, где вода была глубже, она извлекалась при помощи журавлей, а там, где вода была ближе к поверхности земли, её доставали ведром, нацепленным на крюк недлинного шеста. Этот шест лежал на деревянном срубе колодца, который никогда не закрывался. Колодец примерно раз в год чистили, вычерпывая из него воду и выливая её прямо на песчаную дорогу. Никто никогда не падал в колодец, в него ничего не роняли, испокон веков это — священное место, к которому подходили только с одной целью — набрать воды.

Между домом моих родителей и соседским домом бы широкий переулок с просторной лужайкой, где паслись обычно гуси. Дорога вела параллельно нашему огороду к колхозному складу, а оттуда троилась. Прямо шла через поля к лесу и далее, на расстоянии пяти километров, к деревне Вязьма. Направо, огибая болото, начинавшееся прямо за нашим огородом, дорога вела мимо колхозной силосной башни к лесу, в котором было видимо-невидимо брусники. Я очень любила ходить в этот лес с мамой именно за брусникой, восхищаясь красотой полян, где малиновыми коврами стелилась ягода, так легко и быстро наполняясь гроздьями в пол-литровую стеклянную банку, которую мне давали, перевязав её горлышко тонкой верёвкой так, что её можно было прицепить к поясу. Одну за другой высыпала я их во взятое мамой ведро, входя в азарт. Впрочем, азарт имел всё-таки вторичное значение после эстетического наслаждения от блеска и красоты этих некрупных ягод, зеленобоких и белобоких там, где их не касались солнечные лучи, и сверкающих на солнце рубиновыми гроздьями среди твёрдых, блестящих, нефритовых листьев, которые так и норовили насыпаться в банку вместе с ягодами, и эти листья приходилось выдувать с ладоней, наполненных ягодами. А налево дорога вела мимо колхозной конюшни и площадки, где стояла сельскохозяйственная техника, к реке Узбинке выше по её течению. С отвращением проходили мы, дети, мимо этой площадки с поломанными тракторами и машинами, потому что там страшно воняло бензином и ужасающе чернели круглые пятна земли, где пролился бензин и мазут, выжигая траву.

Дорога вела прямо к речке Узбинке, на берегу которой в этом месте стояла кузница, постоянно источавшая тонкий звон изготавливавшейся на наковальне какой-то металлической детали для починки сельскохозяйственной техники.

Возле кузни летом купались в реке дети до посинения. Стуча зубами, жались, выйдя из воды, к прогретой на солнце стене кузницы, подпрыгивали то на одной, то на другой ноге, пытаясь согреться. Рядом с кузницей на этом же берегу речки были поросшие травой развалины бывшего панского имения, разрушенного после революции. И здесь мы, дети, находили одичавшую и выродившуюся клубнику, мелкие ягоды которой всё же были крупнее и слаще лесной земляники.

От этих развалин вправо дорога вела к великолепной дубовой роще, с могучими деревьями, просторно произраставшими поодаль друг от друга. У корней их росла мягкая, нежная трава. С огромным удовольствием играли здесь дети в любое время года, и особенно там было хорошо, когда дубы сбрасывали со своих крон светло-коричневые листья. Их было так много, и они так чудесно шуршали под ногами, утопавшими в сухих их ворохах по щиколотку.

За рощей начинался очень красивый лиственный лес, через который дорога вела в Городок. Неизвестно почему, но так называлось красивейшее место на берегу Друти. Дух захватывало от открывавшегося волшебной красоты вида с высокого берега Друти на противоположный берег. Я садилась в густую, низко стелющуюся траву вместе с другими детьми, и с высокой кручи мы молча взирали на простирающиеся дали. Необъятный, как тогда казалось, луг тянулся до самого горизонта, ярко-зелёный луг с редкими кустами вербника.

Здесь любил ловить на спиннинг щук мой отец. В выходной день он вставал рано, садился на велосипед и ехал туда рыбачить. Если я утром просыпалась позднée обычного, на столе уже дымилась уха или стояла огромная с коворордка с толстыми золотистыми кусками жареной свежевыловленной речной рыбы. Папа был также великолепным охотником. Зимой он становился на лыжи и с рассветом уходил в лес, принося иногда белку, но в основном зайца. Выделанные шкурки мама потом сдавала каравочнику. Так называли человека, который иногда приезжал в деревню на лошади, запряжённой в телегу, в которой в коробках у него были мелкие товары: нитки, иголки, булавки, платки, детские свистульки. Их нельзя было купить за деньги, а только выменять на тряпки, то есть на ветошь, а на белорусском языке это «каравки». Отсюда и каравочник. Он взвешивал безменом тряпьё и говорил, чтó на этот вес можно у него заполучить. Мама выменивала у него за тряпки и шкурки разных цветов мулине для своих любимых вышивок. Нам, детям, доставались и глиняная свистулька, и пёстрый маленький шарик на резинке, и сладкий петушок на палочке.

Новый дом

Я родилась в маленьком домике, который отец построил, когда вернулся из армии и женился. В старом доме освещение было керосиновой лампой, центром его был большой стол, за которым обедали, что-то мастерил папа, мама шила детям и себе одежду, брат Эдик делал иногда уроки, именно иногда, когда мама отрывалась от домашних дел, учила его читать и писать. И я, будучи на два года моложе, прислушиваясь к занятиям с братом, научилась по его букварю читать в пять лет. Когда ему задавали учить наизусть стихотворение, я его тоже запоминала. Считать я тоже научилась вместе с ним.

Я помню хорошо, как строился новый, более просторный, добротный дом. Были завезены брёвна, которые отделялись топором от коры, под которой обнажалась золотистая блестящая древесина, и она источала чудесный запах. По этим брёвнам ходили, упражняясь в равновесии, дети. Они с огромным удовольствием играли среди них в прятки. Была привезена гора мягкого серебристого мха с нежным бледно-салатовым оттенком. Этот мох прокладывали между брёвен, когда начали делать сруб дома, чтобы брёвна плотнее прилегали друг к другу и будущий дом был теплее. Брёвна распиливались, чтобы составить проёмы для будущих окон и дверей. И вот появилась приставная деревянная лестница, чтобы с её помощью возвести стропила для крыши. Потом завозились и складывались в штабеля ровные доски, по которым тоже с неизменной радостью ползали, ходили, выпрямившись во весь рост, дети, получая неимоверное удовольствие.

Вскоре была завезена светло-оранжевая глина, и двор покрылся рядами свежих, самодельных, ещё сырых кирпичей для новой печи. Потом появился печник, который сложил большую печь, и пока он её складывал, мама очень волновалась, беспокоясь о том, удачная ли будет печь, ведь от этого зависит и тепло в доме, и качество приготовленной еды.

И вот мы вселились в новый дом, в котором была прихожая, а с левой стороны кухня, из прихожей двустворчатая дверь вела в большую комнату, в которой за дощатыми перегородками были с левой стороны расположены друг за другом две небольшие спальни. Дом украшали яркие мамины вышивки в рамках на стенах, вышитые цветами и орнаментальными узорами белоснежные скатерти, наволочки, простыни, накидки на подушки, и тканые яркие покрывала, и полосатые, также вытканные на домашнем ткацком станке, половики. Ткалось и вышивалось всё в зимнее время, а с весны до осени, как и у всех деревенских жителей, шла работа на огороде, в колхозном поле, на сенокосе. Находилось время на сбор и обработку ягод и грибов. К тому времени, как мне пришла пора идти в школу, дом был готов. В нём уже было электрическое освещение, было проведено радио, которое не умолкало с шести утра до двенадцати часов ночи. Какое разнообразие звуков, голосов хлынуло тогда в дом! Какие интересные были детские передачи, радиопостановки с музыкальным оформлением! Звучание различных музыкальных инструментов особенно меня зачаровывало. Ведь в деревне я слышала до сих пор лишь звук гармони и бубна во время свадеб. Радио никогда не выключалось.

Поскольку отец работал в леспромхозе, он мало присутствовал дома, в основном только

по выходным дням, поэтому все заботы о детях, об их воспитании, о доме, хозяйстве лежали на плечах мамы. Хотя в Советском Союзе религия была запрещена, но в деревне наряду с советскими праздниками отмечались христианские праздники, главными из которых были Пасха и Рождество, которое у нас называли «Каляды». К этим праздникам детям шилась одежда, покупалась обувь, хотя, начиная с Пасхи и до поздней осени, в основном дети ходили босиком. В переходные периоды холодного и тёплого времени года носили резиновые сапоги, а зимой — валенки, галоши от которых тоже использовались весной и осенью. Кануны христианских праздников я не любила, потому что в это время в доме снимались занавески с окон, скатерти со столов, покрывала с кроватей. Возникало смутное ощущение какой-то осиротелости и бесприютности. Всё перемывалось, стиралось, потом выглаживалось утюгом. Причём утюг был чугунный, с открывающейся сверху крышкой, чтобы засыпать в него горячие угли. Печь белилась, полы скоблились, так же как и печные ухваты, мылись окна и двери, подметался двор, наводился порядок в сараях и в «стобке» — это отдельное строение, в котором хранились овощи: картофель, свёкла, морковь, квашеная капуста в огромной бочке и, также в большой бочке, солёные огурцы. Весной заготавливался берёзовый сок, и бочка «кваса», как называли берёзовый сок, тоже стояла в «стобке». И когда, наконец, всё чистое занимало свои места, в доме возникало ощущение настоящего праздника, уюта и благодати. Накануне также перебирался лук, с него снималась шелуха, чтобы в её отваре красить яйца, в печи варился холодец, выпекалась пасха. Я не помню такого, чтобы мама молилась, но, несомненно, все христианские ценности и заповеди она исповедовала и передавала их детям. И родители, и мы, дети, — крещёные. Хотя языческие вещи тоже присутствовали в жизни. Например, на Пасху мама ставила на табурет тазик с водой, в котором лежало крашеное яйцо.

— Умывшись в воде с красным яйцом, ты будешь красивой, — так объясняла мама.

Нет уже того дома, нет Узбинки, превратившейся в ручеёк и заключённой в трубу в том месте, где был мост. Но в памяти дорога́ каждая пядь земли, где бегали босые ноги, и всё, что мы любили.

Дом бабушки Марфы

Основным местом для моих игр были дом и двор моей бабушки Марфы, матери моей мамы. Это был очень старый дом в одну большую комнату. С левой стороны у самой стены стояла большая печь с комельком в правом углу печи. На этом комельке, представлявшем собой квадратное углубление в печь, бабушка готовила нехитрый ужин. По левую сторону от печи шли две деревянные кровати одна за другой у стены. Как раз от печи до стены они две и помещались. Бабушка спала на той, что ближе к печи. Когда к ней приезжали гости, то эти две кровати задёргивались шторкой, подвешенной на шесте почти под потолком, от печи до стены с двумя окнами, выходящими на улицу. Между этими двумя окнами стоял старый диван, не раскладывающийся, покрытый вышитыми дорожками. В углу справа висела икона с изображением Христа, перед которой бабушка молилась утром и вечером. В этом углу на полу стоял старый сундук, в котором бабушка хранила свои юбки, фартуки, кофты и большие шерстяные платки, а также и лёгкие с яркими цветами, и простые ситцевые. Больше всего мне нравилось рассматривать, когда бабушка перекладывала вещи в сундуке, её подвенечный наряд, как она говорила. Это были шёлковая блузка и такая же юбка белого цвета; впрочем, белизна их уже несколько утратила свою свежесть, но нежность ткани притягивала.

Рядом с сундуком на полу стояли комнатные цветы, почти все они доставали чуть ли не до потолка, были пышными, и это был весёлый, нарядный уголок дома благодаря этим растениям. Ближе к середине дома от этого угла стоял небольшой стол, накрытый тканой льняной скатертью с кружевами по краям. Под скатертью бабушка хранила свою пенсию. Бумажные деньги она складывала пополам, и всё же их было так немного, что они даже и не выпирали под скатертью, потому что это было всего лишь двенадцать рублей. На столе отбивал «тик-так» будильник. Я уже упоминала, что у нас дома не выключалось радио, а у бабушки, не знаю по какой причине, в доме радио не было, и когда я приходила к ней в дом, меня поражала его тишина, я слышала только неспешное тиканье этого будильника, напоминавшего бабушке о времени, так как она придерживалась строго заведённого ею порядка жизни.

К Новому году, Восьмому марта, Первому мая и Седьмому ноября бабушке приходило около десятка поздравительных открыток, которые ласковой рукой расставлялись на этом столе. Именно расставлялись, потому что бабушка на что-нибудь их опирала под углом в сорок пять градусов: на катушку ниток, на стаканчик, на стопку из двух-трёх книжек. Я приходила и замирала пред ними, рассматривая сюжеты: пейзажи, птицы, цветы. У этого стола произошло моё первое знакомство с русской живописью. Кто-то прислал открытку с репродукцией картины Карла Брюллова «Портрет Самойловой». Костюм, движение, краски, выражение глаз красавицы я могла заворожённо рассматривать часами, ничего не зная ни о художнике, ни о его героине.

Правая стена дома имела два окна во двор. И между этими окнами стояла ещё одна кровать, уже металлическая, с никелированными дужками спинок. Кровать для гостей — с малиновым

тканым покрывалом и белыми накидками с вышивкой ришелье на большие подушки. В правом углу дома напротив печи стоял стол с двумя скамейками у стен и табуретками у двух других сторон стола. У бабушки никогда не было беспорядка в доме: всегда всё чисто, аккуратно, выстирано и выглажено, на пышных комнатных цветах не было пыли на листьях. Никогда я не видела грязной посуды. На столе лежала чистенькая клеёнка, а на ней только хлеб, накрытый тканым льняным рушником.

Ничего лишнего в доме, а только самое необходимое в безупречном порядке.

Первые уроки жизни

Моё самое раннее воспоминание детства относится к трём годам жизни, когда родился мой младший брат Валерий. Это было двадцать шестого июня 1955 года. Я помню, как пришла к нам бабушка Марфа. Я видела смутную тревогу на лицах мамы и бабушки, которая увела к себе меня и старшего брата Эдуарда. В то время в деревне не было врача, и дети появлялись на свет сразу у себя дома. К вечеру бабушка сказала о рождении мальчика. Он спал в специальной маленькой деревянной люльке, подвешенной к потолку на длинных верёвках. Маленький братик сразу стал моей заботой. Я качала люльку, чтобы он заснул, когда мама была занята домашними делами. Я сторожила его сон, когда мама работала в огороде на грядках, и бежала за ней, когда надо было поменять пелёнки.

Когда мне было четыре года, я впервые увидела город Быхов с каменными домами и широкими улицами. Отец повёз меня к врачу, потому что у меня была золотуха, как говорили дома. Сегодня это называют диатезом, и я отлично помню его причину. Отец заболел туберкулёзом, и мама приготовила ему снадобье — мёд, перетопленный со сливочным маслом с добавлением сока алоэ. Когда никого не было дома, я взяла ложку, и отцово лекарство мне очень понравилось. На следующий день моё лицо покрылось коркой. Врач прописал мне хлористый кальций и ещё что-то. Эти лекарства были отвратительными на вкус, и их приём требовал от меня огромного мужества. После посещения врача отец повёл меня в столовую. Он заказал борщ, котлеты и компот. Уставшая от волнения, пережитого от встречи с доктором (теперь я понимала, что это такое), я совсем не хотела есть, только попробовала еду. Но больше всего запомнились белая скатерть на столе и очень приветливая, улыбчивая официантка.

Золотуха не проходила, и мама повела меня к бабке-шептухе, как говорили в деревне. Баба Марья жила на краю деревни. У неё был страшный петух, который мог наброситься на проходившего мимо её дома человека, усесться на голову и долбить её клювом. Мы, дети, очень боялись ходить в ту сторону улицы. Слава Богу, когда мы пришли с мамой, петуха во дворе не было. Посещение бабы Марьи было моим первым и единственным мистическим опытом. Велев сесть на табурет, она взяла шило или большую иголку, точно не помню, вытащила из печи тлеющие красным огнём угли сгоревших дров, наткнула один из угольков на остриё иглы и стала водить вокруг моего лица, что-то совершенно неразборчиво нашёптывая. Я не поняла ничего, кроме двух слов: «Раба Божья». Мне было довольно любопытно это действие. «Интересно, как долго это будет длиться?» — спрашивала мысленно я себя. Магия была недолгой. Всматриваясь в лицо бабы Марьи, я читала на нём ласковое выражение, чувствовала лёгкость её рук. Потом баба Марья дала маме каких-то сушёных трав, и мы вернулись домой. На ночь я пила отвар из принесённой травы, вкус которой не вызвал у меня никакого протеста, этим же отваром были смочены и мои щёки. Утром я проснулась с ощущением огромного облегчения. Стянутость кожи исчезла. Я тут же сообщила об этом маме. Исцеление от золотухи не заставило себя ждать. Было ли это результатом только действия целебной травы, или уголёк с нашёптыванием тоже имел своё действие? Однозначного ответа не знаю, но спасибо бабе Марье. Сколько таких бабушек было по деревням. Были и у них, как в моём примере, положительные результаты их целительства, пока официальная медицина не шагнула в самые заброшенные уголки и отдалённые деревни.

Ум даётся на то, чтобы его использовать

Помню случай, к которому в мыслях я не раз обращалась в своей жизни. Вернее, это не случай, а мой первый жизненный урок. Когда отец строил дом и был уже выведен сруб, установлены стропила на крыше, к дому была приставлена лестница с высокими перекладинами. Отец был высокого роста и делал её под себя. Две жерди с набитыми гвоздями на них перекладинами. Мы с Валерой играли во дворе. Ему было уже три года. Дома никого не было, а моей задачей было смотреть за ребёнком. Не помню, куда я засмотрелась, но вдруг сердце моё похолодело от ужасного крика братца, когда я увидела, что он взобрался по лестнице под самую крышу, которую только начали накрывать. Моя душа затряслась от страха, что брат может свалиться с лестницы.

— Слезай! — закричала я ему.

Если бы он мог это сделать, он бы и не кричал. Маленькая ножка тщетно пыталась дотянуться до перекладины. Слишком большое расстояние между ними. Я взобралась по лестнице к нему, пытаясь помочь ему достать ногой до перекладины

лестницы. Всё было напрасно. Он испугался и только крепко уцепился руками за лестницу, пытался дотянуться ступней до перекладины, но не мог. Я мигом слезла с лестницы и закружилась вокруг неё в поисках решения.

— Что делать? Что делать? — спрашивала я себя, испытывая волнение.

Глаз мой упал на колодку, обрезок бревна, высотой около двадцати сантиметров. Я схватила его и начала подниматься по лестнице к брату. Я ставила на каждую перекладину этот обрезок, брат ставил ножку сначала на него, а потом уже — на лестницу.

— Только не спеши,— уговаривала я брата.

И спуск был благополучно завершён. Необыкновенное счастье охватило меня. Брат был спасён, с ним всё хорошо! А ещё чувство гордости за себя, за свою находчивость. А ещё чувство вины, что могло быть всё плохо. А позже я, возвращаясь мысленно к этому так напугавшему меня инциденту, сказала себе: ум человеку дан для того, чтобы его использовать.

Не всё то золото, что блестит

Из дошкольного возраста помнится ещё один урок жизни, который не раз вспоминался во взрослой жизни. Когда уже был построен дом, а к нему — сени, которые в деревне назывались «сенцы», мы как-то со старшим братом сидели на их крыше. И с неё открывался вид на огород соседей, посреди которого росла молодая груша. В нашем саду такой не было. Её довольно крупные плоды, это был уже конец августа, привлекли наши взгляды. Брат уговорил меня слазить в соседский огород и сорвать две груши. Я легко согласилась на это, потому что он должен был смотреть, чтобы в это время никто из соседей не появился. Груш на дереве было очень много, и исчезновение двух будет незаметным. Легко перемахнув забор, сорвав две груши, я поднялась с ними на крышу. Мы с братом надкусили их. Какое же это было разочарование! Они были такими твёрдыми и безвкусными! То, что кажется привлекательным, не всегда на самом деле оказывается таким при соприкосновении с ним.

Брат рассказал об этом маме, и она в гневе, тряся меня и размахивая надо мной полотенцем, кричала мне:

— Рассчитайся с жизнью!

Только такое наказание могло удовлетворить маму за мой поступок.

— Это же надо до такого додуматься — полезть за Тэклиными грушами!

Баба Тэкля была хозяйкой груш. Мне было стыдно, а также жалко маму, что она так расстроилась; я не сомневалась в справедливости её наказания, чтобы получить понимание, не допуская самообмана: не всё то золото, что блестит.

Мамины уроки

Мама знала огромное количество всевозможных деревенских легенд.

Помню, как в первый раз мама взяла меня с собой, когда пошла на луг в сторону реки Друть за щавелём. Это было жаркое лето, идти было долго. Какая-то птица над лугом жалобно пищала. На вопрос, почему она так тоскливо вскрикивает, мама сказала, что эта птица была когда-то человеком, женщиной. Вся моя усталость от длинной дороги улетучилась, я встрепенулась от мысли, почему такое произошло.

— А произошло вот что,— говорила мама. У неё была великолепная дикция и артистизм в голосе.— Сказал Бог людям, что надо речку копать. Все они пришли и выкопали все вместе глубокую и широкую речку, чтобы была у них всегда вода. И только одна женщина не принимала в этом участия. Бог всё видит. Он наказал эту женщину, превратив её в птицу, которая может пить только росу на заре, а пить из реки не имеет права.

Дальше было объяснение, что нельзя отделяться от людей. Если они вместе делают какое-то полезное дело, ты должна быть с ними. Это был мой первый в жизни урок соборности.

Среди дошкольных воспоминаний есть ещё один урок, который я запомнила навсегда. Мама взяла меня с собой в лес за земляникой. В Белоруссии эти ягоды называют «суницы». Когда мама собрала горсть первых ягод, она не съела сама, не дала мне, как я надеялась своим детским умом, а стала оглядываться по сторонам. Она искала пенёк и, найдя его рядом, положила на него первые суницы лета.

— Дедам! — коротко произнесла мама.

Она преподнесла мне урок памяти о тех, кого уже нет с нами, урок невидимой, но существующей в сердце связи с ушедшими поколениями, урок способности к самоотречению, урок православной традиции: если давать, то — лучшее.

Если страшно, подожди немного, и пройдёт

Примерно к возрасту шести-семи лет относится ещё одно моё открытие. Это было лето. На краю кладбища был пригорок, который жители деревни периодически раскапывали, извлекая для каких-то нужд ярко-жёлтый сыпучий песок. Брали его немного, допустим, ведро, не больше, поэтому образовавшиеся углубления были небольшими, и там приятно было детям играть. И вдруг мы обратили внимание, что небо приобрело страшный лиловый цвет. Надвигалась гроза. Все разбежались по домам. Я почему-то побежала к бабушке Марфе. И по недолгой дороге это тёмно-фиолетовое небо разрезали ветвистые огненные молнии, а гром, казалось, выстреливал из невидимого орудия прямо над головой. Чувство ужаса охватило меня. Нет,

я видела грозу и раньше, но эта была особенная. Стало почти темно. Синевато-чёрное небо придавило землю. Ливень как из ведра хлынул на неё, едва я успела вскочить в сени дома бабушки. Она, крестясь, говорила, что это не гром гремит, это Бог гневается на людей. Мою детскую душу наполнил страх этого гнева. По стёклам окон лился сплошной поток воды.

— За что гневается Бог? — спрашивала я у бабушки.

— За то, что они недобрые! — отвечала она.

Я затаилась, вспоминая, кто добрый, кто злой, и, не найдя зла в бабушке, прижалась к ней. В это время шум дождя стал затихать, а небо — проясняться, чтобы, очистившись от туч, засиять синим шёлком под лучами яркого солнца.

— Что это было? — спрашивала я себя, всё ещё переживая тот ужас, охвативший меня, когда я увидела огромное и низкое чёрно-фиолетовое небо, и одновременно испытывая счастье от яркого солнца, отражавшегося в широких лужах на деревенской улице.

Мой детский итог этого потрясения: если тебе страшно, это будет не всегда, надо набраться терпения, и то, что ужасает тебя, пройдёт, как проходит самая страшная гроза.

Говорят, что первым детям в семье труднее прокладывать свой жизненный путь, а вот вторым, третьим — легче, потому что на примере своих старших сестёр или братьев они уже знают, чего не надо делать. Я соглашусь с этим, потому что, будучи младше на два года своего брата Эдуарда, слушая, как его воспитывали родители, с ним беседовали, я уже вела себя и размышляла в соответствии с требованиями родителей. Одновременно практически шло моё развитие с Эдиком. Когда ему покупали лыжи, коньки, велосипед, это было равнозначно тому, что и у меня это есть. В городки, изготовленные отцом, играли все дети с улицы. Когда брата учили читать и считать, означало, что я очень быстро тоже этому обучилась. Причём чтение меня захватило. Я записалась в деревенскую библиотеку и раз в неделю ходила туда за книгами. Сказки, какие-то интересные истории пересказывались младшему брату.

О доброте

Заболела бабушка — значит, я прибегала к ней с какой-то сказкой и читала ей. Бабушка говорила:

— Добрая ты, очень добрая! Только не знаю, радоваться ли этому. Беспокоюсь за тебя.

Я не понимала, о чём она говорила. Может быть, она полагала, что доброта моя от слабохарактерности, не учитывая силы характера, силы воли и работоспособности моей мамы, которые, думаю, перешли мне в достаточной степени. Или её житейский опыт говорил, что нельзя быть доброй абсолютно ко всем, с чем я соглашусь, будучи доброй к другому человеку до тех пор, пока он не покажет, что не достоин твоей доброты. Бабушка так и не узнала для себя, что она была самым достойным моей доброты человеком, самым любимым, потому что я ей так и не успела сказать об этом словами, но она должна была это чувствовать, потому что я старалась заботиться о ней. Бабушка была молчаливой, аскетичной, дважды остававшейся вдовой с малолетними детьми.

Я спросила однажды у своей мамы, почему она окончила только два класса, на что она сказала, что сначала не в чём было ходить в школу, потом появились младшие брат Володя, сестра Нина, потом Лиля Сашина, за которыми надо было смотреть, потому что бабушке Марфе надо было работать в колхозе. И мама вынуждена была оставить школу, чтобы смотреть за детьми, вести дом, мыть полы, стирать и делать другую домашнюю работу, кормить скотину, доить корову.

Быт, игры и труд

В деревне дети гораздо ближе друг к другу, чем в городе. У нас в доме бывало очень много детей. Иногда мы делились, кто именно относится к друзьям братьев, кто — к моим, но чаще всего такого деления не было, а было по интересам. У нас дома были шашки, шахматы, домино, карты (играли в дурака) и настольный бильярд. Больше всего мне нравилось играть в шахматы, которым обучил меня отец, но редко кто из детей умел играть в шахматы. С отцом только и играли. А шахматными фигурами играли в шашки. Старший брат умел играть в шахматы, но не хотел.

Дома играли в основном в холодное время года, а в летнее — совсем другие занятия: прополка огорода, полив грядок, окучивание рядов картофеля, надо пасти тёлку, кормить кур, ходить в лес за ягодами, за грибами, а потом ещё перебрать эти грибы, отмыть их в воде, несколько раз сходив к колодцу за водой, ворочать сено, чтобы оно быстрее сохло. Родители трудились от зари до зари, включая по их силам своих детей. В колхозе каждой семье выделялся участок для обработки — прополки кукурузы. Дети активно участвовали в этих работах.

В очень раннем возрасте меня обучили убирать лён. Это называлось — «брать лён». Ничего сложного. Стебли льна выдёргивались из земли с корнем, а потом вязались в снопы одинаковой толщины.

У бабушки в зимнее время извлекался откуда-то из кладовой ткацкий станок, на котором ткались скатерти, полотенца, покрывала и дорожки на пол.

Ткали по очереди и бабушка, и мама. Помню, какой это торжественный процесс разворачивался, когда льняные или шерстяные нитки отбеливались или красились, сушились. Предварительно

нитки прялись на самопрядке из льняной кудели и из овечьей шерсти. Я не помню, как бабушка стригла своих овец, но стрижка колхозных овец была равна какому-то празднику. Огромное количество женщин приходило с большими ножницами. Овцу ловили, связывали ей ноги, укладывали на застеленную на землю «подстилку» и вскоре возвращали эту смиренную, совсем не сопротивляющуюся овцу в овчарню, внешне похудевшую, коротко остриженную. Шерсть складывали в мешки, которые колхоз сдавал государству. Стрижка овец проходила как раз за огородом бабушки, где было огромное открытое пространство, где все и располагались, усевшись на колени перед лежавшими овцами.

В своё дошкольное детство я вспоминаю, как бабушка выращивала на огороде коноплю. Когда она вызревала и засыхала, то бабушка её стебли трепала на таком специальном станке. На деревянных ко́злах, на которых резали дрова, устанавливалось деревянное приспособление, которое трепало конопляные стебли, чтобы верхняя их жёсткая корочка отпала, а оставалась только мягкая кудельчатая внутренняя структура, которую пряли на нитки, делали из неё верёвки.

Из просторных сеней бабушкиного дома одна дверь вела в жилое помещение, вторая — в кладовую, где в деревянных кублах (небольшие бочки с крышками) хранились сало, мука, соль, крупа, зерно.

А третья дверь вела в помещение, где была ручная мельница, представлявшая собой тяжёлые каменные жернова, перетиравшие зерно на муку. Это был очень древний инструмент, и бабушка им практически не пользовалась, ведь мука в магазине продавалась. Использовала она жернова для изготовления солода только в случае, когда нужно было выгнать самогонку. Бабушка сама, как и моя мама, никогда не пила спиртного, когда приходили гости, могла слегка только пригубить, и то только вид делала, но самогонка была в деревне нужна два раза в год: на проведение посевной и уборку урожая, вместе с заготовкой сена корове и дров на зиму. В этих работах без лошади не обойтись. При лошади всегда мужчина, которого нужно было отблагодарить бутылкой самогона. Много работ в сельской жизни, когда приходится просить не одного мужчину, а нескольких. Платой за труд в деревне была только самогонка. Она выгонялась в строжайшей тайне, с большим волнением и риском, потому что была запрещена в Советском Союзе, и не раз меня использовала мама или бабушка как дозорного, часового. В случае, если кто-то приближался к дому, нужно было сообщить об этом. Если происходило так, что человек шёл именно к нам, то бабушка, например, или мама выходила сама на улицу и вела беседу у калитки, не приглашая в дом. А моя задача была в это время — смотреть, какой струйкой бежит напиток в стеклянную пол-литровую банку, ровно ли горит огонь под чугунком с брагой. В магазине водка продавалась, но денег не хватало.

Уровень жизни нашей семьи был немного выше, чем у тех семей, где родители были заняты в колхозе. Мама делилась с бабушкой, когда ездила в Быхов за продуктами или их привозил отец. Возле дома в палисаднике родители посадили молоденькую лиственницу с нежными, мягкими иголками, а также цветы.

В зимнее время мама любила вышивать, иногда пряла пряжу на самопрядке. У нас в доме всё было украшено вышивками: простыни, пододеяльники, наволочки, полотенца, скатерти. А также висели на стенах довольно большие картины, вышитые мамой, в простых деревянных рамах, которые делал отец. Самой большой была картина примерно один метр высотой и восемьдесят сантиметров шириной, на которой были изображены парень с девушкой, танцующие под раскидистой берёзой танец «Крыжачок». Так называлась картина. Очень мне нравилась вышивка с искусно выполненным изображением красивой девушки с корзинкой в руках, наполненной цветами.

И как маме удавалось всё это создавать с тремя детьми на руках при довольно большом хозяйстве? У нас была корова, телёнка её каждый год мы продавали. Свиней было две. Одного кабана убивали к Рождеству, второго — к Пасхе. И тут же покупали на его место маленького поросёнка. Когда убивали кабана, а это был целый ритуал, детей из дома не выпускали, чтобы они этого не видели, но в обработке, в изготовлении колбас мы уже принимали участие. У нас было достаточно много гусей и кур, а также были собака, которая жила только во дворе в будке, в дом её не пускали, и кошка. Она была очень ласковой и умной. Когда мы переехали в Бобруйск в 1963 году, то как-то получилось, что мы её не взяли. Через некоторое время она пришла к нам домой. Как она могла нас найти — это загадка природы. Мама вела дом так, что в нём были безупречный порядок и чистота.

В свободное время я бежала в сельскую библиотеку, чтобы взять новую книгу, открывающую иной и часто непонятный для сельской девочки мир. Для меня это было моим любимым занятием. Но невозможно не заниматься домом и хозяйством: ощипать перья убитой и ошпаренной кипятком курицы или гуся, подметать полы, следить за младшим братом, участвовать в прополке огорода, в засолке капусты и огурцов, выбирать из стручков спелую фасоль, горох и много других обязанностей.

Рассказ мамы о начале войны

— Старшая сестра моя Саша (Купцова Александра Андреевна) перед войной работала в деревне Подсёлы (на другом берегу реки Друть

по отношению к деревне Хомичи) в сельском совете. Однажды она принесла домой патефон с пластинками. В субботу патефон был вынесен на улицу около дома, собралась молодёжь, слушали музыку, танцевали. Был тёплый летний вечер двадцать первого июня 1941 года. Радио в деревне отсутствовало, информация передавалась устно, друг от друга узнавали важные и мелкие события.

На следующий день узнали, что началась война. Стали думать, как и что спрятать, закопать в землю, потому что бабушка твоя помнила Первую мировую и Гражданскую войны. Вскоре фашисты вошли в деревню.

Над дверью в клубе они прибили немецкие надписи, развесили красные знамёна с чёрной свастикой.

Сосед Демьян, живший через дом от нашего дома, ближе к клубу, набрал в шапку куриных яиц и, кланяясь, подошёл к немцам: «Угощайтесь, паночки!» Его за это все в деревне презирали. Деревня наша была партизанской, а в Подсёлах — одни полицаи.

Через несколько дней один из них приходит к нам в дом. Отец мой, Отставной Иван Свиридович, умер перед войной, в 1940 году. Он работал лесником. Однажды в жару он попил воды из лесного болота. Вечером у него поднялась высокая температура. Антибиотиков в то время не было. Врача в деревне тоже не было. К утру он умер.

Так неожиданно мы потеряли отца. У мамы, Отставной Марфы Игнатовны, было трое детей от её второго мужа, Отставного Ивана: я, Мария, Владимир и Нина. Саша была дочерью от первого брака мамы, первый муж — Андрей.

Полицай был вооружён пистолетом и наставил его на маму, рассказывала моя мама: «Отдавай патефон!» Мама была очень убедительна, когда говорила: «Хведарка! Нима патефона у нас. Саша отнесла назад в Подсёлы». — «Отдай патефон, а то сейчас всех перестреляю!»

Он стал наставлять дуло пистолета на детей, но мама клялась и божилась, что патефона в доме нет. Мы, дети, в страхе жались друг к другу и молчали о том, что на самом деле мама патефон замотала в чистую тряпицу, затем в клеёнку и закопала его за домом в землю в деревянном кубле от сала. Она считала, что война скоро закончится, и тогда она откопает патефон, чтобы снова слушать песни, подпевать и танцевать, радоваться Победе.

Война затянулась надолго, и когда она закончилась, мама откопала патефон, сохранилась и пластинка, и долго патефон брали концы деревни, чтобы слушать пластинки, пока не сломалась иголка, а найти новую было сложно.

Полицай Фёдор, который приходил в дом, так ничего от мамы не добившись, вывел из сарая коня, которого мама как раз перед войной у него же купила за восемь пудов зерна. Мама пыталась отстоять своего коня, но ничего у неё не вышло, она осталась без зерна, без коня…

Большинство семей в деревне имели связь с партизанами. Но основным связным был Сеня (Арсений), фамилии не помню. У него не было кисти руки. Много лет назад он попал под поезд и лишился кисти. Сеню выследили полицаи, поймали его и сдали немцам. Они повели Сеню на расстрел на кладбище, где он должен был выкопать себе могилу сам. Согнали всю деревню. Помогая себе культёй, он смог выкопать маленькую траншейку. Расстреляли его полицаи и прикопали в этой траншейке. Мы, дети и взрослые, возненавидели немцев, ещё больше — полицаев. Односельчане потом перезахоронили Сеню.

Когда Красная Армия погнала фашистов от Москвы, то деревня наша стала линией фронта. Били по ней и наши, и немцы. Она полностью сгорела, осталось в ней только три дома, в том числе и наш дом, только в правый угол с улицы угодил снаряд. Все окна и двери были выбиты, но всё же это было лучше, чем начинать с землянки.

Рассказ мамы где-то уже после перестройки

Однажды, спросив у мамы о своём дедушке и почему в деревне больше нет людей по фамилии Отставной, я получила такой ответ:

— Мой отец — Отставной Иван Свиридович. Его фамилия Отставной пошла от того, что однажды лесник нашей деревни рано утром отправился осматривать лес. Он обнаружил на дороге разграбленную карету, из которой были выпряжены лошади.

— А когда это было? — спросила я.

— Да лет сто назад. Молодые женщина и мужчина, хорошо одетые дворяне, были убиты и ограблены. В карете лесник отыскал забившегося под скамейку перепуганного мальчика лет пяти. Мальчика он привёз в свою семью. Заявление властям о случившемся не получило никакого отклика, и мальчик вырос в семье лесника, тоже стал лесником, женился. И он мне приходится прадедом. Отец мой тоже был лесником. Поскольку мальчик остался в живых один, то ему и дали фамилию Отставной, от слова «оставить» или потому, что убийцы его родителей отставили мальчика в сторону, отставив от смерти. В семье старались об этом не говорить, потому что в советское время не приветствовалось подобное происхождение.

Геннадий Малашин

(Не)забытые голоса Сибири

Эссе пятое

«Сибирский литературный материк»

(Поэзия первой половины 1920-х годов)

…Когда минули и тридцатые с их грандиозными стройками и репрессиями, и «сороковые, роковые» с их великой и страшной войной, и когда неожиданно пришёл март 1953-го, обозначивший рубеж необратимых изменений в жизни Страны Советов, — то наступило и время осмысления того, как же они начинались: советский строй, советские реалии, советский человек…

● ● ●

Помню
Двадцатые годы —
Их телефонные ручки,
Их телеграфные коды,
Проволочные колючки.

Помню
Недвижные лифты
В неотопляемых зданьях
И бледноватые шрифты
В огненно-пылких изданьях.

Помню
И эти газеты,
Помню и эти плакаты,
Помню и эти рассветы,
Помню и эти закаты.

Помню
Китайскую стену
И конструктивную сцену,
Мутность прудов Патриарших,
Мудрость товарищей старших…

Так в послесталинском 1954-м один из лучших поэтов Сибири двадцатого века Леонид Мартынов (о нём мы в нашем цикле не раз уже говорили) найдёт убедительные «огненно-пылкие» слова, вспоминая и рисуя для потомков фантасмагорические, переломные, первопроходческие двадцатые, бывшие временем его и многих его друзей поэтической юности и раннего (согласно не «календарному двадцатому веку», а безудержному ритму двадцатых) социального взросления.

Впереди у самого Мартынова, будущего российского «тихого классика», были: арест, ссылка, внезапная всесоюзная литературная известность и вновь годы вынужденного молчания, когда он, подобно осуждённому им позднее на разгромном писательском собрании Борису Пастернаку, зарабатывал на жизнь переводами, переводами, переводами… Эпоха и судьба ещё милостиво обошлись с этим талантливым сибиряком — в итоге он не только остался жив, но и вернулся во времена «оттепели» к своему не очень массовому, но взыскательному и вдумчивому читателю, он даже успел пустить в плавание часть своих «воздушных фрегатов» — пронзительных очерков-воспоминаний о том, как начиналась литература новой Сибири и России.

И очень точно и поэтически мощно в стихотворении 1954 года были сформулированы почти что по-марксистски увиденная противоречивая диалектика того, ставшего уже очень далёким по количеству событий, заслонивших его, времени и обернувшийся в итоге совсем неожиданной стороной созидательный революционный пафос этого неповторимого исторического отрезка (от разгрома Колчака и бегства Врангеля, от голода в Поволжье — через Кронштадт, и крестьянские антисоветские восстания, и короткую нэповскую передышку, через попытки партийных дискуссий — к жёсткому вертикальному устроению новой власти, к первой пятилетке, к котлованам индустриализации, к победам и перегибам перевернувшей страну коллективизации)…

Одним словом:

…Помню
Фанерные крылья
И богатырские шлемы,
Помню и фильмы, что были
Немы и вовсе не немы.

Помню я
Лестниц скрипучесть
И электричества тленье.
Помню я буйную участь
Нашего поколенья.

«Буйная участь нашего поколенья» — точнее, наверное, и не сформулируешь предопределённость, уникальность и трагичность судьбы (нет, именно «участи»!) Мартынова и его собратьев по поэзии.

Но в самом начале двадцатых, когда ещё только-только отзвенели по всем погибшим в ней скорбные колокола Гражданской войны, когда страна постепенно начала строиться заново, когда в провинции невелико ещё было тлетворное влияние «пролеткультов», когда РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) с её непростым потенциалом ещё не была создана, — тогда, в самом начале двадцатых, стихи писали иногда «в стол», иногда для декламации на кружках и в клубах, а иногда и — публиковали на страницах местных газет (старые журналы были уже поголовно прикрыты, новые ещё только начинались).

В печатавшихся в «Красноярском рабочем» в 1920–1926 годах редких стихах забытой потом на многие годы Нины Аркадиной («чеховский» псевдоним будущего неистового сотрудника Красноярского краеведческого музея, рьяного исследователя-архивиста Анны Фефеловой, возвращённой недавно из многолетнего забвения трудами красноярских исследователей) нас встречает привычная для начала новой советской поэзии в Сибири и похожая то ли на заклинания, то ли на плакаты РОСТА уверенность в новом светлом завтрашнем дне:

● ● ●

Грозой разбиты рабства цепи,
Свобода женщине дана,
Но предрассудков тёмных крепи
Ещё не сбросила она.

…Пора встряхнуть оцепененье!
На новый труд, отрадный труд,
На светлый праздник возрожденья
Тебя товарищи зовут.

Туда, где жизни новой здание
Растёт, туда иди смелей
На труд великий созиданья
Во имя счастия детей.

(Май 1920)

Здесь многое типично для начала поэтических двадцатых: и подчёркнутая, унаследованная от старых предреволюционных десятилетий гражданственная некрасовская интонация, и уже знакомая по предыдущим выпускам нашего проекта образность — очистительная революционная «гроза», разбитые ею вековые «рабства цепи», и, апофеозом, обретённая, казалось бы, и мужчинами, и женщинами, и детьми долгожданная свобода. Новым, пожалуй, стал только подчёркнутый рефренный созидательный пафос. Вот оно, где-то впереди маячит, призрачное «жизни новой здание», которое надо начинать возводить всеобщим созидательным трудом (стихотворение Фефеловой так и называется: «К труду»). Этот пафос вскоре получит ёмкое и завершённое воплощение у «лучшего и талантливейшего» поэта именно этой эпохи, «огненно-пылких» двадцатых, — у Маяковского: *«Но шёпот громче голода — он кроет капель спад: «Через четыре года здесь будет город-сад!»*

…Это здесь, у нас в Сибири, о которой поэт и писал, будет совсем скоро город-сад…

Самое начало двадцатых — это, прежде всего, продолжение творчества выживших в годы Гражданской сибирских поэтов дореволюционной формации. Мечтатели и революционеры, большевики, эсеры и недобитые белые, юристы и учителя — к ним во всём применимо определение «дерзающие», данное в одном из ранних стихов также вошедшего в литературу до революции, а потом вплоть до ареста активно участвовавшего в рождении новой литературной действительности поэта Георгия Вяткина (и строчки эти, несмотря на разность талантов, в чём-то перекликаются со строчками Нины Аркадиной):

● ● ●

Враги мертвящей тьмы,
враги унылых буден,
Борцы за вечный свет,
пророки новых дней,
Они приходят в жизнь.
И властвуют над ней
Мгновение одно…
<…>
О, строгие жрецы
тоски и мятежа,
Горящие в огне
божественных страданий
На алтаре стремлений и исканий!
Я верю, будет жизнь,
как в первый день, свежа,
Как в грёзах юности,
свободна и прекрасна.
Кто дерзновенен был —
тот вспыхнул не напрасно…

Участники нашего фильма так говорят об этих дерзновенных витиях: «Прошедшие сквозь горнила революций и войн, они были не столько литераторами, сколько строителями нового мира. Вивиан Итин, Пётр Петров, Иван Ерошин, Виктор Долгушин, многие, многие другие, чьи имена и строки мы можем увидеть в пожелтевших архивных номерах газет и журналов. Они создали время, в котором жили. И это время поглотило их без остатка… Гражданская война закончилась.

Разорваны родственные связи, порушен прежний уклад. Города наводнили беспризорники, обезумевшие люди странствовали по стране…»

Николай Иннокентьевич Дементьев, житель Минусинска, имя которого из полного забвения вернули недавно красноярские составители хрестоматии по сибирской литературе, пишет:

…Грабежи, расстрелы, банды,
Спекуляция и гнёт…
Средь пожаров, разоренья
Ласка женская цветёт

На развалинах строений,
В грязных, гадких поездах,
Среди улиц полутёмных,
В обнищавших городах.

Очень реалистично написал картину того времени этот сибирский стихотворец, о котором нам практически ничего, кроме имени, сейчас, увы, неизвестно.

Но чем горше и непонятнее, чем безнадёжнее были реальная жизнь и неприбранный быт, тем возвышенней и истовей грезила «не слившаяся с эпохой», *дерзновенная* часть поколения о другом, о подлинном, о прекрасном, о человеческом мире — и часто находила его в итоге в иллюзиях, в миражах, в сугубо литературных мечтаниях об иных, чистых и светлых, мирах. Очень точно именно в двадцатые годы определил суть поиска этих «иных миров» современник наших поэтов-сибиряков, романтик и мечтатель, «вечный поэт в прозе» Александр Грин («Несбывшееся»): *«Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, несбывшееся зовёт нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов…»*

…Не сговариваясь, живя вдалеке друг от друга, в разных концах огромной страны, нелюдимый крымский затворник и один его на тот момент сибирский коллега, тоже, по существу, очень одинокий, несмотря на востребованность эпохой, собрат Грина, — не сговариваясь, одновременно, оба запечатлели нежнейшей фееричной акварелью образ этой не существующей на земле страны:

● ● ●

И мир был жесток, как жестокий холод.
И вились дымы-драконы в лазури.
И скалил зубы безжалостный голод.
А я вспоминал о Стране Гонгури.

Здесь не было снов, но тайн было много
И в безднах духа та нега светила —
Любовь бессмертная мира иного,
Что движет солнце и все светила.

Вивиан Итин

Самый яркий (хотя и очень неровный) и глубокий, наверное, из живших в начале двадцатых годов на берегах Енисея (а потом — и на берегах Кана) поэтов. Эти стихотворные строчки он написал для изданной им в Канске в 1922 году прозаической книги. «Страна Гонгури» — так называется страна его «Несбывшегося». Повесть эту считают едва ли не первой в советской России фантастической книгой, почти на год опередившей «Аэлиту» Алексея Толстого.

«В ней можно разобрать футуристические фантазии многих борцов за идеалы коммунизма. В развитых социумах, на нездешних планетах люди парят в воздухе нагими. Прекрасные жители далёких галактик смотрят в особый прибор и видят творящиеся на Земле ужасы, которые принято называть становлением цивилизации. Строки об иных мирах, о другом человечестве рождались ночью — скорее всего, в подвале синематографа „Фурор“, во времена, когда в Канске, как и по всей стране, господствовала разруха», — так начинается рассказ об этой книге в нашем фильме.

…Каждый рабочий день этого первооткрывателя страны Гонгури был наполнен многими — и зачастую не слишком радостными — трудами и заботами. После того, как «трудовой день» проходил, поэт на несколько часов «утыкался головой в подушку». Надо немного поспать, ведь дальше — наступит лучшее время суток…

● ● ●

И вот, наконец, ночь, пора проснуться.
В комнате дым. На крючок дверь…
Чтоб в клетке мозга опять пригнулось
Сердце — весёлый зверь…

Так он будет вспоминать об этом времени спустя несколько лет.

Мечтая о «Несбывшемся», мечтая забыться и забыть, ещё он порою мечтает вернуться — вернуться в ту, до революции, до войны, прежнюю жизнь…

Стихотворение, так и названное — «Возвращение», начинается с исполнения этой мечты. Вот он, снова там, в этой комнате, заставленной книгами…

● ● ●

Все полки заняты поэтами
(Как мы в них любим каждый звук!),
И стол с любимыми портретами —
Воскресших грёз волшебный круг.

Все, все остались, все нетронуты,
Как будто не было войны…
Нет, я вчера из этой комнаты
Ушёл, а ночью видел сны…

Но невозможно вновь попасть в мир, который навсегда утрачен. Страшные сны обратились явью. И надо приветствовать и воспевать эту явь, несмотря ни на что, как в обращённом к Лидии Сейфулиной стихотворении 1922 года «Наша раса»:

●●●

Ничего, что мой томик Шекспира
На цигарки свертели в пути, —
Взбита старая мира перина,
Будет радостней жизнь любить…

Непонятная дышит сила,
К непонятной влечёт судьбе, —
Это бьётся, сжигая, по жилам
Солнце разных зовущих небес.

На плечах светозарная масса,
Лучезарной памяти сад…
Небывалая наша раса
Никогда не вернётся назад!

Вот так — Бог с ними, со «скрученными на цигарки» «Страной Гонгури» и Шекспиром (невольно вспоминаешь и героев Бабеля, и тех же лет светловское: *«Но песню иную о дальней земле возил мой приятель с собою в седле…»*). А то, что было и явью, и счастьем ещё несколько лет назад, — теперь только недостижимый прерывистый сон…

●●●

О, если бы не ряд потерянных
Друзей, встающий предо мной,
И длинный перечень расстрелянных,
Я б мог поверить в мир иной!

И всё же… Смириться с этими утратами — и Шекспира, и прежнего мира, и «друзей потерянных» — для поэта невозможно. Даже после приёма его в новую, призванную из недр человечества революцией «расу». И вопреки реальности, вопреки тому, что говорит поэту его холодный разум, — сердце его всё ещё полно стуком этого оставленного в прошлом «пепла Клааса»:

●●●

Ведь где-то есть ещё поэзия,
Есть бесконечная весна.
И голубая Полинезия,
И голубая тишина.

Там никогда не слышно выстрелов,
Там небо нежное, как лён.
И вместо страшных клеток выстроен
Дворец из пальмовых колонн…

Забытые и утраченные страницы литературной биографии Вивиана Итина, как и память о Владимире Зазубрине, в семидесятых, восьмидесятых и девяностых восстанавливала в Красноярском крае директор Канского краеведческого музея Галина Усольцева. Она не была первой: в первой половине восьмидесятых уже вновь вышли «Страна Гонгури» («Открытие Риэля») и несколько других прозаических произведений Итина. Но в 1994-м в Канске Галиной Ивановной Усольцевой была издана небольшая, но «томов премногих тяжелей» книжечка. В неё вошли повесть «Страна Гонгури» — впервые был переиздан именно «канский», 1922 года, любимый автором вариант текста повести (до этого публиковался более поздний вариант книги), — и наконец-то, едва ли не впервые, опубликована подборка итинских стихов (до этого — фрагменты стихов из сборника «Солнце сердца» можно было прочитать, например, в критических трудах В. Трушкина, всю свою творческую жизнь посвятившего восстановлению «белых страниц» истории сибирской литературы). И вот — в Канске выходит подборка известных и неизвестных стихов сибирского поэта. Тексты стихов с радостью предоставила Усольцевой дочь поэта, Лариса Итина…

Это был нелёгкий и мучительный труд — возвращение поэта.

Несколько десятилетий поэтические образы, оставленные Итиным на бумаге, были в полном забвении, как и само его имя. В пятидесятых-шестидесятых, очень медленно, началось это его возвращение к не знавшим его читателям. Леонид Мартынов, когда разошлась, разгулялась на советской улице «оттепель», призывал в 1963 году в сборнике «День поэзии» своих собратьев: «Час воскрешения Вивиана Итина, этого жестоко и бессмысленно погубленного в годы массовых репрессий поэта, настал. Пора по-настоящему воздать должное этому большому художнику слова. Вивиан Итин прежде всего поэт, и даже вся его проза — это проза талантливого поэта, будь это даже полемические статьи по вопросам художественного творчества или по вопросам кораблевождения в полярных морях. Полёт поэта кончился трагически. Но осталась не горка праха, а книги. И всё это полно страсти, полно мысли».

И сам воскрешал его образ в своих стихах:

●●●

У меня был друг Вивиан.
Он мечтою был обуян
Сделать этот мир
Восхитительным.
Я дружил в Вивианом Итиным…

Конечно же, теперь, ко времени выхода нашего цикла « (Не)забытые голоса Сибири», уже многое

из итинского наследия переиздано, раскрыты неведомые раньше страницы его биографии, вышла даже (правда, крохотным тиражом) интереснейшая биографическая книга Владимира Яранцева «Гражданин Страны Гонгури».

…А о не очень долгой своей, но бурной жизни в Приенисейской Сибири сам Вивиан Азарьевич Итин — заброшенный сюда в начале двадцатых ветрами Гражданской бывший петербургский юрист и денди — сказал ясно и страшно: «В 1920 году я был „вридзавгуботюстом“ в Красноярске. Это был первый оседлый год, считая с октября 1917 г. Я подписывал смертные приговоры в коллегии губчека и выручал спешно приговорённых к смерти, председательствовал в „Реквизиционной комиссии“ и вводил революционную законность, раздавал церковное вино — губздраву, колокола — губсовнархозу и руководил „Комиссией по охране памятников искусства и старины“, работавшей в связи с отделением церкви от государства».

Об этом времени и о цене, заплаченной за возможность реализовать себя в новой жизни, он так говорит в стихотворении, названном просто и тревожно: «В трибунале». Тогда, в начале двадцатых, ещё можно было *так* думать и *так* писать и ещё можно было даже печатать эти свои (вспомним его учителя и наставника) *«несвоевременные мысли»*:

● ● ●

Душа… Но есть двойные души…
Кто сможет обвинять, когда
Всё напряжённее и глуше
Трепещет светлая мечта?

Быть может, я был грозным зверем,
Когда родился средь волков.
Я сознаюсь, не лицемеря, —
Я только луч во мраке снов.

Убийцы могут быть святыми,
Как звери, жаждущие жить…
И что-то плачет вместе с ними —
Кого я требовал убить.

В 1920 году в Красноярске Итин вступил в партию большевиков и был назначен заведовать губернским отделом юстиции, стал членом революционного трибунала. О его недавней работе в 1918–1919 годах, до перехода в ряды Красной армии, в американском «Союзе христианской молодёжи» (YMCA) и миссии Красного Креста новые товарищи по партии на время вроде бы забыли. Он был партийным лектором, агитатором, а ещё успевал работать в СМИ. В главной губернской газете «Красноярский рабочий» Итин редактировал «Бюллетень распоряжений», регулярно писал о широко развернувшейся в то время борьбе с религией, а ещё руководил появившейся новой рубрикой «Цветы в тайге», ставшей «литературным уголком» газеты.

Выпестованная Итиным поэтическая рубрика в «Красноярском рабочем» позволила начать публиковать свои стихи новым, самодеятельным сибирским поэтам. Пройдёт всего несколько лет — и пришедшее «от станка» и «от сохи» в поэзию поколение начнёт безжалостно теснить и выдавливать дореволюционную «контру». А пока — пока Итин редакторствует. Редактором Вивиан Азарьевич был безжалостным, из-за чего в рубрике зачастую публиковались стихи одних и тех же авторов, включая самого Итина.

Одним из произведений, посвящённых осмыслению недавних событий, стало стихотворение «Наступление», впервые опубликованное в газете «Красноярский рабочий» в октябре 1920 года. В нём создан образ целеустремлённого, на первый взгляд (но — всё же порой сомневающегося, и при этом — искренне пытающегося обрести и воплотить на обломках «древних мифов» некий новый миф), созидателя «нового дня», несущегося вместе с товарищами на коне по разбитым дорогам Гражданской — вперёд, несмотря на то, что «душа страны объята мёртвой тьмой». А Гражданская война на окраинах России ещё продолжалась, и на страницах газетного номера, буквально рядом со стихами, публиковались сводки с фронтов.

● ● ●

В цепи стрелков, в степи оледенелой
Мы целились меж ненавистных глаз;
И смерть весь день так сладко близко пела,
Что колдовала и манила нас.

Потом, заснув в татарской деревушке,
В ночную тьму, как волки, вышли вновь,
Нас привлекали вражеские пушки
И сок волшебный — человечья кровь.

Враги ушли, и мы за ними гнались,
Ночь и мороз объяли кругозор.
В безбрежном снеге люди утопали,
И странно загорался чёрный взор.

Нам попадались трупы отступавших,
И, кто был жаден, раздевали их:
И в смерти жил, светясь на лицах павших,
Чудесный сон видений голубых.

То был покой бессмертный и огромный,
Манивший рядом лечь у колеи, —
Но в нас гудел какой-то пламень тёмный
И мы, изнемогая, шли и шли.

В душе цвело неясное безумье,
Воспоминанья брошенных невест,
А над землёй сияло пятилунье —
Таинственный небесный крест.

Мы шли вперёд, и, словно камни рифов,
Встречались избы тихих деревень:
Мы воскрешали время древних мифов,
И на штыках рождался новый день!

Наш новый день — начало испытаньям;
И снова в цепь рассыпались стрелки́,
Стараясь отогреть своим дыханьем
Замёрзшие ружейные курки.

И снова грохот легендарной битвы,
И доблести высокий, гордый лёт:
О, кто поймёт, проклятья иль молитвы
Бормочет, задыхаясь, пулемёт!

Как Данте, я спускаюсь к центру Ада.
Душа страны объята мёртвой тьмой,
Безжалостное сердце радо!
Безжалостное сердце — спутник мой.

Это одно из самых сложных, сильных и честных, на наш взгляд, стихотворений о Гражданской войне в Сибири. В нём присутствуют многие темы и образы, которые станут ключевыми для творчества Итина, в том числе — раздвоенность сознания воинственного строителя «нового мира» и уже случившееся в русской классике однажды столкновение крови, грязи, страданий, бытовой неустроенности и — высокого «неба Аустерлица»: *«А над землёй сияло пятилунье — таинственный небесный крест»*. (Невольно вспоминаются написанные чуть позже, но в те же двадцатые, бессмертные строчки Михаила Светлова: *«Полночь пулями стучала, смерть в полуночи брела, пуля в лоб ему попала, пуля в грудь мою вошла. Ночь звенела стременами, волочились повода, и Меркурий плыл над нами — иностранная звезда…»*)

И, сродни небесным знакам и знамениям, пребывая в одном ряду со смутными, бессильно и упрямо напоминающими человеку о вечном ликами природы, — появляется заставляющий вспомнить будущие страницы «Страны Гонгури» «чудесный сон видений голубых», который здесь живёт только «в смерти… светясь на лицах павших».

И, конечно, не могут не пронзить болью читательское сердце неожиданные, казалось бы, но такие точные предфинальные строчки: *«И снова грохот легендарной битвы, и доблести высокий, гордый лёт: о, кто поймёт, проклятья иль молитвы бормочет, задыхаясь, пулемёт!»*

В конце 1920-го Итина «по партийной линии» переводят («перебрасывают») на работу в Канск, где он проживёт («прослужит») следующие полтора-два года своей жизни. В часто цитируемых в рассказах об этом периоде биографии Итина стихах он так иронически (и с не сразу ощущаемой читателем глубокой горечью) описывал это время:

● ● ●

Я живу в кинотеатре
С пышным именем «Фурор»,
Сплю, накрывшись старой картой
С дыркой у Кавказских гор.

О Кавказ! — В былые годы
Благодатный этот край
Был синонимом свободы,
Как земной счастливый рай.

Здесь поэзия России,
Как былинный исполин,
Крепла, набирая силы,
Вырастала до вершин.

…Посреди сибирской ночи
Я стихов слагаю нить…
За корявый стиль и почерк
Меня можно обвинить.

Я от горя не раскисну:
Стих мой из-под топора,
Ведь от музы от российской
Мне досталась лишь дыра.

А если говорить об этом времени серьёзно, без иронии, то так, наверное:

● ● ●

…В безмерные буйные бури
Мы бродим и бредим с тобой,
Что грёзы о светлой Гонгури
Витают над тёмной землёй.

…Расстались с прошлым без возврата мы.
Я полюбил, как зверь, снега, —
Сибирь, где башнями косматыми
Качает чёрная тайга.

…Я был искателем чудес
Невероятных и прекрасных,
Но этот мир теперь исчез,
И я ушёл в дремучий лес,
В снега и вьюг, и зим ужасных.

Пред мной колышется дуга,
И мысли тонут в громком кличе,
Поют морозные снега,
И в беспредельном безразличье
Молчит столетняя тайга.

Но кто бы знал, какими снами
Я наполняю зимовьё,
Когда варначьими тропами,
Как души чёрными ночами,
Людское рыскает зверьё!..

«Людское рыскает зверьё»… В обращённых к главной любви его жизни, к Ларисе Рейснер, строчках стихотворения «Солнце сердца» (давшего название первому его и единственному прижизненному поэтическому сборнику 1923 года) он, пожалуй, правдив и искренен, и даже, может быть, так: он в этих стихах — исповедален…

И сколько скрытой и пожизненно теперь уже остающейся с ним «боли» в этих вот строчках стихотворения:

…И не понять не знавшим нашей боли,
Что значит мысль, возникшая на миг:
— Ведь это я стою с винтовкой в поле,
Ведь это мой средь вьюги бьётся крик!..

«… Он как будто жил двумя жизнями», — говорим мы в нашем фильме. Первая — она там, в стране Гонгури (и — в навсегда утраченном минувшем, в том прошлом, где извозчик ночью вёз его вместе с Ларисой Рейснер, где били петергофские фонтаны и неспешно несла свои вечные воды Нева). А уничтожение контрреволюционных элементов, изъятие церковных ценностей, подписываемые им приговоры, постановления и мандаты, редактирование на досуге виршей будущих сибирских демьянов бедных и александров жаровых, — всё это есть необходимость жизни второй, реальной. Неизбежная необходимость — ради великой цели, ради «новой зари человечества». И — ради возможности выжить, в конце концов.

И ради этого поэт учится «побеждать себя» в борьбе с самим собой *«в главном штабе разума, когда с тёмной кровью мысли бьются»*…

● ● ●

Террор ясен, и убить так просто.
В наших душах нам нужней чека —
Пулей маузера, в подвалах мозга,
Пригвоздить ревущие века.

Жаждой радости и дрожью го́ря
Беззаветно полня чрево бытия,
Нужно пальцы чувствовать — на горле
Своего второго я.

Эти строки стихотворения «Я люблю борьбу…» Вивиан Итин посвятит своему другу и коллеге, автору несколько десятилетий существовавшей только в рукописи «повести о чека» «Щепка» — Владимиру Зазубрину. «Поэтам и писателям в это странное время довелось властвовать не только над человеческими душами, но и над их судьбами».

Они, эти стихи, будут опубликованы в пятом номере журнала «Сибирские огни» 1922 года в Новониколаевске, куда Итин переберётся вскоре одновременно со многими сибирскими поэтами и писателями. Но «второе Я» Итина-поэта то и дело вступает в горький спор с Итиным — бывшим юристом-большевиком и будущим литературным деятелем:

● ● ●

Во мне горят огромные мечты,
Кристаллы грёз огромной красоты,
Они, как сон, в моей душе замкнуты,
Они живут в тягчайшие минуты.

Но для кого возможны эти сны
В немых снегах чудовищной страны,
Где вечно гибнет воля к воплощенью
И мысль покрыта тусклой страшной тенью?..

«Бесцельность» — так Итин назвал это своё стихотворение… Горькое и знаковое название.

…Но шло время. Новониколаевск переименуют (как считается — по предложению Итина) в Новосибирск. На долгие годы этот город станет не только крупнейшим центром региона, но и «главным очагом литературной жизни сибиряков». Вивиан Итин — с первых номеров активный участник и сотрудник выходящего с марта 1922 года самого знаменитого литературного журнала Сибири. А Владимир Зазубрин несколько лет, пока не вытеснят его со всех постов и из всех печатных изданий новосибирские рапповцы, будет ответственным секретарём, а позднее и редактором «Сибирских огней».

Первые годы существования журнала были временем свободных, без оглядки на цензуру, публикаций самых разных авторов и жанров. В завершавших второй выпуск журнала кратких заметках «От редакции» декларировалось: *«В литературном отделе найдёт себе место всё, что художественно воспроизводит эпоху социальной революции и её своеобразное отражение в Сибири, что созвучно этой эпохе…»* …И — *слово, свободно н*апечатанное в первые годы существования журнала, позже погубит многих его авторов. Чего стоила, например, одна только статья Вивиана Итина о недавно расстрелянном новой властью Николае Гумилёве!..

Но всё больше и чаще предоставляли «Сибирские огни» свои страницы для «племени младого, незнакомого», для поэзии «пролетарской» и «крестьянской», тесня при этом исчезающих из журнала «попутчиков». В редакции журнала, бывшего

единственным таким центром литературной жизни Сибири, возникнет вскоре новая, одобренная партийной властью инициатива. Во исполнение резолюции ЦК ВКП (б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы», необходимо было объединить на платформе этой резолюции всех — и дореволюционных, и пришедших в литературу «из народа» авторов. Вместе с делегатами из Барнаула, Бийска, Кемерова, Кузнецка, Томска, Ачинска, Красноярска, Омска Зазубрин и Итин станут в марте 1926 года участниками I съезда сибирских писателей, войдут в состав правления созданного на съезде Союза сибирских писателей

Наступали новые времена, революционная романтика и радость свободы неумолимо сменялись рабочими буднями с их трудовыми подвигами и их совсем не революционным бытом, от поэзии далёким (вспомним только неосторожно напечатанное Зазубриным «клеветническое» «Общежитие»)…

«Наш автор отстал от хода экономического развития общества, не сросся с рабочей средой и не живёт передовыми идеями её… Кто этого не понимает и оберегает ревностно свои песни… тот порывает с пролетариатом и незаметно для себя скатывается в объятия богемы»,— такую зловещую отповедь дадут в редакции «Сибирских огней» в 1930 году неосторожному начинающему автору.

И многое в этих наступающих непоэтических временах предчувствовали и предвещали поэты.

Не случайно одно из таких пророческих стихотворений совсем ещё молодого тогда Леонида Мартынова было, согласно рассказу В. Итина, в последний момент каким-то «осторожным человеком» удалено из части экземпляров уже свёрстанного номера 1922 года:

● ● ●

Провинциальный бульвар. Извозчики балагурят.
Люди проходят, восстав от сна.
Так и бывает: проходят бури,
И наступает тишина.

Что из того, что так недавно
Стыли на стенах кровь и мозг!
Ведь толстые люди движутся плавно
Через бульвар, где истлел киоск.

Что из того, что разрушенных зданий
Ясные бреши — на восток! —
Кончились, кончились дни восстаний,
Кончились, кончились дни тревог!

И только один, о небывалом
Крича, в истрёпанных башмаках,
Мечется бедный поэт по вокзалам,
Свой чемоданчик мотая в руках.

«Наша советская литература — куски быта, листы записных книжек, более или менее удачные попытки отразить революцию, Россию в революции. Но мощных широких обобщений нет. Адекватного эпохе ничего не создано»,— так с набатной тревогой докладывал, обращаясь к участникам сибирского писательского съезда в марте 1926 года, В. Зазубрин.

Всего через два года он сам падёт жертвой партийного обвинения «в серьёзных идеологических ошибках журнала», которым руководил в 1926–1927 годах.

Но он ещё успеет на юбилейном заседании по поводу пятилетия «Сибирских огней» в 1927 году бросить в адрес своего собрата такие слова: *«Если одни писатели приходили… другие приезжали, то Итин прилетел. Прилетел не из тайги, а из голубой страны Гонгури… Есть, как видно, люди, работающие по переписи неба и по переписи земли. Итин принадлежит к числу первых… Итин — человек очень культурный. Но его культура, его знания владеют им, а не он ими. Писатель, попадая даже в самые глухие и самобытные уголки Сибири, не в силах отделаться от власти и обаяния чужих слов и чужих образов, от всего того, что узнал он в университете и в бесчисленном количестве книг, им прочитанных… Итин живёт больше отражённым светом, светом искусства, а не действительности»*.

В сущности, очень точный и совпадающий с реальностью вердикт?.. Безусловно. А ещё его можно назвать «убийственно точным» (памятуя о близящейся к ним ко всем, уже начавшейся, собственно, очередной «смене вех», смене в стране идеологических и политических ориентиров)…

«Подлинных поэтов так и не удавалось до конца поставить на службу идеологии. Создавая образы будущего, поэты всё больше уходили в себя. Одни отправлялись покорять Арктику, другие уходили в высокие горы, третьи просто исчезали. Время неумолимо перемалывало идеалы, растворяя в себе не обретённые Беловодье, страну Несбывшегося и страну Гонгури»,— говорит один из участников нашего фильма.

…Незадолго до смерти, в 1944 году, в Омске геолог, учёный и поэт Пётр Людвигович Драверт, после поэтического сборника 1923 года «Сибирь» с головой ушедший в науку и минералогические исследования, напишет строки, которыми и завершится наш рассказ об «огненно-пылких» начальных двадцатых годах сибирской поэзии.

Называется стихотворение «Падучая звезда», и навеяно оно размышлениями об очень далёком от политики и жизни общества природном феномене — о тайне упавшего однажды на землю Енисейской губернии Тунгусского метеорита…

● ● ●

Ты думаешь: в море упала она,
Звезда голубая, — до самого дна
Дошла и зарылась в зыбучий песок,
Из чуждого мира случайный кусок…

Пучины воздушные глубже морских,
И наша звезда не промерила их, —
Угасла в далёкой немой высоте,
Доступной пока только смелой мечте.

Угасла недаром: в бесчисленный круг
Её закатившихся прежде подруг
От Космоса некая часть попадёт,
Включаясь навеки в земной оборот…

Пусть будет недолог твой жизненный путь,
Но можешь и ты лучезарно сверкнуть,
Оставив живущим волнующий след,
Строитель, художник, учёный, поэт!..

Эссе шестое

«На перевале»

(Поэзия рубежа двадцатых — тридцатых годов)

«Для веселия планета наша мало оборудована. Надо вырвать радость у грядущих дней…»
И ещё:
«Это время — трудновато для пера…»

Пожалуй, этими строчками из «посмертного» стихотворного разговора Владимира Маяковского с ушедшим из жизни Сергеем Есениным (сам Маяковский — в 1926 году ещё жив, ещё не застрелился, ещё пишет, ещё работает в созданном им ЛЕФе, ещё ездит за границу, ещё задумывает свою последнюю предсмертную юбилейную выставку и пишет юбилейную поэму «Хорошо!») можно предварить предстоящий нам в проекте «(Не)забытые голоса Сибири» рассказ о сибирской поэзии конца двадцатых — начала тридцатых годов.

Хрестоматийные строки из обращённого к закончившему жизнь самоубийством «забулдыге-подмастерью» для советской поэзии последующего периода стали программными, обозначив необходимость новых векторов, правил и приоритетов движения литературы, создающейся в рабоче-крестьянской, в советской «стране мечтателей, стране учёных».

И оно действительно было особенно трудным для поэтов, это сложное, противоречивое и очень по-разному до сих пор оцениваемое время.

Страна вставала на новые рельсы, в ней переворачивалось всё, всё было новым, беспрецедентным — и возникшая в ходе индустриализации колоссальная промышленность СССР, и становящаяся большим единым коллективным хозяйством деревня, жители которой волей-неволей тянулись в города, к «котлованам» великих строек, и наука и культура страны, и идеология и быт граждан Союза, да и сам образ жизни и мыслей нового, зачастую выросшего уже после революции советского человека. «Давайте не будем размагничивать молодое красногвардейское сердце нашей хорошей молодёжи, — так на первом писательском съезде в 1934 году будет призывать Алексей Сурков, — интимно-лирической водой. Не будем стесняться, несмотря на возмущённое бормотание снобов, простой и энергичной поступи походной песни, песни весёлой и пафосной, мужественной и строгой… Будем держать лирический порох сухим!»

Изменялся прямо на глазах, не мог не изменяться и весь ландшафт литературной жизни Сибири. За предстоящие десять-пятнадцать предвоенных лет он станет буквально неузнаваемым, как и сама земля. Исчезнут, как на вычерченной заезжими заморскими картографами карте, многие прежние названия и имена, изменятся векторы движения — впору проверять, не изменились ли на этой карте и привычные доселе страны света, как бы впервые увиденные мальчишками и девчонками, мечтающими лицезреть эту землю с высоты птичьего полёта и из морских глубин, лицезреть вместе с героическими капитанами, покоряющими земные и воздушные моря и океаны…

…В летний вечер кажется земля
Картой, разрисованною пёстро,
Если смотришь с носа корабля,
Огибая дальний новый остров.

…Мне сходить… Уже бросают трап,
Руки протянулись к чемодану.
«Капитан, хоть молод я, но храбр.
Можно, я совсем у вас останусь?

Молод я, всего шестнадцать лет,
Но быть может… сыщется работа?»
Капитан смеётся мне в ответ:
«Сбавь, дружок, для верности три года»…

В синем море тает пароход,
В синем море так легко живётся,
Не сейчас, так, может, через год
Всё равно я буду краснофлотцем!..

(Строчки из стихотворения для детей спецкора «Красноярского рабочего», будущего известного советского писателя и драматурга Лии Гераскиной «Буду краснофлотцем» во втором номере «Красноярского альманаха».)

Изменения мира вокруг, изменения и трансформации взрытой котлованами и взрывами земли зафиксировали и имеющие неоднозначный подтекст строчки поэта, как никто из его современников

чувствовавшего красоту не тронутой вмешательством человека природы. Называется-то это стихотворение Ивана Ерошина (о нём речь впереди) очень правильно: «Новостройки» (а в конце стихотворения ещё и подчёркивается эта идеологическая правильность: «Добрые в колхозе новостройки»)…

● ● ●

Посмотрю, глазам своим не верю…
Помнится мне узкая тропинка,
Звери здесь на водопой ходили,
Да весна девической рукою
Ивам, наклонённым над рекою,
Вешала пушистые серёжки.
Пахли ивы тонким ароматом.
А теперь? Теперь совсем другое.
Станция гудит на речке шумной,
Освещая ровным светом хаты.
А пониже — мельница, хозяйка,
В острозубых жерновах проворно,
Так легко перетирает зёрна, —
Добрые в колхозе новостройки.

Менялись и сами писатели и поэты. Менялись, деформировались темы и герои их стихов, настроение, ключевые образы, да и сами жанры. Непростой, сложный, мучительный, зачастую — ломающий человека, до смерти не прекращающийся процесс. Впору уподобить эту неизбежную ломку писательских и поэтических школ той ломке, которую описал гениальный современник, Михаил Шолохов, в своей знаменитой (и противоречивой, как сама жизнь) дилогии о коллективизации в деревне: «Со слезой и с кровью рвал Кондрат пуповину, соединявшую его с собственностью, с быками, с родным паем земли…» Такой уж была она, «планида», такой была «поднятая целина» новоявленного колхозника и вчерашнего единоличника Кондрата Христофоровича Майданникова. О поднятой же целине объявленных отныне «инженерами человеческих душ» лучше всего рассказали они сами, в стихах своих и в прозе…

Вторая половина двадцатых, начало тридцатых стали временем изменений мест проживания сибирских литераторов. Связано это было не только с колоссальными изменениями в окружающем их мире — но и с изменениями в восприятии этим миром их творчества. Переезды, скитания, перебежки и перелёты эти бывали разными — и добровольными, и вынужденными. Порой писателей и поэтов командировали в столицу на учёбу или «на повышение» — как в 1925-м комсомольского поэта, иркутянина Иосифа Уткина, чьи стихи будет вскоре знать наизусть вся страна. А Владимир Зазубрин вынужден был бежать из Новосибирска в 1928-м (сначала на Алтай, а потом — под крыло Максима Горького в Москву) в результате устроенной ему в Новосибирске партийно-писательской травли, о которой упоминали мы в прошлом выпуске. В 1932-м в административную ссылку был выслан из Омска по делу мифической контрреволюционной так называемой «сибирской писательской бригады» Леонид Мартынов. С рабочими и житейскими переездами из города в город были связаны и биографии заявивших о себе в тридцатые годы молодых поэтов «нового призыва» — Игнатия Рождественского, Казимира Лисовского.

Поезда и аэростаты, самолёты и автомобили, транспортирующие товары и людей, — одна из самых ярких примет времени. (И поэзия — формируется, деформируется, меняется под влиянием этого броуновского движения. Не случайно же Пастернак на писательском съезде 1934 года заметит: «Поэтический язык сам собой рождается в беседе с нашей современностью — современностью людей, сорвавшихся с якорей собственности и свободно реющих, плавающих и носящихся в пространстве биографически мыслимого»).

А в сибирской глубинке к этим средствам передвижения добавлялись ещё и не вышедшие из обихода лошади…

Впору вспомнить здесь того самого поэта, на борьбу с «кулацким влиянием» которого рекрутировались лучшие политические и поэтические силы:

● ● ●

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озёрных кроясь,
Железной ноздрёй храпя,
На лапах чугунных поезд?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребёнок?

И ещё, из того же «Сорокоуста»:

…О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб древенчатый живот
Трясёт стальная лихорадка!

(Как славно отчеканит в 1934-м эпитафию этому автору товарищ Николай Иванович Бухарин: «С мужицко-кулацким естеством прошёл по полям революции Сергей Есенин…»!)

Борьба направлений и идей в литературе, как и борьба политическая, шла в те годы не только

в столицах, но и в сибирской глубинке… (Всюду, так или иначе, были они: и правоверные «раппы», и пытающиеся «задрав штаны, бежать за комсомолом» «лефы», и весьма сомнительные, почти кулацкого толку, «перевалы»…)

Но давайте поговорим в нашем очередном фильме не о литературных группировках, а о самих поэтах. Перелетим с вами тоже в глубинку, на юг края. И остановимся на минуту вот у этого здания.

Историческое здание минусинской типографии. В Новониколаевске в 1922 году, как мы помним, была образована редакция нового журнала «Сибирские огни». А в Минусинске в тот год начали печатать газету «Власть труда» — новые газеты и журналы вскоре распространятся по всей Сибири, открыв свои страницы и «старым», и «новым» литераторам (у Минусинска, впрочем, уже был к тому времени солидный опыт издания газет, и дореволюционных, и революционных).

Двадцатые, тридцатые годы в деятельности «Власти труда» были связаны с целой когортой как профессиональных, так и оставшихся по большому счёту самодеятельными авторов-сибиряков. Несколько первых лет техническим редактором газеты (и единственным профессиональным журналистом) был Василий Янчевецкий, советскому читателю через полтора десятилетия ставший известным как видный писатель-историк В. Ян (псевдоним этот впервые и появится именно в минусинской газете). Из публиковавшихся же во «Власти труда» в разные годы поэтов можно выделить два имени: Виктора Долгушина и Ивана Ерошина. Судьбы и маршруты обоих в двадцатых-тридцатых были непредсказуемы и непросты, хотя надо сразу оговориться о разности (не только в величине, но и в направленности) талантов этих наших земляков. Но наступившее время равняло носителей литературных талантов под одну гребёнку одной и той же судьбы…

Уроженец села Таштып Минусинского уезда (ныне — Республика Хакасия) Виктор Арсеньевич Долгушин относился к числу сибирских поэтов-самоучек, «выпестованных», подобно Горькому, жизнью «в людях» — раннее сиротство, батрачество (одно из популярных у минусинцев его произведений так и называлось: «Батрак»). Позднée, размышляя в стихах о своей взрослой непростой жизни, в которой был он «и буяном, и гулякой», он писал об утраченных корнях:

● ● ●

Потомственный буян я, не для вида.
Мой прадед через буйство
                    был в бегах,
Под стать ему и бабка Степанида
С мужчинами дралась на кулаках.

И ещё раньше, вспоминая о недавнем горьком детстве:

● ● ●

От обиды сердце ныло
И давило грудь,
И не раз желанье было
Навеки уснуть.
И немало втихомолку
Слёз я проливал,
И частенько о свободе
Сам с собой мечтал…

После батрачества наступило освобождение подростка от его «злой доли» и «кабалы», началось охотничанье в Урянхайской тайге, куда позвал его однажды встреченный добрый человек-охотник. Саяны, дивная красота дикой природы, свободная таёжная жизнь исцелили юношу — именно тогда он и начал писать:

Я вышел из мрака дебрей
Суровой сибирской тайги,
И Музу я там полюбил
Под пение снежной пурги…

Потом — попытки обрести профессию, заняться сапожным ремеслом, а дальше пришёл 1914 год. Участие в двух войнах, Первой мировой и Гражданской, потом — в партизанском движении…

Стихотворные строки Долгушин сочинял так же охотно и без труда, как его земляк, минусинский партизан Тимофей Рагозин, о котором мы говорили в выпуске, посвящённом поэзии времён Гражданской войны. Возможности учиться после окончания начальной школы Виктор ни в отрочестве, ни в молодости так и не получил. Но упорные занятия самообразованием и истовое чтение классиков сделали своё дело.

Стихи своего нового сотрудника (как и других авторов «из народа») минусинская газета охотно печатала, а вскоре он начал издаваться: в Минусинске вышли три его поэтических сборника — вышли, пусть и достаточно условными ввиду нехватки бумаги тиражами (первый из сборников — сто пятьдесят, второй — пять экземпляров). А главное — поэта охотно читала местная молодёжь, его стихи, как говорят исследователи, часто декламировали на школьных и клубных вечерах, заговорили о нём и «Сибирские огни».

Критики отмечали в его стихах очевидное влияние тогдашних любимцев советской власти, пролеткультовских «рабочих поэтов». Революции, социальным переворотам, обличению недостатков провинциальной советской жизни он отдал неизбежную дань в своих стихах. Но подлинный читательский интерес до сих пор вызывают совсем

другие произведения — воспевавшие родную природу, что и позволило современникам говорить о Долгушине как о «певце Саян и сибирской тайги»:

● ● ●

Затерянный в дебрях сибирской природы,
Где мчит Енисей свои быстрые воды,
Шалунин утёс, одиноко чернея,
Глядится в кипучую глубь Енисея.
Неведомой силой, как узник, прикован,
Стоит он, рассказом волны зачарован,
И шепчутся волны, с утёсом играя,
Холодное тело целуя, лаская,
Пытаясь затеплить в нём огненный пламень,
Но холоден, сух к ним безжизненный камень…

Вряд ли можно говорить здесь о какой-то особой поэтической технике, строчки просты — но очень искренни, они действительно полны любви к не тронутой человеком уникальной природе малой родины и невольно заставляют вспомнить таких разных поэтов, о которых мы вспоминали в прошлых выпусках: не только его современников Георгия Вяткина и Петра Драверта, но и воспевшего мощь и красоту Енисея минусинского «неблагонадёжного чиновника» девятнадцатого века Александра Кузьмина, и юного участника Гражданской войны Фёдора Лыткина, грезившего легендами о красавице Ангаре, убежавшей от своего жестокого отца Байкала…

Какой могла бы стать (но не стала) литературная стезя этого талантливого сибиряка-самородка? Тридцатые годы, отмечали мы уже, для многих стали временем переездов, бегства, скитаний. Не стала, видимо, исключением и судьба уроженца Таштыпа.

Как сообщала литературовед и музейщик Галина Толстова, первой извлёкшая страницы этой судьбы из забвения, в архиве Красноярского литературного музея (в фонде писателя А. В. Кожевникова) хранится стихотворение Долгушина «Поэтам революции» (впервые опубликованное в хрестоматии «Сибирь: коллекция представлений»). Стихотворение это было «в 1931 году написано в городе Туруханске на крышке инструментального ящика в кузнице»…

Эти дошедшие до нас исповедальные и полные горькой иронии в свой адрес строчки, вкупе с подшивками газеты «Власть труда», позволяют попытаться реконструировать страницы дальнейшей биографии Долгушина. В Минусинске в 1925 году, в той самой «исторической» типографии, печатается уже тиражом в тысячу экземпляров тоненький сборник стихов «Саяны» со вступительной статьёй об авторе критика А. Игрышинцева. Несколько раз имя Виктора Долгушина ещё встречается на страницах минусинской газеты (в том числе в 1928 году).

Вероятно, это был во всех отношениях сложный период его жизни. Во всяком случае, «туруханское» стихотворение «Поэтам революции» начинается такими строчками:

● ● ●

Я бушевал.
Я безобразно буйствовал.
Поэты революции!
Пою я вам.
Как мот, я пропивал свой дар
без устали.
И расскандаливал
его по кабакам.

А дальше развивается (будучи изложена ритмом-«лесенкой» Маяковского…) не требующая пояснений тема «Есенин и есенинщина», о которой мы уже говорили в начале этого эссе. Слова эти в те годы были нарицательными (цитированные выше стихи Маяковского — лучший тому пример), и борьба с «есенинщиной» шла и в литературе, и в жизни, и в быту, и в политике…

● ● ●

Махнули все на буйного
поэта:
Есенин спился.
Этот, мол, таковский.
И только в доме Реввоенсовета
Мораль прочёл мне
Юрий Березовский.

«Дом Реввоенсовета» — вероятно, «5-й дом Реввоенсовета» («Дом военных») в Москве. Имя Юрия Березовского («товарища Ю. Ф. Березовского») встречается в номерах газеты первой половины двадцатых годов в связи с работой редакции «Власти труда» — судя по контексту упоминаний, работа с газетой в Минусинске была для него временной, возможно, затем он вернулся (или переехал?) в Москву. Надо полагать, товарищ Березовский попытался держать отеческое шефство над талантливым, но сбивающимся с пути поэтом.

● ● ●

Он говорил:
— Долгушин, где стихи —
твой клад?!
О революции
и о Саянах.
Ты по-есенински
не расскандаль их, брат,
В Москве у нас в пивных
и ресторанах.

Но мозга не коснулись
Юрия слова:
Ему ль было учить врождённого
буяна?
Не стал бы прадед мой,
наверное, тогда
Станичного, на ять, утюжить атамана.

И вновь скандалил я,
в себя глядел небрежно,
Хоть от Москвы до самых до Саян
В потоке революции кипел мятежно
И был тогда
поэт и партизан!..

А дальше — загадочные и простые строчки о том, как поэт-«буян» после своей «мятежной» и скитальческой жизни «от Москвы до самых до Саян» оказался вдруг занесён внезапной, почти «военной» «лавиной бурной» за полярный круг, «в туруханские тундры», в ряды «бойцов», которые вели «сражения» за строительство большого «советского порта». Судя по датировке стихотворения и упоминанию в стихах срока пребывания в этой «трудовой армии» длиной в год, произошло это (вероятно, в той или иной мере вынужденное) переселение в места не столь отдалённые в 1929 или в 1930 году, когда и начиналось сооружение силами заключённых, военных и вольнонаёмных огромного промышленно-портового комплекса в Игарке — да и, собственно, строительство заново самой Игарки.

Об этом знаменитом когда-то, подлинно советском, советско-сибирском городе будут написаны стихи и книги, он вошёл в историю сибирской литературы, сибирской поэзии. А написанные в кузнице на заполярной земле последние из известных нам стихотворных строчек удивительного автора с удивительной (и в чём-то типичной для поэта двадцатого века) судьбой обозначают удивительный же феномен судьбы его поэзии. Начинавший с простых и незамысловатых рифм и образов, продолживший творческие искания «пролетарскими» революционными и сатирическими стихами, оставивший нам поэтичнейшие, тонкие пейзажные зарисовки сибирской природы, он вдруг раскрывается перед нами как действительно вставший в единый трудовой ряд советских поэтов тридцатых годов «боец», вдохновенный строитель нового мира, «синеблузник», который «ритмам учится у молотка», вплетая и стихи свои, и самою жизнь свою «в концерт гудков Союза»:

● ● ●

...Но новая война
в лавинах бурных
По-новому вскипела вдруг.
И вот
В рядах бойцов я,
в туруханских тундрах,
И строю я советский порт.

Вот где, воистину,
чудеснейший курорт
Для алкоголиков
различных категорий,
Где пятилеткою
с упорством бьют рекорд
Под носом полюса,
вблизи полярных взморий.

Рабочий город там
встаёт из мерзлоты,
Рождая новые
и новые усадьбы.
В нём днём с огнём
не сыщешь водки — полбеды!
Есенина в такой
сослать бы!..

Вот минул год, как я,
покинув бражку,
Похмельную отбросив лень,
У наковальни
молотом вразмашку
Дерусь со сталью
каждый день.

К лицу сродни
рабочая мне блуза,
А ритмам
я учусь у молотка.
Не я ль, буян,
в концерт гудков Союза
Вплетал три звучных
молодых гудка?!

Самобытный поэт успешно прошёл «перековку», «перевоспитание» — процессы, которые (зримо для всей страны) шли на Соловках, строительстве Беломорканала и (преимущественно незримо) во внутренних «творческих лабораториях», в которых прилежно трудились инженеры человеческих душ.

Дальнейшая судьба Виктора Долгушина неизвестна.

Писавшие о нём немногочисленные исследователи предполагают, что она была трагичной.

Но были и другие истории, с другим финалом — хотя и с очень похожими первичными «предлагаемыми обстоятельствами» судеб.

...Об этом поэте и человеке многие его современники и друзья оставили преимущественно добрые, щедрые, как и он сам, ярко рисующие его незаурядную личность строчки. Дадим слово для первого представления Владимиру Зазубрину, в 1927 году в статье «Литературная пушнина» написавшему:

«Этот человек влюблён в слово, как пахарь в зерно. Он ласковой рукой собирает зёрна-слова

для того, чтобы щедро и густо бросить в глубокие и по-земляному тёплые бороздки своих стихов. Летом живёт на Алтае… Зимует в маленьких сибирских городишках около газет. Всё имущество его — несколько книг и смена белья. Но он богаче всех нас, единственный в Сибири свободный зодчий. Столичные журналы печатают его регулярно. Сибирь он любит больше России, хотя сам из „рассейских“, земляк Сергея Есенина. Он курносоват, голубоглаз, ростом не велик, но большелоб. Фамилия его — Ерошин».

Иван Ерошин, друг Итина и Зазубрина, выходец из малоземельной крестьянской среды, как и Долгушин, в отрочестве осиротевший и вынужденно пошедший «в люди», перебиваясь случайным заработком сначала в маленьких, потом в больших городах.

Первые его стихи были опубликованы не где-нибудь, а в «Правде». Как сам Ерошин рассказывал друзьям, шёл «1913 год, когда он, девятнадцатилетний деревенский паренёк, напечатал в „Правде“ два стихотворения, „Поэту“ и „Рабочий“. Большевистскую газету считал своей. Продавал её в трактирах. Носил к Путиловскому заводу. Чтобы избежать полицейского глаза, поверх газеты клал в корзину снадобья от клопов и тараканов».

Об этом факте пытавшиеся защитить его от разгромной советской критики друзья и коллеги порой напоминали современным им «зоилам», как и о том, что Иван Ерошин оказался первым в России поэтом, приветствовавшим Октябрьскую революцию (буквально на следующий день после её свершения!) со страниц газеты «Социал-демократ» стихами:

● ● ●

Бейте зорю, барабаны!
Барабаны, бейте зорю,
Бросьте в мрак ночной
И в кровавые туманы
Голос звучный, голос-море,
Мощный голос свой!
Прочь оковы и насилье!
Волю! Волю красным крыльям!
В пламени войны —
Зорю бейте, барабаны!
Барабаны, бейте зорю!

Это было для Ерошина, как очень точно и мудро заметил однажды его друг-оппонент Вивиан Итин, время его «первой и искренней любви, любви к городу»: «Иван Ерошин — рязанский крестьянин, земляк Сергея Есенина; но современная поэзия — это городская, очень искусная вещь. Ерошин впервые познакомился с мастерством в столичных страннoприимных кружках, в студиях Пролеткульта. Ерошин растаял первой и неожиданной любовью к городу, к революции, потому что ведь никогда бы иначе он, крестьянский парень, не пришёл бы к этому далёкому городскому чуду — скоропечатным машинам. В ясном поле он затосковал о дымном городе».

● ● ●

Поля, поля и лес, но чувства не с деревней,
Ни звука, тишина, кругом царит покой,
Шелка пахучих трав и музы стих напевный,
Я ваш недолгий гость, я вновь томим тоской.

Что нужно мне, певцу? Фабричные сирены
Не потревожат мой под утро сладкий сон.
О город! Компас бурь, твоей борьбы арена
Зовёт меня к себе, тобою я пленён.

Деревня не моя, мне близки тротуары,
Где кровь лилась труда, гремел орудий гром,
Симфонии борьбы, Октябрьские пожары.
Они зовут меня, горят в душе огнём.

И ты, властитель мой, борьбой веков прощённый,
Ты в битвах весь горишь, как в юном теле страсть.
Опять стремлюсь к тебе, стремлюсь сильней, влюблённый
В твою разгневанную пасть.

И дальше биография Ерошина разворачивалась вроде бы как у многих других «правильных», «городских» советских поэтов: был добровольцем, «пламенным участником» Гражданской войны, активным сотрудником красноармейских газет. Как и многие его современники, он написал свою обязательную часть рифмованной революционной истории — написал положенное ему о развевающихся кумачовых знамёнах и рвущихся в бой красноармейцах.

● ● ●

О революция! Мой мрамор и гранит.
Резцом владею я. Резец мой верный — слово.
Когда рабы труда рвут яростно оковы,
Громят врагов своих, — я с бурей сердцем слит.

Жить! Жадно жить хочу! — мне юность говорит.
Двадцатый грозный век, век битвы, век суровый,
Свет человечества, — в его величье новом,
Как факел средь ночи, душа моя горит.

Жить! Страстно жить хочу, чтоб видеть час расплаты
И счастье новых дней, что светит нам вдали, —
Тиранов, палачей, поверженных в пыли.
Гремите ж яростней, восстания раскаты!

Преступный чёрный мир бьёт в колокол тревог.
О революция, труби в призывный рог!

Как сказано было классиком, «взвейтесь!» да «развейтесь!»…

Но Сибирь изменила его, она вернула Ивана Ерошина к его истокам.

…Впрочем, кто из его и более искушённых современников не пытался поначалу вслушаться в поступь истории, расслышать, разглядеть, кто ж там из провозвестников и созидателей новых миров идёт вроде бы перед разбойными *двенадцатью* патрульными, идёт *«нежной поступью надвьюжной, снежной россыпью жемчужной, в белом венчике из роз…»*?

И разве не написал тогда же один добрый знакомый и, как вскоре будут утверждать и друзья, и недруги Ерошина, его «идейный учитель» подобные же (хоть и более яркие) строки?

Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.

…С Сергеем Есениным жизнь впервые свела Ерошина вскоре после революции, в дни, когда великий русский поэт окончательно начал входить «в число первых поэтов России». Спустя несколько десятилетий, в 1956 году, когда имя опального Есенина уже можно было произносить после тридцати лет замалчивания, Ерошин напишет о начале их дружбы-знакомства (и отметим, как вновь причудливо переплетутся «предлагаемые обстоятельства» — революция, особняк Саввы Морозова, Пролеткульт…): «В 1918 г. месяца полтора я жил с ним в одной комнате. Это было в Москве, в здании Пролеткульта на Остроженке, в особняке фабриканта Саввы Морозова. По характеру он был очень добрый и обходительный… В то время он входил в славу…»

Но главное, что навсегда связало двух этих крестьянских поэтов, родившихся с разницей в один год в российской глубинке, на Рязанщине, — это глубоко русское, идейное, эмоциональное, нравственное начало их творчества. Есенин или Ерошин (а может быть — Клюев?), кто из них написал (как выдохнул будто на одном дыхании) эти вот строчки?

● ● ●

Какие связывают нити
С тобой меня, о край родной?
Туманом, песнями повитый
Под этой шапкой голубой.

Поют поля твои и хаты,
Озёра, рощи и луга,
Румянокудрые закаты
И лебединые снега.

Кто пробудил любовь такую
К тебе в душе, отцовский кров?
Твоими песнями тоскую
В ночном под ржанье табунов.

Кто отворил мне эти двери,
Зари ворота распахнул, —
Читать язык и мысли зверя
И вещий песенный отгул?

Внимать в ночи созвучьям тайным,
В лесу искать по звёздам след,
Для песен брать простор бескрайный
И избяной певучий свет…

Эти стихи Ивана Ерошина были впервые опубликованы во втором номере «Сибирских огней», вышедшем в 1922 году.

С 1920 года, с окончания Гражданской, начался долгий (в два с лишним десятилетия) и на удивление плодотворный «сибирский» период его творчества. Сначала он репортёрствует в Омске, потом — Новониколаевск, где он становится постоянным участником «Сибирских огней» и где начались изменившие его судьбу и поэзию поездки и пешие переходы по девственному, ещё неизвестному широкому читателю Алтаю, с первозданной его красотой и с душевной красотой живущего там ойротского народа, изучению и постижению фольклора, быта, культуры которого Ерошин посвятит не один год своей жизни…

В эти годы он влюбился в Сибирь.

А постижение им заповедных, неведомых до него уголков Сибири и живших там искони народов не только помогало разнообразить стилевые, содержательные и формальные характеристики новых стихов, но и создавать подлинные шедевры сибирской лирики. Такие, как потрясшая Ромена Роллана знаменитая ерошинская миниатюра «Череп»:

● ● ●

Еду с песней по долине,
Белый череп скалит зубы.
В черепе пророс цветок,
В чёрную прошёл глазницу,
Алым пламенем поднялся
На зелёном тонком стебле…

Силу таланта Ивана Ерошина признавали и его соотечественники, поначалу даже в суровых критических обзорах отмечавшие, что «в нём видели настоящего большого поэта. У него можно поучиться вкусу и весу слова. Стих у него как яблоко Алма-Аты».

● ● ●

Румяное — кусаю жадно
Полбока сразу — полный рот.
И духу и глазам отрадно —
Так солнечен, так сочен плод.
Росой на щёки струйки сока,
Приятен грубый, ровный хруп.

«… Сибирь во много раз лучше подмосковных губерний; пусть она дика и несуразна, но она имеет первобытную силу и красоту, человек здесь свежée и крепче, а там хилый — напудренный. Так чувствую, так воспринимаю я Сибирь и очень люблю её. Здесь приволье и буйство…» — так вот начиналась эта вторая, главная любовь его жизни.

Понять силу этой любви помогают строчки стихов. Вот самое первое его, программное, на наш взгляд, стихотворение, напечатанное в самом первом выпуске «Сибирских огней»:

● ● ●

Тебе одной любовь моя —
Твоим полям, притихшим хатам!
Твой новый лик увидел я
Над этим вихорем крылатым.

Для сердца чуткого милей
Просёлков грязные дороги,
Чем бритые ряды аллей,
Дома архитектуры строгой.

Есть вечность у простой избы
С её приветливою печью.
Там знаки тайные судьбы
Сплелись с живой мужицкой речью.

Собственно, в этих строчках — и предчувствие дальнейшей его поэтической и человеческой судьбы, в которой *«… знаки тайные судьбы сплелись с живой мужицкой речью»,* и объяснение причин ставшего необходимым ближе к концу двадцатых годов бегства Ерошина из становящегося «неуютным» для него (и для его собратьев по перу) Новосибирска в «сибирскую глухомань».

Постижение им Сибири, ставшей для него продолжением возникшей в детстве преданной любви к «домотканой, избяной Руси», было глубоким и меняющим его стиль, образную систему его стихов. Оно не совпадало с главным, «индустриально-колхозным» вектором передовой советской поэзии наступившей на дворе эпохи, оно больше было связано с вековым, исконным «привольем и буйством» исторической Сибири:

● ● ●

Кто поймёт этот крик в просторе,
Где звериную прячу тоску?
Песнь со словом «убийцы и воры», —
Гнев и муки кому изреку?

И услышат ли крик исступлённый:
Невозможное, нет, не могу! —
Те сердца, ядом змей напоённые,
На зловещем, другом берегу.

Эх вы, песни, бродячие лоси,
Породила вас темень-тайга.
Не поёте весёлых покосов,
А сибирские суровь-снега.

Убаюкайте, лапы кедровые,
Схорони их, медведица-ель.
Плещут по ветру космы багровые,
И свинцовая свищет метель.

О Сибирь, сторонушка кандальная!
То не твой ли сын
Запевает снова песнь опальную
Средь твоих равнин?

По дорогам спутники-могилы
И ночные без имён холмы.
Кто в них спит, когда они почили?
Как прочесть на чёрных камнях тьмы?

Эти стихи, конечно же, никак не могли улечься «в обойму» передовой советской поэзии, в которой надолго «лучшими и талантливейшими» становились строки главного оппонента Сергея Есенина и всей «есенинщины»:

● ● ●

Здесь
встанут
стройки
стенами.
Гудками,
пар,
сипи.
Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.
Здесь дом
дадут
хороший нам
и ситный
без пайка,
аж за Байкал
отброшенная
попятится тайга.

В 1927 году (переломный, «перевальный» для сибирской литературы год) куратор поэтических (а в тридцатых — и всех) страниц «Сибирских огней» Вивиан Итин в своём «отчётном» разборе поэтического раздела журнала (и, шире, современного состояния сибирской поэзии) в доброжелательном, даже и отчасти как бы дружеском анализе творчества и умонастроений ведущих сибирских поэтов скажет чётко и ясно, как поставит диагноз. Или — как обоснует последующий вердикт:

«Путь Ерошина необычен, идёт по кривой, дыбом, головой вниз…»

«Ерошин ощутил к городу большую и неблагодарную ненависть…»

«Единственно, что принял Ерошин из всего городского, прошлого, это тот же… „мир таинственный, мир мой древний“ (Есенин)…»

«Миросозерцание Ерошина, в сущности, становится религиозным. Он знал, на что обрекает его вывернутая смена вех, он бросал вызов…»

«Ерошин вносил в „Сибирские огни“ много противоречившего задачам журнала. За это подверглись нападкам, скорее, „Сибирские огни“, чем Ерошин…»

И наконец: «Сейчас Ерошин давно не печатается. Это хороший признак… Он пытается перейти на прозу, на эпос… Всё это — много значит. Я думаю, он поймёт, что, на самом деле, комнатные цветы — воняют, как пудра, а от мазута веет бодрый запах…»

Спустя годы Леонид Мартынов в своих «Воздушных фрегатах», вспоминая своих новониколаевских «учителей слова», которые все были «хорошими, интересными, талантливыми людьми», благодарно вспомнит и своё общение «с Ваней Ерошиным, похожим на… Сократа и на Верлена зараз»… И потом обронит ещё с уважением об этой самой ерошинской «есенинщине» (время, повторимся, наступило в пятидесятых-шестидесятых уже совсем другое…): Ерошин — «достойный рязанский земляк Есенина», «младший брат Есенина»…

Собственно, и Итин ведь не отрицал этого, для него-то — предосудительного, кровного с Есениным и с «деревянной Русью» родства, говоря: «Сибирь привлекла Ерошина тем, что во всей крестьянской Руси самая крестьянская — это Сибирь. А в Сибири — Алтай. Ерошин жил там годами, выбирая глухие, кержачьи, непроезжие долы, где нет не только городов, нет ни одной машины… Ерошину казалось чем-то вроде святотатства, что туда, где ещё нет мельницы, врывается такая хитрая заводская штука — аэроплан. Ерошин заявил, что он на аэроплане не полетит. Нет, он пойдёт пешком, просёлком»…

…Диагнозы и вердикты время и люди в нём на рубеже двадцатых — тридцатых формулировали бескомпромиссно и жёстко, безапелляционно. Наверное, тогда мнилось им, что и — навсегда. Диагнозы — «есенинщина», «упадничество» — надолго останутся с поэтом.

Они ещё были сравнительно мягкими, эти обвинения. В 1929-м «Сибирская советская энциклопедия» в небольшой заметке о Ерошине и его «крестьянских настроениях» сформулирует то же гораздо жёстче: «В последнее время в своих стихах Ерошин отошёл от советской действительности». От этой формулировки — уже рукой подать до соответствующих «оргвыводов».

Пешком — не пешком, просёлком — не просёлком, но в том же 1929 году Ерошин покидает ставший для него токсичным Новосибирск.

И вот найденным им после алтайских просторов прибежищем, новым глухим «кержачьим долом», конечным пунктом его скитаний становится юг бывшей Енисейской губернии. Новый его адрес — село Иудино, Аскизский район, Хакасская область (ныне — село Бондарево).

Вряд ли выбор этого нового, на десяток с лишним лет, места жительства гонимого поэта был случайным. Во всяком случае, эта случайность была, в соответствии с марксистским философским учением, «непознанной необходимостью». Именно в этом селе жил и был похоронен когда-то переписывавшийся со Львом Толстым «народный философ» Тимофей Бондарев (Толстой называл его «иудинским философом»). Камни-писанцы с могилы философа Ерошин будет безуспешно разыскивать вместе с переехавшим в конце тридцатых в Иудино ещё одним поэтом — будущим автором знаменитых военных стихов, а тогда — учеником Ерошина Георгием Суворовым.

Дни Ерошина на красноярской земле были до предела заполнены: надо было зарабатывать на жизнь, и ещё надо было находить время для творчества. Ерошин, несмотря на свою замкнутость, сотрудничает с минусинскими, абаканскими, красноярскими газетами и радио, досконально изучает фольклор хакасского народа и, конечно же, продолжает писать стихи. Автор самой глубокой и информативной, пожалуй, публикации об Иване Ерошине, красноярский литературовед, профессор Галина Максимовна Шлёнская несколько лет исследовала этот период. Она имела возможность поработать со многими переданными ей уникальными материалами, общалась с потомками поэта и его современниками. Из сохранившихся нескольких писем поэта к красноярскому библиофилу Ивану Маркеловичу Кузнецову стали известны отдельные подробности тогдашних «жития» и «бытия» Ивана Евдокимовича Ерошина.

«Дожди в нашей местности славные, хлеб хороший, а это значит: будет человек сыт… Работы

по горло, творчество закинул в дальний ящик и вернусь ли к нему скоро — не знаю. Юбилей области отнимает всё. На днях еду писать очерк. Каким окажусь в этой работе, сам не знаю… В Абакане частые дожди, огороды жителей растут, как на опаре. Это радостно. Значит, жить будем».

И ещё — о работе над поэмой «Хаттых Темир», которая будет напечатана во втором выпуске «Красноярского альманаха» — предшественника альманаха красноярских писателей «Енисей»: «Мне хочется, чтоб она походила на голубую каплю росы на снежном лице цветка. Но как трудна эта работа, она напоминает мне работу китайских мастеров над вазами, над которыми они работают по сто, сто пятьдесят лет из поколения в поколение, т. е. над одной только вазой. Каждый в отдельности художник…»

Г. М. Шлёнская в своей статье, опубликованной в 2009 году в журнале «Сибирские огни» (!), вспоминает и рассказ И. М. Кузнецова в телепередаче на краевом телевидении о Ерошине и его современниках: «Он прекрасно знал персидскую, китайскую, японскую и древнегреческую поэзию. Тогда ещё молодые красноярские поэты Игнатий Рождественский и Казимир Лисовский, написав новые стихи, не без страха несли их на суд „древнему греку“. Так шутливо называли они Ерошина за пристрастие к античности».

Среди сделанного Иваном Ерошиным за «иудинский» период его жизни — и уникальный сборник «Хакасский фольклор», свёрстанный, но так и не напечатанный (время-то то было совсем суровое и совсем непростое!) в 1938 году. Вёрстка сборника была передана дочерью поэта Г. М. Шлёнской, а копия вёрстки теперь хранится в Литературном музее, частично его материалы опубликованы в недавно вышедшей в Красноярске, составленной Ольгой Ермаковой книге стихов И. Ерошина.

● ● ●

Износилась, посмотрю, рубашка,
Старую рубашку надо бросить,
Новую купить рубашку надо.
Славно новую надеть рубашку!
Старая юрта покосилась,
Юрту новую строить надо…
Жизнь отцов совсем изломалась —
Жизнь хорошую будем строить!

По мнению Галины Шлёнской, творческий путь Ивана Ерошина — это поиски затерянного в Сибири Беловодья, мифической страны, где нет зла и горя. Это живое ощущение нездешнего мира в поэте рождают — сибирская природа и добрые, простые люди, радующиеся каждому дню.

Исследование Г. М. Шлёнской завершается пронзительными и точными словами. Своего рода «камнем-писанцем», обозначающим прожитые поэтом в Иудино годы: «Так напряжённо и наполненно в очень непростое время жил и творил на красноярской земле „младший брат Есенина“ Иван Ерошин — человек, знавший цену труда пахаря, взрастившего хлебный колос, и труда поэта, в муках отыскивающего слово, которое „не тлеет“. Художник, понимавший голос ветра и птиц, говоривший на общем языке с рекой, деревом, горной тропой. Гуманист, способный глубоко постичь дух другого народа и его песни сделать для нас песнями нашими. Он на собственном опыте знал, как тернист прямой путь Правды, но никогда не предпочёл ему облегчающую увёртливость и кривизну».

А «Сибирские огни» в далёком 1922 году так сформулировали суть личности и содержание творчества Ивана Ерошина, сказав о нём: «Деревенский Алёша Карамазов, потомок русского иночества…»

…Впереди у Ивана Ерошина и его учеников, подрастающих красноярских авторов из «племени младого, незнакомого», были создание Красноярского книжного издательства и местного отделения Союза писателей, первым членом которого в Красноярском крае и станет Иван Ерошин. Но *перевал*, на который они в итоге взойдут, ещё не был преодолён. Впереди у них и у всех советских поэтов и писателей были строчки постановления ЦК ВКП (б) 1932 года, констатировавшие, что в стране уже наконец-то «успели вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов». Впереди был первый, учредительный съезд Союза советских писателей. Впереди было время социалистического реализма…

● ● ●

Хорошо молодому да крепкому,
В сердце чувств неуёмней галдёж.
Улыбаясь, помашешь кепкой:
Дескать, солнце, здоро́во живёшь!

Чтобы дружбе цвести недаром,
Ты бы, солнце, крепче пекло́.
Я поймаю крутым загаром
Огневое твоё тепло.

Пью лучей золотистую осыпь.
Ну, попробуй, не пой, удержись!
Если двадцать счастливых вёсен,
Составляют весёлую жизнь.

И надежд, и возможностей много.
Дышит грудь широко и легко.
В мир прекрасный большая дорога
Перед нами легла широко!

Олег Ампилогов

Чудо жизни Андрея Поздеева

Музей художника Бориса Ряузова/Фонд Андрея Поздеева. По мотивам выставки Андрея Поздеева «Жизнь — это чудо»

Художник Андрей Поздеев, вне всяких сомнений, является одним из ярчайших культурных брендов Красноярска наряду с таким звёздами, как Василий Суриков, Дмитрий Хворостовский, Виктор Астафьев. Звёзды Хворостовского и Астафьева сияют всему миру, Сурикова — преимущественно на российском небосклоне, на Западе его почти не знают (Рената Литвинова восклицает в каком-то фильме: «Боже мой, это же Матисс!» — а было бы лучше, если бы просто шепнула: «Это Суриков…»). А Поздеев? Ему стоит памятник в самом центре России. Правда, скульптор представил его этаким чудаковатым прохожим, местным Пиросмани (не хватает только тележки с розами). Более чем спорный образ. Действительно, при первой встрече его можно было принять за человека не от мира сего («Он же — *блаженный*!» — «Сталкер», А. Тарковский, 1979). Такие встречаются в мире искусства (А. Хичкок, Е. Леонов, Ф. Мкртчян). Вспоминаю, как на одном выставкоме мэтр нашего Союза художников заметил Андрея Геннадьевича, скромно стоявшего с холстами цветочных натюрмортов в толпе ожидающих очереди к просмотру, и обратился к нему со словами: «Ну что там у тебя, Андрюша? Показывай» (кто бы сейчас помнил этих мэтров?). И выставком благосклонно принял одну картину из восьми представленных. Как я понял тогда, его держали в союзе за маргинала, равно как фовисты и кубисты «почитали» Анри Руссо в своём кругу, он был для них вишенкой на торте. Времена изменились. Сейчас Поздеев — «сибирский Матисс». И с этой оценкой трудно согласиться. Скорее, Матисс — «французский Поздеев», но это вряд ли. Вещи Матисса восхищают, но они остались в своей эпохе. В то время как перлы Поздеева обескураживают актуальностью и сейчас (графические в особенности, но о них позже). Тем не менее, коли мы вспомнили Матисса, действительно, у них есть много общего. И тот, и другой были весьма эрудированы, в своём искусстве чрезвычайно серьёзны. Как и французский гений, художник Поздеев был в значительной степени аналитиком, диалектиком, философом. Вдумчивость и чувствительность к окружающему миру — вот главные его отличительные качества (оригинальность и своеобразие — только видимые факторы), сделавшие его искусство не только значимым, но и любимым. И оно ждёт своего исследователя, потому что мы знаем о Поздееве, в сущности, немного. Преимущественно фактографию жизни (и здесь нас ждут постоянные открытия и новые детали), фабульное описание сюжетов и внешнюю атрибутику творчества. И новых оценок его рейтинга. Как-то, заметив на экспозиции Поздеева «Цвет жизни» (центр современного искусства «Площадь Мира», 2016) одинокую миниатюрную женскую фигурку и узнав в ней супругу нежную художника, я признался ей в том, что, по моему мнению, Андрей Геннадьевич входит в десятку лучших художников мира двадцатого столетия (если вообще такой рейтинг возможен). На что она мне показала с улыбкой свою очаровательную ладошку с растопыренными пальчиками. В пятёрку, решил я и стал считать: 1 — Малевич; 2 — Филонов; 3 — Кандинский; 4 — Пикассо; 5 — Матисс (в подсчёт вошли художники, оказавшие исключительное влияние на развитие современного искусства). А где же Поздеев? Неужели… Да, она, несомненно, права. Что значит любовь, ей преграды не страшны (Матисс — 6; Татлин — 7; Ларионов — 8; Клее — 9; Дали — 10). Потому что Матисс где-то там, вдали, в то время как Поздеев *здесь* и *сейчас*. Вот оно — чудо жизни!

Из множества составляющих гения Поздеева я выделю два обстоятельства, быть может, главных, его отличающих.

Как живописец он прошёл все этапы (ступени) эволюции творчества, характерные для многих видных художников (Пикассо). От реализма к импрессионизму и постимпрессионизму. От экспрессионизма к модернизму и в конечном итоге к концептуализму и минимализму — *к острию копья*. Но что важно подчеркнуть: подобно Колобку, однажды покинув уютный реализм, на каждом повороте его индивидуальность проходила

проверку на прочность испытанием гравитации мировых светил от живописи. Их свет неотвратим и зрительно ощущается в каждом полотне. При этом Поздеева, в отличие от московских концептуалистов, не упрекнёшь в подражательстве, в модернистском эпигонстве (М. Лихованцев). Кабаковы и Пивоваровы утверждали на почве модернизма исключительность и отчуждение, в то время как Поздеев, напротив, всячески подчёркивал близость и последовательность (принадлежность), преобразовывая свет и тепло великих («Любить человека», С. Герасимов, 1972) сквозь призму личностного образа-сознания в харизматический калейдоскоп индивидуальности собственного видения и понимания природы. «Художники должны вдохновлять друг друга»,— возражал Матисс Пикассо в ответ на замечание о некоторой схожести вещей Анри с опусами Пабло. И это абсолютно верно. Так всегда было в прошлом, в классическом наследии, сохранилось и утвердилось в современной практике искусства как особая актуальность понимания специфики творчества. Подчёркиваю — искусства, не обязательно живописи (источниками вдохновения могут быть литература и поэзия, театр и кино, архитектура и дизайн, наука и техника — в принципе, любая сфера творческого проявления интеллекта). Источник вдохновения может возникнуть откуда угодно. Приятно, что я этой силы частица. На той же памятной выставке «Цвет жизни» можно было видеть импровизированный кабинет-мастерскую художника. За столом, на котором располагались этюдник с красками, другие предметы творчества, стоял стеллаж с книгами, рядом висела табличка: «Любимые книги Андрея Поздеева». Среди них я не без удовольствия обнаружил свою книгу (книгу делает художник.— *О. А.*). Это была «Мастер и Маргарита» М. Булгакова (издательство КГУ, 1986). Заметить на чёрном фоне корешка (корешок книги — зона повышенного внимания) белый круг, геометрическую аллегорию полной луны, нетрудно. Чудо жизни! Буквально напротив висели четыре картины квадратного формата из цикла «Круг» (в развороте моя книга образует чёрный квадрат с белым кругом в центре). Вариации образа круга на различных цветных фонах, из которых на чёрном выделяется особенно. Картины датированы 1988 годом (!). Совпадение? Может быть. В моём замысле «круг» и «чёрный квадрат» апеллируют к одному из приоритетных Мастеров концепции оформления — Малевичу. Это была скрытая ссылка, ставить его фамилию в список выходных данных было рискованно, эпоха коммунизма была ещё в силе, печальный опыт имелся, и не хотелось его повторять. Вероятно, Андрей Геннадьевич, взяв в руки книгу, быть может случайно, на уровне подсознания, расшифровал мой сигнал, обдумывал его, размышлял. «Философы мысли — невероятная вещь. Они говорят об одном и том же, но каждый со стороны своей индивидуальности» (А. Поздеев). И впоследствии реализовал свою рефлексию на великого Магика (первого среди равных двадцатого века). Факт для меня более чем отрадный. Он означает: мы одной крови. Таким образом, я делаю заключение: современный художник не мыслит своего существования вне контекста искусства. Поздеев, быть может, первый на нашей территории постмодернист, мыслил и творил в сфере единого пространства мирового искусства. Вспоминается Сергей Теряев, ученик и последователь Поздеева, целеустремлённо двигавшийся по этой же траектории творчества, но на новой волне актуальности Клее. Его эксперименты производили впечатление. Где он сейчас? Уехал в Израиль, в его нынешних работах нет и следа прежних достижений. Нельзя не вспомнить также Юрия Худоногова, друга и наставника Поздеева в молодые годы. Именно он в начале пятидесятых принёс из Ленинграда свежий ветер модернизма в холодный воздух Красноярска, перетряхнувший, казалось бы, вечные устои академизма. Судьба его трагична, Худоногов был слишком интеллигентен, чтобы играть простачка перед правлением СХ. Представляется, что именно Худоногов заслонил Андрея Геннадьевича от жёсткого обаяния соцреализма, помог обрести искусство, созвучное с внутренней гармонией видения мира. Которое в конечном итоге сделало его имя легендой.

Следующему обстоятельству должен быть предпослан предварительный комментарий. Художники, как особого рода профессиональный социум, неоднозначны в своём устройстве. Их можно разделить на три категории. Первая, самая представительная,— когда художник целостная натура, моноканальный мастер, сосредоточен на одном виде (живопись — Р. Фальк) и даже жанре (И. Левитан — пейзаж) искусства. Ему можно позавидовать, голова не озабочена побочными проблемами, что позволяет добиться значительных результатов в избранной сфере творчества. Хотя, с другой стороны, для достижения эффективности производства художник должен периодически отвлекаться и делать взгляд на свою деятельность как бы со стороны, проверяя её другим профилем искусства (М. Бархин). Рисунок (графика) — наиболее близкая точка контроля, всё равно что Луна для Земли. Данное занятие не только совершенствует мастерство мысли, но и приносит художнику дополнительные дивиденды успеха (Рембрандт — офорты). А в некоторых случаях параллельное искусство даже перекрывает достижения основного профиля (Дюрер — гравюра). Двойственность — вторая натура, а рисунок — естественное продолжение живописи, скульптуры (Мур). Третья категория — многогранный художник, многостаночник, натура,

увлечённая искусством как фактом образа бытия. Пример Леонардо — классика такой фигуры. Современная практика значительно расширяет сферу искусства. В таком случае художник — и сценарист, и актёр в одном лице (А. Адабашьян). Если иметь в виду Поздеева, то рисунок для него — это вторая муза после живописи.

Как рисовальщик, то есть художник, занимающийся рисунком, по моему глубокому убеждению, Поздеев добился значительно *бóльших* достижений в обретении своей идентичности. Искусство графики, опирающееся на платформу рисунка, в меньшей степени зависит от различных внешних факторов влияния. Такова артикулярная природа рисунка, дарующая художнику абсолютную свободу ощущений жизненного пространства и переживания отпущенного ему времени. Это напряжённая сфера внутренней, антропогенной обязанности художника в ответственности быть самим собой. Жизнь — это чудо! «Отражение моего я» (А. Поздеев). Есть рисунок Леонардо, Рафаэля и Дюрера. Брейгеля и Рембрандта, Энгра, Мане и Дега, Матисса и Пикассо, Митурича и Купреянова. И есть рисунок Поздеева. Выставка «Жизнь — это чудо» в музее художника Ряузова в полной мере показывает возможности самовыражения художника посредством рисования. Его стремления выразить мир естественны, органичны и предельно индивидуальны. «Хорошая вещь рисунок. Рисуешь, рисуешь — и никому не надо показывать» (А. Фаворский). А если расчёт делается на показ? Тогда рисунок превращается в актуальный жанр графики. А графика — это альтернатива живописи во всех её аспектах. Либо она есть форма продвижения живописи (промоушинг). Работа на бумаге (Р. Фальк). Рисунок Поздеева характеризуется преимущественно линейными структурами (светотональные отношения его практически не интересовали). Линия как формообразующая акция в организации образа с подачи лёгкой руки Виталия Горяева стала невероятно раскрученной (модной) волной графики шестидесятых. Первопричиной её стали рисунки Матисса и Пикассо. Но на периферии их практически никто не знал. А вот иллюстрации Горяева к «Тому Сойеру» (М. Твен), «Трём толстякам» (Ю. Олеша) были известны (монография М. Алпатова «Матисс» в магазине «Знание» появилась только в 1969 году). Однако феномен Поздеева заключается в том, что его рисунки пронизаны невероятной условностью живого, не побоюсь этого слова, детского восприятия и абсолютной (органичной) свободой интерпретации окружающей действительности. Такой подход не мог не обескураживать суровых реалистов из СХ. Они себе такой вольности позволить не могли. Как тут не вспомнить Пикассо, сказавшего: «Я могу без труда выучиться рисовать как Рафаэль, но никогда не смогу научиться рисовать как ребёнок»? Он не мог, а Поздеев — смог… К сказанному добавим невероятную, головокружительную популярность рисунков Нади Рушевой, получивших известность в 1964 году. Чудо жизни! Девочка, ребёнок свободной, стремительной линией показывает детство Пушкина, среду романа Л. Толстого «Война и мир» с такой лёгкостью и уверенностью (недоступной взрослому маститому художнику) импровизации, что диву даёшься. Настолько уверенно, что её рисунки публикуются в академических изданиях. А рисунки к «Мастеру и Маргарите» (кто этот роман только не иллюстрировал) до сих пор остались непревзойдёнными (при этом очевидно, что она не владеет академическими канонами рисунка, скажу грубо — не умеет рисовать). Совпадение? Разумеется. Но, надо сказать, натура подлинного художника чрезвычайно впечатлительна, а Поздеев был ищущий художник, самообразование было его внутренним движущим стержнем (вспомним библиотеку). Он черпал вдохновение отовсюду. И как тут не вспомнить ещё одно обстоятельство? В своё время я, студент Московского полиграфического института (1972–1978), к окончанию учёбы сумел собрать внушительную коллекцию альбомов, изданных на Западе (покупки чрезмерно дорогие, спасибо моей маме, спонсору и гонорарам за оформление книг). В ней были все самые лучшие и любимые: Марке, Кандинский, Шагал, Модильяни, о которых в те времена на периферии что-то слышали, но уж точно ничего не видели. Был там и альбом Пикассо с неизвестными советской аудитории картинами (нам этот крутой испанец был знаком только по вещам Эрмитажа, то есть до двадцатых) позднего периода, то есть до семидесятых. Так вот, я оставил эту коллекцию на временное хранение своему другу, учащемуся художественного училища, заодно пусть ознакомится с неизвестным искусством. Он писал мне потом, что с группой однокурсников посетил мастерскую Поздеева и там дал ему посмотреть мои альбомы. И Андрей Геннадьевич, развернув альбом Пикассо, сказал фразу, удивившую и несколько обескуражившую меня: «Вот, ребята, это настоящая живопись». Эту же фразу, буквально слово в слово, произнёс нам, студентам третьего курса МПИ, наш преподаватель Павел Григорьевич Захаров, староста курса П. Митурича во ВХУТЕМАСе. Только держал он в руках не роскошную цветную репродукцию, а чёрно-белую фотографию (тайна появления её в руках нашего патрона — отдельная замечательная история) картины Рембрандта. Парадокс? Чудо жизни! Так вот, моя коллекция была оставлена в пользование Поздееву на полгода и была возвращена мне с извинениями от друга за допущенную вольность. Эти альбомы, вероятно, и сейчас хранят память прикосновений пальцев рук великого художника (может,

где-нибудь след от ногтя остался, надо поискать). Не этим ли обстоятельством объясняется резкий поворот в стилистике живописи (и графики) Поздеева в конце семидесятых? Картины этого периода более чем откровенно просвечены аурой Пикассо. Предположу, сомнения и неуверенность в поисках нового были преодолены Поздеевым окончательно. Живопись Поздеева вышла поистине на космический уровень. «Я счастлив, что я этой силы частица» (В. Маяковский).

Графика Поздеева представлена на выставке преимущественно тремя направлениями, рассмотрим поближе. 1. Рисунок как версия живописной картины, гиперэскиз (картон), в котором превалирует условность линейных транскрипций, *жанровые сцены, портреты, пейзаж*. 2. Категория видения натуры в сложной инверсии графики (цвет, чёрный контур, технический приём наложения краски, неадекватный материал рисунка — цанговый, восковой карандаши), *городской пейзаж, натюрморт, портрет*. Примечательно, как он использует острые ракурсы. Впечатляют виды Красноярска сверху, как будто увиденные квадрокоптером, Нильсом, оседлавшего гуся! Как манипулирует объектами мотива (переносит часовню туда, куда ему надо), строит фигуру композиции по своему усмотрению (структура улиц Красноярска узнаваема и неузнаваема одновременно). Гипербола его видения реальности парадоксальным образом не нарушает правду жизни. 3. Живописные техники — гуашь (темпера) на бумаге и картоне, *пейзаж, интерьер*. Ученик Лекаренко, он развивает излюбленную технику учителя в новых формациях симбиоза реалистической традиции живописи и условности графики. Картон в ней предстаёт в брутальной материальной подлинности. Что в нём хранилось, упаковкой чего он был в семидесятые годы? Цветных телевизоров как таковых ещё не было. Сейчас картон (гофрокартон) — один из самых распространённых материалов актуальной практики современного искусства.

Что хотелось бы выделить в графических произведениях Поздеева на макроуровне (в таких случаях берут лупу)?

В сравнении с последним просмотром (выставка «Цвет жизни», то есть семь лет назад) бросилось в глаза некоторое приглушение (желтизна) яркости отдельных листов, ранее сиявших белизной и безукоризненной свежестью (а ведь я помню их на персональной выставке Поздеева ещё при его жизни). Печать времени. Стареем не только мы, но и наше искусство. Произведения художников, созданные однажды, продолжают жить своей собственной жизнью, у них своя судьба (Пикассо). И грустно, и странно. Временной фактор присущ только рисунку. Графическая вещь создаётся и существует вне времени. Таким образом, мы имеем дело с рисунком как фактом документа (художник вряд ли об этом задумывался). Событие является грандиозной достопримечательностью эпохи (праздничная демонстрация). А мы, зрители, имеем счастье увидеть запечатлённое время (А. Тарковский). Чудо жизни — *кино*. Улицы прошлого, дома, автобусы, в которых мы ездили когда-то, которые помним только мы, очевидцы истории. Следующим поколениям останутся только детали: заснеженные деревья, снегири на ветках, сугробы, дети с санками, одинокие прохожие, лай собак, крик ворон («Солярис», А. Тарковский, 1972). А рисунок шумной вечеринки превращается в мемориал. Смотрим, вспоминаем. Кого уж нет, а те далече…

Непреднамеренная случайность. Художник создаёт предварительный рисунок с намерением продолжить его в других материалах. В нашем случае — на бумаге, акварелью. Но по каким-либо причинам оставляет его в том виде, как получился. И вдруг открывает в нём *нечто*. Вполне достойное к показу. Такие случаи уже были. Рисунки углём на холсте артистки А. Стрепетовой (И. Репин) и Ф. Шаляпина (В. Серов) — наиболее яркие примеры. Уникальность вещи — ни рисунок, ни тем более живопись. Рисунок увлекает. Чудо жизни! Рисунок к чему-то не обязывает (линейный тем более), открытия и случайности происходят в нём по ходу, как правило, с течением времени. Он открывается как документ либо практики (Ватто, Энгр), либо поиска и эксперимента (Писсарро, Ван Гог, Сёра). Нетрудно предположить, что линейные увражи Поздеева, их многочисленные вариации имеют происхождение отсюда. «И случай, Бог-изобретатель…» Это не всё. «…И гений, парадоксов друг» (А. Пушкин). Вещь, поразившая меня в самое сердце. Выполнен набросок, очевидный эскиз, занявший нижнюю часть стандартного листа (чем объяснить данный спуск?). Неизвестный, сам художник или хранитель листа (история умалчивает), складывает его вдвое (лишнее доказательство эскиза), лист большого формата так хранить легче. Линия сгиба, весьма небрежная, проходит посередине листа, но по верхней части композиции так, что вверху остаётся поле, воздух, как говорят художники. Чтобы вставить в стекло, пришлось разогнуть. Возникло то, что сейчас признано как графический объект (артефакт), данность искусства *нашего* времени (рисунок выполнен в семидесятых). Показывайте графику только под стеклом (Р. Фальк). Чудо жизни!

Последнее обстоятельство, которое я отмечаю. Удивляет то, что многие вещи выполнены в больших, во многих случаях предельных размерах (форматах) листа. Как-то мне довелось увидеть в Пушкинском музее, в Москве, на выставке Давида Сикейроса, рисунок руки, выполненный знаменитым мексиканцем. Она была очень большая, нет,

она была просто гигантская и произвела впечатление на всю жизнь. И немудрено, ведь размер листа был 1200 х 1600 сантиметров (!). Хотя сам рисунок не нёс в себе ничего особенного. Сделан черно-графитным карандашом во вполне академической *манере* (термин не мой, заимствование). Размер имеет значение! А как быть с форматом? Его никто не отменял. Но он в большей мере актуален для продвинутой (станковой), проективной графики. Уже упомянутый мною мэтр на другом выставкоме сделал мне замечание, а может, это был совет, я не понял. Но суть его в том, что представленные мною листы рисунков (а выставком был приурочен к выставке рисунков) были одного формата. Рекомендовал в будущем внести разнообразие в форматную политику рисунка. В моём нутре кипел протест. Что график я, не живописец и тем более не скульптор (он был скульптор), а графику формат продиктован стандартом бумаги (Фальк рисовал на клочках бумаги, что были под рукой, отсюда такая картина мнимого разнообразия) и логикой серии. Но с мэтром спорить нельзя, от него зависит решение выставкома (для обиды нет повода, на выставку было принято три рисунка из пятнадцати). Я кивнул головой в знак согласия, что поправлю. И ничего не поправил до сих пор. Бумага — королева графики, её основа. Материал, размер (формат) её образуются естественным порядком. Так вот. Размеры листов Поздеева не только громадные, но и, за некоторыми исключениями, одинаковые, то есть одни и те же (с форматами та же история, ведь никто не предпринял в погоне за квадратным форматом отрезать у листа лишнюю часть в упомянутом выше рисунке!). Откуда у хлопца мексиканская грусть? Можно предположить опять-таки, что рисунки выполняли функцию картонов к следующим живописным полотнам. Однако здесь что-то иное. Обычно графика предполагает сосредоточение замысла внутрь листа, отсюда минимизация образов вплоть до миниатюры (пространство же компенсируется внешним полем, паспарту — фоном). Это идёт от гравюры и книжной графики. В упомянутой книге «Мастер и Маргарита» фамилия писателя (М. А. Булгаков) была дана мною мелким шрифтом на чёрном фоне. Редактор потребовал подать её крупно. Я возразил: мельче — пожалуйста, а крупнее — ни в коем случае. Если бы писателем был Нефёдов или Сидоров, никому не известный, я бы *выделил* его крупно. А писатель Булгаков не нуждается ни в каких выделениях. Редактор согласился, отдадим ему должное. А в листах Поздеева мы видим обратное — развёртывание образа в широкоформатное кино. Вспомним грандиозные панорамы битв в фильме «Спартак» (Стэнли Кубрик, 1960), въезд царицы в Рим в фильме «Клеопатра» (Джозеф Манкевич, 1963). Широкий экран — тоже ведь веяние времени эпохи шестидесятых, расцвет творчества Поздеева. Не могу представить себе «Андрея Рублёва» (А. Тарковский, 1966) в стандартном размере, хотя более поздние «Зеркало», «Сталкер» именно в таком размере и сделаны. Размер определён замыслом либо необходимостью. Возможно, это стереотип — чем больше, тем лучше. Рискованный ход, затратный при ошибке (во многих случаях используется дорогая французская бумага Крюшон). Можно отнести гипертрофию размеров к пресловутому станковизму, но уверен, не в нём причина. *Станковая* (термин не мой, заимствование) графика предполагает, помимо размера, определённый уровень *сделанности* вещей во всех нюансах (В. Кудринский). В этом качестве она не уступит живописи (В. Теплов). Станковый профиль в графике Поздеева следует признать, живописная ориентация его рисунков очевидна. И всё же листы Поздеева — чистая экспрессия, никакой сделанности. Для экспрессии же нужен размах, простор для движений, моторности образа. Все версии предположений имеют место. Но мне по душе ответ один: человек с гармонью выходит на крыльцо и что есть мочи *кричит* (поёт): «Ты постой, постой, красавица моя, дай мне наглядеться, радость, на тебя…» А романс-то, между прочим, нежный (И. Бортник, артист, «Родня», Н. Михалков, 1981). Парадокс? Чудо жизни!

Итак, делаем вывод. Графика Поздеева таинственно многозначна, многогранна, невероятно образна (лирична), величественна (имеем в виду последнее обстоятельство) — поэтична. А если поэзия, то только эпическая. «И вечный бой, покой нам только снится…» (А. Блок).

Мне повезло, говоря о Поздееве. Я успел захватить безмятежный период реализма, когда художник мог запросто обратиться к впечатлению увиденного, неожиданной встрече с кем-то, просто к элементарному случаю бытия, достать лист бумаги или холст и запечатлеть его. Это могли быть и пейзаж из окна мастерской или больницы, натюрморт из бытовых предметов, фрукты и овощи, только что купленные на рынке, любимая женщина, друзья на вечеринке. Тем более необычный предмет, подарок из Африки. Причудливая морская раковина, однажды привезённая художнику из далёкой Кубы, стала ему моделью. Как следствие, возникла чудесная серия натюрмортов, где она — главная героиня. В таком случае изобразительное искусство есть *зеркало* (А. Тарковский) жизни, любви к ней. А произведение искусства, будь то живопись или графика, отражает картину его внутреннего духовного мира. «Мы едем в Холмогоры, какое счастье!» («Серёжа», Г. Данелия, 1960). Жизнь — это Я (А. Поздеев).

Однако для меня, равно как и для Поздеева, близкой оказалась и мятежная притягательность модернизма со всеми его авангардистскими проявлениями.

Магнетизм модернизма с установкой на экспрессию выразительности формы как конечной цели в создании художественной вещи захватывает и увлекает. И из созерцателя художник превращается в поэта-бунтаря. «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой!» (М. Лермонтов). А изобразительное искусство превращается в *призму* (линзу). В преломлении её картина мира, увиденная художником, прибавляет (К. Малевич) к реальному образу черты необычного (непривычного) и, что важно, неповторимого и своеобразного. Примечательно, модернизм, даже в крайностях, не утратил связи с реальностью, сохранил пристрастие к традиционным жанрам изобразительного искусства и личностной свободе высказывания своего видения жизни (натуры). Портрет (Пикассо), натюрморт (Матисс), пейзаж (Клее) не только не утратили, а в большей степени возвысились в искусстве модернистов, и Поздеев не исключение среди них (нам он известен преимущественно в таком качестве).

Сейчас я в тяжком пути познания формы, её произвола, разработки проектных концепций — в том, чем заняты художники современных актуальных практик. Искусство в данном случае организуется как замкнутая непроницаемая капсула образа-сознания со всеми вытекающими последствиями. Картины реализма, образованные стихийно, оценивается как шаг назад. А традиционные изобразительные жанры (портрет, пейзаж, натюрморт) становятся недвусмысленно-двусмысленными. Художник руководствуется идеей, мыслью (формулой) в большей степени, чем соблазном натуры — с нею успешно справляется фотография. Художник не делает то, к чему нет потребности (М. Бабенков). Нужна идея, а пока её нет, творчество в тормозе.

Всё смешалось в мире искусства… Что в нём только не играют. Аутентизм, промоушинг, медиаспиритизм, квазиабстракционизм, акционизм и прочее. И нет в нём такого *этакого*. Что просит душа. Чтобы взять холст, лист бумаги и изобразить, что её влечёт. Как это было в искусстве Поздеева. Счастливая жизнь — счастливый художник.

Андрей Геннадьевич Поздеев включён в международный художественный рейтинг художников восемнадцатого — двадцать первого веков, формирующих мировое художественное наследие. Горжусь, что я красноярец…

ДиН ревю

Нина Веселова

Годовые кольца

Вологда: ИП Киселёв А. В., 2023

Нина Веселова родилась в 1950 году в Ленинграде, где потом и окончила факультет журналистики. Работая корреспондентом областной газеты в Вологде, много писала о сельских людях, пытаясь понять, почему её так тянет к ним. Ответ оказался прост: это дают о себе знать деревенские корни её родителей.

В «Годовых кольцах» подробно прослеживается процесс обращения автора к истокам, питающим нашу нравственность и национальный русский характер. Героями книги становятся не только близкие люди, не только встреченные на журналистских дорогах славные русские женщины, но и большие личности минувшей эпохи, подводившие соотечественников к осмыслению главных вопросов бытия: кто я? откуда родом? в чём смысл моего краткого пребывания в этом мире?

Книга предназначена для тех, кто предпочитает литературу, основанную не на выдумке, а на личном опыте автора, кто хочет теснее соприкоснуться с уходящим в прошлое уникальным бытом северной российской деревни, а также для пытающихся в переломном возрасте найти своё место в беспрестанно меняющейся действительности.

Владимир Шанин

Летописец собственной души

К 85-летию поэта, прозаика, публициста А. И. Щербакова

…Нас было шестеро — шесть кандидатов в писатели. И на собрании двадцать второго января 1980 года все шестеро были приняты в Союз писателей СССР. Москва всех сразу и утвердила. А потом прошла горбачёвская перестройка, завершившаяся расстрелом Белого дома и ельцинским беспределом. Трое из шестерых умерли, один перешёл в новообразованный Союз российских писателей, осталось нас двое — Саша Щербаков и я…

Александр Илларионович Щербаков родился третьего января 1939 года в селе Таскино Каратузского района десятым ребёнком в крестьянской семье. Основанное казаками в Красноярском крае село построено в два ряда: «Избы смотрят окна в окна —/Кто кого переглядит». В Таскино Саша (по-уличному — Шурка Щербаков) окончил семилетнюю школу и к пятнадцати годам умел делать всё: запрягал коня, ездил верхом в ночное, косил и ворошил сено, о чём даже стихи написал: «Я сегодня тоже взял литовку,/С косарями встал в единый ряд./У меня крестьянская сноровка,/Не кошу, а брею, говорят». Встал вопрос: учиться дальше… и где? В районном центре, в казачьем селе Каратузе, на берегу бурного Амыла. Родители не настаивали на дальнейшей судьбе сына в родном селе: мол, хочешь учиться — учись. Отец, Илларион Григорьевич, участник двух войн, Гражданской и Великой Отечественной, вздохнув, сказал: «Что ж, поезжай. Но никто ещё из нашей деревни в министры не вышел».

Вместе с однофамильцем Федькой Щербаковым Сашу отвёз на лошади Федькин отец, Савватий, бригадир тракторного отряда.

Неместные ученики жили по частным квартирам. У тёти Ути Кузьминой, медсестры, седеющей солдатки, имевшей просторный дом на Колхозной улице, кроме взрослых сына и дочери, поселились теперь Саша Щербаков и двое его товарищей-таскинцев. Непритязательный Саша выбрал себе место в прихожей, спал на диванчике, под которым зимовали куры, и с каждым рассветом его будил петух.

«Может, потому я до сих пор встаю по-деревенски рано», — иногда в разговоре подчёркивал он. Зато здесь, в прихожей, на диванчике, перед тем как уснуть, рождались в голове стихи:

> Хотя я разлучён с тобой, деревня,
> Без мысли о тебе не прожил дня.
> Доверчива, проста и откровенна,
> Ты учишь прямодушию меня.

Каждую субботу после уроков таскинские ученики на побывку ходили в свою деревню, а это двадцать пять вёрст. Хорошо, если случится попутка — подвода, машина, трактор, — подберут ребят, а если нет, приходится смело топать и в мороз, и в дождь, и в слякоть… «Но мы не замечали этих неудобств. Мы жили книгами, идеалами, жили духом, по Божьим заповедям», — вспоминал Саша. Обратно в Каратуз возвращались на следующий день с тяжёлыми котомками, набитыми домашней снедью на всю неделю.

Не то чтобы пропустить урок, но даже опоздать никто из них даже не помышлял: учителей они уважали, более того — любили, ведь те желали ребятам добра, учили добру, каждый был личностью. Саша и доныне вспоминает колоритную фигуру учителя литературы Александра Николаевича Генцелева, страстного охотника и рыболова, а ещё — поэта, пишущего стихи о природе. Была у него одна особенность. Подкатывал к школе на мотоцикле, стремительно вбегал в класс как был, в униформе, ставил в угол ружьё или удочки в чехле, раскрывал книгу и начинал урок. Читал Гоголя — в лицах, выразительно, как актёр, так и завораживал слушателей. «Мы сидим с открытыми ртами, — вспоминает Саша Щербаков. — Но вот звонок с урока — Генцелев захлопывает книгу и вскидывает на плечо ружьё. А через минуту мы видим в окно, как он, оседлав мотоцикл,

стрелою вылетает за село, к реке Амылу или Маковкину пруду,—

Туда, где росы-самоцветы
Горят на травах и кустах,
Где коростели до рассвета
Счищают ржавчину в зобах…»

Когда Саша напечатал в районной газете свои стихи, Генцелев первый его поздравил, благословил «на литературную стезю» и, поставив в журнал пятёрку по литературе, заметил: «С известным авансом…» Так Саша получил свой первый «гонорар»… авансом.

А каков он был в художественной самодеятельности! Артист! Вместе с директором школы Сухотиным, человеком экстравагантным и прекрасным историком, они разыгрывали сценки — публика долго им аплодировала. На кустовом смотре в Минусинске, где Саша Щербаков читал свои стихи, каратузцы получили высшее признание. Да, они не только хорошо учились, не только участвовали в самодеятельности, занимались спортом — и всюду «блистали тот же Генцелев… и Сухотин».

«Мы учились в атмосфере требовательности и строгого спроса,— вспоминал Александр Щербаков.— Достаточно сказать, что ежегодно сдавали по семь, по десять экзаменов. Тогда нам это не очень-то нравилось, но теперь я благодарен „старой“ школе, что она не оставляла времени для всякого шалопайства, тусовок с питьём „Клинского“, курением и наркоманией. К счастью, не было и „видиков“. Мои наставники, начиная от первой таскинской учительницы Веры Андреевны Лучинкиной и преподавателей средней школы, столько вложили в меня, что я свободно одолел конкурс (семь человек на место) в Красноярский педагогический институт, а потом ещё окончил два вуза — и все с отличием».

Весна 1953 года вошла в сердца людей великой болью: пятого марта умер товарищ Сталин. Страна замерла в болезненном шоке и через минуту взвыла гудками заводов, паровозов, пароходов, автомобилей. Прощальные гудки разом смолкли — и все-все остановилось в растерянности: что же теперь будет? Как жить дальше?.. Занятия в школе не прерывались, но уже не было ни шума-гама, ни беготни на переменах. Все ходили как сонные, некоторые старшеклассники плакали, учителя входили в классы с заплаканными глазами. (Я хорошо помню, как это всё было…)

Вспоминая те печальные дни, хрущёвскую «оттепель», двадцатый съезд партии, на котором новый генсек извалял в грязи Иосифа Виссарионовича Сталина, Александр Щербаков, уже признанный поэт, почтил Сталина стихами:

Зима. Трещат сороки. Поскрипывают ставни.
А я учу к уроку стихотворенье «Сталин».
Мать занята починкой моих штанов отпетых,
А я — стихом с картинкой, верней сказать, с портретом.
Разглядываю трубку, усы и строгий китель,
Что у Вождя и Друга белей, чем вьюги кипень.
В углу пыхтит буржуйка, как паровоз с подсвистом.
И нравится мне жутко начальник всех министров,
Гроза капиталистов и вообще — фашистов…
Великомудр, как Маркс, он, как Ленин, человечен.
И жизнь кругом прекрасна, и я на свете вечен,
И для Державы сроков последних не настанет…
Метель. Трещат сороки. Поскрипывают ставни.

С его именем Саша жил четырнадцать лет, с сыновней памятью о нём — всю оставшуюся жизнь.

Той же весной 1953 года он вступил в комсомол.

В 1956 году, получив аттестат зрелости, Александр Щербаков отправил документы в Красноярский пединститут на историко-филологический факультет и со справкой-разрешением от колхозного собрания отправился в райцентр за паспортом. На улице встретился с Генцелевым. Александр Николаевич крепко пожал Саше руку и с теплотой в голосе сказал: «Слышал, идёшь на филфак. Одобряю».

По собственному признанию, Александр «не стучался в двери редакций, не обивал пороги», студенческая многотиражка сама обратилась к нему: «Саша, говорят, что ты стихи пишешь… Не дашь ли парочку? Напечатаем. Стихи газете во как нужны!»

И верно, два стихотворения — «Однокурснику» и «Сапоги» — были напечатаны. Позднée автор сам об этом рассказывал «с лёгкой иронией». Имя талантливого студента «открыл» для массового читателя сам декан историко-филологического факультета Борис Беляев.

Это был высокообразованный человек, несколько лет назад переехавший из Владивостока в Красноярск, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей СССР, автор историко-публицистических книг: повествование «Семья Сибирцевых» (Владивосток,1954), «Александр Фадеев» (Красноярск,1956). Готовилась к печати очередная книга — «Отображая жизнь. Книги писателей Красноярска», о чём уже сообщалось в прессе. Он был довольно известным критиком, его статьи печатались в московских журналах. К тому же он был членом редколлегии альманаха «Енисей».

Студенты встали, приветствуя, когда Борис Леонидович вошёл в аудиторию. Сделав знак рукой: садитесь, мол,— декан внимательно оглядел лица притихших студентов. «Стихотворец Щербаков здесь?» — мягко спросил он. «Здесь!» — поднялся Александр. «Ваши стихотворения я передал в редакцию „Енисея“… если, конечно, не возражаете».

Загадочно улыбнулся и процитировал: «А мы в облаках порою ищем своих героев…» Этой фразой начиналось и заканчивалось стихотворение «Однокурснику».

Стихи Александра Щербакова были напечатаны в альманахе «Енисей», который, по признанию автора, «сыграл не последнюю роль» в его литературной судьбе. Они по-юношески честные, бескомпромиссные, отражающие тот мир, который автор испытывает сию минуту, и в этой его искренности живёт нечто большее, чем талант. В «Однокурснике» говорится о студенческой практике в колхозе: обливаясь по́том, ребята грузят зерно, однокурсник Вовка работал «будто песню пел, с молодым азартом». Общественное бытие. В «Сапогах» — личное, причём высокое в понятии — о простой обуви как о «друге суровом, но верном»:

Горят на полу золотые круги.
Солнце в окно — как пламя.
Я крепко бечёвкой связал сапоги
И спрятал в пыльном чулане.
Когда за окном берёзовый шум,
Когда полыхает лето,
Я тогда сапоги не ношу,
Я ношу штиблеты.

В 1960 году по комсомольскому призыву Александр Щербаков выехал на станцию Балай Красноярского края — учить станционных детишек русскому языку и литературе. Это была его как бы преддипломная практика, хотя институт он окончил только в следующем году, сдав госэкзамены экстерном. Получив диплом (с отличием) учителя русского языка, литературы и истории, выехал по распределению в Канск, в школу-интернат имени Ю. А. Гагарина. Два года преподавал в восьмых — одиннадцатых классах, затем перешёл на комсомольскую работу — завотделом комитета ВЛКСМ (на правах райкома) Канского хлопчатобумажного комбината. И лишь в июне 1964 года вернулся в Красноярск. Здесь ему предложили должность редактора Красноярского телевидения, в сельскохозяйственную редакцию. Он согласился, но через год перевёлся редактором в студию радиовещания.

Не по душе пришлась ему эта работа. Хотелось творческого полёта: писать стихи, очерки, которые ему, впрочем, особенно удавались, — о людях труда, простых сельчанах, из числа коих он сам ещё недавно вышел. Попросился в редакцию краевой газеты «Красноярский рабочий». И вот уже восемь лет он журналист, корреспондент отделов сельского хозяйства, пропаганды, культуры, собственный корреспондент.

В декабре 1970 года Александр Щербаков вступил в ряды КПСС.

Назначенный специальным корреспондентом, Александр Щербаков уже не заботился о наполнении редакционного портфеля срочным материалом, а выполнял специальный заказ на проблемный очерк или корреспонденцию с глубоким анализом. Здесь он как публицист был поистине на своём месте.

На Иркутском совещании молодых писателей Сибири и Дальнего Востока (июнь 1974 года) мы были участниками, только в разных семинарах, нашими руководителями и строгими критиками были мэтры советской литературы. Об этом событии Александр Щербаков со свойственной ему иронией рассказал в одном из номеров альманаха «Енисей». Тогда ещё мы не думали, кто из счастливчиков первым войдёт в будущее советской литературы. Первым, как показало время, стал Щербаков, поэт, прозаик, публицист.

Весной 1975 года по заданию редакции он собирался съездить к Астафьеву на Вологодчину — там, в деревне Сибла, на реке Кубене, в девяноста верстах от Вологды, Виктор Петрович купил ветхий домик, починил его и там же встретил Новый год. Щербаков должен был взять у него «что-нибудь» для «Красноярского рабочего», но тогда писатель остановил его письмом: «… пока готовой прозы нет, всё на подходе…»

Встретиться им довелось только двадцать восьмого апреля 1975 года.

В. П. Астафьев писал редактору Красноярского книжного издательства Виктору Ермакову: «Был у меня Саша Щербаков два дня в деревне. Мы отобрали с ним две главы для „Красноярского рабочего“, над которыми я сейчас и работаю… Саша держался очень скромно, никаких сплетен не говорил и доставил радость своим посещением, ибо был первым сибиряком в моей избе…»

Уезжая, Щербаков подписал Астафьеву небольшую книжку прозы, которую Виктор Петрович прочёл залпом и восхитился: «Очень любопытная книга — о деревенских ремёслах, как бы „вымерших“ в силу революционных преобразований, часто плохо обдуманных и поспешных».

Было чему удивляться степенному вологжанину, сибиряку по рождению: этот «молодой стихотворец» одинаково талантлив и в прозе. Умело, со знанием дела так рассказать о бондарях, стекольщиках, печниках, пимокатах, плотниках, столярах, скорняках, шорниках, копателях колодцев, отыскивающих водяную жилу, и представителях других ныне вымерших ремёсел — это же надо самому почувствовать, подержать в руках, жить в деревне. И в письме к нему Астафьев посоветовал «не бросать работу такого рода, напомнить шибко урбанизированным русским людям, кто они и откуда»…

По приезде в Красноярск Щербаков наладил для вологодского писателя бандероль с кедровыми

саженцами и послал товарной почтой. Через несколько лет Астафьев откликнулся письмом: «Я их рассадил в огороде и по двору штук двадцать, но пошли подряд дождливые лета, и саженцы вымокли, однако два из них попали на свою, каменистую почву, растут и радуют людей своим густым цветом, шорохом благоуханной хвои — сибирский живой привет доброй вологодской земле, многих, в том числе и меня, обогревшей».

С тех пор много воды утекло в Енисее. Александр Щербаков печатался в центральных изданиях, в «Литературной России», в журнале «Советский воин» — со стихами, в журнале «Уральский следопыт» — с прозой, публиковался в альманахе «Енисей», был членом его редколлегии.

Как прекрасного очеркиста, Щербакова пригласили на работу в Красноярское книжное издательство редактором массово-политической литературы, а через год, в 1977 году, крайком партии направил его учиться в Новосибирскую ВПШ. В ноябре 1978 года из партшколы досрочно отозвали и утвердили инструктором в сектор печати отдела пропаганды и агитации Красноярского крайкома КПСС.

К тому времени, как стать членом Союза писателей СССР, Александр Щербаков уже был автором очерковых книг «Хозяйка полей», «Первые ласточки», «Миндерлинка», рассказов о мастерах «Знакомьтесь: мои земляки», так полюбившихся В. П. Астафьеву, повести «Свет всю ночь», изданных в Красноярске. В плане издательства на следующий год стояли два стихотворных сборника — «Живая вода» и «Крупица соли», в издательстве «Современник» (Москва) — книга стихов «Трубачи весны». Кроме того, коллективные сборники «День поэзии», «Енисейский меридиан», «Встреча» вышли со стихами А. Щербакова.

После иркутского «чистилища» в 1974 году общее писательское собрание в Красноярске к нашей шестёрке было довольно благосклонно — все получили такой заряд… Рекомендующие говорили об Александре Щербакове, не сдерживая эмоций. «… Это тот автор, которого я люблю. За его народную простоту, неторопливость, обстоятельность. Возвращаясь из командировки по краю, непременно идёт в газету и предлагает свои очерки. В них, этих очерках, не о том, что увидел, а что передумал в пути. Эти очерки читатель ищет и ждёт… В этом особенность несомненной одарённости Щербакова: умеет за малым открыть крупномасштабное…» (Анатолий Зябрев). «И в стихах, и в прозе Александр Щербаков пишет о деревне прошлой и настоящей, пишет с любовью. Он хорошо владеет языком и отлично знает то, о чём пишет. Как писатель он уже сформировался» (Иван Пантелеев).

Тепло отзывались о нём и старшие товарищи с мест: «Я был редактором первой рукописи А. Щербакова „Знакомьтесь: мои земляки“. С автором было приятно работать. В каждой своей новелле он делал какое-то открытие для меня, чьё детство прошло в деревне» (Михаил Перевозчиков). «Я лёг сегодня спать в пять часов утра. Виноват в этом Щербаков: всю ночь я читал его повесть „Свет всю ночь“. Обеими руками голосую „за“» (Сергей Павлов).

И я, крестьянский сын, порадовался тогда успехам своего товарища. Простой паренёк из деревни, откуда «ещё никто в министры не вышел», стал большим писателем, поэтический голос которого «мягок и самобытен». Краевая пресса вполне доказала это.

Повесть «Свет всю ночь», вышедшая в 1979 году в Красноярске, прочёл взахлёб тогда ещё молодой прозаик Василий Титенко и написал о ней статью в «Енисее» под заголовком «Жар потухшего костра». «Вспомнилось это, когда дочитал последнюю страницу книги, — писал он. — Странное чувство — потянуло заглянуть в родной Шуркин отчий гостеприимный дом сибиряка-партизана. Не хочется расставаться с героями. Они близки и понятны. С ними светлее мир. И радуешься писательской удаче. Мягко, непринуждённо, с предельной точностью выпукло вылепленные картины оживают, и забываешь, что ты не был, не жил с простыми таскинцами, не знал их радостей и забот. У каждого героя своя судьба, представленная правдиво, без прикрас, как сама жизнь» («Енисей», 1979, № 5).

Владимир Замышляев: «Щербаковская глубинка претендует, пусть даже скромно, на открытие не дверей и окон сельской географии, а души и характера русского, советского земледельца, его песенно воспринятой природы и мастеровитой работы. Каждая встреча с родной землёй превращается у поэта в душевное столкновение… с тем, что было, ушло и пришло в новую жизнь. В поэтическом самовыражении раскрывается и легко узнаваемый нами человек, рождённый в деревне и живущий в городе» («Енисей», 1985, № 3).

Антонина Малютина, старейшая писательница: «Каждая строка озарена любовью к природе, к родным местам, „где столько простора и света“, „лесной тишины“ и „пахнет детством“. Уроженец села Таскино Каратузского района, поэт хранит благодарную память о нём… „Земля дедов“ — святая для него. Она учила „прямодушию“, воспитывала „крестьянскую сноровку“ в труде. И автор поэмы „Здравствуй, верба!“ видит себя „и весной, и летом в деревне во сне и наяву“…» («Енисей», 1991, № 4).

В восьмидесятые годы Александр Щербаков был собственным корреспондентом газеты «Известия» по Красноярскому краю и Туве, потом представителем издательства «Известия» в Красноярске, с 1992 года — собственный корреспондент журналов парламента

России (последовательно) — «Народный депутат», «Российская Федерация», «РФ сегодня» — по Сибири.

«Свободным художником не был ни дня, — обронил он однажды, — но всё же „между делом“ написал и издал три десятка книжек стихотворений, прозы, публицистики, изданных в Красноярске и Москве. Печатался во многих журналах СССР и России (от „Нашего современника“, „Молодой гвардии“. „Огонька“ до „Сибирских огней“, „Сибири“ и „Дальнего Востока“), в местных изданиях…»

Да, в каждом летописце жил поэт,
И «Русью пахнут» древние страницы,
Поэзии от них исходит свет.
Всегда ль в поэте встретишь летописца?

Так Щербаков писал о себе, став уже известным поэтом:

Что, летописец собственной души,
В другой душе я тоже след оставлю.

Александр Щербаков — член Союза писателей СССР/России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, почётный гражданин Каратузского района, лауреат литературных и журналистских премий, в том числе Первой (краевой) — за лучшее произведение о Красноярье, Первой международной премии имени А. Н. Толстого за лучшую книгу для юношества, международных премий имени П. П. Ершова, имени А. Н. Плещеева, имени И. Д. Рождественского, победитель Всероссийского конкурса «Русский Лад», финалист Бунинской премии, дипломант Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо» и других. Награждён медалью «За трудовую доблесть», Почётной грамотой Правительства России, памятными медалями «100 лет Шолохову», «200 лет Лермонтову», имени Шукшина, «300 лет российской прессы», «80 лет Красноярскому краю» и других. Избран академиком Петровской академии наук и искусств… Так Родина оценила заслуги своего верного сына.

В «лихие» девяностые годы, когда предательски разрушалась великая страна, когда «перевёртыши», мечтавшие о капиталистическом «рае», поджигали, рвали, топтали ногами свои партийные билеты, в здоровом обществе возник вопрос: «С кем вы, деятели культуры?» И не сжигавший партбилета Александр Щербаков через газету «Правда» (2000, март) ответил: «Я там, где патриоты, печальники и строители моей Родины — России, там, где трудовой народ, из которого я вышел и которому я буду служить до последнего дыхания».

Д*и*Н СИММЕТРИЯ

Павел Антокольский

ИЮЛЬ 1914-ГО

С полудня па́рило.
И вот
По проводам порхнула искра.
И ветер телеграмму рвет
Из хилых рук премьер-министра.
Над гарью городов гроза.
Скатилась жаркая слеза
По каменной скуле Европы.
Мрачнеют парки. Молкнет ропот.
И пары прячутся.
И вот
Тот выстрел по австрийской каске,
Тот скрюченный громоотвод.
И лиловеет мир, как в сказке.
Еще не против и не за,
Глядит бессмысленно гроза
И дышит заодно со всеми.
Внизу - кровати, книги, семьи,
Газоны, лошади…
И вот
Черно на Марне и на Висле.
По линии границ и вод
Кордоны зоркие нависли.
Скосив огромные глаза,
В полнеба выросла гроза.
Она швыряет черный факел
В снопы и жнивья цвета хаки.
Война объявлена.

1924 г.

Александр Щербаков

От имени сердца

Летят мои санки…

Под небом морозным и чистым
Катушка полна детворы.
Летят мои санки со свистом
От самой макушки горы.

Крутя поводком, как вожжами:
«Раздайся!» — кричу я гурьбе,
И смотрит мне вслед с обожаньем
Девчонка из пятого «Б».

Полозья подкованы сталью,
Поют на январском снегу.
То лягу, то сяду, то встану —
Вот только взлететь не могу.

Но всё же, ликуя, на случай
Я руки, как крылья, простёр,
Поскольку всё глаже и круче
Заезженный в лоск косогор.

А ветер лицо обжигает,
Из глаз выбивает слезу.
И все, кто навстречу шагает,
Кричат: «Осторожней внизу!»

Спасибо, друзья, за вниманье,
Да что там! Доверюсь судьбе,
Покуда глядит с обожаньем
Девчонка из пятого «Б».

Колодец

Когда ошалело промчится
Лавина воды по весне,
Колодец общественный чистить
В деревне приходится мне.

Его журавлиную шею
К замшелому срубу пригну —
И, словно к рябящей мишени,
Лечу по верёвке ко дну.

Работа моя не из лёгких:
Осклизлый колодезный лаз,
И воздуха мало для лёгких,
И небо — с овчинку как раз.

Но бухают глухо удары —
И грузно стартует бадья.
На лицах людей благодарность
Я вижу, наверх выходя.

Шатаюсь под яростным солнцем,
Боками, как рыба, дыша.
И звонко мне в пригоршни льётся
Живая вода из ковша.

Хлеб родины

Как только утреннюю просинь
Прошьёт луч солнца за окном,
Опять уйду из дому в осень
По огородам прямиком.

Перескочу с разбегу речку
И, косогор перевалив,
Увижу вдруг, что мне навстречу
Пшеничный катится разлив.

Здесь всё мне издавна знакомо:
Дорога, лес, тропы излом…
Подступит к горлу тёплым комом
Воспоминанье о былом.

За тем пологим поворотом
Когда-то был бригадный стан.
Крутую пахаря работу
Впервые я изведал там.

Участник страдных тех кампаний,
Когда был втрое хлеб трудней,
Припомню я под гул комбайнов
Весомость первых трудодней.

Мне хлебный дух напомнит живо,
Как я при ветрах и дождях
По ощетинившимся жнивам
Зерно возил на лошадях.

Пронзён рассветною прохладой,
Едва от устали живой,
В копну соломенную падал
И зарывался с головой.

Я испытал, почём фунт лиха,
И чуял цену фунту ржи,
Когда вручала повариха
Ломоть пайковый: «На, держи!..»

Краюхи запах солодовый
С тех пор преследует меня,
Как запах родины и дома,
Домой мучительно маня.

Тёть Шура

Из дома печальней, чем́ это,
Давно не писали письма́:
«Тёть Шура отмаялась летом…»
Никак не идёт из ума.

Тёть Шура была трактористкой,
Ходила в широких штанах.
Беретка суконная диском
Лежала на русых кудрях.

Я так ей завидовал в детстве.
Брала она в руки штурвал —
И шпорами по-молодецки
Колёсник на солнце сверкал.

Как вихри его проносили,
И дым калачами взлетал.
А было тёть Шуре от силы…
Да кто тогда годы считал?

Тёть Шура была звеньевая
В ударном девичьем звене.
Тёть Шура была боевая,
Тащила колхоз на спине.

Что знала, что видела Шура,
Помимо пустых трудодней?
Я чувствую собственной шкурой
Большую вину перед ней.

Кинокартина про войну

— Куда ты?
— В клуб! —
Бросаю книжки —
И напрямик через заплот.
Какие книжки, если кинщик
Кино военное даёт?!

Я знаю, мать вослед грозит мне,
Припав к промёрзлому окну,
Я искупить готов вину,
Но зрелище неотразимо —
Кинокартина про войну.

Шуршит проектор ветром в соснах,
Люд, заворо́женный лучом,
Сплочён, как семечки в подсолнухе, —
За рядом ряд, к плечу плечо.

Сидит шалястый и тулупный,
Мозольный, шрамистый народ,
А за окном в тиши подлунной
С сухой пронзительностью лупит
Движка дрожащий пулемёт.

Сквозь чернолесье частых взрывов
Бегут бойцы по полотну.
Нет, зрелище неотразимо —
Кинокартина про войну.

Неотразимы «уралзисы»,
Ревущих танков грозный строй,
Но главное — неотразимый
Солдат в пилоточке простой.

Он мнёт врага, он бьёт прикладом,
Он грудью падает на дот.
Клуб сотрясая: «Бей их, гадов!» —
Кричит взволнованный народ.

А если вдруг на гребне боя
Волной смахнёт солдата взрыв,
Весь зал сжимается обоймой,
Прошитый яростью и болью,
И плачут женщины навзрыд…

Я не был там с отцом и дедом,
Где шли жестокие бои,
Но как страдал я за Победу!
Я и товарищи мои…

День Победы

Я этот день подробно помню.
Я не знавал краснее дней.
Горели яркие попоны
На спинах праздничных коней.
Гармошки ухали басисто,
И ликовали голоса
Людские. Ветром норовистым
Их выносило за леса.

Качались шторы из бумаги
У нас в избе. Качался дым.
И в кадке ковш на пенной браге
Качался селезнем седым.
В тот день гудела вся округа.
Под сапогами грохал гром,
И пол поскрипывал упруго,
И сотрясался старый дом.

В заслонку ложкой била шало
Варвара — конюха жена.
Мелькали юбки, полушалки,
Стаканы, лица, ордена.
А в стороне на лавке чинно
Курили едкий самосад
Деды и средних лет мужчины
Из тех, кому уж не плясать.

Тот с костылями, тот с протезом
Или с обвислым рукавом.
Их речь размеренно и трезво
Велась в масштабе мировом.
С печи, где валенки сушили,
Украдкой жадно слушал я,
Как вражью силу сокрушили
Соседи, братья и дядья.

И мне казалось, что я знаю
Свою и всех людей судьбу
И что проходит ось земная
Через отцовскую избу.

Хочу домой

Опять зелёно-голубое лето
Цветёт, поёт, стрекочет и жужжит.
И мне опять до полночи с рассвета
Зов дома не даёт спокойно жить.

Тот зов внутри. И никуда не деться,
Не убежать, не скрыться от него.
Хочу домой, хочу на тропы детства,
Хочу к порогу дома своего.

Зачем я рвусь в края, мне дорогие?
Зачем лечу на зов родной земли?
В моём дому давно живут другие,
Давно мои тропинки заросли…

Безрукому порою жжёт ладони.
Слепому снится белый-белый свет.
А у меня душа болит о доме.
Хочу домой…
А дома больше нет.

Над матушкой-Русью

Вот лечу я над матушкой-Русью,
Ближе к Богу сижу в вышине…
Но не благостно вовсе, а грустно
Отчего-то крылатому мне.

Оттого ли, что под облаками
Так печально мерцают огни
Русских сёл, обречённых веками
На оброки да на трудодни?

Даже этой осеннею ночью
Сёла, верно, и пашут, и жнут.
Почему ж мы не видим воочию,
Что они по трудам и живут?

Благодати лишённые Божьей,
Почему они вечно бедны,
Хоть и тянут лихим бездорожьем
Хлебный воз необъятной страны?

Праздный город растёт и жиреет,
Потешаясь над глупым селом.
Вон он блещет каким ожерельем,
Проплывая под белым крылом…

А село чуть мигнёт и куда-то
Пропадает во мгле, как в золе,
Словно это оно виновато,
Что нет ладу на Русской земле.

Вздох о доме

Опять грущу о доме нашем…
Скитальцем стал я навсегда,
Ключи навеки потерявшим
От деревенского гнезда.

Вздыхать всю жизнь о доме отчем,
Видать, удел достался мне.
Такой давно не помню ночи,
Чтобы не снился он во сне.
Заплот, тесовая калитка
С серьгой железного кольца,
Седые каменные плиты
Перед ступеньками крыльца.

А в доме — стол, цветная скатерть,
Герани с туями кругом.
В углу переднем — Богоматерь,
И печка русская — в другом.

Там самовар пыхтит старинный,
И кот ворчит, что мал улов,
И накрывает мама крынки
Моими книжками стихов…

Ивановки, Татьяновки…

То степь, то лес с еланками…
На сердце свет и грусть.
Татьяновки, Ивановки —
Бревенчатая Русь.

Мелькнёт церковка Божия,
Старушки у ворот —
И вдруг почуешь кожею,
Что ты попал в народ,

Что это небо синее,
Берёзы, избы, пруд —
Спокон веков Россиею,
Отечеством зовут.

За эти окна с кружевом,
За те кресты могил
Твой дед во всеоружии
На ворога ходил.

А ты на разорение
Край отчий отдаёшь?
От горького прозрения
Невольно бросит в дрожь.

Ивановки, Татьяновки,
Сосновки да Ключи…
И весело, как пьяному,
И больно, хоть кричи!

Родному селу

Самым дивным, что видано мною
От рожденья до нынешних лет,
Было звёздное небо ночное
Да встающего солнышка свет.

Да ещё деревенька родная
В стороне подсаянской лесной,
Где впервые любовь потайная
Жгла мне сердце к девчонке одной.
Там познал я и радость, и горе,
Жаркий труд сенокосов и жатв,
Скорбный путь на погостную гору,
Где родные в могилках лежат.

И меня в том сельце небогатом,
В две шеренги бревенчатых изб,
До сих пор принимают, как брата,
Безо всяких прописок и виз.

Может, тем и храним от напастей,
Что мне с родиной так повезло
И навек было вписано в паспорт
Наше лучшее в мире село.

Всё тоскую о нём… Знать, оно
По названью не зря — Таскино.

От имени сердца

Хотя язык мне родина дала
И слову не заказана свобода,
Я не пою от имени села
И не сужу от имени народа.

Надеюсь, что и я гожусь в сыны
Моей Руси. Добра хочу ей очень.
Но как скажу от имени страны?
И кто меня на то уполномочил?

«Поэт — уста народа?»
Не смеши!
Поэтами так сказано едва ли.
От имени единственной души
Они всегда смеялись и рыдали.

И я мечтаю только об одном —
Чтоб чувствовать мне в том
Единоверца,
С кем говорю на языке родном
От имени доверчивого сердца.

Иван Крылов

Басни

Сочинитель и Разбойник

В жилище мрачное теней
На суд предстали пред судей
В один и тот же час: Грабитель
(Он по большим дорогам разбивал,
И в петлю, наконец, попал);
Другой был славою покрытый Сочинитель:
Он тонкий разливал в своих твореньях яд,
Вселял безверие, укоренял разврат,
Был, как Сирена, сладкогласен,
И, как Сирена, был опасен.
В аду обряд судебный скор;
Нет проволочек бесполезных:
В минуту сделан приговор.
На страшных двух цепях железных
Повешены больших чугунных два котла:
В них виноватых рассадили,
Дров под Разбойника большой костёр взвалили;
Сама Мегера их зажгла
И развела такой ужасный пламень,
Что трескаться стал в сводах адских камень.
Суд к Сочинителю, казалось, был не строг;
Под ним сперва чуть тлелся огонёк;
Но там, чем далее, тем боле разгорался.
Вот веки протекли, огонь не унимался.
Уж под Разбойником давно костёр погас:
Под Сочинителем он злей с часу на час.
Не видя облегченья,
Писатель, наконец, кричит среди мученья,
Что справедливости в богах нимало нет;
Что славой он наполнил свет
И ежели писал немножко вольно,
То слишком уж за то наказан больно;
Что он не думал быть Разбойника грешней.
Тут перед ним, во всей красе своей,
С шипящими между волос змеями,
С кровавыми в руках бичами,
Из адских трёх сестёр явилася одна.
«Несчастный! — говорит она. —
Ты ль Провидению пеняешь?
И ты ль с Разбойником себя равняешь?
Перед твоей ничто его вина.
По лютости своей и злости,
Он вреден был,
Пока лишь жил;
А ты… уже твои давно истлели кости,
А солнце разу не взойдёт,
Чтоб новых от тебя не осветило бед.
Твоих творений яд не только не слабеет,
Но, разливаяся, век от веку лютеет.
Смотри (тут свет ему узреть она дала),
Смотри на злые все дела
И на несчастия, которых ты виною!
Вон дети, стыд своих семей, —
Отчаянье отцов и матерей:
Кем ум и сердце в них отравлены? — тобою.
Кто, осмеяв, как детские мечты,
Супружество, начальства, власти,
Им причитал в вину людские все напасти
И связи общества рвался расторгнуть? — ты.
Не ты ли величал безверье просвещеньем?
Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид облёк
И страсти и порок?
И вон опоена твоим ученьем,
Там целая страна
Полна
Убийствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до погибели доведена тобой!
В ней каждой капли слёз и крови — ты виной.
И смел ты на богов хулой вооружиться?
А сколько впредь ещё родится
От книг твоих на свете зол!
Терпи ж; здесь по делам тебе и казни мера!» —
Сказала гневная Мегера —
И крышкою захлопнула котёл.

Богач и Поэт

С великим Богачом Поэт затеял суд,
И Зевса умолял он за себя вступиться.
Обоим велено на суд явиться.
Пришли: один и тощ и худ,
Едва одет, едва обут;
Другой весь в золоте и спесью весь раздут.
«Умилосердися, Олимпа самодержец!
Тучегонитель, громовержец! —
Кричит Поэт. — Чем я виновен пред тобой,
Что с юности терплю Фортуны злой гоненье?
Ни ложки, ни угла: и всё моё именье
В одном воображенье;
Меж тем, когда соперник мой,
Без выслуг, без ума, равно с твоим кумиром,
В палатах окружён поклонников толпой,
От роскоши и неги заплыл жиром». —
«А это разве ничего,
Что в поздний век твоей достигнут лиры звуки? —
Юпитер отвечал. — А про него
Не только правнуки, не будут помнить внуки.
Не сам ли славу ты в удел себе избрал?
Ему ж в пожизненность я блага мира дал.
Но верь, коль вещи бы он боле понимал,
И если бы с его умом была возможность
Почувствовать свою перед тобой ничтожность, —
Он более б тебя на жребий свой роптал».

Александр Конопкин

Хельга

Москва: издательство «стихи», 2023. — 48 стр., ил. — Серия «Сингл». Книга шестидесятая. — Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»

• • •

К исходу день. Голодный телефон
нетерпеливо ёжится на стуле —
его кормил последний раз в июле,
подталкивая фразы в микрофон.
Слова, как будто камешки в трубе,
катались, затихая с дробным эхом,
но чей-то голос, хриплый, как помеха,
сказал понуро: «Кажется, вы не
туда попали. Я живу здесь год,
и имя Хельга вроде бы знакомо,
но в списках проживающих такого
не числится. Быть может, вас спасёт
моя соседка? Не спешите с “нет”,
она живёт здесь с самого начала —
она здесь проживала и встречала
почти любого. Ей под сотню лет,
но, если нужно что-то разузнать,
она всегда подскажет. Дать ей трубку?»
И новый голос, старческий и хрупкий,
сказал: «Она просила передать,
что, если ты найдёшься, не спеши
звонить и засыпать её словами.
Не знаю, что случилось между вами,
но письма забирает. Ты пиши —
она, читая, руки жмёт к груди,
она смеётся от твоих рассказов.
Но, говорит, пока ещё ни разу
ответить не решилась. Так что жди…»

• • •

Слышишь трубы? Слышишь барабан?
Видишь арбалетчиков в бойницах?
Что стоишь, нахохлившись, братан?
Нет, братан, война тебе не снится.

Видишь, дым всплывает за мостом?
Слышишь, кони землю бьют копытом?
Да, братан, я знаю, что никто
не горел желаньем быть убитым.

Придержи разорванный живот,
дёрни болт из межключичной ямы.
Нет, братан, уже не заживёт.
Знаю, у тебя жена и мама.

Сколько прожил? Тридцать? Повезло —
Ты хотя бы смог понянчить сына.
Всё, братан, поплыли. Дай весло.
Не проси, обратно мы не в силах.

Вы, братан, «расходники» войны —
чтобы ехать, вас кладут на шпалы.
Вы мертвы, а в смерти все равны.
Жалко только, жизни было мало.

Олеся Николаева

Я говорю: за наших!

Взаймы

Сумерки водянистые
сгущаются на ходу.
Словно бы сребролистные
ели в снежном саду.

Встрепенёшься, разбужена
тайным пеньем из тьмы.
Всё это незаслуженно —
в долг этот сад, взаймы.

Лучшие украшения —
скрипочка со смычком —
все покроют лишения,
все лежанья ничком.

Сердцем — за музыкантами,
глядь — а на дне сумы
ларчик резной с талантами:
в долг это всё, взаймы.

А не отдашь — сторицею
взыщется за постой:
будешь немой черницею
воздух глотать пустой.

Ведь недаром у сумрака
столько умбры, сурьмы,
столько охры, и сурика,
и багряной каймы!

И не за так — слетаются
ангелы петь псалмы —
небо с землёй срастаются
под прикрытьем зимы.

Что отдам за победное
таинство, Элогим, —
Это ль пальтишко бедное
с сердцем моим под ним?..

Рифма

Война рифмуется с виной,
и со страной, и со струной,
когда с надрывной скрипкой
встречается смычок больной…
Война рифмуется со мной,
растерянной и хлипкой.

Но рифма ведь — не просто так,
не только путь, не только знак
и звуков совпаденье:
там свет вверху и тьма внизу
вдруг вспышкой сходятся в глазу
для нового виденья.

Владенья нового! Двоясь,
живой с живыми ищет связь —
дуэта, перебранки…
Глядишь — а мир как будто взвесь,
ан прикреплён к корням и весь
переплетён с изнанки.

…О рифма! Как она порой
с напарницей вступает в бой:
и дразнит, и кошмарит.
Аж крови вкус на языке,
и в материнском молоке
козлёнка сдуру варит…

Войной она идёт за мной,
пугая тёмной крутизной,
раскинутой кромешно.
И получается — война
срифмована, предречена
и — неизбежна!

• • •

Какие тонкие материи
плетёт за окнами зима,
за их завесами — мистерии,
театр теней, игра ума.

В средневековых облачениях
свечей блуждает робкий свет.
И нечто в тайных изречениях
готово приоткрыть ответ.

Живая жизнь узнать заранее
желает, что ей предстоит,
и собирает предсказания.
Её саму двоит, троит.

То видит долю неимущую,
то взрывом сердце поразит.
Так заглянувшего в грядущее
то кинет в жар, то просквозит.

Посланьем кажется космическим
паденье снежного дождя,
к корням оккультным, архаическим
и доевангельским сводя.

Впадает в древний ужас перстное
беспомощное существо,
и мнится — воинство небесное
над ним справляет торжество.

Накопленное поколеньями
шлёт дальше свой видеоряд…
И дети спящие — с виденьями
зимой ненастной говорят.

Свои

Даже если серость волчья
скалит зубы на тебя,
отворачивайся молча,
не смущаясь, не скорбя.

И своё благоволенье
выкажут тебе свои —
легконогие олени,
овцы, белки, соловьи.

Потому что это ересь —
напустить в свой огород
волчий эрос, волчью серость —
этот волчий обиход.

Мы, храня святое имя
меж тринадцати морей,
с беззащитными своими
защищённее царей.

• • •

Бродит памяти жница,
смотрит, как век мой сжат.
Только сердце томится,
оглядываясь назад:
хочет там уместиться,
а ноги-то здесь висят,
раз опоздала родиться
лет на сто пятьдесят.

Поезд ушёл с вокзала.
Шапок разбор. Разброд.
Тёмные после бала
окна, завален вход.
Лишь старомодный ало
бьёт по глазам восход.
Всюду я опоздала,
вспять летя наперёд.

Вот увяла и роза,
вот и смолк соловей.
Вот и иссохла проза:
фабуле тесно в ней.
Вот и рифма с обоза
сброшена в реку дней.

…Плачь же, как Лакримоза,
в царстве бродя теней!

Картина

Время разоблачений. Следовательским глазком
каждого зацепляет. Шапка горит на воре.
Дни скачут на блохах, ночи — ползут ползком.
Рак свистит на горе. Плачет кот в коридоре.

Ищет, кого бы клюнуть, клюв костяной.
Спор бесконечный: кто петуха зажарил?
Каждому кажется: всё это не со мной, —
словно вместо амброзии век ему уксус впарил.

У лицемеров сладкой воды полное решето.
У самозванцев — рыльце в пушку, в перьях лебяжьих.
В грудь упирается палец: ты с кем? Ты кто?
Ты за кого?
Я говорю: за наших.

Сядешь — как на иголках, ходишь — так ходуном,
словно картина Брейгеля обжилась в подкорке,
увеличенная стократно тревожным сном:
«Фламандские пословицы-поговорки».

Но и в картине этой — сияние, красота:
сколько праздничных красок и струй воздушных,
словно где-то внутри музыка разлита.

…Нас вот таких — вероломных и малодушных —
глубже наших зыбей и речей натужных
в свете Своей любви видит Господь с Креста.

Запад и Восток

Чай, не в тартарары летим, но провалам всем — поперёк.
Наше солнце, как пилигрим, возвращается на Восток.
Ночью канет на Запад — впрок принесёт оттуда к утру
романтизма алый цветок, расцветающий на ветру.
Образ рыцарства, трепет крыл, от которых внутри сквозит,
ну и то, чему научил младших братьев иезуит:

«Ты подумал — не говори, а сказал — не пиши, остынь,
простодушен, как рыбари или странник среди пустынь.
Ну а если уж написал — не подписывай, будь незрим,
чтоб не смел никакой вассал зацепить тебя, аноним.
А когда подписал — чего ж удивляться, ответ держа,
отвечая на острый нож, ухватившись за сталь ножа?
За кровавое остриё не предъявишь счёт небесам,
потому как за всё своё пусть заплатит ответчик сам».

…И, прозрев грядущую брань, предки с Запада на Восток
утащили в Тмутаракань и в Московию этот слог.
Сам ответит пусть словоблуд, лицемер, лжесвидетель, тать:
там — поддельная подпись, тут — вовсе буквы не разобрать.
А под утро солнце опять нам приносит с Запада весть:
ни главы преклонить, ни встать — всюду там и лихва, и лесть.

Бродит с бубном гремящий смех, ложь, как ржа, разъела Престол,
и богиня Смерти при всех положила ноги на стол.
И остался лишь дом пустой: нет известий от новостей.
Мелет чёрный во тьме густой, весь в крови, язык без костей.
Всё подписано, сшито там, где проваливается земля.
И под ветром бьют по устам неоплатные векселя.

Анна Долгарева

Под небом отчаянно-синим

● ● ●

Мне сказали:
Вот координаты.
Там лежат
Три неопознанных тела.
Сделай что-нибудь с этим, так надо.
Сделай что-нибудь!
Сделай!

Позвони
Дежурному по армии —
Пусть их вывезут,
Хотя и посмертно.
Там лежат!
Там лежат ведь парни!
Мёртвые, службу несут бессменно.

Так они лежат на нейтралке,
Дожди их трогают,
Но они недвижимы,
Не задеты всеми.
Мёртвому Адаму одна дорога —
Через Воскресение.

Так они лежат.
Цветут бессмертник и клевер.
И ветра степные могилу братскую
Им копают.
Ветер гонит тучи на север, на север,
В вечную память.

● ● ●

Розовые кустики мелкозвёздного чабреца
У берегов Катуни запахом говорят с нами.
Над долиной проступают не имеющие конца
Горы, похожие на обломки воспоминаний.

Вещь становится тем, чем была всегда.
Обретает речь травяное молчание.
Это дыхание, тихое, как вода,
Дыхание, словно жизнь, нескончаемое.

Это всё и есть смысл: синева цветка,
Маленькая птица с хвостом куцым.
Только слышно, как ночью плачет Катунь-река
По сибирским воинам: просит вернуться.

● ● ●

Оставь как написано,
Не присочиняй лишнего.
Мы скифы, мы гунны,
Не ведавшие Всевышнего,
Мы рать русской Ладоги
И русского Киева,
Двойная радуга
Правдивое выявит.
Оставь как есть,
Ибо нам некогда,
У нас разыгралась
Военная дискотека.
Ты знаешь, как оно,
Ты побывала близко,
Не соври, журналистка.

Напиши как есть:
Активная оборона.
Мы отдельная рота спецназа,
Мы на неё учёны.
Нам бы в атаку —
Но не дают приказа,
Вот и стоит
Отдельная рота спецназа.

Да, вот так и есть:
Активная оборона.
Это значит —
Над нами летают ударные дроны.
Наша выучка хороша —
Вот она:
Ни одного двухсотого.

Мы гунны, мы скифы,
Мы древние, словно камни.
Не бойся, мы тучи
Здесь разведём руками.
Не унывай,
Победа за нами скоро.
Мы ходим под Богом,
И ангелы — в чине майоров.

● ● ●

А летний город сморщился, и дождь
Потёк, струясь, по улиц пыльным скулам.
И как зовёшься, и куда идёшь —
Всё это смылось в дальний переулок.

А ты вернулся с выхода. И мне
Писал: «Привет», — за сотни километров,
Боёв, и жизней, и дорог, и ветра.
Живой. Живой и целый на войне.

Как будто выдох, будто перерыв,
Как будто миг отдохновенья краткий.
Как хорошо, что всё с тобой в порядке.
Как хорошо, что дождь после жары.

● ● ●

Под небом, отчаянно-синим, как роспись гжели,
Несколько дней шли бои. Народ похудел от пота.
Разведка спецназа ночью вышла из окружения
И подняла отступившую было пехоту.

Товарищ майор, вы не думайте: неужели
Мне такое расскажут? Считайте, что это вымысел.
Разведка спецназа ночью вышла из окружения.
Короткий дождь пыль за спиной вымесил.

От жáра листья в середине июля рыжели.
Огонь шёл уже на окраинах, злой и плотный.
Разведка спецназа ночью вышла из окружения,
Закрываясь от тепловизоров и беспилотников.

К утру прохладнее стало, кусты посвежели,
Розовая заря занималась над горизонтом.
Разведка спецназа ночью вышла из окружения,
Подняла пехоту, вернула два километра фронта.

Проявив хладнокровие, действуя на опережение,
И дальше по тексту — Боже, под сердцем немеется,
Разведка спецназа ночью вышла из окружения.
А потом ордена раздали — в штабах, разумеется.

● ● ●

А тому, что говорят про меня, не верь.
Под Бахмутом земляника уже вызрела.
Говорят, что я приношу смерть,
Но тебе я принесла одеяло от тепловизора.

Такое, что растянул — и врагам не видно,
А значит, я не совсем бесполезна,
И вечер пахнет абрикосами и повидлом,
А не смертью и горячим железом.

Это жизнь. Она дрожит, и шуршит, и жжётся,
И дышит. И ветер берёт левее.
Перед иконой Георгия Победоносца
Я молюсь за тебя — и это всё, что умею.

● ● ●

Вздыбленная земля,
Фейерверки в прицеле.
Не дрожит совсем
Обмозоленная ладонь.
Это ночи от пламени ясного
Порыжели,
Это группа спецназа
Корректирует артогонь.

Командир мне сказал, не хвастаясь:
«Мы наводили шорох
На направлениях не батальонов —
Целых бригад».
Им предрекали
Сгореть, не выдержать скоро.
Они показывали превью —
Что такое ад.

Группа спецназа,
Родная, давай, вытяни.
В речке Донец
Закипает от жáра вода.
А вместо медалей —
Ни одного убитого.
В небе зачтётся.
А на земле — никогда.

● ● ●

У ада широкоротого
Есть список начертанный свой.
Вчера выносили двухсотого,
Сегодня продолжился бой.

Останьтесь наивны и слепы,
Не дай вам Господь увидать
Штурмов, заходящих в укрепы,
Граната да автомат.

По плоти земли — морщинки,
Огонь как причастие пей.
Артá превращает в песчинки
Живущих и тёплых людей.

Кого соберёшь с волоконец?
Землёй стать — таков их удел.
Но мальчик — совсем — доброволец
В свои двадцать лет уцелел.

И сам удивлялся в медпункте,
Когда бинтовали его,
Что люди — не смерти продукты,
А каждый тут вечно живой.

Любовь Галицкая

Душа сияла…

● ● ●

Не случайны слова, не случайны,
Я за каждое буду платить.
В каждом слове заложена тайна,
И от каждого тянется нить
К Тебе!

● ● ●

В ладони косточка от вишни.
Внутри неё дитя — зерно.
Сердечко. Тайна новой жизни.
В мир неизведанный окно.

● ● ●

Отечество — вот этот старый храм,
Речушка пересохшая, овраги…
Родимое, завещанное нам,
Что не уместишь в ценные бумаги.

То, отчего щемящая тоска
Терзает нашу душу на чужбине.
Здесь, дома, сладок даже вкус полыни
И ноша неподъёмная легка.

● ● ●

Я останусь в двадцатом веке,
Там, где Анна молчала вслух,
Где Марина сомкнула веки,
Где серебряный царствовал дух.

Короли, королевы — поэты.
Слово было их серебром.
Звонких чувств и страстей монеты,
Что чеканили жарким пером.

Предугаданы вечные лица,
Сокровенное смотрит с листа.
«Без героя» зовёт чаровница,
Безупречна её чистота.

Я останусь в двадцатом веке,
Двадцать первый лишь пригублю.
Сохнут кроны, мельчают реки.
Я Серебряный век люблю!

● ● ●

Марине Цветаевой

Я как будто коснулась запретного —
Приоткрыла нечаянно дверь,
А за нею душа её, светлая,
Стонет, словно затравленный зверь.

На вершине всегда одиночество.
На вершине нет места толпе.
И слова тяжелы, как пророчества.
Зримо всё. На высоком столпе

Не укрыться от ветра студёного
И до пропасти только лишь шаг.
Из последнего взгляда бездонного
Ускользающий вечности мрак…

По бунинским местам

Вроде ничего в них нет,
Прост пейзаж, скромней не сыщешь.
Но такой глубинный свет!
Голоса такие слышишь!
Здесь душа. Как не понять?!
В травах, в камне на пригорке,
В ягодах рябины горькой,
В небесах, что не объять.
Разве может русский здесь
Не почувствовать зов крови,
Не воскликнуть, вскинув брови:
Неужели краше есть?

● ● ●

Воздух был сухой и тёплый.
Пахло прелою листвой,
Хвоей, ягодой прогорклой…
Помнишь? Погоди, постой —
Губы в алой землянике,
Паутинка в волосах.
Сквозь деревья солнца блики,
Нежность спелая в глазах,
Жарких рук прикосновенье,
Вздох, застывший в облаках…
Помнишь? Помнишь? То виденье
Часто мне приходит в снах.

Душа сияла! Было счастье!
Сидело рядом, за столом.
О, это узкое запястье!
О, этих губ живой излом!

Лицо по-зимнему чуть бледно,
Стройна по-юношески стать…
Минуты таяли бесследно,
Хотелось: «Стойте!» — закричать.

Молчи! Слова уже не ва́жны!
Стреножен дикий зверь, не вырваться ему!
Так и тебя когда-нибудь однажды…
Покорен будешь моему ярму.

Безропотно? О, так я не желаю!
Борись и разгорайся ярче на ветру.
И день придёт! Уверена! Я знаю!
Воскликнешь: «Твой! Я без тебя умру!»

ДиН ревю

Мария Ватутина

Прощай, Украина!

Москва: издательство «стихи», 2023. — 60 стр., ил. — Серия «Сингл». Книга шестьдесят шестая. — Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»

Наклонялась к лицу твоему, к тряпице.
Застывала в вершке, не считая бронестекла.
— Спи-спи, Богомудре Несторе! Что не спится?
Чернота пещерная перекинулась на пигмент чела.
Гомонит лампада морзянкой вокруг ковчега.
Шелестит во тьме то ли ряса, то ли плащ печенега.

То ли пёрышком по пергаменту кто-то стро́чит.
Ты узнал меня, Несторе? Я — сказать:
Прозвенел набатный звоночек, и третий кочет
Проорал над Лаврой, когда пришли повязать
Вековых насельников, а склизкая дрозофила
Занесла на Васильевский полкило тротила.

Всё, что я могу: сдержать рычанье, кроша коронки.
Призываю тебя в свидетели. Выводи из нор
Чернoликих своих преподобных, пиши колонки,
Всё, что видишь, потому ты первый наш военкор.
Покровитель, укрой своих — платом, стёртым о вешки
Времени — на фронте и в тыловой кафешке.

Марина Щенятская

Слова в молчанье раствори

* * *

Тоскует дождь над белым майским садом,
и яблони в слезах его чисты.
Деревьям дождь — желанная отрада,
хоть с ним теряют лепестки цветы.

Вот так и мы теряем дни и жажду
прожить светло. Стал чужд наивный взгляд.
Но в сердце тайно верим, что однажды
нам распахнутся двери в райский сад.

* * *

Всё быстротечно. И всё отцветает.
Что же останется мне? —

Отблески звёзд и земля золотая
в солнечном раннем огне…

Славная песнь соловья на рассвете
радость прольёт и печаль.

Искренний ветер мне тихо ответит:
«К Богу душою причаль!»

* * *

Надо мною плывут облака.
Их черты повторяет река.

С облаками уходят века —
в неизвестность, где синь глубока.

Свет нездешний — незримый пока.
Не спешите, мои облака!..

* * *

Листья к нам летят —
так красиво!
Легкокрыл мой взгляд
молчаливый.
Мне твоя рука
дарит лето.
И печаль легка,
коль пропета!..

* * *

Речка прощается с золотом солнца.
Падает на воду листьев янтарь.
Выпита нежная осень до донца.
Зябнет зовущий в ноябрь календарь…

«Всё повторится, — шепчет мне ветер, —
летние дни и дождь на рассвете…»
Тихо промолвлю я ветру в ответ:
«Всё повторится, а жизнь моя — нет…»

* * *

Я вижу даль, вечерние огни,
их отраженье в речке утомлённой.
О чём молчат, о чём грустят они? —
О том ли, что тают глаза влюблённых?..

О том ли, что с небесной высоты
легко разбиться, главное разрушив
и голос сердца дивной чистоты
в слепой гордыне так и не дослушав?..

Ах, Петербург!

Ах, Петербург! Ты лекарь, друг и брат;
приют душе, печалью опалённой.
Пусть совпадут — мой предосенний взгляд
и твой характер, с осенью сплетённый.

Позволь сквозь ночь беззвучно прошагать
под стук сердец, мостами разделённых,
свою тоску на волю отпускать
в твой Летний сад на тропах утаённых.

По мостовым восторженно ступать,
где Пушкин шёл — задумчивый, влюблённый —
и, лирой вдохновенной окрылённый,
смотрел на невскую взволнованную гладь.

* * *

Слова в молчанье раствори,
здесь и сейчас замри! — Смотри,
как пламя радостной зари,
смелея, гасит фонари,
как снег румянят снегири. —
…И счастье теплится внутри!

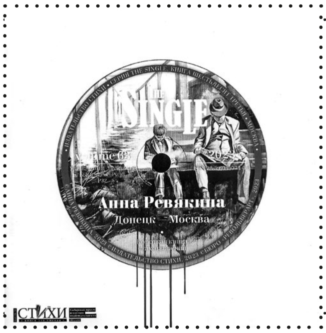
Весна

Солнце греет воздух всё сильнее.
Проглянул подснежник подо пнём.
На деревьях почки — зеленее
и заметней с каждым новым днём.
Птичьи голоса звучат дружнее.
Радостен за лесом окоём.
И весна плывёт ко мне, смелея,
по ручью бумажным кораблём!

Бабочка

Бабочка первая, неба посланница,
тайною Божьей мелькнёт —
и, словно в детстве, на сердце останется
радости тихой полёт.

ДиН ревю



Анна Ревякина

Донецк–Москва

Москва: издательство «стихи», 2023. — 56 стр., ил. — Серия «Сингл». Книга шестьдесят третья. — Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»

● ● ●

Я по Москве не то чтобы здесь тоскую,
но вспоминаю нашу с тобой Тверскую,
странного мальчика без головы и юбку,
ту, для которой нужно быть злой и хрупкой.

Я вспоминаю кофе и чёрствый пряник,
лица прохожих, один из них был карманник.
Книжный, любимый книжный, где пахнет краской:
помнишь, как я стояла у полки «Сказки»?

Московские переулки и подворотни —
они в моей памяти, их никто у меня не отнял.
Пустые глазницы бронзовых и великих,
стыки столетий, чугунных заборов пики.

У этой Москвы, которая стала нашей,
февральский характер, и под ногами каша,
низкое небо с разводами и ветрами.
Такое не сыщешь над южными городами.

У этой Москвы так много от нас, неловких,
московские стены — чудные татуировки,
московские улицы — наши пути-дорожки,
и счастье во все глаза, и в каждом окне — матрёшки.

● ● ●

Вот дорога на Тверь,
вот дубовая дверь.
Заперта ли, проверь,
заходи, посидим,
будет кольцами дым,
будет дочь или сын.
Ясноглаз, светлолик —
твой чудесный двойник,
дорогой ученик.
За окошками дождь,
может, всё-таки дочь,
да такая, чтоб вточь
как звезда над Кремлём.
Хватит жить февралём,
мне не страшно вдвоём.
Високосный февраль —
он кривляка и враль,
временная спираль,
бесконечный мой круг.
Я люблю тебя, друг.
И Тверская вокруг,
разодетая в май,
так похожа на рай.
Так и знай, так и знай!

Нвард Авагян, Юрий Беликов

Армянский складень

У крови есть странное свойство — беспамятство на пролитую кровь. О пролитой только что — помнит. К ней взывает. Но помнит ли о предшествующей? На фоне проистекающих — во всех смыслах этого слова — мировых столкновений, превратившихся в межрелигиозно-этнические, как-то затушевалась трагедия целого народа — арцахских армян, да и вообще армян в целом. Вот была такая долговременно кровоточащая точка на карте (хотя она, разумеется, на карте остаётся, но уже в другом качестве) — Нагорный Карабах со столицей Степанакерт, впрочем, скоропостижно переименованной в Ханкенди. Имелось у Нагорного Карабаха и другое наименование — Арцах. Ибо жили здесь армяне со своей тысячелетней и героической историей, с 1813 года ставшей частью истории Российской империи, а затем и СССР.

А эту историю — будто ластиком. Да ладно бы — ластиком. А то — бульдозером или танком. Мол, не было таковой. И рослый человек в камуфляже, будто открывший летнюю смену директор пионерского лагеря, уже поднимает на флагштоке в центре опустевшего Степанакерта знамя иного государства. А после топчет флаг поверженного Арцаха, услужливо распятый у него под ногами. Дескать, «отряхнём его прах с наших ног».

Кроме рослого и отряхивающего прах, был ещё малорослый, но тоже в камуфляже — скрадывающий отпущенной бородою (седина в бороду, бес в ребро?) почти отсутствующий подбородок. Не эта ли физиологическая особенность подвигла оного единым росчерком пера лишить крова целый народ? Во всяком случае, сто пятьдесят тысяч (примерное на 2023 год число) арцахских армян в одночасье вынуждены были покинуть родной очаг, политую кровью их предков землю. Остались, если остались, единицы.

«Настоящие русские, или Кубок с ликом вашего победителя» — так назывался опубликованный в первом номере «Дня и ночи» за 2017 год диалог проживавшей на тот момент в Степанакерте поэтессы и переводчика Нвард Авагян и Юрия Беликова, члена редколлегии «ДиН», живущего в Перми поэта и публициста. О чём там шла речь? О «мостах над облаками» — тех порой невидимых с земли, то пропадающих, то возникающих, но всегда ностальгических примерах и скрепах единения бывшей Империи, какой хотите — российской или советской. О том, что в непризнанной республике Арцах были удивлены обнаружению в России «поэтов края бытия», или дикороссов, как выяснилось, собратьев по непризнанности и духовному сопротивлению. И Нвард Авагян совершает своего рода подвиг — переводит на один из древнейших языков Земли, армянский, большую книгу «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)», которую в 2002 году составил Юрий Беликов. Такая же, даже в её расширительном варианте, увидела свет в 2016 году в степанакертском духовном центре «Наири». Так арцахский читатель, да и в целом читатель Армении, узнал русских поэтов Андрея Власова (Великие Луки) и Валерия Прокошина (Обнинск), Геннадия Кононова (Пыталово Псковской области) и Бориса Косенкова (Самара), Сергея Лузана (Норильск) и Константина Иванова (Новосибирск), Гамлета Арутюняна, Сергея Кузнечихина и Александра Ёлтышева (Красноярск), Анну Павловскую (Москва) и Николая Бурашникова (село Калинино Пермского края). Всего — сорок авторов. Согласитесь, «одолеть» такой объём (в триста пятьдесят страниц!) на мосту перевода под силу только человеку пытливому и самоотверженному, каковым была и остаётся Нвард. Стоит заметить, что, кроме собственных поэтических и прозаических книг, на её счету переводы на армянский Эдуардаса Межелайтиса, Владислава Ходасевича и… хрестоматии культуры Китая.

Но вернёмся к названию диалога. Сначала — ко второй его части: «Кубок с ликом вашего победителя». Само собой, ведя пристрастный разговор друг с другом, собеседники касались не только сугубо литературных реалий, но и общественно-политических — с параллелями в Историю. В частности, Нвард привела пусть стародавний, но имевший место факт, согласно которому в 317 году нашей эры спарапет (или главнокомандующий) всеми войсками Мушех Мамиконян «так перебил войско напавшего на Армению персидского короля Шапуха Второго, что тот ускакал к себе в Персию, даже оставив свой многочисленной гарем. Все ждали худшего, — продолжает Авагян, — но Мушех, дав сопровождение и послов, выслал гарем обратно. Главный перс был настолько удивлён и тронут таким поступком, что приказал на своём

золотом кубке выгравировать портрет спарапета и каждый раз, поднимая кубок с вином, всматривался в лицо благородного армянина и тихо повторял: „Во славу белого Всадника!“»

А теперь сопоставьте эти два эпизода, вернее, два типа личностей — умудрённого перса, пьющего вино из золотого кубка, на котором сияет лик его победителя, и рослого человека в камуфляже, вытирающего подошвы о флаг Арцаха в 2023 году двадцать первого века. Увы, приходится признать: сей кубок не стал переходящим.

А что такое Арцах для армянского мира, лучше скажет русский поэт Сергей Городецкий. «Там, в неприступных высях Карабаха, являющихся продолжением Карсских и Севанских нагорий, — писал он в 1919 году в газете «Кавказское слово», — в течение двух тысяч с лишним лет армянский народ выдерживал натиск кочующих племён, сохраняя свою культуру, обороняя своё национальное лицо. Будучи единым этнографически, хозяйственно и по языку, Карабах сделался цитаделью Армении, восточным её флангом… Ибо сердце Армении, долину Арарата, нельзя защищать, не владея Карабахом… Рассеянные по всему свету, карабахцы всюду легко могут быть узнаны. Широкий размах, беззаветная храбрость, склонность к риску, уверенность в себе, своеобразное упрямство, прямолинейная настойчивость, патриархальность в семейном быту — вот симпатичные черты карабахца, являющиеся как бы концентрацией старинных армянских доблестей, потускневших от жестокостей истории и в чистом виде сохранившихся в Карабахе. Высокий, кряжистый народ, ушедший в горы для спасения жизни, окреп в горном воздухе и предохранил себя от заражений, постигающих жителей долин…»

Вот почему этот «кряжистый народ» так долго и методично, не чураясь никаких приёмов, сгоняли в долину. И согнали! А Нвард Авагян разделила с ним его горестную судьбу. К нам в редакцию было передано её письмо, в котором картина арцахского исхода, воспроизведённая бескомпромиссной свидетельницей человеческого катаклизма, не может не вызвать искреннего сочувствия и сопереживания:

«Представьте восьмидесятикилометровую четырёхполосную колонну на горной узкой наспех построенной дороге, левый бок которой упирается в гористый крутой склон, правый же смотрит… вниз, на такую же гористую бездну — двухсоткилометровое ущелье. Страшно было особенно ночью: когда и спереди, и сзади виден бесконечный четырёхлинейный серпантин красных огней, который навсегда уводит тебя от многотысячелетней Родины. НАВСЕГДА!

Два дня провели в дороге, пока не доехали до Гориса. Восемьдесят километров — за два дня! И за неделю по той же дороге — сто двадцать тысяч душ, в том числе — престарелые и младенцы… Битком набитый транспорт! Зрелище хуже библейского. Хуже в том смысле, что за тобой следит враг и спереди, и сзади… А вернее сказать — со всех сторон. И не мудрено, что на такой дороге с нами чуть не случилась беда. Встречный военный бензовоз с длиннющей цистерной вдруг опрокинулся и до того, как оказаться в воздухе над пропастью, взорвался. Адские пламени сразу перешли к нашим авто… Пять перед нами стоявших тоже воспламенились и сгорели дотла… Благо, что моему младшему за рулём удалось с молниеносной реакцией откатить машину и буквально чудом вывезти её из колонны… Но когда мы потом вышли из салона и огляделись по сторонам, увиденное буквально в дрожь бросало всех: оказалось, что местами и с левой стороны были глубокие обрывы. Наши сразу побежали вниз, в ущелье, чтобы спасти тех русских солдат бензовоза… Они были ранены, обгорели, но, слава Богу, не до смерти…

И это — после того, как двумя-тремя днями раньше турки в пригороде Степанакерта с гор, дистанционно, взорвали огромный бензосклад, где за горючим стояло до восьмисот человек, чтобы выехать из попавшей в руки врага Родины… Четыреста душ сгорели до пепла! ДНК многих трупов ещё не установлены. И ещё три сотни без вести пропавших там же… Из наших многим было видно, как изверги сверху смотрели в бинокль и танцевали от радости… И это — после так называемого прекращения „терроперации“! Вот с какими нелюдями нас убеждали и убеждают жить совместно… Божественная им кара всем!»

К письму Нвард Авагян было приложено её же стихотворение «Исход из Арцаха». Не стихотворение, а вопль, наверное, не имеющий никакого отношения к изящной словесности. Неровные, не всегда прорифмованные строчки свидетельствовали о душевном состоянии загнанного человека, навсегда потерявшего свою историческую Родину. В тексте обозначена роковая дата — 23 сентября 2023 года (ох уж эти удвоения: 23 и 23!). Для неосведомлённого читателя напомним: именно 23 сентября минувшего года, выходя на трибуну Генеральной Ассамблеи ООН, премьер-министр Армении Никол Пашинян обнародовал свой замысел — фактически признать Нагорный Карабах частью Азербайджана. Стихотворение Нвард было полно укора и даже гнева, разделявших Рашу и Россию, которые будто бы превращались в две абсолютно противоположные страны. Однако концовка обнадёживала: звучало утверждение, что есть ещё «настоящие русские». И в этом было как бы предсказанное ранее — в том диалоге, в первой части его названия о «настоящих русских». Но по умолчанию Нвард прямо-таки кричала, что, стало быть, есть и не настоящие русские!

Юрий Беликов ответил Нвард Авагян: «Никогда я не был в Армении./Но с какою силой/сократилась там мышца Земли,/если этот старый армянин/оказался в Перми?» Мы посчитали уместным и правильным опубликовать эти два поэтических послания двух давних собеседников, сведя их в единый «Армянский складень». Да вот и он.

Редакция «ДиН»

Нвард Авагян

Исход из Арцаха

И вправду краса:
Ни дождь, ни гроза…
Как будто дремлют
Божьи небеса.
А я сижу и
Грущу, как лоза…
Без урожая:
Сентябрьским днём
Двадцать третьего
Ограблена я!
Думы горькие,
И в мыслях — гроза…
Разбираться бы
Неторопливо —
Отчего наша
Жизнь пошла криво,
Да так — что боюсь
Смотреть ей в глаза.
Запад, он для нас
Всегда был Запад:
Далёкий, чужой…
А ты? Ты — Раша!
Когда ты стала…
Уже не наша?!
Твой удар для нас —
Что инъекция
Внутривенная,
Но смертельная…
А ведь весь Арцах
Был тебе предан,
Как никто другой,
И было это
Почти как кредо…
Дружба такая
Была нам дана,
Но ты предала! —
Предала ты нас.
Кто был суфлёром —
Бог иль Сатана?
А мы наивно
Кричали хором:
О мой русский брат,
Брат ты наш старший,
Брат патриарший,
Нет тебя краше!
А теперь кто ты?
Да и сами мы
Кто и где есть?
Нынче, сегодня!
Разве не твоей
Рукою тоже
Разом разверзлась
Для нас преисподняя?
«Единоверцы»,
«Верность» и «дружба» —
Слова пустые?
Ибо на деле
Всё оказалось
Ненастоящим!
Как назвать тебя?
Моей арцахской
Раной и болью?
Страданьем нашим?
Я уверена:
Впредь буду любить —
Не тебе судить! —
Россию только
В. Я. Брюсова,
Городецкого,
Евтушенко и
Друга моего
Ю. Беликова:
Он, Юрий, — пермяк! —
Всегда и болел
За мой Арцах так,
Как примерно я…
Ну ладно, пускай —
Чуть меньше меня.
Потому даже
На тропе узкой
И над пропастью…
Я буду кричать во мгле:
Не перевелись
Ещё русские —
НАСТОЯЩИЕ (!) —
На русской земле.

Юрий Беликов

Собирание ключей

Никогда я не был в Армении.
Но с какою силой
сократилась там мышца земли,
если этот старый армянин
оказался в Перми?!
Вот он бродит в шляпе-ситечке,
опрокинется носом фарфоровым —
и польются тоненькой струйкой
из его карманов ключи.
— Чайник, чайник! — кричат ему дети.
А чайник весь в трещинках,
розы его осыпались,
только помнит, как брючки поддёргивать,
усаживаясь в трамвай,
да детишек зовёт на подмогу —
расправить поверх пальтеца
ослепительно-грязный воротничок.
Армянин соберёт ключи,
как чужую ему землянику.
Соберёт и пересчитает
(ключ от дома? от сейфа? от сердца?
от любовницы? от машины?),
завернёт их в дряблый платок
и проткнёт его ржавой булавкой!
О, кого он при этом проткнёт?!
(Бабочку? Ноев ковчег? Главу государства?)
Я спрошу его: — Отче, скажи…
— Не отдам! —
…отзовётся с Камчатки.
Долго бездомный мир —
Весь, от бабочки до главы государства, —
будет просить человека
возвратить ему связку ключей.
Но в ответ прилетит: — Не отдам! —
…из глубин мирозданья.

Ирина Дюгаева

Хикикомори Камилла

От человечности. Вот от чего Камиллу тошнило, как от кучи навоза, выдаваемой арт-мейкерами за пирамиду с захоронениями древних богов. От самой причастности к человечеству и гуманистичного требования быть человечной её выворачивало, как рыбу, выброшенную на берег.

Камилла не выходила из дома две недели и не выходила бы ещё дольше, но её запас энергетиков иссяк, а заказать их на дом было невозможно — ограничение «18+» не позволяло. Энергетики Камилла называла своей кровью, пиццу — своей плотью, и без них не было ей жизни. Придётся выйти в магазин. Придётся встретиться с людьми. Придётся держать лицо. Впрочем, лицо она старательно скрыла — натянула шарф до носа и капюшон до глаз.

Это совсем не больно, убеждала она себя, это, как говорят врачи, раз — и всё! Даже комарик больнее кусает. А потом вернуться домой, взяться за работу, продолжить писать программу, читать на самых логичных языках, не допускающих глупых исключений и трояких толкований, — на языках программирования.

Взвизгнула молния на куртке, шикнули шнурки на ботинках.

Рюкзак был слегка порван — у замка зияла чёрная микродыра, по-шпионски озирающая квартиру. Обозвав себя дурой, Камилла одним движением закинула рюкзак на плечо и шагнула к входной двери. Ища поддержки, с тоской взглянула на электрогитару, мигавшую бликами у окна в зале. Щёлкнула замком двери, набрала воздуха и перешагнула за порог.

Дальше, как всегда в мире за пределами квартирных стен, всё туманно мешалось, словно во сне.

В магазине пахло мокрым тряпьём, кислой капустой и чистящим средством. Камилла поморщилась и пошла вдоль стеллажей. Ей *нужен только энергетик, лишь энергос,* дюжина банок, всего только энергия жизни, механически фасованная мёртвым металлом в алюминиевые сосуды. Ритуальные канопы, продаваемые воскресшим мумиям. Они все — мумии, человеком был один Христос.

Камилле показалось, что она идёт вдоль полок с бальзамированными трупами в древней гробнице. Она внутренне сжалась, мысленно давая себе пощёчину и пытаясь приструнить буйное воображение.

Только энергос, кровь душевных жил.

У мясного прилавка стоял мужчина, он держал в обеих руках пачки с сардельками и поднимал то одну, то другую, словно взвешивая и пытаясь определить, какие по составу подходят для насыщения его плоти, какие станут донором его сытости. Такой важный и глядящий в незримую даль отрешённо и неразрешимо, он как будто взвешивал на весах судьбы свои деяния, одинаково пересоленные и сочащиеся жиром, возможно, выражавшим ненасытность, а возможно, непомерное самодовольство.

Только энергос, энергии вброс.

В коридоре с амброзией, воспламеняющей кровь и притупляющей разум, тоже стоял мужчина, высокий, с выступающим лбом и подбородком; он хмуро смотрел прямо перед собой в одну точку и прижимал пса, такого же, как хозяин, массивного шпица, весело улыбающегося чему-то загадочному и никому неведомому. И было похоже на то, что мужчина вымеряет, на сколько бутылей «Шихана» можно обменять своего улыбчивого сфинкса.

Только энергос, иначе уйдёшь бос.

В холодном хранилище белой крови матери-природы расхаживала женщина с волосами, пшеничной соломой торчавшими из-под потёртой серой беретки. Женщина разглядывала молочные продукты с гипнотической зачарованностью. И почему-то водила пальцем вокруг рта, не по губам, а именно вокруг рта, точно примеряя, каких размеров ей нужно иметь рот, чтобы выпить всё млеко мира.

Только энергос, пока не одолел склероз.

В бакалейных рядах, как в чумных ямах с трупами, были навалены овощи-фрукты-плоды земли и деревьев, гниль и падаль. И, как сумасшедшая садовница, над ними склонялась изогнутая, с длинной шеей, женщина, напоминающая кобру, только с отвисшим пузом. На кончике носа у неё висела ярко-зелёная козявка. Или недозревшая горошина. Сальные волосы облепили лицо женщины и переливались скользящим, как на чешуе, отсветом. Одну руку она согнула в кулак и упирала в бок и будто бы заключала про себя, достаточно ли плохи плоды,

чтобы можно было устроить продавцам скандал, а другой рукой почёсывала левое бедро, обтянутое джинсой.

Только энергос, и никаких роз!

Мимо горшков с цветами — к глянцевым пачкам чипсов — к стильно переливающемуся алюминию, расставленному кое-как на многоярусной полке, но этот алюминий тем и примечателен и уникален, что не важно, как его расставлять,— всё равно выглядит экспонатом на модной выставке.

Раз банка (с ягодами) — два (с кокосом) — три (с кактусом) — четыре (уже и не важно) — пять (это мантра) — шесть (моленная посреди захоронений в крипте)…

Тринадцать — на кассе считают долго, долго проверяют товары, пока не протянется одобрительное «пи-и». На покупательницу смотрят самые разные по выражению чувств взгляды, кажущиеся знакомыми, почти родными и оттого невыносимо раздражающими.

Какая-то женщина, оставшаяся в круговороте стеллажей и товаров, отдалённо произносит завет: «Нельзя купить один йогурт или один чай. Непродуктивно так с продуктами делать. Да и неприлично. Надо ещё что-то».

Больше ничего, только энергию, закованную в алюминий!

Дверной замок щёлкнул с усталым треском, Камилла пообещала ему не совершать былой ошибки и закупаться впрок, чтобы ещё реже выходить из дома. Заперев дверь, Камилла с усилием выдохнула — настоящая героиня, пережившая мясорубку.

С ребячьей бодростью расстегнула куртку, расплела шнурки, бабочкой, вылупившейся из кокона, порхнула в кухню. Запоздало юркнула обратно, выволокла из коридора пакеты. Будто завёрнутый таинственный подарок, с нетерпением вывалила покупки на пол. Посыпались четыре банки с энергетиком, две с пивом, морковь в упаковке, фасованные яблоки, консервированные горох и фасоль, палка колбасы и узелок сарделек, коробка молока и пачка творога — всё чужие задумки, чужие пищевые привычки, обломки чужого быта.

Камилла скуксилась, еле превозмогая нервную дрожь губ. Она всё делала для того, чтобы никто не вмешался в её жизнь, чтобы паразиты человеческого вида не проникли ей под кожу с их ненасытным желанием править, властвовать и подчинять. И они всё равно… опять… Кого ненавидеть за это — себя или их, сокрушалась она, пока обозлённо собирала разноцветные банки с пола. Нарочито оставила остальные покупки на полу, точно наказанные игрушки.

Внутренней, заглушённой частью сознания она знала, что съест и выпьет это всё. Не сразу, но со временем поглотит, мирясь с вынужденностью положения. Потому что не только энергетик даёт энергию, только пищей сыт не будешь, только влагой не утолишь жажды, в одиночестве не укроешься.

Д*и*Н СИММЕТРИЯ

Эдуард Багрицкий

О пушкине

… И Пушкин падает в голубоватый
Колючий снег. Он знает - здесь конец…
Недаром в кровь его влетел крылатый,
Безжалостный и жалящий свинец.
Кровь на рубахе… Полость меховая
Откинута. Полозья дребезжат.
Леса и снег и скука путевая,
Возок уносится назад, назад…
Он дремлет, Пушкин. Вспоминает снова
То, что влюблённому забыть нельзя,-
Рассыпанные кудри Гончаровой
И тихие медовые глаза.
Случайный ветер не разгонит скуку,
В пустынной хвое замирает край…
… Наёмника безжалостную руку
Наводит на поэта Николай!
Он здесь, жандарм! Он из-за хвои леса
Следит - упорно, взведены ль курки,
Глядят на узкий пистолет Дантеса
Его тупые, скользкие зрачки…
И мне ли, выученному, как надо
Писать стихи и из винтовки бить,
Певца убийцам не найти награду,
За кровь пролитую не отомстить?
Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронёс,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос.
И сердце колотилось безотчётно,
И вольный пламень в сердце закипал
И в свисте пуль за песней пулемётной
Я вдохновенно Пушкина читал!
Идут года дорогой неуклонной,
Клокочет в сердце песенный порыв…
… Цветёт весна - и Пушкин отомщённый
Все так же сладостно-вольнолюбив.

1924 г.

Наталия Дробинина

Noli nocere

Я хотел бы казаться
Кем-то нужным и смелым.
Разреши мне касаться.
Из песни группы «Немного нервно»

I.

Я боюсь пауков и детей.

Пауков.

И детей.

Но если контакта с первыми можно как-то избежать, в крайнем случае — минимизировать, то со вторыми не получится.

Потому что моя профессия — учитель. Педагог. Сеятель разумного, доброго, вечного в светлые детские головушки.

Я расскажу эту историю так, как запомнила её в ту сложную ночь. Если вы ждёте нашествия акромантулов или бунта трудных подростков с ножичками и заточками, то, спешу вас разочаровать, этого вы здесь не найдёте. Трудные подростки и правда будут, но совершенно безоружные, а нечто насекомообразное может воплощать липкий неприятный страх, бегущий вдоль позвоночника стайкой косиножек, вонзающих свои холодные лапы-иглы в тонкую кожу.

II.

Это было лето 2019 года, Пермский край, Летняя выездная межрегиональная экологическая школа. Кажется, юбилейная, пятнадцатая по счёту, но это не важно.

Я уже не первый раз приезжаю сюда главной вожатой в составе делегации родной гимназии. И если наши ученики подчиняются напрямую историку Марине Ивановне и относятся только к Вологодской области, то я — гражданин экспедиции. Я принадлежу всем тридцати делегациям сразу — и никому, кроме себя.

Я знаю всех птенчиков, которых мы сюда привезли, не только в лицо — зимой я проходила на них педагогическую практику. Это только звучит высокопарно и красиво, а на деле ты везде и всюду со своими классами, от звонка в восемь утра и до звонка с последнего факультатива. Как шпион, отличаешься пытливым внимательным взглядом и ведёшь в блокнотике психологические наблюдения за учениками, методические — за учителями. Жуткое зрелище, эдакая пародия на легендарного Штирлица, так не похожая на беспечную и смешную меня.

Да, я знаю о них всё: семейное положение, рост и вес, прозвище. Знаю, как они ведут себя в коллективе, кого любят и что ненавидят. Знаю, как они предпочитают справляться с трудностями и решать конфликты.

А сегодня некоторые из них переживают лето переходного года.

От малышей, семиклассников и восьмиклассников, — Коли, Димы, Максима и Никиты — проблем ждать не приходится. У них свои мальчишеские заботы: окопка палаток, чтобы они не поплыли от бесконечных пермских дождей, футбол и купание в Каме минимум раз в день. Девчонки — Настя, Валя и Алёна — тоже не доставляют хлопот. Три художницы, три поэта, три грации — какие с ними сложности?

Но есть парочка, при виде которой я испытываю неконтролируемое желание сбежать и укрыться. Желательно — подальше от наших палаток. Я боюсь их, своих десятиклассников, Арсения и Тимофея.

Особенно Арсения.

У Тиши и Насти с первого же дня в поезде наметился тет-а-тет, который, разумеется, продолжился в форме полуночных свиданий на берегу Камы, под мои совершенно неромантичные наблюдения за ними из кустов (о них никто, разумеется, не догадывается). Но пятнадцатилетние Ромео и Джульетта, с их высокими чувствами и полной гармонией в отношениях, постепенно успокаивают мою тревожность и позволяют ослабить контроль. Тем более за ними и так присматривают Влад Игоревич и старшие ребята, которые сидят неподалёку у костра.

Но у меня есть другой повод для волнений. И он связан с тем, кто прямо сейчас в своей палатке переживает две настоящих драмы: разрыв дружбы с самым близким товарищем и крах

первой любви к пряничной девочке из Тулы. Я знала, что в такие ночи нужно быть где-то рядом. Никто не должен оставаться один на один со своими демонами.

Тогда всё это и случилось.

III.

Я вышла из штаба, тяжело вздохнула и устало потёрла переносицу. День был трудный: мы организовывали большой квест для десяти команд, а вечером на костре дружно перешли экватор двухнедельной экспедиции, что всегда воспринимается как некий обряд. Хотелось поскорее забраться в спальник и забыться прекрасным сном без сновидений под боком у Марины Ивановны. Если она, конечно, не верстает новый выпуск газеты в пресс-центре.

Прежде, чем я смогу позволить себе отдохнуть, мне нужно проверить детей. Во-первых, здесь каждый день, каждый час льёт дождь, поэтому мне нужно понять, не протекают ли наши палатки. Во-вторых, я должна удостовериться, что все места в них заняты согласно купленным билетам. Под звёздочкой: количество учеников должно соответствовать количеству привезённых спальников.

Раз, два, три, четыре, пять — я иду считать!

Подпрыгиваю, чтобы хоть как-то взбодриться, накидываю капюшон дождевика и, по щиколотку увязая то в грязи, то в глине, отправляюсь к оврагу, на краю которого мы и владимирская делегация (почти по алфавиту, если бы тут ещё была волгоградская, но она предпочла лесистому обрыву надёжную поляну) разбили лагерь.

В первой палатке — палатке младших — всё тихо. Она на совесть окопана Колей, на дне канавы плещется вода, но ничего критичного в этом нет. Делаю круг почёта, просвечивая фонариком, как овоскопом, внутренность походного дома. Четыре тени — всё спокойно. Они ещё и спят — какая редкость и какая радость для любого, кто ответственен за их жизнь и здоровье!

Во второй палатке — небольшое отклонение от нормы: четыре тени вместо положенных трёх. Бесцеремонно открываю вход и проскальзываю внутрь. Валя с Алёной в обнимку спят в одном углу, дальше гитара, неизменная спутница делегации, и сразу за ней сидят в спальниках, как в пледах, Настя и Тиша, смотрящие на меня умоляющим взглядом. Я поджимаю губы и качаю головой. Впрочем, мы все знаем, что это означает.

Я нарушила примерно половину правил педагогической этики за одну минуту. Но если бесконечно следовать букве закона — можно ли стать по-настоящему хорошим учителем, который, как нам внушают, должен быть другом и старшим товарищем?

Показываю на запястье, где в тусклом свете опущенного фонаря блестит циферблат часов.

«Чтобы в шесть утра был в СВОЕЙ палатке. Я понятно объясняю?»

«Ты лучшая!»

Настя ничего не говорит, но в голубых глазах, в их двойной звёздной системе, я вижу бесконечную благодарность. Рукой провожу по полу — сухо. Палатку девчонок мы ставили на ельнике, у них любая течь будет скорее исключением, чем правилом. Если они сами, конечно, ничего не прорежут и не порвут.

Я не хочу оттуда уходить, из этого тёплого весёлого приветливого дома, где мы часто поём и много смеёмся. Я не хочу возвращаться к своей палатке, потому что рядом с ней есть третья, которая стоит входом к нашему входу. Глаза в глаза. Лицом к лицу.

Главное — сделать первый шаг, а дальше будет легче. И я, неизящно выбравшись и застегнув молнию, поправляю дождевик и поворачиваюсь назад.

Синяя двухместная палатка. Тоже окопанная и тем же Колей. Ну что может произойти, когда мы так хорошо подготовлены? Может быть, на фиг эту проверку?

А если у него опять спальник сырой, как два дня назад? У них в углы палатки затекает, мы их проклеили, конечно, но здесь уже ничего не поможет.

Вздрагиваю, чувствуя, что снова начался дождь. Промокнуть под ним не так страшно, как открыть вход в чужой дом.

Я на секунду.

Арсений спал. Чтобы не выпускать тепло наружу (одному надышать палатку, когда за бортом едва ли четыре градуса, трудно, а сосед явится под самое утро), я зачем-то скидываю сапоги и осторожно снимаю тонкую куртку, сворачивая её рядом (не хватает ещё притащить за собой хвост из воды и грязи). Забираюсь внутрь, сажусь, подбирая ноги, на край чьего-то пледа, раскинутого наподобие ковра, чтобы не тянуло холодом от земли.

Ну что же, спальник сухой. Дотягиваюсь, извернувшись, до другого угла — тоже сухо. Миссия пройдена, можно теперь и самой спать лечь. Бодро хватаюсь за молнию, готовая через миг выбраться наружу.

«Останься. Пожалуйста».

IV.

Мне становится так холодно, будто я стою там, под этим проливным дождём, без трёх своих водолазок, в одной лёгкой майке и коротких шортах, по щиколотку в липкой глине. Там, на просторе, а не здесь, в маленьком замкнутом пространстве.

Мне становится не по себе.

Арсений вылезает из спальника по пояс, щурится, поправляет ворот свитера. Конечно, он не спал. Конечно, он ждал. И конечно, не Тимофея.

Он знал, что я приду, потому что я всегда прихожу к ним по ночам не то злой волшебницей, не то доброй феей.

Его пробирает дрожь, я замечаю это только сейчас. Многозначительно показываю на свою университетскую толстовку. Он резко качает головой.

Он всё делает резко, и это пугает ещё больше: никак не угадаешь, чего ждать от него через минуту. Не люблю непредсказуемость.

«Мне нужно с тобой поговорить».

Голос, низкий и хриплый, сломан.

Я знаю, скольких усилий ему стоило вот так вот попросить о помощи. Ему, подчёркнуто самостоятельному, отчуждённому, колючему. И о помощи он просит меня. Меня! — студентку, только окончившую второй курс вуза, растерянную, удивлённую этой ночной встречей не меньше его самого.

Я ищу пути отступления. Тщетно — из палатки всегда только один выход, и я только что сама себе его безжалостно отрезала. Зашила, застегнув молнию. А вокруг лопатой Коля очертил круг. Защитный ли? Запирающий ли?

Приглядываюсь, погасив фонарь. У Арсения длинные растрёпанные, будто наэлектризованные, волосы и бледная кожа. Острые скулы и тёмные злые глаза с нехорошим нервным огнём. И этот огонь особенно пугает.

Он младше меня всего на каких-то пять лет. Я, кажется, должна быть мудрее, умнее и опытнее. Но так ли оно на самом деле? Поможет ли сейчас учебник по педагогике, который мы читали? Или аффирмации декана, исчерпывающиеся формулой «в школе хорошо, в школе прекрасные дети, которые вас очень ждут».

Да ни хрена они не ждут, и ни хрена там не хорошо. Вы никогда там не были, Алёна Валерьевна, ваш элитный лицей с вышколенными благородными девицами и учтивыми джентльменами — потёмкинская деревня. Вам никогда не было больно оттого, что ваши ученики каждый день становятся жертвами коллективной травли, учатся жить, потеряв родителей, или режут себе вены от несчастной любви. А ты, их учитель, ничем не можешь помочь, по рукам и ногам скованный федеральным образовательным стандартом, законом об образовании и директорским неодобрением таких откровенных и настоящих разговоров о важном.

Нас к таким ночам в вузе не готовят, даже не предполагают, что они могут случиться. Нас там выращивают, как растения в теплице, для идеальных школ, для ангелочков-детей, у которых нет проблем и второго дна, которые росли в благополучных полных семьях, которых не воспитывала улица.

Таких не бывает, теперь я это отчётливо понимаю. Все мы чем-то травмированы: гиперопекой, физическим или психологическим насилием, фобиями.

И это страшно.

Я выдыхаю, медленно, как перед прыжком в холодную воду.

Успокойся, так надо. Кого ты обманываешь? Разговор назревал давно, вспомни, сколько раз ловила его тоскливые тяжёлые взгляды, сколько раз он к тебе приходил, напряжённо молчал, а потом просил о какой-то глупости и убегал, как младшеклассник. Как он показал тебе место, где скрывались Настя и Тимофей, и сделал это с нескрываемым злорадством, полагая, что ты их отругаешь. И им будет плохо. Так же плохо, как ему сейчас.

Рано или поздно это бы произошло. Даже лучше, что сегодня, ровно в середине смены. Следующую неделю, возможно, мы все проживём легче. Либо нам всем будет одинаково паршиво, но хотя бы одному станет лучше. Чему учат на педагогическом, так это умению идти на жертвы. Особенно когда рассказывают историю о пеликане — символе учительства — с чувством, с толком, с расстановкой, чтобы культивировать у студентов стойкую нелюбовь к профессии.

Сажусь напротив него, по-прежнему поджимая под себя ноги, скрещиваю на груди руки. Потом, вспомнив психологию, кладу ладони на колени. Я открыта к диалогу.

«О чём?»

Он разворачивается ко мне, и я впервые вижу в его глазах слёзы. Непрошеные. Неправильные. Такие чужие для него и такие…

Дальше всё пойдёт неправильно.

Я жутко боюсь к нему прикоснуться, нам вообще запрещают тактильные контакты с учениками. Да, руку на плечо тоже нельзя: а вдруг расценят как, не дай Бог, домогательство? И даже приобнять нельзя: кто вам сказал, что ребёнок этого хочет и в этом нуждается?

Но что делать, если я касаюсь не ученика, а его души? Самого сокровенного и самого болезненного? Считать ли это нарушением? Преступлением, ведь я сейчас игнорирую закон об образовании и педагогическую этику?

Я кладу руки на его щёки — он не дёргается, хотя хочет, вижу, что хочет. Он позволяет мне так сделать, потому что именно это ему сейчас нужно.

Дрожу, но заглядываю в эту чёрную бездну, чтобы за показной импульсивностью и нервозностью увидеть настоящие причины. Увидеть его самого. А потом постараться не отпрянуть в испуге и выдержать всё, что он расскажет.

В конце концов, ему тоже страшно доверять мне. Он моргает, и мы оба падаем в омут памяти.

Сначала я вижу его в классе — недопонятого гения, объект насмешек, вечного шута. А ведь он очень умный, у него тонкое чувство времени и эпохи, он блестяще пишет исторические эссе. Сочинения по литературе, правда, далеко не так

блестяще, но его голова устроена совершенно иначе, и то, что он накатал мне по «Онегину» зимой заслуживало всяческого поощрения хотя бы за оригинальность. Правда, как все мы знаем, именно таких, инаковых и других, не любят больше всего. А детская жестокость границ не знает, и он понял это довольно быстро, тут же заняв оборонительную позицию и нацепив маску местного юродивого.

Потом я вижу его со скрипкой, эдакого Антона Рубинштейна, вдохновенного, отдающегося во власть музыки с той жаждой и жаром, на которые способны лишь настоящие таланты. Я буквально слышу, как лихо он играет «Куклу колдуна», а затем — нежного Чайковского. Для меня, потому что я в шутку попросила его об этом прошлой зимой, даже не ожидая, что он согласится.

Для меня…

Потом я вижу его семью и чувствую, что мои руки теплеют от невысказанной и непрошеной жалости. Дед-алкаш, беспробудно пьющий каждый день. Мать, уехавшая во Владивосток к новому мужу, оставившая сына с… этим. Фигуры отца просто нет, я не нахожу её ни в одном из уголков прошлого.

Нервный, сложный, импульсивный. У тебя всё всегда напоказ.

Всё, кроме самого главного. Того, чего глазами не увидишь.

«Мне страшно».

Он не произносит ни звука, но я понимаю всё.

«Мне тоже страшно. Если бы ты знал, как мне страшно за тебя сейчас».

Я протягиваю руки вперёд и тут же прижимаю его к себе. Я чувствую, я знаю: он плачет от боли, стесняясь собственной откровенности и радуясь ей. Словно что-то внутри, засов, сдерживающий тьму обид, переживаний и чувств, открылся, хрупкая стеклянная преграда сломалась и то, что в нём так долго скрывалось и молчало, наконец обрело голос.

Как расстроенная скрипка, он плачет на моём плече, рассказывая свою историю. И мне она понятна без слов.

Я обнимаю его. Мои пальцы скользят по худой спине, считая позвонки, путаются в жёстких волосах.

Сумасшедшая мелодия в духе Стравинского, которая слышна только нам, бурное море непрожитых эмоций и непроработанных травм, накрывает с головой. И нужно, просто необходимо сохранять рассудок. Быть мудрее. Быть старше. Не навредить, обезвреживая мины (педагогический термин, между прочим), вытаскивая занозы и обрабатывая раны.

А могу ли я вообще его обнимать? А так могу? А вот так?

Он утыкается носом мне в шею и на какое-то время затихает. Он тоже меня обнимает — отчаянно, трогательно; боится, что я не выдержу и уйду, потому что многие вот так вот уходили, когда он показывал себя настоящего, израненного, измученного, слабого. Поэтому мне страшно шевелиться, страшно от того, что́ я испытываю, что сейчас боюсь себя и его одновременно.

Но я не ухожу. По-моему, я пытаюсь выдавить что-то глупое и мотивирующее (а что ещё скажешь в таких случаях?), но это видится мне таким мелочным, что я молчу. И снова глажу его по спине, по голове, как в детстве, снова даю понять, что он в безопасности.

И тут он заговаривает. Тихо, шёпотом, уже совсем другим голосом. Голосом, который я запомню надолго и который больше никогда не будет так звучать. Треснутым, как старая пластинка, горячим, как слёзы.

Он расскажет мне о своих ночных кошмарах. О Лизе, в которую влюблён и которая влюблена в другого. О Тимофее, который, кажется, его предал.

«Тебе кажется».

Он расскажет мне о том, о чём ещё никогда никому не говорил: о мыслях о суициде, об алкоголе и запрещённых веществах, которые он успел попробовать. О ненависти к себе самому.

Что-то меняется, и теперь мне страшно не за себя, а за него и его хрупкую душу. Мне не по себе от того, что́ он пережил в свои шестнадцать. Что этот дикий огонь нелюбви обращён не на другого — на себя, что резкость и даже злость — удары, вгоняющие нож в собственное тело. Он боится себя, потому что не знает и не понимает. Напуганный, отталкивает от себя других, даже не дав им шанса прикоснуться к ранам.

Ты же даже в такие секунды не о себе думаешь, а о том, кто оказался рядом.

Что могу сказать я, книжная домашняя девочка, которая ничего серьёзнее шампанского на Новый год не пила и все друзья которой воспитаны в благополучных семьях?

Конечно, я понимаю, что он мне душу не просто так изливает. Конечно, это гормоны, это психологическая перестройка. Это синдром самозванца и низкая самооценка.

У подростков вытягиваются не только кости и сухожилия, но и нервы. Ведь личность растёт, а это всегда очень больно.

Может быть, я для него первый молодой взрослый, с которым можно поговорить вот так, без притворства и масок. Можно довериться и надеяться найти понимание.

Я не сделаю ничего, что предписывает должностная инструкция учителя. Я не уйду. Я не буду читать ему нотаций, как, разумеется, следовало бы. Я не расцеплю рук.

Я буду терпеливо говорить, что его любят, что он бесконечно талантлив, что всё происходящее происходит зачем-то и для чего-то: «чтобы ты мог

стать сильнее», «чтобы ты прошёл через травмы сейчас».

«Представь, как больно сломать руку в тридцать лет, когда она тебя кормит?»

И я ни разу не совру. Я буду гладить его по волосам и баюкать. Мне будет жутко и страшно, но я никому про это не скажу.

Каждое моё касание будет выверенным и точным, в меру дружеским и ободряющим, способным передать благодарность за доверие и искреннее участие. Каждое моё слово — уверенным и правильным, чтобы вытравить все ростки сомнений и противоречий. Ведь у меня, как у хирурга со скальпелем, нет права на ошибку.

А он всё ещё плачет на моём плече, делится тем, что нашёптывают ему внутренние демоны.

«Страшно не реализоваться, страшно потерять друга, страшно остаться одному. Страшно быть как дед, пробухать всю жизнь и сторчаться. Страшно оказаться непонятым».

Я по-прежнему сижу рядом и терпеливо слушаю его спонтанный сбивчивый монолог, ощущая, как с каждым словом и с каждой слезой его отпускает. Его дыхание становится глубже, а речь — медленнее.

Он успокаивается, залезает обратно в спальник, я помогаю его застегнуть. Он кладёт голову на мои колени, и я что-то рассказываю ему о себе, перебирая длинные непослушные волосы. Сказку о книжной девочке, которая сдала ЕГЭ, получила медаль и поступила в университет. Которая дралась с мальчишками во дворе и дерзила директору, а в вузе уже успела поругаться с деканом. У неё скверный характер, но она научилась с ним жить и даже считает его своей особенностью.

Пальцы путаются в прядях. Завтра я принесу расчёску и приведу тебя в порядок. Твою причёску и твои мысли.

Мой глупый. Мой хороший. Мой — кто?..

Друг. Потому что я чувствую, как педагогический барьер между нами рассыпался осколками, чудом никого не задев. Кто бы знал, что это, оказывается, так просто и так хорошо?

Он засыпает. Я невесомо целую его в лоб, как целовали в детстве меня, чтобы успокоить, и медленно вылезаю из палатки. Как всегда, совершенно неизящно, зато аккуратно. Видимо, прихожу в норму.

Дождь заканчивается, с веток падают последние капли. Падают прямо на меня, холодные, отрезвляющие.

И никто не видит, что я сейчас плачу вместе с этим дождём, отчаянно и горько.

V.

Арсений когда-то показал мне обрыв, на котором по ночам сидят Настя и Тимофей. Он бы тоже хотел там сидеть, но не с кем, а наедине с собой, особенно на высоте, страшно. Теперь я иду туда, потому что мне нужно побыть одной. Мне надо подумать.

Правда, успеваю из своей палатки выволочь спальник, с удовольствием отметив, что нашего историка там нет. Мы говорили без свидетелей.

Кидаю на мокрую траву коврик и с радостью закутываюсь в походное одеяло, замечая, что горизонт начинает прошивать золотая полоса. Надо же, скоро рассвет. Надеюсь, он всем нам принесёт настоящее просветление.

Тревоги возвращаются.

Страшно, когда касаешься чужой души, когда, как хирург, иссекаешь поражённые ткани и зашиваешь раны.

Но те ли? Так ли?

Я — хирург. Мой скальпель — слово, мой тампон — касание.

Стало ли ему легче? Стало ли ему проще?

У врачей есть принцип: noli nocere — не навреди. Говорят, что он исповедуется ещё со времён Гиппократа. Так вот — не навреди.

А не навредила ли я? Не ранила ли его? Здесь мой главный страх. Не сделала ли хуже своим ночным визитом и молчаливым согласием на сеанс психотерапии? Не усугубила ли и без того тяжёлое состояние нервного больного?

Он же не каждому позволит себя касаться, особенно своей души, не каждому откроется. А передо мной он был совершенно беззащитен. И хотел быть беззащитным.

Влюбился?

О нет, есть тысяча таких историй, и каждая — с плохим или условно плохим концом. Но я сделала всё, я знаю, что сделала всё, чтобы этого не случилось. У меня хватило такта и эмпатии, чтобы не перегнуть палку.

И как мне теперь вести себя с ним? После всего, что было в палатке?

Какая, с этого ракурса, выходит ужасно пошлая история!

Я за час увидела столько, сколько некоторые за всю жизнь не узнают. Я устала. Я ужасно устала. Мне надо подремать… Хотя бы часик…

Кто-нибудь точно разбудит вовремя…

VI.

Мы больше не останемся наедине. Никто из нас не заикнётся про ту самую ночь. Но случится удивительное, что постепенно будет заглушать мой страх.

Страх педагогической ошибки.

Арсений станет спокойнее. Он начнёт понимать эмоции других и перестанет давить на больное, даже если сильно захочет. Он научится говорить о своих проблемах, чтобы ему могли помочь. На финальном концерте он будет звездой сцены и помирится с Тимофеем и Настей.

Он бросит курить и будет пить гораздо меньше. Суицидальные мысли исчезнут из его головы. Надеюсь, навсегда.

А ещё, когда мы вернёмся домой, он сыграет мне глупую «Неаполитанскую песенку», потому что запомнил, как я её люблю (и что на фортепиано умею играть только её). Я промурлыкаю под неё глупенькие куплеты о Перми, которые мы здесь вместе придумали.

В октябре он позовёт меня на концерт нашей любимой группы, и я, конечно, соглашусь. Я его уже не боюсь.

Мы обнимемся, как старые друзья, прошедшие огонь, воду и медные трубы. Мы бок о бок простоим весь концерт и от всей души оторвёмся. Это лучше, чем сеанс у психотерапевта.

А потом он скажет самые главные слова. *«Если бы не та ночь в палатке, когда ты не испугалась, когда просто слушала меня, когда говорила со мной, когда касалась, убеждая, что всё хорошо, что я не один. Когда увидела и поняла. Я не знаю, что было бы сейчас. И был бы я сейчас».*

И страха больше не будет.

Д*и*Н ревю

Екатерина Годвер

После больших снегов

Москва: издательство «стихи», 2023. — 48 стр., ил. — Серия «Сингл». Книга семьдесят первая. — Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»

• • •

На лёд, присыпанный снежком,
Ступает голубь сизый.
Топорщит хвост, идёт пешком
По скользкому карнизу.

Глядит в окно на жёлтый свет,
На ходики с кукушкой,
На облетевший сухоцвет
И хлебную горбушку.

Пора ему сорваться вниз,
В метель, расправив крылья:
А он ступает на карниз,
Где в снежно-звёздной пыли —

Цепочка маленьких следов
От края и до края.
И лампы жёлтый ободок
Горит, но не сгорает.

СОН

Спит кукольник в отеле привокзальном.
Во сне в его сундук вбивают гвозди.
А сам он в детстве, где-то в старой Лодзи,
Где гетто нет и чёрных нет развалин.

Шагает, улыбаясь белозубо,
Не чувствуя затылком нити тонкой.
По улице ещё не едут танки.
И не дымят чудовищные трубы.

Ему — за хлебом в лавку и назад:
Простой сюжет, без тьмы и околесицы.
Колотят в дверь. Ломают…

Молча крестятся,
Не видя сна в распахнутых глазах.

Роман Разживин

Клуб потерянных надежд

Валерик

Взгляд Валерика не мог сфокусироваться на чём-то одном: кресла, коридор, длинная ковровая дорожка, любимый магнитофон в свободной руке — сейчас не играет. Сказочные узоры на стенах, стеклянные шкафы с книгами — всё интересно, на всё хочется взглянуть.

— Придурок! Дурачьё, ох, детина… — отдавалось эхом по коридору санатория. — Давай иди, ну!

Грузный Валерик то и дело спотыкался, бабушка тянула его за руку, а навстречу бежали две радостные девочки.

— Валерик, Валерик! — кричала девочка со слабо заплетённой косичкой. — Кушать идёшь?

— Аг, аг! — улыбался Валерик, поднимая вверх магнитофон.

— Да опусти ты! Ох, дурачьё, — сквозь зубы говорила бабушка. — Девчонки, чего вам? Иди, кому говорю.

Девочки вприпрыжку вились вокруг бабушки и Валерика, смеялись и что-то напевали.

— Кушать, кушать и гулять! Кушать, кушать и гулять! — пропела девочка с рюкзачком-медвежонком.

— Куш, куш, гуля. Куш, куш, гуля! — вторил ей басом Валерик.

— Да будет вам гулять, после еды. Дверь подержите!

Девочки радостно распахнули дверь столовой, в коридор ворвались запах овсянки и звон столовых приборов.

— Ох, детина… — бабушка потянула Валерика к умывальнику, а девочки побежали к выходу во двор.

Всё улыбалось Валерику: и пёстрые скатерти на столах, и золотой луч, застрявший в стекле солонки, и мушка, севшая на зеркало над умывальником. Струя воды занимала Валерика меньше всего, он уже искал глазами магнитофон.

— Давай садись, пока людей мало, — сказала бабушка, обтирая Валерику ладони.

— Музка! Музка! — забеспокоился Валерик.

— Да будет тебе музыка, ох, детина, — нагнулась бабушка за оставленным под раковиной магнитофоном.

Валерик прижал к груди магнитофон и сел на ближайший стул. Бабушка, тяжело вздохнув, пошла за кашей и бутербродами. Приятный сквозняк трепал чёрные отросшие кудри Валерика, ковёр на полу так мягко давил на подошвы, что хотелось покрепче вжать в него ноги, на всё пространство столовой звонко разлетелась музыка.

— Ох, дурачьё! Простите, ради Бога, — бабушка, уронив на пол бутерброд, спешила к внуку. — Детина! Что говорила тебе?! — выхватила она из рук Валерика магнитофон.

— Музка, ба! Музка, ба! — покачивался Валерик на стуле в такт песне.

— Ух! — бабушка трясла магнитофон в руках и искала нужную кнопку. — Ух, я тебе!

Притихший магнитофон оказался через стол от Валерика, а бабушка пошла к упавшему бутерброду, чтобы убрать за собой, но его уже не было. Валерик пристально глядел на мусорный бак в конце раздачи.

— Ешь давай, — вернулась бабушка с кашей и новым бутербродом, — ложку бери, ох, детина.

Валерик ел вяло, пристально глядя на другой стол.

— Музка, ба, — угрюмо произнёс он.

— Ишь! Ешь, — злобно взглянула бабушка.

Валерик поковырялся в каше, съел бутерброд и стал смотреть на старую потрескавшуюся оконную раму. Бабушка встала.

— Держи свою музыку! — сунула она магнитофон Валерику в руки.

— Музка, музка! — вскочил он с места и прижал магнитофон к груди.

— Иди давай.

Пока бабушка убирала посуду, Валерик подошёл к выходу из столовой. Он, слегка сгорбившись, встал напротив двери и без интереса на неё глядел. Дважды поднимал руку, чтобы взяться за ручку, но каждый раз, покачав головой, опускал.

— Дурачьё! — дёрнула бабушка за дверную ручку и подтолкнула Валерика.

• • •

Сытый Валерик сидел на любимой скамейке-качалке в уютном дворе санатория. Солнце

заботливо грело, сосновый запах сливался с жизнью, подвижная травушка щекотала непослушный взгляд Валерика и отвлекала от щебетания девочек.

— Валерик! А сколько тебе лет? — задорно спрашивала девчушка с распустившейся косичкой.

— Два… два! Ага… двадцать… ага… пять! — отвечал весело Валерик, держа на коленях магнитофон.

— Настя, ты вчера спрашивала! — сказала девочка с рюкзачком-медвежонком. — Валерик, а кем ты хочешь быть?

— Музка! Музка! — поднял Валерик магнитофон, поглядывая на задремавшую на солнце бабушку, сидящую поодаль. — Одна, одна!

— Певцом? — спросила Настя.

— Ты одна! Одна! — повторил он, радостно кивая.

— Ух ты! Валерик, а спой нам! — просили девочки наперебой и, переглядываясь, улыбались.

Валерик, глядя на всё, улыбался в ответ. Он нажал на кнопку магнитофона, и полилась песня. Валерик с открытым ртом стал качаться на скамейке и мычать мелодию:

— У-у-у! У-у-у! — а девочки принялись перепрыгивать с ноги на ногу, резво смеясь и напевая что-то своё.

— Света, на речку! — воскликнула Настя сквозь музыку. — Валерик, ты с нами?

Девочки побежали в сторону тропинки возле главного корпуса санатория, Валерик неуклюже вскочил со скамейки, успев нажать на кнопку магнитофона, и поспешил за ними. За зданием санатория ручей изящным изгибом касался травянистого берега и ускользал в сторону далёкого леса.

— Рыбка, рыбка! — взбежав на горбатый деревянный мостик, кричала Настя.

— Какая рыбка, ну? Их тут нет, — отвечала Света.

Валерик размашисто топал по высокой траве, минуя тропинку, и угодил в жидкую грязь. Испугавшись, он топтался на месте, пачкая кроссовки.

— Валерик! Валерик! — кричали девочки, указывая на тропинку, но Валерик не смотрел на них.

— Что там? Змея? Змея? — прозвучал в стороне встревоженный женский голос.

— Где?

— Да вон, парень прыгает!

Две женщины на бережке поспешно складывали покрывала. Пошатнувшись, Валерик уронил магнитофон и сам рухнул в траву. Неловко вскочив, он допрыгал широкими шагами до тропинки и с ужасом взглянул на грязные кроссовки.

— Ба! Ба! — беспокойно повторял он и стучал носком по пятке.

Девочки подбежали к нему, когда он остался в одной кроссовке. Он поспешно сдёрнул вторую и, схватив их в руки, быстрым взмахом запустил на середину ручья. Замешательство отразилось на лицах Насти и Светы, умиротворение и улыбка появились на широком лице Валерика. Но он опустил взгляд, и спокойствие растаяло. Носки были покрыты грязью. Валерик быстро стащил и их.

— Хватай! — крикнула Настя и повисла на мощной руке Валерика.

Света схватила другую руку. Через секунду девочки сидели на земле, а носки, долетев до воды, уже мирно покачивались на слабых волнах от падения кроссовок. Босой Валерик улыбался во весь рот, глядя на сидящих на земле девочек.

— Дурак! Ох, детина, да чтоб тебя! — раздалось со стороны главного корпуса.

Бабушка спешила к бережку, за спиной Валерика уже сверкали девчачьи пятки. Разведя руки в стороны, словно для объятий, Валерик стоял и улыбался бабушке.

— Придурок! Сколько можно!

— Ба! Ба! — радостно повторял Валерик.

— А ну, — запыхавшись подходила бабушка, — быстро! На секунду не оставить. Это что?..

Бабушка увидела покачивающиеся на середине ручья кроссовки и перевела взгляд на босые ноги Валерика.

— Дубина! Да как ты мог?.. — чуть не заплакав, произнесла бабушка.

— Грязные, грязные, — махал руками Валерик. — Ай! Ай!

Бабушка хлестнула Валерика полотенцем.

— Да что ж ты со мной творишь?!

— Ай! Ба! Ба…

— Да вот ты где уже мне!

Она схватила Валерика за руку и потащила за собой по тропинке.

— Больно, ба! Больно! — переступал босыми ногами по острым камешкам Валерик.

— А мне, думаешь… — бабушка резко остановилась, — мне, думаешь, не больно? — и с новой силой потащила Валерика за собой.

— Музка, музка!

— Да плевать я на неё хотела!

— Музка! — срывающимся голосом ревел Валерик.

— Вот так теперь и будешь ходить! Так и будешь, детина.

• • •

Валерик сидел в мягком кресле возле стеклянных шкафов и вжимал босые ноги в ворс ковра. Взгляд его сфокусировался на одной точке, никуда не двигаясь. Коридор полнился вечерним спокойствием, полумрак был разбавлен слабым светом из открытой двери номера.

— Ба… ба… музка, — шептал, покачиваясь, Валерик, — ба… ба… музка.

— Так, а пошто они вам его? — послышался мужской голос из открытой двери.

— Оставили-то? Да двадцать лет назад ещё,— ответила бабушка, махнув рукой в сторону коридора, где в полутьме могла видеть волосатые ноги внука.— Поняли, какой он, и смотались, а мне чего делать?

До Валерика долетал еле слышный звон стаканов. Иногда он поглядывал украдкой на подол бабушкиной юбки, но тут же отводил глаза.

— Всю кровь мне выпил, а куда деваться? Ох, детина, да.

— Ба… ба… музка,— покачивался Валерик и резко посмотрел налево.

— Представляешь, целая змея в траве! Ленка рассказала,— прошли две подруги по коридору, одна недоверчиво взглянула в открытую дверь, откуда шёл свет.

— Ой, аккуратнее надо,— ответила другая, удивлённо взглянув на Валерика, сидящего в кресле.

Бабушка встала и закрыла дверь номера. Валерик тут же поднялся с кресла и направился туда, откуда только что вышли подруги. Остановившись возле двери, он немного потоптался на месте и дважды потянулся к ручке. Буркнув что-то под нос, он резко развернулся и вновь оказался у кресла. Валерик беспокойно глядел во тьму позднего вечера за окном, едва различая макушки тонких сосен, слившихся с небом. В открытую форточку потянуло прохладой, Валерик поднял глаза.

— Музка, музка,— прошептал он и, неуклюже переступая ногами, встал на мягкое кресло.

Шатаясь, Валерик крепко схватился за открытую створку форточки и нашёл равновесие.

— Ба, музка,— прошептал он, услышав хохот бабушки за закрытой дверью номера.

Валерик встал одной ногой на подоконник и постоял так минуту, затем подтянул вторую ногу и попытался просунуть голову в форточку.

— Музка! — крикнул наружу Валерик и, тяжело дыша, вслушался в тишину.— Музка! — крикнул он снова и надавил на стекло.

Дерево рамы треснуло.

— Ба! Ба! — взревел Валерик, полетев вниз вместе с оконной рамой.

Звон осколков всполошил, наверное, всех постояльцев. Валерик вскочил с земли и, загудев, словно бык, рванул вперёд во тьму. Он чувствовал, как руки и лицо наполняются чем-то жгучим, далеко за спиной слышал чьи-то крики. Он плутал средь сосен и, теряя силы, всё тяжелей дышал. Упав возле скамейки, он немного отдохнул, встал и побрёл вновь.

— Ба, ба…— беспокойно повторял Валерик, едва волоча ноги.

Идти стало трудно, тело тяжелело. Добравшись до мягкой высокой травы, Валерик упал и перевернулся на спину.

Тихое журчание ручейка ласкало слух Валерика, приятная теплота мягко струилась по лицу и рукам, прохладная трава давала отдых, лишь жжение во всём теле надоедало ему, как назойливый комар. Валерик шевельнул рукой и наткнулся на магнитофон.

— Музка,— едва произнёс он и нащупал любимую кнопку.

Заиграла песня. Валерик расплылся в улыбке и закрыл глаза.

Он видел всё. Он был спокоен. Ему приснились мама и папа. Внешнее жжение стало внутренним огнём, к которому потянулась его душа, словно мотылёк. На полпути к этому огню из сна его вырвал родной голос.

— Валера, господи! — бабушка стояла перед Валериком на коленях.— Что же ты…

— Ба! — встрепенулся Валерик.— Ба! Ты одна, ба! Ты у меня одна!

У бабушки задрожал голос.

— Валерик, господи, Валерик мой.

— Ты у меня одна, ба! Ты у меня одна,— Валерик трясся от ночного холода.

— И ты у меня один, Валерик мой, ты ж весь…— бабушка разрыдалась и прижала внука к сердцу,— порезался… родной мой. Прости меня, прости.

Бабушка взяла магнитофон в руку и выключила его. Тяжело поднявшись на скользкой траве, она помогла встать Валерику. Он припал к ней на плечо и заплакал. Бабушка приглаживала его отросшие кудри и разглядывала в слабом лунном свете порезы на лице.

«Ох, дитя моё, Валерик, ох, дитя…» — слышалось в ту ночь с тропинки возле санатория. «Ты у меня одна… ты у меня одна, ба»,— слышалось в ответ.

Клуб потерянных надежд

Мы с Аней шли по сырому безлюдному тротуару вдоль бетонного забора, как вдруг из приоткрытых железных ворот послышался шум толпы и какие-то крики. Мы насторожились и решили аккуратно пройти мимо. Из любопытства я бросил взгляд в проём железных ворот и увидел, что между старых гаражей по кругу стояли штук десять деревянных стульев. На каждом сидел человек. В центре круга рыжеволосая девушка отплясывала какой-то нелепый дикий танец, а люди на стульях хлопали, гудели, гремели всем, чем могли. Глаза рыжей незнакомки устремились в мою сторону, от неожиданности я встал как вкопанный. Она бросилась к воротам и уставилась прямо на меня.

— Хотите к нам? — весело, пытаясь отдышаться, спросила она.

— К вам? — недоумевал я.

— Да. У нас тут клуб потерянных надежд.

«У вас тут что?» — промелькнуло у меня в голове, но незнакомка уже тащила меня за рукав.

Махнув Ане рукой, чтобы та не стояла «на пороге», она втащила меня в самый центр круга, где

ещё минуту назад сама отплясывала свой странный и неуклюжий танец. Аня сделала несколько неуверенных шагов и зашла вслед за нами. Незнакомка спросила:

— Ты мечтал стать кем-нибудь?

Человек десять пристально смотрели на меня. Я секунды три медлил с ответом и рассматривал этих пока ещё странных для меня людей. Осознав, что за мой ответ мне, скорее всего, ничего не грозит, я ответил:

— Рок-звездой.

Это было неожиданно даже для меня, но я вспомнил, как в молодости играл в группах и как мечтали мы выступать на огромных сценах. Но кто ж об этом тогда не мечтал? Мне не стыдно было в этом признаться.

Толпа загудела, я вздрогнул, Аня попятилась к воротам. Со всех сторон мне кричали:

— Круто! Давай! Жги, рок-звезда! Йиху-у-у!

Но я стоял и не понимал, что нужно делать. Сквозь шум толпы рыжая незнакомка крикнула мне:

— Исполни что-нибудь!

Исполнить что-нибудь? Они в своём уме? Я развёл руки в стороны и крикнул в ответ:

— Но как?!

Но она уже неистовствовала вместе с толпой, прыгала и кричала мне:

— Давай же! Исполни! Они твои фанаты! Не заставляй их долго ждать!

Нужно было что-то делать. Я изобразил, что держу в руках гитару, толпа заревела ещё сильнее. Они подскочили со своих мест и встали за стульями, которые отгораживали меня-звезду от них-фанатов, как на настоящей сцене. Это был шанс удрать. Аня держалась всё ближе к воротам, а я держал её в поле зрения. Под неистовый гул толпы мы переглянулись, я увидел в её взгляде тревогу. Я вновь посмотрел на своих «фанатов»: среди них были и силачи, и дохляки, но злить такое количество людей — безумие. Я решил действовать, поставив в цель наше спасение. Я стал изображать, что играю на гитаре, представляя в голове гитарный рифф из «Энтер Сандман» «Металлики». С ритмом и гитарами у меня всегда был полный порядок, несмотря на то что к своим тридцати трём годам я забросил музыку, даже как хобби. Я стал озвучивать голосом ту самую мелодию, которая взрывала стадионы. «Фанаты» присели на корточки и на самом взрывном моменте вскочили как подорванные и начали прыгать, бросая вверх «козы». Это было дикое, но притягивающее зрелище. Я всё больше входил в раж, становилось жарко. Я поставил одну ногу на стул, как это делают настоящие гитаристы, и качался в такт музыке, которая даже не звучала. Толпа качалась вместе со мной и подпевала что есть мочи. У нас была общая музыка, которую мы чувствовали. «Фанаты» продолжали прыгать, трясти головами, подпевать, выкрикивать слова песни. А я выжимал из воображаемой гитары всё, что мог. Сногсшибательный «соляк» повалил их на землю, они упали, ещё слабо подвывая мелодию. Песня кончилась, я аккуратно поставил «гитару», прислонив её к ближайшему стулу, и стоял в полнейшем недоумении, пытаясь отдышаться.

— Что это было? — спросил я рыжую незнакомку, которая медленно-наигранно аплодировала, приближаясь ко мне.

— Ты только что исполнил мечту, — ответила она мне.

Оба запыхавшиеся, мы присели на стулья, Аня стояла уже ближе ко мне. Я видел, что она улыбается, но жутко стесняется подойти. Незнакомка указала рукой на «фанатов», похлопывающих друг друга по плечу в знак уважения за то, что ещё так молоды душой, и сказала:

— Это Джек, Кристофер, Николь, Джеффри… а я Скарлетт.

Она перечислила всех, каждому я кивал, но запомнил только нескольких.

— Но это же не настоящие ваши имена? — спросил я.

— Конечно! — ответила, смеясь, Скарлетт. — Мы здесь те, кем когда-то хотели стать, но не стали. Я, например, танцовщица.

— Да, я видел, классно танцуешь, — соврал я.

— Да нет же! Ты не понял. Я знаю, что танцовщица я хреновая, но в этом и смысл, понимаешь?

Я продолжал разглядывать их. Это были вполне приличные люди в нормальной одежде, без алкоголя или чего-то такого. Все были разного возраста: две девушки лет тридцати, мужчины от тридцати до сорока лет. Паре человек я бы точно дал больше пятидесяти. Простые мужики, которые пьют пиво по вечерам или впиваются взглядом в телевизор, утопая в диване. Они были обычными людьми, которые воплощают свои несбывшиеся мечты в реальность. Я невольно улыбнулся: разве можно такое представить? Однако мне всё ещё не верилось, я спросил Скарлетт:

— Но для чего вам всё это?..

— А сам ты ещё не понял?

— В каком смысле?

— Эй, чувак! — крикнула она мне в лицо. — Ты только что забабахал нам «Энтер Сандман». Что ты чувствовал при этом?

Я задумался на мгновение… а ведь и правда.

— Истинный кайф. Будто я отыграл целый концерт, — ответил я.

— Вот и-и-именно! — с улыбкой протянула Скарлетт, ткнув меня пальцем в грудь.

— Как в бойцовском клубе, что ли?

— Только бить никого не надо, — добавил Николь или Джеффри.

— Точнее, как в клубе потерянных надежд! — ответила, смеясь, Скарлетт и продолжила: — А самое главное знаешь что?

— Что? — спросил я.

— Мы не обманываем себя, а просто пару часов верим друг другу. Просто верим, и всё.

Толпа вновь загудела. Аня уже не боялась и села рядом. Внутри этого круга из стульев был создан свой мир, от которого веяло теплом, как от очага. «Мы просто пару часов верим друг другу…» — крутилось у меня в голове. Мы пробыли у них ещё немного и посмотрели на безобразную актёрскую игру Николя, на паршивое пение Джеффри, но… мы улыбались, и все улыбались. Мы хлопали каждому и верили. Верили так же искренно, как верил сам человек, находившийся в круге. Боже мой, да ведь и я был в круге… И не важно, что они исполняли. Было важно лишь верить.

Через полчаса мы с Аней пошли дальше. Вынырнув из-за серого бетонного забора, мы ощутили какую-то душевную сырость, словно отсоединились от чего-то. Волшебство исчезло, но где-то оно ещё жило. Аня взяла меня за руку так крепко, как никогда не брала. Я взглянул ей в глаза и ощутил что-то космическое, на грани единения со всем человечеством. Я видел любовь, я видел волшебство. Не успел я сказать хоть что-нибудь, как она заговорила первой:

— Знаешь, я тебя таким давно не видела.

Она улыбалась, даже слезинки поблёскивали на её ресницах.

— Каким? — спросил я.

У меня захватывало дух.

— Таким… раскрепощённым, счастливым.

Мы улыбались друг другу, держась за руки. Накрапывал дождь, а может, мокрый снег — нам было не важно. Спустя минуту она продолжила:

— Только обещай, что не будешь менять своё имя на американское.

— Не буду, Анька, — рассмеялся я, — не буду!

— Мне нравится, когда ты… настоящий.

ДиН ревю

Ольга Козэль

Когда разбивается самолёт

Москва: издательство «стихи», 2023. — 36 стр., ил. — Серия «Сингл». Книга семидесятая. — Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»

● ● ●

Не видать мне тебя, княженика!
Ты живёшь неприкаянно, дико.
Гор отроги в уральских лесах —
Точно пальцы в твоих волосах.
Угловатой походкой усталой
Осторожно ступаешь по скалам.
Поглядишь — и вода из колодца,
Словно кровь лебединая, жжётся.
Княженика, спаси тебя Боже
За красу и за горечь твою!
Мы – чужие. И всё же, и всё же
Ты навечно во мне, как в раю.

● ● ●

Моя сестра теперь в чужой стране,
Пытаюсь я смириться с горьким фактом.
Ведь кто-то погибает на войне
Иль просто умирает от инфаркта.

Подумаешь, погасшее окно
Объеду за сто вёрст — и, может статься,
Тот холод мне милее всё равно
Тепла всех на земле электростанций.

Пусть лучше я погибну на войне,
Лишь бы не видеть тёмных окон мне.

Василий Киляков

Зарницы памяти

Однажды, измарав уже изрядно бумаги увлекательной выдумкой, оторвавшись от исписанного листа и возвращаясь к нему вновь, вдруг ясно до скуки почувствовал, что всё-таки это выдумка, пусть даже и удачная — но неправда, сочинительство. Жизнь же сама по себе куда таинственней и сложней, она ведёт путями, которые не придумать и не проследить. И вдруг стало так понятно, так открыто, что всякая выдумка — лишь пустая трата жизни, и своей, и чужой. Открылось так трагически очевидно, что с возрастом стыдно даже и перечитывать, а не то что продолжать всё так же выписывать надуманные образы, события, измышлять, что вот-де жил такой-то человек под такой-то фамилией и с таким-то воззрением на мир, вздорным и забавным, с этаким эксцентрическим, не по лекалам, характером… Тогда как на самом деле такого человека вовсе никогда не существовало, и не ходил он так часто, как придумано в книге, по такой-то (будто бы) улице… и не встречал Ивана Петровича… и жену его Марью Дмитриевну, которую когда-то страстно любил, и так далее, и прочее…

И писатель записывает, считывает узоры стекляшек собственного своего причудливого калейдоскопа воображения, фиксирует на бумаге его переливы; смену красочных мозаик из стекляшек и игру света на них… И знает очевидно, что и это всё опять-таки ложь. И от этих придумок, пусть даже очень похожих на подлинные события, становится порой неловко, грустно даже перед самим собой. И тем грустней и трагичней, чем более увлекаешься этими фантазиями. И так же нелепо писать самому прозу реалистическую, как читать какого-нибудь *постмодерниста*, с этими перегибами в угоду похохатывающему и потирающему ручки читателю и перипетиями, чтобы только понравиться этому предполагаемому читателю.

Серьёзно и… пусто. Как если бы ты тащил два закрытых ведра, предполагая, что в них золото. Тащил тяжело, обливаясь пóтом, в гору, по жаре… Принёс, перевёл дух, открыл, а там обыкновенные камни-голыши, шпат, слюда. И дело тут не только в сентенции наподобие: «Ну что, в самом деле, можно придумать нового к тому, что создано самим Творцом, что придумать к известным уже сюжетам, которые Софокл ещё определил по пальцам одной руки, что добавить к тому, что написано уже греческой мифологией, поставлено греческим театром до нашей эры, к фантазии древних, к которой нечего и прибавить, разве чуть-чуть видоизменить её?..»

И вот, когда читаешь даже и очень больших, признанных писателей — всё равно остаётся какой-то осадок игры, условности… Подмигивая друг другу: писатель читателю и наоборот, — составляется ощущение «несерьёзности» этого серьёзного дела — творчества. Ощущение условности его как дела второстепенного. А играть уже некогда: годы.

То же, смею предположить, испытывают и актёры, когда от репетиций мало-помалу подкрадывается время к премьере, игре итоговой как таковой, главной. А их, актёров, всё занимают некие формальнwые «разборки», выяснения отношений по пустякам, кто и кому насыпал толчёного стекла в ботинки либо увёл жену или любовницу и прочее. Настоящее — оно само просит выхода, и вот, играя под камеру «в войнушку» или разыгрывая в театре «любовь», они так же скучают порой, так же начинают стыдиться сыгранных ролей (и часто чем выше талант актёра, тем паче стыдно ему — за сыгранное ранее). Отсюда и общеизвестные розыгрыши во время спектаклей, записки на подносе во время игры, шутки-прибаутки; втайне от зрителя они мстят друг другу, сводят счёты незаметно и так далее. И кажется и писателю в минуты «творческих кризисов», что отвлекать читателя по придуманному поводу — по причинам не подлинно пережитого писателем (актёром) события — должно быть совестно и имеет смысл только по острой, по самой крайней необходимости, и то очень коротко, содержательно и правдиво. Потому что если подсчитать, сколько отнято человеческого времени на пустоту, на занятия самые ничтожные, то станет страшно.

Писатель, злоупотребляющий доверием читателя, не **многим** лучше убийцы. Просто потому уже, что убийца хоть и причиняет боль, и отнимает жизнь… и сколько, если он не маньяк?.. одну. А это — двадцать, много — тридцать лет, недожитых лет… А сколько отнял лет жизни

у своих читателей какой-нибудь пустотой — пусть и занимательной, и увлекательной, но и бессодержательной при этом, — «модной» книжицей своей этакий «писатель», отвлекая от главного в жизни каждого человека?.. И это речь о классиках, писателях, проверенных временем, а не о каком-нибудь «Баяне Ширянове», которому даже и самому-то по имени собственному, наречённому родителями, и объявиться стыдно, а вот — лишь подписаться под всей той грязцой, которую накропал этак для прибытку и — чтобы почитывали его «хохму», или «иронический детектив» какой-нибудь бабёнки, или иную книжицу, которую навалял штат авторов из молодых кретинов, работающих под вывеск**ой** раскрученного брендового писателя «для массового читателя». Если посчитать, сколько лет уплыло читательских у разных людей, не одна, не две, а то и сотни три, быть может, жизней сложатся в тысячи часов, которые пропали в чтении пустом, как в разгадывании кроссворда…

Есть в сегодняшнем протесте читателя и отказе его от чтения и здравый смысл, не только лень или поза: сколько же можно и в самом деле дурачить публику, предполагая, что «публика — дура», и подсовывать низкое чтиво?.. Конечно, издёвку над собой и этакую «шабашку» писателя современного заметит отнюдь не всякий, потому что для этого нужно «начитать» вкус, любить слово, получить образование, литературное или филологическое. Возможность и желание наработать, вырастить в себе читателя есть не у всех, да и опять-таки нужно время, а где его взять в наш век быстрых технологий? И вот результат: сколько же отнято времени у тех, кто читал чепуху. Те, кто ничего не читал, быть может, в выигрыше. Они не приобрели ничего, зато и не потеряли. А если сложить потерянное время всех тех, кто принимался читать нынешних писателей, — повторю: если сложить всё время, убитое над пустопорожней какой-нибудь Бляхиной (с её «трактовкой» «тёмных пятен российской истории») или Недашковой (с её «колобками»-супругами и прочим), то сколько получится потерянных душ? Даже и не двадцать, не тридцать лет. А двести, триста (смотря по тому, сколько людей в сумме читало изданную дрянь). Сказано свыше: «Не бойтесь убивающих тело, души же убить не могущих…» Бояться следует, по **З**авету от Бога самого, единственно «убивающих душу».

…С таких размышлений и началась эта книга. Именно с этого дня, с этого часа размышлений и озарения «внутренним созреванием» — начался дальний мой поход через таинственную и необъятную, ни взглядом, ни мыслью не обымаемую, невидимую внешне «страну Зеро», — движение моё сквозь тайные туманы и непостижимую в тайнах своих и парадоксах страну, называемую нашей сегодняшней жизнью. Движение по-иному, чем ходил раньше: пристальнее присматриваясь только к явной очевидности и тотчас делая выводы. Иногда, напротив, далеко даже и не сразу, а возвращаясь к этим записям с натуры, как художник возвращается к эскизам, к офортам, через годы. И тогда — и тогда, к моему удивлению, стал сам я находить в самом себе интересного собеседника. И стал явно слышим некий — обратный в самом себе — «поток сознания». Порой пропускал, принимая за незначительное, некие моменты истины — или оттого, что обмирал от неожиданности, надеясь запомнить и отдать моему читателю размышление или зарисовку, через призму своей внутренней клети пропущенные, но в дальнейшем это пропадало — просто потому, что забывалось или уходило так же, как и пришло, то есть неожиданно, — или не было времени тотчас записать мысль, или не на чем было записать, или не записывал принципиально, потому что увиденное казалось мне слишком бесспорным или слишком ярким и удивительным одновременно, и казалось, что такое забыть уж точно невозможно, но — и оно забывалось… Лишь впоследствии стал понимать, что записывать всётаки надо, что записанное сразу — сто́ит едва ли не целого воза воспоминаний. Потому что не всё и не всегда открыто, некоторое открывается внезапно и лишь «внутреннему оку» человека именно через сопричастность, и оттого — таинственные это дары, редкие, не без вмешательства свыше — это те именно дары нам, которые мы не слышим, не видим, пропускаем без пометки: «над ними задуматься».

Я стал набрасывать мысли и чувства, случаи, происшествия и догадки, которые редки и точно необычны… и (да простит меня читатель) — быть может, не для широкой публики, а лишь *для избранных.*

И всё же смею надеяться, что в этих экзистенциях удалось отразить грани русского характера, показать, говоря фигурально, *физиономию* поколения. Автор постарался вывести и мужество сопротивления многому чужеродному, всяческого рода чуждым философствованиям и умствованиям. Наблюдения ярко выраженной характерности нашего века и мимолётного времени, не лишённые образности.

В достоинства можно отнести, как говорили мне читатели, и исключительное избегание риторики и псевдопафосных реляций, свойственных иным нашим оракулам. Здесь всё жизненно и сложно. И в то же время просто, потому что лучше, чем карандашом на листе бумаги, точнее художника — никто не в силах начертать послание будущим любителям словесности.

Пространное поле литературы засеяно давным-давно, и колоски сжаты и убраны, и веками ищут писатели на этих полях хоть что-то новое, хоть

что-то своё. Трудно сыскать. Тем более — с полнотой осмыслить на четырёх ветрах нашей жизни даже собственные движения души.

Русский национальный характер во всей его многогранности, народный характер как оттиск незабываемый — вот цель этих зёрнышек для голодного и ищущего человека.

Метро

С «Комсомольской» на Кольцевую по эскалатору, глубоко, как в пропасть. И вот всё движется этот нескончаемый поток людей вверх, навстречу мне, и вниз, параллельно, и нет ему конца, не было и начала.

Привычно выстаивая своё время спуска на «чудо-лестнице», вдруг изумился, ужаснулся от этого великого множества людей, среди которых я и сам исчезаю. Обомлел от внезапной догадки, на которую не обращал внимания никогда прежде, что каждый в этой толпе считает главным себя и только себя в этом сонме жизней, всех форм и видов существований. Именно главным, единственным и неповторимым. Его проблемы самые важные, вокруг которых вертится мир. Его мысли самые значительные. В эту минуту существует только он. И так — каждый, и каждая из этой толпы, и я сам в их числе, всегда прежде и секунду до этой мысли, вот только что…

Все религии всех стран и народов говорят о том, что самое, может быть, важное — преодолеть этот порог отчуждения от всех, этот порог «самости». И совершенно ясно стало тогда, что это-то главное условие движения вперёд для души человеческой, как вот теперь на «лествице» Московского метро скорее всего, и есть и средство, и цель жизни одновременно. И она недостижима…

Агапе

С человека спрос «по полной программе» возможен (наверное) лишь только после его отцовства (материнства). Только после рождения ребёнка он должен стать и нравственно вменяем, и по-настоящему «подсуден». Он берёт на себя ответственность не только за своё дитя, за своё чадо, но и за пришедшую по его ответственности в этот мир бессмертную душу… Что-то станется с этой душой, для чего пришла она в этот мир через этого человека (ставшего матерью, отцом)? И тогда родители становятся «как боги». Они обречены познать боль и тоску творцов, созидающих новую (пришедшую в этот мир по их настояниям) душу.

Воспитывает ли осознание такой ответственности само по себе? Меняет ли характер? Наверное, нет. Но вот — имеющие детей, внуков (заметил давно) редко бывают мизантропами. Это — некое сокровенно-внутреннее чувство, очень убедительное. Не случайно и сами дети, и старики так легко идут «на контакт» друг с другом — они легки на сострадание и знакомство со сверстниками. И вот главное: если родители даже и не осознают ответственности за подопечную теперь судьбу, вверенную им Богом самим, то ясно совершенно, что произведшие на свет жизнь человеческую отец и мать — сами должны стараться быть богоподобны. И это тоже (наряду с возрастанием в мире новой души) одна из великих обязанностей, которые вменяет нам Бог.

…Да и все мы сами — дети Отца Небесного. И, конечно, если родители не порочны и не испорчены, если они не обременены некой тяжкой родовой порчей, то не может быть того, чтобы отец и мать не любили бы «дитятю».

Хотя бы и сокровенно, прикровенно, не внешне даже, быть может. Хоть и, конечно же, каждый по-своему и на свой лад. По мере дарованных им самим и унаследованных возможностей.

Корона вируса

Прямое соприкосновение с кровью — вот способ и сущность питания души. Дух человека бодр, «плоть же немощна». Кровь же соприкасается-сливается (через дыхание, пищу, органы чувств) с самим мирозданием. Как же премудро устроен человек, если всё, что он видит, чувствует, вдыхает, поглощает, преобразуется и претворяется в нём, как в тигле разогретом,— в мысль, в творчество, в сам стиль и способ существования… И дарована возможность сопричастности миру только человеку, единственно человеку. Поистине для «изделия Божия» — человека: мыслить — значит существовать (так же как для птиц — летать, для рыб и земноводных — плавать). Значит, единственное назначение наше — созидать собственную душу.

Мысль, если она корява, похотлива, завистлива — зачастую от пищи чрезмерной, или часто и не в меру — с алкоголем, табаком, с руганью, страстями. (Не случайно в монастырях во время приготовления и приёма пищи в трапезных назначают чтеца Житий Святых и читают по очереди, а хлеб пекут, пищу варят — обязательно с молитвой.) Это питание не только тела, а и души, особенно через кровь.

И всё, что попадает в кровь,— всё решительно приводит в движение душу, всё и «неприметное» мало-помалу меняет человека в ту или иную сторону. Даже через впечатления, запах; даже через намерение (прилог). А от мира, который как раз и состоит (по большей части ощутительно для нас) в этих соприкосновениях, чаще в борениях,— от этого мира куда убежишь, если ты не монах? Никуда и никак. Так что же, отчаиваться мирскому человеку? Ведь даже «оглашенному», а тем более неверующему без попечителя-старца и настоятеля едва ли возможно отслеживать и бороть страсти свои. «Не отчаиваться нимало»,— как сказали бы старцы.

Деньги же, если они попали волей случая и не в те руки, — напротив, ещё яростней усиливают яд этого соприкосновения с миром «через кровь», точно добавленный в горящее пламя под тиглем кислород. Капитал раздувает пламя страстей человеческих. Большие деньги — учащают и ужесточают соблазны, «замутняют» кровь настолько, что человек иногда перестаёт даже и понимать, где добро, а где — зло. Где земля, а где — небо. Конечно, но не без исключений, но имеющий многие деньги (особенно смолоду) с трудом различает, где грех, где порок, а где праведность. Всё ему едино и всё возможно.

И вот «состоявшийся» и самонадеянный — живёт так, словно плывёт на своей яхте, собранной по последнему слову техники. Всех он презирает. (Вспомнить здесь классику — «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого или рассказы И. А. Бунина «Соотечественник» и другие…) Презирали всех и вся и те, как мы знаем, миллиардеры, что отправились в мировой круиз по океану на «Титанике». Презирал всех и «господин из Сан-Франциско», вознаградивший себя и семью мировым турне по Атлантическому океану на «Атлантиде» от Италии к США, планировавший и обратно — не менее «вкусное» путешествие, которое он заслужил. И корабль не подвёл (не то что на «Титанике»). И кочегары работали исправно, как черти в аду. А и хоронить «господина» решили отправить в обратную сторону едва ли не в мусорном контейнере среди ящиков из-под апельсинов, чтобы не портить весёлое расположение и хорошее настроение — богатым и самоуверенным господам, ходившим всё на том же «океанском лайнере», как и этот почивший «господин», имени которого никто не запомнил. (Опасались потревожить «господ», чтобы не дать задуматься им о том, что и многих из них ожидает едва ли не та же, не такая же участь.) И тело лежало в просмолённом гробу на дне трюма, а над ним, в залах, полных света и сияния хрустальных люстр, — вальсировали и вновь и вновь пили дорогое виски, и в разгаре был очередной бал…

Но отчего же так произошло? Какое внимание, предупредительность (за большие деньги) получали туристы-миллионеры… И как они питались, какие отборные ликёры пили эти господа. Вставали рано, намеренно рано, чтобы на заре выпить неспешно кофе или какао, принять ванны, затем — физические упражнения для пробуждения аппетита, и — первый завтрак. Подкрепившись бутербродами, ждали второго, более обильного завтрака. Затем отдыхали в шезлонгах, глядя на океан, на волны — пёстрые, идущие под солнцем волны к борту, красочные, «как перо павлина». И в шезлонги опять подавали чай с душистым печеньем. И при всём том все внутренне ждали и готовились к главному событию дня — к обеду…

Господину из Сан-Франциско, как мы знаем, не было и шестидесяти. Точнее, пятьдесят восемь. А между тем мне известен православный монах, о котором мало кто знает, который вкушает святую воду и просфору. Он не вкушает ничего более. Просфора и молитва. И тем жив. Когда его пригласили в ресторан по случаю тезоименитства, он вылил в тарелку с ухой сладкий кисель, положил туда макароны и оладьи. Съел очень мало. И именно для того, как теперь понимается, — сделал так, чтобы не переесть, чтобы разжигаться от переедания страстями, не страдать от «гортанобесия»-обжорства.

Кровь, питание крови — прикровенная тайна.

…Помню из детства «резчика» скотины, «резуна», любившего выпить стакан тёплой ещё крови только что заколотого животного. Силы он был несокрушимой. Короткошеий, плечистый… А умер, не дожив и до сорока, от апоплексического, как я теперь понимаю, удара. Супруга же его, Ягодка, как прозвали её по деревне (она сама всех так называла: «Ягодка-сыночек, иди-ка, гостинец дам. Только никому не говори. Только тебе». И совала в ладонь ребёнка ириску. И с таким же словом — каждому), — она была худа, бессребреница. Просфора и водица. И дожила до девяноста восьми лет. И причастилась, успела…

…Кровь. Питание крови. Вот почему литургия (претворение хлеба и вина и принятие их) — величайшее достояние, оставленное нам от Бога самого. Дух, оставленный нам в утешение, и держит на плаву в этом мире, и питает незримо.

…А детство, так нами любимое, — и оно лишь доказательство возможной незамутнённой чистоты. По существу, не замутнённой ещё ничем. Детство — свободное движение и журчание ручейка. Оттого, что состояние нашей крови, русла течения от самого истока свободно, — только это, и ничего более.

Как я чувствовал Бога в детстве! И это счастье бытия! И страх темноты, и чувство присутствия кого-то великого и невидимого, неведомого — того, кто над нами всеми… Его присутствие ощутимо было едва ли не на каждом шагу. Где всё это теперь? И как очистить кровь, загаженную грехами? Вместо того — напротив, многоразличный допуск греха через кровь, который даже и состав крови изменяет. И это чувствуешь, особенно чувствуешь, когда заболеваешь физически. И вирус, который пришёл к нам в апреле 2020 года, напомнил о многом. Он потряс весь «земной шарик» и напомнил нам, что то, что дорого нам, — ничто перед Богом самим. Вирус не различает мэра, и пэра, и — представителя палаты лордов… от кочегара и сантехника. И вновь предупреждение человечеству: не балуйтесь с огнём. Не сотворяйте кумиров и не стремитесь добраться до тайн великих и сокрытых от вас путями кривыми, окольными, через

лаборатории (то есть «не в дверь, а в окно», как «тать и разбойник»).

…Даже если этот вирус от обжорства, гортанобесия. От поджаренной мыши летучей неким азиатом, как нас убеждают. Всё равно вирус этот — «посещение Божье». Несомненно. Вирус этот — напоминание всем, что биолаборатории, равно как и обжорство,— производные грехов. Напоминание всем нам, что именно обжорство, и пьянство, и честолюбие — более всего из всех смертных грехов несовместимы с величием духа. И сколько надо сорокадневных постов ещё, чтобы всё изменить, самим измениться, да так, чтобы взалкать по-настоящему. Да и не греха взалкать, а — Неба!

Помилует ли Бог нас и на этот раз, ради семи праведников, анахоретов, аскетиков, подобных тому, который смешивал в одну тарелку и первое, и второе, и третье и непрестанно при том творил молитву Иисусову, или потребуются новые эпидемии, войны, недороды, голод, землетрясения, цунами и прочие беды — вот вопрос.

…Вирус прожигает лёгкие именно и только через кровь. Встряхивает наши души, как встряхивает мукомол пыльные пустые мешки перед тем, как развесить их на верёвках на ветру. В кровь больных в реанимации через трубки гонят кислород, который кипит в воде в чистом стакане, прикрученном к стене. Кровь пробивается через раны от атмосфер давления в горло и ноздри несчастных заражённых этим вирусом страшной модифицированной испанки. Вливают литры гормональных и анальгетиков ежедневно. Сам едва не погибший «за красной чертой», отделившей меня от мира, так думал я, лишённый сил и даже права двинуться: «Испытывает сам Господь Бог душу мою. Пробуждает дух».

Не об этом ли времени сказано: «Тогда будут двое на поле: один берётся, а другой оставляется…» (Мф. 24:40). А у свт. Илария Пиктавийского: «… две мелющие в жерновах: одна берётся, а другая оставляется».

…Не напитавшие кровь свою страстями, не возжёгшие желаниями продлят жизнь, исполнят замысел Божий. Грешники же да покаются: «дай кровь и прими Дух»…

Моя вина

— Похмели, умираю!

Пригляделся — и ахнул: бывшая учительница по истории СССР. Помню, я никак не мог ей простить тройку, выставленную мне за семестр. На экзамене она задала мне вопрос: назови классы современного общества.

— Крестьяне.

— Раз,— зажала она палец.

— И… и интеллигенция!

— Два в журнал и тройка за семестр. Базис и надстройку не знаешь, классы не знаешь. Иди и учи…

Помню, пытался оправдаться, бормотал что-то в своё оправдание, что я-де комсорг группы и что мне стыдно, что, быть может, ещё бы вопрос, хоть один, учил… я учил, и прочее…

— Вот именно,— жёстко и неумолимо оборвала она.— Комсорг — и не знает трёх китов, на которых зиждется вся общественная история.

Она была неумолима и на педсовете. Не подействовали уговоры завуча.

— Я ставлю тройку в воспитательных целях и имею на то полное право. Никто не смеет пренебрегать моими уроками, а он пропустил два занятия.

— Он делал стенгазету, вы посмотрите, какие статьи…

Она продолжала курить и на педсовете «Беломор». С таким опытом и заслугами, какие у неё на тот день были, даже влиятельный ректор по завидно красивой фамилии Яхонтов не мог её окоротить. А на мой молчаливый вопрос при открытых дверях собрания и он, и завуч только сочувственно кивали да, пожав плечами, молча прошли мимо.

И вот это «похмели человека»… Похмелю. Поговорим о «классах», «не вопрос…» — как любят теперь говорить молодые да ранние, на всё готовые волчата-сопляки.

…Как пала, и как скоро! А ведь ещё год назад видел её прилично одетой, гуляла с внуком. Хоть и тогда была она уже заметно одутловата, как бывают водянисто-одутловаты почечные больные. Кругла нездоровой и неопрятной тучностью. А ведь какой жёсткий стержень. Как гордилась собой, своими знаниями, эрудицией, незаменимостью своей…

Четвертинку, которую я ей принёс, не всю выпила, убрала. Для кого? Этого не знаю. Закрутила пробкой. А я бы с удовольствием проэкзаменовал её на предмет зачёта о современных «нынешних» классах. Шёл, растерянно озираясь, руки в карманах. Тяжело билось сердце. Как много умных и хороших, «принципиальных» учителей погибло. Они считали, что эти «классы» поменялись с февраля семнадцатого. А их всегда было два: дураки и нахалы. Нахалы взяли у дураков, оробевших и растерявшихся в девяносто первом, всё, что можно, и даже то, что никак нельзя. Бессовестно, безоглядно обобрали, унизили. Опустили личность учителя «ЕГЭ» — какими-то придумками, «относительностью» знаний, реконструкцией обществознания и даже само́й нашей истории. «Болонской системой», где сам пример поведения, выучки, принципов учителя как примера — перестал быть эталоном для ученика. Принципиальность и неподкупность осмеяли. Широта познаний, опыта, наконец,— стали не нужны. Это поколение «учителей» особенно пострадало — от нахалов, по сути — от своих же учеников. Они учили этих растиньяков, этих нахалов, этих чикагских

мальчиков, «эженов сорелей» — истории и культуре. Убирали за ними дерьмо в детских садах, добивались знаний и умений владения своими мозгами и даже логарифмической линейкой. Тангенс и котангенс, дифференциальное исчисление и логарифм… А не научили главному — сердечности. Цифра выстраивает внешнее, и только литература да история — внутреннее… И вот разочаровались и сами, спились или разбиты инсультом, не выдержали удара «прослойки». Обнищали по жизни, потерялись в веретене времени, в том вихре, когда неясно стало опять: с кем же он, Иисус Христос, и впереди… кого?

Они безоглядно верили общественной истории, морали, принципам, «руководящей роли партии и правительства». И я верил. Верил, что по предмету «Обществоведение» — тройка моя заслужена, и жалел о потерянной из-за неё Ленинской стипендии. И всё выглядело внешне справедливо: стенгазета — только в свободное от учёбы время… Принципы… А потанины, гайдары, фридманы и боровые, бурбулисы, шеварнадзе и немцовы — те истории не верили. Их не «заучили». Они слышали родителей на кухне и верили не учителям, а родителям, высоко поставленным и отобранным, отсортированным «аутсортингом» по принципу бабуиноподобной доминанты. А она проста: тот прав и у того больше прав, кто сверху. Значит, правы папы их оказались. Высоко забрались и были ближе к власти, а значит, и к «правде». «Своей правде», их правде, которую они так точно выразили через подыгравшего им одесского юмориста-весельчака по кличке Жван. Вот, например: «В СССР на майских, октябрьских демонстрациях песцы и соболя стояли на Мавзолее (хищники) и взирали на толпу внизу. На кроликов, шагавших с флагами и с флажками (опять же по шапкам дешёвым как статусу жизни)…» Они, эти «песцы», открывали глаза многим и многим отпрыскам. Отпрыски научились фарцануть, и не задумывались вовсе, и не робели ни перед толстовским «ЕБЖ», ни Шекспир не напугал их судьбой Йорика… Они не читали ни дневников Л. Толстого, ни «Гамлета». Скучно читать им было. Зато скоро поняли, что сильнее денег бомбы нет. А честность и «классы» суть понятия условные и, как мы видим сегодня, ошибочные… И уже не «пыжики» да «соболя» против «собак» и «кроликов» на парадах — а и сами парады отменили. Победа и праздник Победы для них — «победобесие». И ваучеризация, и «МММ», и добровольный отъём денег у населения, сначала Павловым и Геращенко, а потом дефолт с Кириенко, — и с них как с гусей вода, а сколько горя народу… И нищета, нищета, нищета ограбленного населения ради какой-нибудь горстки наживишхся, крах страны, империи. И всё будто бы законно и безнаказанно для «песцов». Вернее, для тех, кто за ними и с ними стоял… И все так и остались на местах, и все они опять благополучны. Да ещё как — пуще прежнего! А наши учителя? Если бы она попросила цикуты, было бы, наверное, легче слышать её, понималось бы как ирония… Хотя — какая тут ирония? Слёзы…

— …Так что же… базис, и что такое надстройка? — помню, спросил её, уже спьяневшую.

И жаль было и её, и себя до спазма и боли зубовной. И сам чувствовал, как жёстко забегали желваки на моих щеках.

Заслуженная учительница сделала вид, что не понимает, о чём речь, не помнит, о чём он, этот молодой ещё человек. Бывший ученик? Нет, не помнит, конечно, не помнит. Всё забыто, да и к чему вспоминать?.. Она слабо, благодарно и жалко машет рукой. Она добрая, она уже другая, не «железная леди», не «стержень», и уже опьянела. С голоду пьянеешь быстро. Ей уже лучше и легче. Это на короткое время…

Я уходил, силясь не оглянуться на неё. Машинально выщёлкивая папиросу из пачки «Казбека». Заслуженная учительница, редкой честности. И я утешал себя тем, что не сделал ей ничего дурного. И тем ещё, что в её падении нет моей вины. Чем мог, тем и помог ей, согрел и утешил её душу. Хотя бы на полчаса… «Нет моей вины… Нет моей вины…» — утешал я себя мысленно… Но по́лно. Так ли уж «нет»?..

Криминальный талант

Показывали по ТВ очень известного в Петербурге авторитетного вора в законе незадолго до его смерти (его расстреляли через месяц, по иронии судьбы — в том же питерском кафе, в котором он давал интервью, — расстреляли по заказу). Этот семнадцать лет промотавший по зонам «авторитет» с какой-то старорусской барственностью «двигал тему» насчёт того, что философия жизни, в сущности, очень проста: делай то, на что имеешь талант от Бога. Правда, от какого Бога — он не сказал. «Всё просто: художник ты — пиши картины, хороший вор — воруй…» Жизнь, по его мнению, и вора, и поэта — одинакова: творчество.

И припомнилось в связи с его словами. Был такой в двадцатых годах — Лёнька Пантелеев. Правильно — Пантёлкин, но незвучно, и потому этот «вор-поэт» взял, как и положено человеку творческому, псевдоним. И вот этот простой деревенский парень, начавший карьеру с участника общественной дружины, то есть «с низу», ходивший с красной повязкой на рукаве и — с такой же наискосок на отвороте ушанки, — он-то и стал ходить в патрулях. Перебравшись в ВЧК, увлёкся детективами. Правопорядок, помощь по ревизиям, некоторая власть над людьми, а затем и доносы… С того всё и началось. Пробудилось в нём нечто. Что-то от авантюриста. Выгнанный впоследствии из ВЧК за явное воровство и присвоение

экспроприированного имущества, подался он прямиком в воры и налётчики, опыт приобрёл в ВЧК. И всякий раз придумывал он новые сценарии ограблений и сам, искромётно, или умело применял к случаю сцены из многочисленных прочитанных им детективов. Использовал даже и ходули в ночных налётах у кладбища, причём налётчики накидывали белые балахоны, точно привидения возносились вверх и вниз, совершенно лишая жертв ограблений разума и возможности сопротивляться. Однажды дочери врача-еврея, известного зубного протезиста, стоя на коленях у дверей, признавался Пантёлкин в душераздирающей любви, а когда она поверила, скинула предохранительную цепь и открыла дверь — была тотчас исхлёстана букетом колючих роз, связана. Был связан и ограблен и еврей, зубной врач, её отец, и даже богатый пациент, явившийся на процедуру так некстати. И зубной техник. И даже домохозяйка. А чтобы стоящие в очереди к стоматологу не заподозрили неладное, сам Лёнька, не мешкая, вывесил табличку на двери: «Приём временно прекращён»…

Не раз бывал почти пойман, но всякий раз уходил от погони. «Фартовый» — кличка была им заслужена. В другой раз, притворившись дворником, залез в тулуп, взял метлу и задремал будто бы у столба на мосту через Неву. Когда догоняющие его спросили, куда побежал Лёнька,— он показал им в другую сторону. Угонял даже у Ленина лимузин, дразнил чекистов своей причудливой, подобной «бенгальскому огню зажжённому» сообразительностью, неуловимостью. Звериным каким-то чутьём. А прокололся на пустом, на том, что когда в трамвае чекист попросил у него закурить, то он, загримированный и одетый в рваньё, то ли шикуя, то ли блатуя, то ли по забывчивости, угостил чекиста лучшими папиросами «Ара» — к тому же ещё и из портсигара из чистого золота.

Некий артистизм и даже творчество воров слышится мне и вот в этом событии. Прочёл о том вчера в «Новостях». Некой богатой семье, богатой настолько (уже в наше время), что члены этой семьи никогда не рисковали все сразу покидать квартиру, а кто-нибудь да всегда оставался стеречь деньги и ценности,— и вот такой семье подбрасывают записку-приглашение в Большой театр на премьеру с Монсеррат Кабалье. С припиской каллиграфическим почерком: «Догадайтесь, от кого…» И они не смогли устоять, эти «дворяне» нового разлива. Слишком велико было искушение…

А когда вернулись в свою квартиру, стало понятно, что обворованы. Хаос, раскардаш. И записка. А в ней той же рукой, с наклоном и нажимом уже знакомым, как по прописям, с завитушками и виньетками в нужных местах (теперь это большая редкость, доступная истинным интеллигентам): «Ну теперь-то хоть догадались?»

Так что и впрямь ли верно: «жизнь — всегда творчество», в великом и в малом?

Отпуст

По случаю похорон в вымирающей деревеньке собрались и стар и млад. Нищенски, одиноко и горько жила бабка. Стояли и говорили, вспоминали, как она жила, обсуждали и то, как из милости носили к ней — кто хлеб, кто ведро воды по немощи её. И когда закопали, охлопали лопатами могильный бугор, вскладчину поминали кутьёй. Бабки крестились и с тайной завистью говорили:

— Отмучилась, Царство ей небесное.

Высокая гнутая старуха в чёрном платке, чёрной юбке и кофте говорила — душу рвала:

— Сказано: наступят времена — живые будут завидовать мёртвым. Вот и наступили они, времена эти.

— Где сказано? — спросил я бабку Маню, зная её с детства религиозной и богомольной.

— В жизни нашей неправедной, греховной, вот где сказано. Ай ты не чувствуешь? Молимся Богу, а сами завидуем мёртвой, говорим: «Отмучилась! Отпустил Господь».

«Живут же люди»

В жилом доме сантехники ликвидировали аварию, вылезли из подвала мокрые, грязные, злые. Сели на скамейку возле подъезда, достали курево. Из открытого окна второго этажа разливалась музыка, высоким женским голосом пела женщина: «Ах, зачем эта ночь так была хороша!..»

— Живут же люди,— сказал сантехник.

— Да, неплохо устроились,— поддержал второй рабочий.— С раннего утра море веселья, а мы как проклятые…

Сидевшая на краешке скамьи старушка искоса глянула на сантехников, сказала:

— Не приведи Бог так-то «устроиться»: с малолетства при костыликах. Бедняга в магазин за хлебом не может сходить. Соседи из милости приносят, она и поёт… Давно её знаю, по квартире прыгает едва-едва по нужде.

— Прыгает, а всё улыбается… И красивая…

— Молодые все красивые: молодость, брат!

— И ты улыбайся!

— Ну что же, всё курим да курим,— сердито проговорил тот, что был самый старший,— пора и за работу браться… Эх ты… «Живут люди»!

— «Живу-ут»…— передразнил самый молодой.

«Всех обманул»

Июльское раннее утро. Макушка лета. Все ещё спят. Неслышно собираюсь за грибами. Вышел на крыльцо — сердце возликовало от божественной красоты. Весь сад заливало солнечным светом,

блестела роса на листьях яблонь и вишен, радостно чирикали воробьи. На улице ни ветерка, ни дуновения, и подумалось, что если будет когда-то чудесное виде́ние, то не в ночи и не в непогодь-ветер, конечно, а вот в такой тишине, светлой и безмолвной, когда на улице — ни души.

За деревенькой, над молодым берёзовым лесом, всходило малиновое солнце. На травах — роса, густая и издали — серая. А на припёке играла искристо изумрудами и сапфирами. Серебристая ольха нависла над тропой шатром. А за деревней в овраге косил дед Федот. За распадком-оврагом в загоне из жердей ревели телята, да так, что хотелось выпустить их на роситую траву, растащить тяжёлые оба створа ворот по навозу на базу. Дед клочком травы вытер косу.

— Доброе утро, Федот Иванович! — здоровался я с дедом.— А ранёнько вы встали, ране́нько.

— А я, считай, вовсе не сплю,— задвохаясь, говорил дед.— Летом я только после обеда и сплю, да и то только мало-мало, глаза завожу, дремлю… Да и то сказать: когда пташки клюют — дуракам деньги дают.

— Это вы о чём? — не понял я деда.

— Да вот, вишь,— трава перестояла, давно бы надо выкосить, а мы спим, проспали такое богатство. Я-то успел, не проспал. Вот, глянь, коса-то вроде кособочит. У тебя глаза молодые, глянь-ка.

От деда несло кисло вонючей сивухой, самогоном с утра. Курил он едкий самосад. Я предложил ему сигарету, но он отказался:

— Я сроду свой табачок курю, фабричным не балуюсь: кто знает, чего они там насуют?

Дед был ещё крепок, и стоило ему только приложиться к рюмке — пускался он в долгие разговоры, всегда горячился не в меру. В той бутылке, из которой он жадно глотнул и закусывал розовым салом и свойским хлебом, было уже на донышке. Потому, быть может, разговор и зашёл о самом больном — о прошлой большой мировой войне.

— А ныне аккурат годовщина войне-то, будь она неладна. А я… нет, я на войне не был. Не был, стало быть, вот так!

— Да, годовщина…— вспомнив погибшего дядю, деда, контуженного на фронте, не пожившего счастливо от ран даже и после победы, подтвердил я.

И сказал о том Федоту.

— …Нет-нет, а я на войне не был… Пусть, это, пусть дураки воюют,— он засмеялся сипло.

— Как так? — не понял я, оторопел.

— А так…

Сизое лицо деда как будто опухло, сделалось лиловым.

— Я, брат, Федот, да не тот. Теперь все хвалятся орденами: трень-брень. А я хвалюсь тем, что пороху не нюхал…— и добавил вдруг: — Слава те, яйцы.

— «Слава те, яйцы» — это же блатных поговорка, а ты не блатной. Уж лучше Бога тогда благодари. Да вот все говорят, что ты не глухой, а притворялся глухим, обманул врачей и в войну… А моего деда в войну дважды контузило. И плен… Сколько он выдюжил. Дядя Иван в танке сгорел.

— Да, это страсть, бывает, об утюг обожжёшься — и хоть плачь… Не знаю, кого мне и благодарить. И в войну не укокошили, и в тюрьме не сидел. Врачей, быть может,— так скажешь? Нет, брат, лжёшь! Себя только благодарю. Да я не только врачей! — заорал дед (он был глуховат и всегда говорил громко, когда разговор касался войны или его актировки).— Я? Я врачей на кривой кобыле объехал, никто того и не почуял. Да ты хоть знаешь, кто я?! Я весь Сэ-Сэ-Сэ-эР обманул, вот кто я такой! И никто с этими кубарями и в пельках — никто из них не поймал меня за ж… Вот всем сейчас плохо: цены большие, пенсия маленькая, ходят с костыликами. А я, как видишь, сено кошу, во-он её сколько, а косить некому. У меня две коровы, лошадь, а кур, уток и не сосчитать. А почему?

— Почему? — удивился и я, зная ещё и об ином многом богатстве Федота.— Почему?

— Потому что я Федот, да не тот! — сказал как отрубил.— Помни Федота Ивановича, помни, не забывай. Пригодится. Ты живи так: «Будь-то будь, да не будь кем-нибудь!» Девиз такой держи в голове. Да и помни, кто тебя научил, и благодари. И вот ещё чево, малый: живи — никому не кланяйся, а где надо — пригнись чуток, и всё. Понимаешь, о чём это я? Ну, ты понимаешь, смышлёный. Ну, давай, мне пора, а то роса опадёт.

На том и расстались…

Сколько времени прошло, сколько лет, а забыть того разговора не могу. Бывало, идёшь в лес и, собирая грибы, обманешься. Лист вместо гриба, а шляпка — так похожа на шляпку белого. Или идёшь издалёка к подосиновику, глядь, а это мухомор. Я невольно говорю тогда: «Нет, брат, ты Федот, да не тот». Поганка…

Бог не оставил

Стояла сушь, такая жаркая погода, такая томная, долгая и густая засуха, что на молодых деревьях сохли и свёртывались листья. Старики говорили: «И не помним такого зноя. И картошка не уродится, земля как зола». Но вот с раннего утра не было солнца, небо хмурилось и нависало, как бы собиралось раньше свечереть. Крутило, мутило. Рисовали в тучах какие-то невероятные узоры розы ветров… И вот редкие крупные капли защёлкали по листьям, так неожиданно-долгожданно и непривычно. Потом потянул лёгкий освежающий ветерок, листья на тополе затрепетали, и вот широкошумно заходили сами вековые тополя, липы в два обхвата задвигались. Стали серыми от испода, вытянувшись в одну сторону, точно по приказу,

яблони в саду… Шелест то утихал, то нарастал, как шум прибоя, и с каждой минутой смелел ветер.

Где-то далеко глухо загремел гром, перекатываясь. Порывистый ветер погнал по улице кур, торопя их и раздувая им перья сзади и хвосты. И среди взмываемой тучи пыли, с гоготом, споря, собирались-бежали, вздымаясь над землёй и травой, испуганные улицей гуси. Наши во дворе у пустого сухого деревянного корыта стали гоготать им в ответ. Наконец всё напористей звонко закапали капли дождя по железной крыше, по пустым вёдрам, что успели наставить вдоль крыш на траве. Шорох, перешёптыванье в саду, перестук капель по лопухам, и, будто ожидая и зная всё наперёд то, что будет, недвижимо, приподняв голову, окаменел жеребёнок…

И вот издалека, нарастая и ширясь, пришло шипение настоящего ливня.

На крыльцо вышли все, кто был дома. Ребятишки выбегали в палисадник, радуясь дождичку, визжали:

— Дождик, дождик, посильней, разгони моих гусей!.. Поливай густо, вырастет капуста!..

Грянул оглушительный сухой треск, небо как будто раскололось.

— Боже… Свят, свят, — зашептала бабка, крестясь на икону, и зачем-то стала закрывать зеркало полотенцем, затворяла окна и двери.

И старые, и молодые души охватила тихая долгожданная бурная радость.

Смотрели на сетку дождя, слушали вечернюю радостную музыку грозы, сошедшей мало-помалу на тёплый грибной дождичек и солнце. Желанный дождь.

— С утра пошёл — значит, кормилец, на весь день зарядит. Слава Богу, картошка уродится…

— Пошёл, пришёл, кормилец… Бог не оставил.

Выучилась

На выпускном вечере в школе-колледже пёстрая толпа: родители, преподаватели, друзья выпускников и, разумеется, сами выпускники. Невзирая на трудное время, родители постарались сделать всё, чтобы этот день запомнился. Пёстрые одежды, майки из американских флагов и бейсболки. Модные малиновые и зелёные, не по размеру, пиджаки.

Запускали в небо шары, смотрели вверх — новый высокий воздушный путь каждому выпускнику в голубое пространство… Каким-то будет этот путь? После ритуала с воздушными, гелием легчайшим наполненными шарами, пили шампанское, и кое-кого уже пришлось выпроводить вон, они тайком передрали винца. А одну раскрасавицу учительница литературы отчитывала:

— Как нехорошо ты одета, Наташа! Ноги голые, грудь голая. А — блузка на тебе? Это не блузка, а марля, сеточка. Помнишь, как я вам рассказывала, Цицерон сказал по этому поводу, помнишь? Он сказал в «Тусканских беседах»: «Обнажать тело на глазах у всех есть начало развращения».

Наташа слушала-слушала, подняла голову и, глядя на свободные улетающие шары, раздельно, с расстановкой, проговорила:

— А хотите, я и юбочку сниму?!

Редкое слово

Ладное слово для писателя — большая находка. Каждое слово самобытное, самородное имеет и форму, и свой цвет, а порой и вкус даже. Вот о таком-то вкусном словце, которое даже и характер, и образ оригинальный, неповторимый образует, и пойдёт речь.

Слово «клебяшка» вы не сыщете в словарях Ушакова, ни у Даля или Ожегова. Ни даже — у Фридриха Арнольда Брокгауза и Ефрона. Изобретено оно в нашей деревенской глухомани, на Рязанщине, в селе Смирновка.

В те далёкие времена, когда ещё пекли хлебы в русских печах, замешивали тесто в деревянных дёжках, затевая, — прикидывали на глаз, сколько полновесных караваев получится из опары. Иногда хозяйки ошибались, и тогда на противнях, кроме больших караваев, для экономии места, из остатка опары получался неполный, меньше полновесного каравая, хлеб, его называют и сейчас «клебяшка». Хозяйки хвалили свой хлеб, выпеченный на кленовых листьях, нахваливали и недовесок-клебяшку с золотисто-коричневой хрустящей корочкой. А ребёнку смотреть на неё — глаз не оторвёшь. Клебяшку несказанно любили и любят ребятишки, ждали и гордились выпеченным «недовеском», выбегали с ним на улицу, угощали ровесников.

Теперь хлебы в своих печах выпекают редко: хлопотное дело, а и, возможно, не осталось умельцев. Да и рецепты потеряны, забыты средства, потеряны формы для выпекания, даже пропорции, методы и советы-рецепты бесценные от родителей, долгим опытом нажитые. Бабушка пекла подовый хлеб на листьях вишенника, пальцы оближешь, «объеденье, у кого рот большой» — шутила она. А и впрямь караваев, подобных её выпечке, я в жизни не едал ни до того, как попробовал её мякишей да корочек, ни после её ухода. И вот хоть хлебопёков-кустарей свойских не осталось теперь в рязанских весях, но не забыто вкусное словцо «клебяшка». Так и прилипло оно прозвищем к молодой женщине — Насте. Раскрасавица на российский русский лад, небольшого росточка, ухватистая, с низкой талией. Стоит и ходит она по землице своей рязанской уверенно, осанистая, словно табуреточка… С виду чем-то и впрямь напоминает клебяшку — вкусный румяный духовитый каравайчик.

Настя торгует в сельпо, на уважаемом месте. А зовут её, хоть и по прозвищу, всё-таки вкрадчиво. Хоть смешно, но вместе с тем и горько слышать по нынешним временам в сельпо:

— Клебяшка, милая, дай буханочку-то, да и сахарку деткам.

— Опять в долг? Под будущую пенсию? — и, прищурившись, на покупателя, глядела выжидательно. — А пенсию ныне оттянули на пять лет!

Старик или старуха оглядывают прилавки, полки. До-олго выбирают, оттянув или чуть приподнимая веко по близорукости, — очки теперь не укупишь, в деревнях шаром покати, работы по развалинам колхозов и совхозов — вовсе никакой.

Клебяшка-красотка ведёт строгий учёт, записывает долг, фамилии попрошаек в толстую бухгалтерскую книгу. Кругом Клебяшки — все должники. А поди-ка всех-то упомни. Кто сколько и кто за что должен. И сроки. А поскольку пенсию теперь и впрямь оттянули, отставили, то и должников в деревнях да в сёлах прибавилось.

Или так. Довольный покупатель идёт с покупкой, а навстречу соседи:

— Глянь-ка, сегодня и сахар даёт?

— Даёт и сахар.

— Ну и Клебяшка — хи́тра какая. А мне вчера не дала. Сказала: на самогон не дам…

— А мы детям, ребятишкам.

— Догадались, тогда и я так и скажу…

— Проголодаешься — догадаешься.

— А мне селёдочки. Клебяшка, милая, дай-ка селёдочки посолониться. Она без головы? Мы без селёдки-то — голодные. Одной картошки и осталось вволюшку, — то и дело слышишь в магазине.

Или:

— Гдей-то вы чипсы купили?

— У Клебяшки в сельмаге, где ж ещё.

— Тарас?! И ты здесь, Тарас? Чипсы бери…

— Тарас есть пряники горазд, чипсы яму ни к чаму!

— А цукаты?

— От цукатов брюхаты девки делаются, так, Клебяшка?

Клебяшка не слышала ни смеха, ни шуток. Она дело делала. Оценивала, отвешивала, записывала. Прищуривалась на весы, заворачивала, складывала и опять считала или записывала в огромную амбарную книгу:

— Так, больше вам не дам. Два месяца прошло, ни одного долга не вернули.

— Клебяшка, милая…

— Нет и нет…

— Правильно, не давай ему…

— Бабы делятся на дам и не дам.

— …И на «дам, но не вам»…

— Каждая… хочет пахнуть фиалкой, понимаешь. Ну дай хоть косушку, праздник же.

И видно было, как, уступая, Клебяшка чувствовала не без некоторого удовольствия и свою власть, и своё влияние. Умиляло её, как в очереди после завоза продуктов, когда выстраивалась очередь, ближние, чтобы потрафить ей, кричали:

— Не давай без очереди.

А дальние заступались, «впрягались», жалели мужика-бобыля, выпивоху, кричали:

— Отпусти ему, видишь, мается с похмелья…

— Дай яму, не задерживай, он вернёт долг-от!

— Сейчас, счас, «дай», спешу и падаю!

— Эдак, эдак, — поддакивали старухи, добравшись до прилавка, — эдак. Вся власть — она сегодня не в сельсоветах. В сельмагах. Вот у Клебяшки — и власть. У ней и богачество, и довольство. Эдак, эдак, вот так и держи их на коротком поводке. Хотели капитализьму — нате капитализьму вам, ештя яго с кашей!

— Ой, ой, испугала капитализьмой, — лукаво отвечала мужику с похмелья молодка. — А вы пейтя таперя самогон из картошки. Что, никак?..

— Нам-то бояться неча, да мы и не бедствуем.

— Клебяшечка, ну отпусти, час стою, ноги простыли…

— Я одна…

…Клебяшка вышла замуж за пчеловода большой совхозной пасеки при «социализьме», «в прошлом веке», как шутили над ней. И, конечно, не прогадала. Её как-то спросили (она в это время отвешивала сахарный песок), хорошо ли она живёт с мужем. Ответила, имея в виду мужа, с которым всегда ладила:

— Одна рука в меду, другая — в сахаре!

— Э-хе-хе… — отвечала ей старуха во всём чёрном. — Больно-то не гордись, сказано: «Богатство — в день, а бедность — навеки».

И когда я вспоминаю клебяшку с запахом хлеба, с запечённой румяной корочкой, непременно вспоминаю и Клебяшку-продавца. Одним видом и та, и другая — сами себя хвалят…

Забота

Записи девяностых

Писатели всех стран и всех времён по-разному объясняли суть женской души, женской природы. Они и желанны, они и прекрасны, они и коварны. «Вай-вай-вай, — сказал царь Бахтияр, — воистину козни женщины ничто против замыслов мужчины…» («Тысяча и одна ночь»). Или: «Воистину — всё это ваши козни женские. Воистину, ваши козни велики!» (сура 12, Коран)… И порочные, и добродетельные. И жестокие, и милые… Женщины… Что говорить, если бы не они, мы все не были бы вскормлены и обласканы в начале нашей жизни, ухожены и лишены радости в середине и лишены были бы заботы в конце…

Думается порой, что лучше многих суть женской души понимал И. С. Тургенев. И самое главное, что ценил он в женщине, — необыкновенную способность заботиться о ближнем. Он сам, по его словам, великой славы и достатка человек, был «готов отдать все свои писания за то, чтобы какая-то

женщина заботилась о нём», которой «было бы небезразлично, опоздает ли он к ужину».

Наблюдая жизнь простых людей, приходишь к выводу, что — да, тратить себя нещадно и в мелочах, и по большому счёту, забота о детях, муже, внуках, внучках — самая суть женской души. И что всего обидней — это то, что мы, мужчины, по большей части не дорожим по чёрствости своей, не способны ценить это бесценное сокровище — движение женской души навстречу, а даже и не замечаем порой. И как тут не вспомнить Николая Заболоцкого, страдальца, неповторимого в стихотворениях последних лет, незаурядного поэта?.. «Микстуру в зелёную рюмку ему наливает жена…» А сколько раз в тех же трагических девяностых в семьях самого разного уровня приходилось наблюдать: женщина, мать, сестра — приносит обнову. Принесла вот, стояла в очереди. Долго, трудно стояла. «Достала», как тогда говорили… «Иди примерь: подойдёт ли?» И тут в ответ: «Погоди ты с примеркой», — или: «Потом когда-нибудь», «Как-нибудь в другой раз, очень занят»… — и прочее.

…Помню, стоял в очереди в то самое горестное время «дележа и голода» девяностых. Ха́мово время то, беспощадные очереди не забыть. На каждом шагу то́лпы у прилавков и «… вас тут не стояло». «Святыми» девяностые объявила небезызвестная особа, о ту пору «первая леди» с монголоидным типом, приземистая, хищная… Она не знала боли простых женщин России. Они стояли едва ли не сутками за детским бельём, продуктами, с записью номера очереди химическим карандашом на руке… Тогда вмиг создавали очереди две-три тётки, взявшиеся «из ниоткуда», «как с неба свалившиеся». И тотчас, не без причины, выстраивалась за тётками очередь — и, оказывается, да, что-то «выбросили» на прилавок.

Рядом со мной оказалась женщина лет сорока, с редким пушком на верхней губе, с заметной сеточкой морщин на висках. Видно, что ни волосы, ни губы её давно не знали красок, она не улыбалась в праздник. Даже одета она была как-то даже излишне опрятно, как одеваются обычно начавшие уже стареть одинокие женщины.

Очередь не уменьшалась, а увеличивалась и скоро забурлила ручьём, кто только и откуда только взялся. А был канун Светлой Пасхи… Уже к вечеру оказалось, что стояли не зря. Детские откидные летние коляски «Мальвина» стали выносить лишь к закрытию магазина. И вдруг…

— Уйду… — сказала эта понравившаяся мне женщина. — Простите, уйду, не стану стоять, — сказала она в очереди.

— Вы не будете стоять? — переспросил я удивлённо.

— Нет, не буду, пойду… — и вдруг добавила: — Мне теперь не о ком заботиться…

И это её «теперь не о ком заботиться» — было тяжелее скалы. Эта интонация отчаяния сразила. Сколько их, наших милых добрых женщин, овдовело тогда. Отчаяние мужей, потерянные ваучеры, вложенных не туда (а все вложили «не туда», как оказалось, и я сам тоже). От французского технического спирта «Ройяль» для разжигания каминов, от фуфыриков «Ферейн» Брынцалова, от пули или разрыва взрывчатки, от тоски и неверия умирало ещё больше мужиков, чем в войне под Грозным.

Думая-гадая о её судьбе, я достоял-таки и добился коляски «Мальвина». У меня было двое на то время, но дали только одну, и то красную, на девочку.

— А на мальчика? — спросил я.

— Нету. А мальчуковую получишь, если ещё раз отстоишь три часа, — сказал мне грузчик. — Ельцину своему скажи спасибо. И Гайдару мордатому с косым Чубайсом.

…На третий день, ночью, выйдя на лестничную клетку с сигаретой (купленной по талонам), я обнаружил, что… коляску украли.

Не знаю, дым ли сигарет располагает к чувствам, чувства ли к дыму… Разговорился, помню, тогда, дымя с соседом по лестничной клетке табаком. И вспомнил при нём недавнюю поездку.

Работал я фельдъегерем о ту пору. Бригада была боевая. Кто колбаски приобрёл на продажу по дороге по Сибирскому тракту, кто шампунь, кто женские чулки — всё на продажу, для выручки. Но более всего выгоду давали водка и сигареты. Их брали в Москве на талоны, как теперь говорят — «с откатом». И вот на каждой станции набегала толпа к нашему спецвагону, что было грубейшим нарушением инструкции, и под страхом увольнения мои коллеги обогащались с толпой:

— …А вот чай со слоном! Кому надо — заварнём!

— …А вот она! Гляди веселей! Колбаса.

— Варёная или копчёная? — спрашивали покупатели.

— Колбаса копчёная, балда заворочённая! Налетай, не боись, покупай-торопись!

…Мимо вагона вдоль состава шла старушка

— Бабуля, возьми старику «Примы» блок и бутылочку водочки, недорого отдам…

Никогда не забыть, как старушка посмотрела на нас снизу, с насыпи, вверх, в тамбур спецвагона… Она посмотрела снизу вверх на фельдъегеря, стоявшего высоко, по-барски, на фартуке, и вдруг заплакала, уткнулась в варежки.

— Да купила бы, милый, за любые бы деньги. Нет теперь у меня старика. Месяц как помер…

И пошла понурясь.

Поезд набирал ход, обгонял её, обогнал, оставил далеко позади. А я у раскрытой двери вагона стоял, удаляясь, и всё смотрел на сгорбленную фигурку.

Постой-постой, где это было? Под Пермью… или Амазар. Впрочем, какая разница?..

Покурив с товарищем в подъезде, решил молчать в тряпочку, вернее — в сигарету, про украденную коляску, не огорчать домашних. Да… уж на что «святое было время» — ни в сказке сказать, ни пером описать. Кто-то делил и рассовывал по карманам восемь миллиардов долларов помощи от МВФ, а кто-то — полкартошки на троих. Мужья, дети, семьи, оставленные без средств, — деньги отняли банки, а управляли ими дубины-Дубинины, Геращенко да некий Павлов, банкир. Имён-фамилий их теперь не помнят, а зря. Без медицинской помощи осталась страна, без возможности купить даже и за баснословные ассигнации хоть какой-то товар, хоть какую-то мелочь. Народ вымирал по полтора миллиона в год без средств, без лекарств, без стирального порошка и мыла. И это тоже всем им сошло и сходит с рук. Манипуляторам-чиновникам той поры. Поразительно! В царской армии офицер, потерявший личный состав, подлежал суду чести, капитан в судоходстве, утопивший корабль, сходил в спасательную лодку последним. Но и это считалось позором, потерей чести. Подлинно капитан, дворянин — либо уходил на дно с кораблём, сделав всё возможное для спасения экипажа и пассажиров, либо стрелял в свой висок, на виду у всех, на палубе. А эти едва ли не все… Эти все «на плаву». И сегодня.

…Так и не узнал я трагедию той красивой женщины. Но свято, конечно, не время девяностых «лихих», а свята боль таких, как она. Свято женское горе… Никакой чиновничьей, чернильной кровью, даже и офицерской-фельдъегерской честью и кровью — не смыть позора от обид и унижений наших бесценных подруг. Матерей, сестёр, бабушек, дочерей. Девушек, женщин, униженных бессердечием.

— …Да разве бы я своему старичку не купила бы чарочку или табачку?.. За любые деньги бы купила…

Или:

— …Нет, нет, пойду. Мне теперь не для кого очередь выстаивать. Не для кого стараться…

…За слёзы детей и женщин наших нет и не может быть прощения никогда. И прежде всего нам, мужьям, отцам да братьям…

«Не журись, дядя!»

Про мат и бранные слова много сказано, и поделом. И гневного, и компромиссного, и даже оправдательного. Бесцветного тоже много. Либерально-эпатажного: «мат как языковую норму» обсуждали не раз и по каналу «Культура» по инициативе всё того же эпатажного бывшего министра. И сказали много «бы́ковского», даже быкова́того, на толпу рассчитанного, на шумный и дешёвый успех. Да это и понятно: арена защищает от ярости благородной, а телевизионная арена защищает лучше доспехов. А там, где подмостки, там, как известно, «мильён меняют по рублю». Без мата и низких истин, понятно, наш театр — ничто. И как странно-скоро стал он мелок, пошл и прививает дурновкусие. Но и того мало: странным образом сгорели архивы плёнок-записей русских хоров, бесценные, невосполнимые. Зато заполонил теперь всё «блатняк», или, как его называют, «русский шансон». И вот в Кремлёвском дворце безголосый Пейс шпарит новоделы про зону Танича, а ему подпевает дюжина молодцов, переодетых в форму офицеров в фуражке с красной тульёй. И приходят тысячи слушать песенки, где мат для прикрытия прикрыт словами-паразитами, но он вполне читаем и додумывается. Поразительно. Как низко пали. Даже не так, а вот что: сожгли архивы русских песен и подменили незабываемое — полым. И многим кажется теперь, даже и поэтам, и сценаристам современным, что если не поставят, не вдуют в текст похабное, так молодёжь и смотреть не придёт — «западло́».

Помню, как на «Отелло» Дездемону — которая почему-то в мужском обличье была — схватил в последнем акте некий «Отелло», но вовсе не мавр и даже не сарацин, он даже и не загорелый. А за спиной услышал шёпот молодой пары:

— Это кто?

— Да Дездемона же!

— А почему она — мужчина?

— Это инверсия автора, дорогая. Это его право, он так видит…

— А этот, толстый и большой, — Отелло?

— Да, конечно. Ну, ну, поняла теперь, а?

— Так тот негр, а этот белый…

В ответ огорчённый вздох:

— Значит, ты так ничего и не поняла? Эх ты… Не понять такую мысль… Странно. Это даже странно, честное слово.

И вдруг со сцены — матерная брань. Сказать правду — это не просто шокировало, а взвинтило до ненависти. И тут же, рассвирепев, какой-то работяга, слесарь, что ли, вдруг поднялся с кресла и дал такую «ответочку» сцене, что все замерли. Повисло молчание, потом неудержимый, истерический смех повис в этом горе-театре. «Вот куда надо чаще ходить, — подумалось тогда, — в слеса́рки. Там больше узнаешь и подчерпнёшь, чем в нынешнем театре». А то какие-то студии, «Гоголь-центры», Седьмые и Девятые студии. Выпендрёж один. А ведь многим из моего поколения пели, не забыть того, «Колыбельную», для Алёшки. Там и такие слова были, помню. (Старший брат пел ма́лому, которому два годика, и он ему за отца стал. Они остались сиротами, жалостливая песня.) Слова такие:

У тебя на всё готов ответ,
Знаешь ты, Алёшка, «да» и «нет»,
Но не знаешь, Лёшка, только ты, только ты,
Что бывают синие киты…
Что бывает мятая трава,
Что бывают бранные слова.
Я тебя от них уберегу, сберегу.
Спи, Алёшка, баюшки-баю…

Старая песня. Послевоенная, наверное. И здесь всё понятно. Ясно без пояснений. Так воспитывают после большой всенародной беды. После войны, мора, голода. А сегодня тут — что же, и ковид даже не пугает, и страх Божий не берёт, как были пошляками, так пошляками и остались. Только безоглядны стали; а и впрямь, коли бывший министр культуры убеждает, приглашает к дискуссии, так сказать, по ТВ: «Без мата нет русского языка».

Давно… теперь, кажется, бесконечно давно, в те времена, когда главный редактор «Юности»-журнала спешно собрался и уехал послом в Израиль, издал я в журнале этом у Лаптевой Эмилии Алексеевны и Липатова Виктора, ставшего главой названного журнала, исследование, которое называлось: «Душа частушка», или «Частушка — душа народа». Эта фраза, быть может, покажется затасканной, а в литературе едва ли не штамп. Но только кажется…

Кто и как придумывал частушки, ещё никто точно не выяснил. В деревне и сейчас праздники, гулянья и застолья не бывают без частушек и самородных, «свойских» песен. И если верно рассуждаю, частушка — зеркало, отражение времени. И в том исследовании — без единого матерного слова, а там была задача нешуточная: частушками проследить и подтвердить историю нашу. Нашей страны, СССР, затем и — России. Частушки — без единого слова мата. Задорные, ёмкие. Грустные и залихватские. И Лаптева, и Липатов были удивлены, даже обрадованы. И в то нищенское время нашли шестьсот рублей в награду (это по покупной способности примерно то же, что и сегодня, в 2021 году, — шесть тысяч), заказали позолоченную табличку и выдали торжественно. Тогда это называлось: «наградить литератора, писателя премией имени Б. Полевого». Удался очерк. И перепечатан был впоследствии и в книге.

…В наше коварно-ковидное время — даже ни грех, ни матерная брань не пугают уже никого. Привыкли. Девушки, молодёжь, — и мы это слышим — порой загнут вдруг такой «угол» из слов, что только ахнешь, хоть святых выноси. «Слов немного, быть может, пяток, но какие из них комбинации…» — сказал как-то сатирик. И вот в «центрах» Гоголя, Сахарова, Ельцина… где только не слышал я сквернословия. Но в театрах-центрах мат особенно обидно слышать, по-настоящему ранит. Особенно если вспомнить чистоту русского театра. Прославленные в лике святые говорили, что мат — молитва инфернальным духам. Вспомнить разве песню Ф. Шаляпина в пьесе Горького «На дне»: «Солнце всходит и заходит…» Какой подняли скандал: «уличная песня в театре». И это при том, что в песне нет и намёка на брань. И всё это происходило в то время, когда сцену, подмостки именовали не иначе как «позорище». Как же обозвать «храм искусства» сегодня?

Частушка — душа народа… Но вот отчего-то в наше время, такое трагическое, когда апрельский коронавирус заражает и убивает миллионы людей по всему «земшару», — как-то особенно скоро вошли и стали приметны, даже привычны бранные слова, которые, на мой взгляд, едва ли не хуже мата, едва ли не страшнее. Это отглагольные и предметно, и постоянно употребляемые формы слова: «убью», «убийство», «убили». «Убили врачи своим безразличием к больному коронавирусом»…

Молодая мамаша кричит малому сынишке в Москве, в центре городской людной улицы, на детской площадке (оба в масках от вируса). Кричит она невнятно, сдавленно, в себя, «в горло», как сказали бы в театре, но с лютой неподдельной ненавистью:

— Куда полез? Ну-ка вернись, сейчас убью!

И тогда, мой грех, не удержался и сам я, не смог. Снял свою маску-намордник, а дело было в Отрадном, среди цветущего мая. Площадка — напротив противочумного центра и ресторана «Белая Скала». Указал ей на машины, прибывающие и отбывающие с огромными сумками-холодильниками для проб на вирус. КАМАЗы с прицепными баками, до краёв наполненные пеной — антиковидной смесью, то и дело выезжали и въезжали на мостовые и пенили из шлангов асфальты и зелёную траву. Молвил ей:

— Малое дитя, во дворе играючи, полезло вверх по лестнице — молодая мамаша уже кричит: «Куда полез?! Слезай сейчас же, убью».

Она посмотрела на меня с нескрываемым презрением и ответила прокуренным, глухим, шипящим, не звонким, сатанинским каким-то шёпотом, в котором я не сразу разобрал скрытую угрозу:

— Не журись, дядя. Это у меня присловье такое. Я так с ними со всеми, не только со своим.

— С кем «со всеми»?

— Я, дядя, заведующая вот этим детским садом, который теперь закрыли.

Я обомлел. «Ну, эта заведующая, без сомнения, успела насмотреться „голубых“ Дездемон и Отелло», — стало понятно мне. Или часто посещала она с детьми названные «центры», а там хорошему не научат…

«Не убий» — первая из заповедей Книги Книг — Евангелия. Православный народ, да и вообще

христиан, в былые времена называли не иначе как «народ Книги». Верующих по Книге. Понятно, какую книгу имели в виду. Библию, конечно, с её первой и главной заповедью «не убий». Кто может восстать на Библию? На веру? На нерушимую тысячелетиями заповедь, за которую во времена не столь далёкие отлучали мирян от причастия на двадцать пять лет? И сказано: «А кто скажет ближнему „рака“ — подлежит геенне огненной» («рака» — бранное слово).

Но вот, будучи даже и в деревне на свадьбе, молодая женщина при мне, желая подчеркнуть новизну и оригинальность сложенной недавней частушки (примета времени), — умело притопывая, размахивая руками, пела:

А мне милый говорит:
«Милка, я тебя убью!
Неужели ты не чувствуешь,
Как я тебя люблю?..»

И ещё:

А мне милый говорит:
«Милка, я тебя убью!»
Поневоле отвечаешь:
«Горячо тебя люблю!»

…Помню ещё, проходившая мимо нас, мимо меня и заведующей детским садом, против противочумного центра старушка, по виду из тех директоров и завучей, которые воспитывали моё пионерско-октябрятское племя, услышала наш спор, остановилась и молвила:

— Убить-то легко, а душе каково?!

«Малый налой»

Бабушка в избе, убирая кровать, клала две большие подушки одну на другую, а сверху — совсем маленькую, как бы детскую. Каждое лето я проводил у неё в глухой рязанской деревне, и вот как-то она, совсем уже дряхлая, тяжко нагибаясь, убирала покрывала, подушки на свой, известный ей только лад. Всё аккуратно взбила и покрыла сверху тюлем с каймой своего плетения. Мне смешна стала эта её аккуратность чрезмерная, раз от разу всё одно и то же. Щепетильность такая напомнила, как в армии отбивали мы перевёрнутым табуретом и пряжкой солдатского ремня — ризку на одеяле, кантик. А прапорщик Гура бдительно отслеживал, чтобы три полосы на одеяле совпадали как по струнке по всему ряду…

— Дай-ка я по-новому уберу, бабуля, — сказал я ей. — Чтой-то посушу на солнышке, вынесу, на частокол вывешу, вот и одеяло. Высохнут — пыль погоняю, поколочу подушки через мокрую тряпицу.

Она как-то странно посмотрела на меня:

— Ой, нет, нет, я сама… Мужикам убирать кровать — грех…

Почему грех? Она не стала объяснять, сказала только нечто уже слышанное:

— Мужики должны заниматься своими делами, а бабы — бабьими…

— А вот маленькая подушечка эта сверху, зачем она? — полюбопытствовал я. — Прямо как в сказке «Маша и медведи».

— Это не подушка, это думка-задумка…

— А почему её так назвали?

— Бог знает почему… На ей неловко спать, а только думать ловко. Заснёшь, а голова скатывается, сама говорит: дескать, не спи, думай, как жить дальше… Для чего это ты, соколик, всё спрашиваешь про бабьи-то дела? Шёл бы дров наколол…

…К. Паустовский любил рязанские места, слова «родник», «окоём» он услышал на рязанской земле. Не скажу, что Рязанщина только и говорит звучным, штучным, исконным языком. Тут и «ишшо», и «мяшок», «гребяшок», и «грыбы»… Но какое разнообразие лексическое, пиршество фонем! В одной деревне — Ванёк, в другой — Ваньчка, километра за два-три — Ваньша, Ванец, Ванятка… Или Лёньчка, Ленёк, Лёша, Алёша, Алексей…

Когда мы ходили в соседнюю деревню учиться, если кто-нибудь защемит-прижмёт руку или палец, кричали: «Уяк, уяк, ты мне палец прилюшшил!»… А если заснул, то: «Спал, да так, что даже сбре́дил то-то и то-то…»

Сколько хрустальных и золотых слов и оборотов ушло, кануло в Лету, не записано. Это и «кулижка», и «ялань», и «чресседельник»… А кто знает, что такое «кочеды́к» или «опоя́ска», «по́лость», «гайта́н»? Но вот слово «думка» — осталось. Самая маленькая, с кулачок, подушка, та, что сверху всех других, под тюлем.

…Слова — жемчужины образности, как бы вместившие множество понятий, и среди них такие: «прясло», «пешень», «па́хталка» (для взбивания масла), «недоуздок»… Хотя красивые слова ещё живут и в Орловской, и в Курской областях…

На кулачке, или на думке, молились дома молитвенники и молитвенницы — исихасты. Зрели они в молитве, чтобы не уснуть и творить самодвижную Иисусову молитву так: кулачок под ушко, кулачок на думке. И держат одно только, сочетая слова с дыханием: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Чуть задремлет, голова и скатится с кулачка. Волей-неволей проснётся.

Или молились так. Садились на маленькую «стулку»: согбенным-то не очень уснёшь. Брали в свободную руку лжицу оловянную или железку какую-нибудь. Если задремлешь, лжица падает на пол или в разлатую широкую тарелку, в миску звонкую или в медный таз. Сразу очнётся

молитвенник. И опять продолжит движение мольба к Господу. И так всегда, и всю-то ночь даже, начеку.

«… Придя, найду ли веру?..» — вспомнилось из Евангелия. И тогда понял я бабушку — понял то, как подушечка эта простая дорога ей. Не подушка даже, что «под ушко» подкладывают, не «думка-задумка», а «малый домашний налой». Для умно-сердечной молитвы.

Любовь

Старые люди, благодаря большому жизненному опыту, временами, а часто и не отдавая отчёта себе, говорят крылатые фразы, высыпают перлы родного языка. Может быть, кто-нибудь знает такую поговорку: «Волчок стоит, пока крутится…» Имеется в виду юла. Раскрутишь её — она гудит и пляшет на месте. Останови её — и вот она уже на боку пляшет, большие круги выписывает и замирает. Это тот же «принцип велосипеда», который не валится единственно, когда движется.

Я слышал вот что от одной старушки восьмидесяти девяти лет. Её спросили:

— Что же, вы, бабуля, всё работаете? Отдыхали бы дома: бай-бай…

Было раннее декабрьское морозное утро, в такой мороз хороший хозяин и собаку не выгонит на улицу. Мороз жёг, терзал кожу щёк и дыхание перехватывал. Быть на улице в такую пору — себя не жалеть. Бабушка уже убрала в сенцах, в проходной комнате, выметала мусор. Изморозь шубой висела с единственного оконца в сенцах. Из дверей пар так и валил, лишь приоткроешь их. Холод врывался в двери, а бабуля тяжело выпрямилась, седые волосы выбились из-под пухового платка.

— А чего мне дома-то сидеть? Если б я сидела да лежала, давным-давно была бы в тихой роще… Что, замёрзли? А вы побегайте. Волчок стоит, пока крутится… Так-то вот я-то и кручусь… Дело не дело — на ногах.

И понятно стало, что «крутится» она, чтобы стоять. Ляжет да попривыкнет лежать — и всё тогда, конец.

— Что же, никто не помогает — дети, внуки? — пропустив мимо ушей главное, удивились молодые.

— Я сама им помогаю. Им много надо всего, а мне… ничево…

— Как так, вам ничего не надо?

— А мне всего хватает. Всё моё со мной. Оттого и крутиться мне — ловчее, легче, чем им.

…Но вот бабушка Мотя заболела, пролежала в больнице три дня и сгорела, покинула сей мир. Увезли её в «тихую рощу», а она так не хотела туда отъезжать, крутилась; если что-то подать, принести: нет, нет, я сама, я должна двигаться. И такое тихое, незаметное постороннему геройство: через боль, недуги, бессонницу и слабость, а всё «я сама»… И что же помогало ей, что поддерживало в кружении? Желание помочь ближнему, забота о внуках, правнуках, детях… Всё для них искренняя любовь… Вот это и есть та любовь, о которой сказано: «Возлюби ближнего…»

«Без пути — без дороги…»

У рязанских стариков и старух из глубинок — потомственных крестьян исконных — из поколения в поколение слово «гулять» имеет смысл совсем иной, непривычный для городского. Другое значение — ходить на праздники в гости, «справлять» церковные или «советские» праздники (демократические всё-таки никак не приживаются). Гуляют до сих пор ещё — с выпивкой и старинными песнями, гуляют и на свадьбах… А вот приехать в родные места и ходить по ягоды, грибы, на охоту — это не гулять, а «шáться»… или «шататься».

По твёрдому убеждению стариков и старух, не может исконный крестьянин старинной закваски бросить крупные дела по домашности и пойти, скажем, по грибы (за грибами) или на охоту — немыслимо. Дело это не стоящее, серьёзному человеку не приличное, разве только глубокой осенью, когда всё убрано, поделано… Людей таких, праздных, гуляющих, презрительно называют шатунами…

— Эх и дурак! — говорили про одного заядлого охотника, дед и отец которого были охотниками. — Вот и шатается по кустам, бережкам да овражкам: зайца выцеливает. Заплата на заплате — и штаны, и рубаха, а ходит, ветер ловит… Как были они… — и тут довольно точное прозвище употребляется, — вся их порода, как были шатуны, так и остались…

Если смотреть глазами старого крестьянина, а не городского жителя, можно понять исконных крестьян: ходить, «шаться» бережками да лужками — дело не стоящее, презренное. Убьёшь только драгоценное время, и ничего более, а дел невпроворот. Даже если дали выходной в совхозе, что случалось крайне редко в не столь отдалённые времена, да ещё в деловую пору, — редко кто отправлялся «гулять». Разве мало дел на дворе своего хозяйства? Даже если на больничном — и то «шатание» осуждалось. Не может стóящий, серьёзный крестьянин, «рачитель», у кого в избе домовито и живёт он крепко, — не может пойти с удочкой или ружьецом, даже с корзиночкой «шататься»…

— Это вы где же шатались-то?! — с беззлобным и как бы радостным удивлением спрашивала нас старушка, если мы рано утром вставали и она не слыхала, как мы ушли за грибами или на рыбалку. — Глянь-ка, а я ноне проспала, не учуяла вас…

А если за орехами ходить или гулять по заброшенному, запущенному саду, глазеть, «лупить глаза на облака», долго смотреть на совхозные поля в синей утренней дымке — это уже несомненно и точно «пустое шатание», глупое

времяпрепровождение. Да что там — чтение книжек, написание стихов или работа за мольбертом непонятны и смешны в деревне.

…Наблюдая стариков, старух во все времена, когда была хоть «кое-какая скотинка», — я заметил, что просто так старики не гуляли, не таращили глаза на облака, на закаты, на рассветы, а роса жемчужная со всей её красотой с утра нужна была единственно для косьбы, до травостоя полуденного… Но, как говорится, «кто без греха, бросьте в него камень». Помню, бабка — ох уж эти бабки! — пошла к соседке то ли за спичками, то ли за керосином для примуса, да и заболталась деловая старушка, а время было к вечеру, ужинать пора. Картошка в чугунке — даже и та не очищена… Лежит картошка помытыми камешками-голышами, как живой упрёк «безделыванию» бабушкиному.

— Ой, какая я глупая, прошаталась, — сетовала бабка, сама собой недовольная… — Прошаталась, заболталась я. Фрося — чисто колдунья, вот только и слушай её, всё говорит и говорит… Прошаталась, без дела просидели битый час. Ой и разговористая, ох и болтушка-говорушка. Заслушалась её.

— Ну и что? Посидела бы и ещё с ней. Что мы, картошку себе не почистим?

— Нет, нет, грех безде́ловать, а то что ж, зацепились языками и всё забыли-запамятовали, грех!

…Летом, когда к старикам приезжают городские родственники, чаще вечерами, из окон слышались громкие голоса, песни, звенят старые балалайки, вздыхают всей гаммой басов гармошки с западающими планками. «Гуляют», — говорят старики про такие «тёплые» дела.

— А что же и не погулять? Наши вот не едут к матери, и весточки нету… И погуляли бы, и за грибами пошатались… Все люди как люди — все грибы оберут, а наши ротозеи приедут к шапочному разбору, и то едва ли.

Если гости расходятся по домам в нестойком виде — тоже не дело: негоже, тоже «шатаются». Таких встречают на улице ехидными улыбками, провожают взглядами с тихим ворчанием: «Нажрался на халяву — аж шатается, шаты́-шаты́… Через губу не переплюнет, так жаден до выпивки…»

…В соседнюю деревню прежде ходили за спичками, солью, хлебом. В деревне не осталось ни кола ни двора, три старушки доживают теперь без выезда, постоянно. Двухколёсная тележка облегчает им труд. Старушки дня за три договариваются, так чтобы никто из них не был занят работой. Утром идут в сельпо соседской деревни, там ждут продавца. Бывает и так, что ровным счётом ничего не купят и тогда делятся между собой последним, чтобы хоть как-то выжить, дождаться, когда в магазин коммерсант из «новых русских» — а чаще «старых не русских» — привезёт из района что-то стоящее, а главное бы — недорогое. А так — всё заняты, что-то делают, копошатся в земле.

(И откуда это ощущение, что жизнь нельзя так просто пропить, промотать, прогулять? Эта врождённая память, что ли, что жизнь — дар великий и что часы нашей жизни и скоротечны, и все сочтены? Беречь их следует, ведь это врождённое чувство, если задуматься, — большая тайна.)

— Надо же, так прошатались, день-деньской возле магазина ошивались.

Почтальонша — женщина-предпенсионерка, не на пенсии, а — «юная», пенсионерка, в разряд молодых на пять лет переведённая недавним указом чиновников. «Президент пять лет жизни всем добавил от щедрот кремлёвских», — шутит… Тоже «шатается». Её ждут, надо получить пенсию, — а она тут знает всех, хотя живёт в соседней деревне, километров за семь: тут чайку попьёт, там угостят, если есть чем, — а её ждут, почтальоншу. Ждут долго, до обидного, «юную». И если ждут, то «ша́ется» она или «шатается» особенно, нестерпимо долго. И тогда с обидой, дурашливо: знает ведь, не приезжая же она из города, что надо и кур кормить, и козу подоить, поросёнку корма́ задать…

— И где же это она шатается-то? Поди-ка глянь-ка, Маланья, ты на ноги-то лёгкая ещё…

— Шатаются и шатаются… И чего шатаются?..

…И вот, когда я возвращаюсь в Москву от бабушки, я твёрдо понимаю, вижу, чувствую: редко кто занимается делом в этой самой Москве. Жируют-безде́луют. Гуляют — одно слово. Может быть, оттого мы все так и живём: не живём, а — «ша́емся», «ошива́емся», «шата́емся». Без пути-дороги… А как нужно жить правильно и сдержанно, нацеленно, не знаем. Утратили связь с предками и традициями, вот и шаемся-шатаемся без пути, без дороги.

Окончание следует

Анастасия Астафьева

Карточки

— Алёша, Алёша, я должна перед тобой покаяться, — сбивчиво и задышливо проговорила Нина Петровна.

Седой, грузный Алёша, Алексей Иванович, присел на краешек дивана, на котором лежала мать. Он тихонечко взял её высохшую, невесомую руку в свою большую ладонь и погладил.

— Ну что ты, мама, в чём тебе каяться? Ты у меня святая.

— Святая… — глухо повторила за ним Нина Петровна. — Ты так всю жизнь обо мне и думаешь. А я вовсе не святая! — выкрикнула она вдруг скрипуче. — И ты должен выслушать меня! Потому что мне совсем немного осталось.

Алексей Иванович почувствовал, как забилась в нервной дрожи её рука, которую он всё ещё нежно поглаживал, увидел, как лихорадочно заблестели давно мутные глаза матери.

— Тихо. Тихо, мама, успокойся. Исповедуются попу, а я… я, наверное, не готов знать о тебе что-то такое… Хочется, чтобы ты для меня осталась той, какую я всегда знал, — добрая, заботливая, весёлая. Что ты там такого могла совершить? Никогда не поверю.

— Ты не понимаешь… — мать отвернула лицо к стене. — Хотя… может быть, тебе и в самом деле знать не нужно. Это ведь было моё решение. И грех мой. А теперь я вроде как тебе его передать хочу… Ладно, Алёша. Иди. Я посплю.

— Давай я отцу Валерию позвоню, чтобы пришёл утром, соборовал тебя, — осторожно предложил сын.

— Как хочешь, — равнодушно махнула на него рукой мать и затихла.

Алексей Иванович погасил верхний свет, оставив гореть ночник, и вышел из комнаты. Дверь он прикрыл неплотно, и Нина Петровна слышала, как сын звонил приходскому священнику, договаривался о посещении умирающей.

Нине Петровне шёл девяносто первый год. Она, по счастью, дожила до столь преклонных лет в полном уме и здравии, возможном для глубокой старухи. Но в последнее время особенно заметно стала слабеть, таять и вот уже около месяца как слегла. Все понимали: Нина Петровна уже не встанет.

Сыну Алёше было семьдесят, ухаживать за лежачей больной ему было непросто, помогала внучка. Но Алексей Иванович трепетно относился к матери: подолгу сидел рядом, разговаривал, читал вслух, приносил попить, кормил кашей, следил за приёмом лекарств.

Помощь внучки требовалась, только когда Нину Петровну необходимо было вымыть, переодеть, перестелить ей постель. Тогда они вдвоём не слишком ловко ворочали костяное тело старухи, и та, постанывая, видела, как Алёша морщится, и думала, что он брезгует её дряхлостью, старческими запахами. Но Алексей Иванович страдал вовсе не от этого — он старался не заплакать, видя немощность матери, и потому морщил нос и громко отфыркивался от щекочущих переносицу близких слёз.

Оставшись одна, Нина Петровна иногда откидывала одеяло, смотрела на скрытые под сорочкой свои дряхлые мощи, на иссохшие ноги с крупными, разбитыми коленными суставами и несоразмерно длинными ступнями с искривлёнными пальцами; подносила к лицу руки с истончившейся до прозрачности кожей, подолгу рассматривала их, изуродованные работой, с потрескавшимися ногтями, словно не узнавая. И навязчиво думала, что вот точно такой — жёлто-серой, высохшей, почти трупом она была *тогда*. Шестьдесят семь лет назад…

● ● ●

Нина разлепила спёкшиеся гноем веки и долго лежала без движения в глухой холодной темноте, вспоминая, кто она, где и зачем, почему придавлена чем-то одновременно тяжёлым и мягким, похожим на сугроб, и отчего никаких звуков вокруг не слышно, кроме навязчиво и ровно тикающего механизма будильника. Вспомнив, она сразу же двинула рукой вправо, к стене, боязливо нащупала маленькую ножку в валенке и шерстяном чулке. Рука поднялась выше, проползла по свалявшемуся меху кроличьей шубейки и скорее — к голове, к лицу ребёнка. Тёплый. Нина выбралась из-под тяжести матраса и нескольких одеял, накрывавших их с Алёшей, оставляя нору, в которой продолжал спать сын. Оправила на себе одежду, перевязала платок.

Дневной свет проникал сквозь щели заколоченного чем ни попадя окна. Нина медленно подошла к нему, нащупала острый гвоздик в нижнем левом углу рамы, осторожно открепила кончик скатерти и, приподняв его, зажмурилась от рези в глазах. Минуту, а то и дольше привыкала к свету, а когда привыкла, равнодушно оглядела скупо освещённую комнату. Всё здесь было по-прежнему: голые стены, с которых содраны даже обои, грязный неровный пол с островками не сожжённого в буржуйке паркета, остатки разломанного на дрова шифоньера в углу, остывшая железная печка, рядом с ней — два деревянных ящика, повезло раздобыть, но жечь их Нина не торопилась — они служили стулом и столом. Тут же на полу стояло гнутое ведро, на дне которого замёрзли остатки воды, не больше трети. На одном из ящиков теснились две алюминиевые кружки, такая же миска, эмалированный ковш, оплавившаяся свеча в консервной банке. Ещё повсюду были разбросаны книги — Нина постепенно жгла их в буржуйке, но жалела больше паркета и мебели и старалась, по крайней мере, прочитывать, прежде чем кинуть в огонь. И всё равно каждый раз внутри её изголодавшегося тела что-то больно сжималось, будто не страницы книги съедало пламя, а кусочек её собственной плоти.

Нина снова подошла к норе, устроенной на железной кровати, приоткрыла уголочек одеяла над лицом Алёши. Трёхлетний мальчик уже не спал. Он тихо лежал и смотрел остановившимся взглядом куда-то сквозь потолок.

Нина провела ладонью по его худенькому личику. Позвала. Алёша перевёл взгляд на мать, но остался таким же безучастным.

— Сыночек… сынок… — снова позвала его Нина. Голос её был хриплым, надтреснутым. — Вставай, сынок. Маме нужно за хлебом.

Алёша зашевелился. Она скатала комкастый матрас, отодвинула его к спинке кровати, помогла мальчику выбраться, усадила, подоткнула вокруг одеяло. Ребёнок обессиленно прикрыл веки, но мать растормошила его.

— Потерпи, не спи. Я скоро хлебушка принесу.

— Хлебушка… — едва слышно произнесли бескровные губы мальчика.

Нина положила руку на лёд в ведре и влажной ладонью обмыла лицо Алёши, протёрла ему глаза. Подняла с полу упавшего плюшевого мишку и дала сыну:

— Ждите вместе, и вам будет не страшно.

Можно было бы затопить печку, отколоть льда, растопить его в алюминиевой кружке и дать ребёнку горячего кипятка, но Нина боялась опоздать за хлебом — долго они сегодня проспали.

Она взяла с подоконника большой, вышитый мелкими цветочками кошелёк, раскрыла его, удостоверилась, что карточки на хлеб на месте, и вышла из комнаты. Нина слышала, как Алёша вслед ей тихонечко захныкал, но возвращаться не стала. Он всегда так провожал её, и, задержись она, пожалей его, ничего бы не изменилось: всякий раз, когда мать покидала комнату — хоть на минуту, хоть на полдня, ребёнок страдал. Он уже давно не плакал полноценно, его истощённый организм не мог тратить силы на слёзы, только хныкал вот так — хрипловато, тоненько. А раньше, в мирное и сытое время, до блокады, Алёша умел рыдать громко, продолжительно, и тогда по розовым щёчкам его текли круглые, с крупный горох, солёные капли. Очень солёные — Нина помнила их вкус, потому что всегда утешала сына поцелуями, смешанными со счастливым материнским смехом. А потом они обнимались, просили друг у друга прощения, Алёша всхлипывал, слёзы высыхали, и все были счастливы…

Нина прошла тёмным коридором, по привычке протягивая впереди себя руки. Вот пальцы упёрлись во входную дверь. Она была не заперта и легко распахнулась.

На занесённых снегом лестничных площадках завывал ветер. В пустые оконные проёмы видны были развалины соседнего дома. Нина осторожно спускалась по обледенелым ступеням, крепко держась за пронзительно холодные металлические перила, с которых давно кем-то был снят деревянный поручень: его, как и разломанные оконные рамы, и разбитые двери парадной, сожгли в буржуйках немногочисленные соседи. Ей тоже иногда удавалось притащить домой обломки досок с развалин, а однажды она даже принесла куски выкрашенной золотой краской рамы для картины. Алёша заинтересованно разглядывал их, водил пальчиком по резьбе и не хотел, чтобы мама кидала такую красоту в прожорливый огонь печки.

Немногочисленные соседи… Нина точно знала, что в их парадной остались несколько семей: на втором этаже, на четвёртом и они с Алёшей и соседкой тётей Тасей на пятом. Они не успели эвакуироваться. Поначалу просто никто не верил, что возможна блокада, потом разные слухи ходили: что не стоит торопиться, что выезжать не менее опасно, чем оставаться, — машины, эшелоны бомбят, что кормить эвакуированных тоже нечем и люди умирают на пересылках, в дороге, что блокаду скоро прорвут… Нина не знала, кого слушать, писала мужу на фронт, советовалась, но пока ждала ответа от него, бежать стало поздно. Наступил октябрь, потом ноябрь, голод, морозы. И вот — декабрь 1941 года. Все запасы давно приедены, хлеба по карточкам выдают минимум. У Саниных, что на втором, отец ещё летом ушёл в ополчение и пропал без вести. В октябре у них умерла младшая девочка, потом дед. Через месяц — старшая дочка. Остались мать и бабка. Но и их Нина не видела в очереди за хлебом уже несколько дней…

На четвёртом этаже одна из двух оставшихся семей вымерла полностью, а в другой — мать и сын-подросток Кирилловы, похоронив своих стариков, пошли работать на завод, получают рабочий паёк, домой почти не приходят — спят прямо у станка. Соседка тётя Тася умерла в конце октября. Писем от мужа нет. Сын в последние дни слаб и ко всему равнодушен. Нина слышала и видела у других, что вот такая безучастность, полная апатия — это последнее состояние человека перед смертью. Алёша может умереть. И вот она бредёт по улице, навстречу сбивающему с ног ветру, и думает об этом ровно и спокойно. Неужели она — плохая мать, чудовище, которое не трогает даже голодный плач ребёнка? Но что ещё можно сделать? Она варила суп из обоев, пока хоть что-то оставалось на стенах. Это замечательно, что поклеены те были на мучной клейстер! Она порезала на мелкие кусочки свои кожаные босоножки и размачивала, вываривала их в кипятке. Они с Алёшей подолгу сосали эти кусочки, и потом обоих тошнило. Они грызли угольки из печки, она пробовала заваривать опилки как чай, Алёша ест землю из цветочных горшков, а Нина думает, нельзя ли сварить похлёбку из олифы — нашла полбутылки в комнате тёти Таси…

Неделю назад встретились у парадной с матерью Кирилловых, и та обещала поговорить, чтобы её взяли на завод, но Нина понимала, что и сама уже настолько ослабла от голода, что вряд ли сможет работать. Да и Алёшу оставить не на кого, брать его с собой на производство никто не разрешит, а она не сможет каждый день ходить по занесённым снегом тёмным улицам два часа до завода и обратно. Остаётся лечь, обнять сына и уснуть вместе навсегда. Но хлеб… Хлеб! Сейчас ей нужно дойти до булочной на углу четырнадцатой линии. Она получит сто двадцать пять граммов на себя и сто двадцать пять на сына. Вместе — это целых двести пятьдесят граммов! Можно часть пайка есть по крошечке, рассасывать медленно во рту, а часть развести горячим кипятком и посолить — соль у них ещё осталась — получится аппетитная и сытная тюря, которую они станут есть ложкой. Нине даже показалось, что она чувствует аромат запаренного кипятком хлеба, и у неё закружилась голова. Пошатнувшись, она оперлась рукой о стену дома, постояла немного с закрытыми глазами, а когда открыла — увидела хвост очереди. Идти осталось совсем немного.

Она встала в конце длинной и молчаливой вереницы людей, за маленькой сгорбленной старушкой, плотно укутанной шерстяным платком по самые глаза. Впрочем, голод и непреходящий ужас старят людей за считанные недели, и, возможно, маленькая женщина впереди вовсе не старушка, и сгорбленность её — всего лишь последствие дистрофии. Но долго думать об этом Нина не могла — очередь двигалась медленно, и она впала в полусонное забытьё, в особый режим экономии энергии, когда от человека не требуется ни умственных, ни физических усилий, лишь терпение и умение ждать. Ещё важно было не упасть. Такое иногда случалось. Упавшего всем миром поднимали, усаживали в сугроб, и чаще всего он там и оставался, не доживший до своих спасительных ста двадцати пяти граммов несколько минут, не переждавший двух-трёх человек…

Старушка впереди кашляла. Нина видела, как от надсадных вдохов ходят её узкие плечики под истончившейся тканью пальто, слышала, как свистят её лёгкие после того, как приступ отпускал. Равнодушно думалось, что жить старушке осталось немного, что если это туберкулёз, то ей, Нине, нужно бы отойти подальше, но тогда она потеряет своё место в очереди, поэтому она лишь плотнее прикрывала нос и рот варежкой, стараясь дышать не слишком глубоко. Да и морозный воздух и мышечная слабость не давали вдохнуть в полную силу. Все в этой очереди дышали поверхностно, тяжело и почти безжизненно.

Прошёл час, не меньше, прежде чем Нина увидела, как хлеборезка положила на весы тоненький кусочек хлеба. У этой суровой женщины такой намётанный глаз, что она отрезает точь-в-точь и не каждому достаётся крохотный довесок. А ведь все мечтают об этом самом довеске, как будто он не входит в эти жалкие сто двадцать пять граммов, а выдаётся сверх того, дополнительно. Этот довесок все сразу кладут в рот и, посасывая его, бредут домой. Но Нина никогда не съедала довесок сама, она его прибавляла к Алёшиному пайку. И получался у неё один большой кусок, а у сына большой и два маленьких. Это было его вечернее «лакомство». Нина давала ему эти два довеска перед сном. Роняла на чёрный липкий кусочек несколько крупинок соли и пихала в раскрытый клювик сына. Губы ребёнка были обмётаны простудой, все в трещинах, соль попадала в ранки, Алёша морщился и терпел. А если получалось, то даже улыбался в ответ как-то неловко и кривовато.

Хотелось ли Нине самой съесть эти кусочки? Всегда! Поэтому она мгновенно заворачивала полученный паёк в отдельные тряпочки — для себя без довеска и для Алёши с двумя довесками. Тряпочки были одинаковые, но она всегда отлично знала, где хлеба больше, и рука тянулась именно туда. Поэтому дома она поскорее прятала два кусочка для Алёши в отдельную жестяную баночку с крышечкой, а другой хлеб делила поровну на день.

Старушка тоже получила два пайка: один целым куском и второй — с довеском. Она стянула с руки прожжённую варежку, схватила тонкими грязными пальцами крохотный хлебный квадратик и кинула его в рот, потом сграбастала оставшийся хлеб

и тут же спрятала куда-то за пазуху. Хлеборезка протянула ей карточки. Их старушка тоже взяла грубо, почти выхватила из рук женщины и тоже стала прятать под пальто, куда-то внутрь себя, словно там был какой-то бездонный и очень надёжный карман.

Нина нетерпеливо шагнула к окошку, протянула хлеборезке карточки. Старушка зыркнула на неё и побрела прочь. Что-то знакомое было в этом недобром взгляде, но мысли Нины были заняты хлебом, а глаза внимательно следили за руками женщины, бережно кладущими на весы спасительные граммы. Она получила паёк, поспешно спрятала его, прибрала карточки и двинулась к дому.

Впереди медленно шла та же старушка, и хотя Нина видела только её спину, по движениям угадывала, что она то и дело запускает руку за пазуху, отщипывает по крошке хлеб и ест его. Они обе свернули за угол и пошли по Среднему проспекту. Нине отчего-то был очень неприятно смотреть вслед этой старой женщине, она всё чаще опускала глаза, тем более что по нечищеному тротуару идти было непросто. А ведь важно не упасть!

И тут она увидела на тропочке свёрнутые хлебные карточки. Молниеносно наклонилась, схватила их, спрятала в карман и застыла. Оглянулась в ужасе: не видел ли кто? Но людей на улице было немного, и каждый был занят собой.

Нина взглянула вперёд — старушка исчезла, наверное, свернула в арку дома. Это были её карточки. Никакого сомнения. Она так небрежно засунула их внутрь своего пальто и, видимо, таская из-за пазухи хлеб, не заметила, как выронила. Догнать? Отдать? Нина не двигалась. Её задели. Мимо прошёл человек. А ведь старушка умрёт… без этих карточек, без хлеба. И тот, второй человек, на которого она получила паёк, тоже умрёт. Зато не умрёт Алёша!

У Нины потемнело в глазах. Эти карточки — их спасение. Если сложить свой и чужой хлеб — это же целые полкило в день! Это — долгая жизнь для неё и Алёши! Голова закружилась. Нина начала проваливаться куда-то, но её подхватили, не дали упасть. Она слабо улыбнулась в ответ военному, который, всё ещё поддерживая, участливо заглянул ей в глаза. Удостоверившись, что женщина пришла в себя, офицер козырнул и пошагал дальше. Нина подхватила из сугроба пригоршню снега, обтёрла лицо и увереннее пошла к своему дому.

Алёша всё так же безучастно сидел на кровати, пальцы его бесчувственно сжимали плюшевого мишку. Нина — откуда силы взялись? — выхватила его из кокона одеял, принялась осыпать холодное личико сына поцелуями. Сунула ему в ротик сразу оба довеска. Растопила буржуйку, отколола льда, кинула его в кружки, поставила оттаивать.

И только когда напоила сына подсоленным кипятком, когда напилась сама и на радостях съела сразу полкуска своего хлеба, Нина воровато достала из кармана пальто *чужие карточки*. Подошла к окну, развернула их…

Она потом думала, что не надо было читать. Молча протягивать их хлеборезке и получать положенные граммы. Впрочем, в свою булочную она, конечно, с этими карточками не пойдёт. Внимательная и дотошная хлеборезка обязательно спросит, почему Нина получает *чужой хлеб*. И она, конечно, оправдается тем, что ослабевшие соседи попросили сходить. И хлеборезка поверит: надо ей вникать в чьи-то беды… Но всё равно Нине будет очень стыдно. Или не будет?

В карточки были вписаны имена: Санина Евдокия Матвеевна и Санина Катерина Сергеевна. Это были их соседи со второго этажа. И согбенная старушка эта — была Катя Санина. Она старше Нины лет на пять, не больше! Не зря подумалось в очереди о том, как голод старит и уродует человека, не зря узнался тот брошенный в неё злой взгляд…

Карточки нужно было вернуть. Господи, ну почему это была не просто *какая-то случайная старуха*?! Ведь если умрёт кто-то где-то незнакомый — это одно. Мало ли сейчас погибает людей. Но Санины — они не просто умрут, и в их смерти будет виновата она, Нина. Но если умрёт Алёша — виновата тоже будет она…

Так она промучилась до ночи. Лежала на кровати рядом с сыном молча и недвижно. Даже в бомбоубежище они не стали спускаться. А бомбили где-то рядом. Содрогались стены дома, кровать дрожала под ними…

А ночью, когда Алёша уже уснул, Нина спустилась на второй этаж, долго стояла под дверью квартиры Саниных, прислушивалась: вдруг *их уже нет* и карточки можно оставить себе? Но услышала надсадный кашель и сунула карточки в почтовый ящик.

Нина открыла глаза и сразу поняла, что никуда не ходила. Это во сне она, мучаясь, раз за разом спускалась на второй этаж и возвращала спасительные листочки с прописанными в них датами и граммами. То совала их в почтовый ящик, то отдавала лично в руки Кате, то Евдокии Матвеевне, то проходила в квартиру Саниных, где было пусто, темно, гулял ветер, и становилось понятно, что никого живого здесь нет, но Нина всё равно клала карточки на стол и уходила…

Сейчас, вернувшись в реальность, она поняла, что ни за что их не отдаст. Потому что мать Кати, Евдокия Матвеевна, конечно, уже умерла, лежит, окоченевшая, в комнате, за закрытой дверью, а сумасшедшая её дочь получает и съедает двойную норму хлеба. Но Катя всё равно не выживет — её кашель… с таким не живут.

Поэтому сейчас Нина встанет, возьмёт свои и чужие карточки, пойдёт сначала в свою булочную

и получит полагающийся им с Алёшей хлеб, а затем отправится на Малый проспект за хлебом Саниных. И примет его от незнакомой хлеборезки недрогнувшей рукой. Алёша должен жить!

• • •

Отец Валерий положил на голову умирающей епитрахиль, вполголоса прочитал положенные молитвы. Погасил свечи, убрал в портфель Библию, железный крест и другие необходимые для свершения обряда предметы, а потом, отведя Алексея Ивановича в сторону, что-то тихонько и наставительно ему говорил.

Нина Петровна была в забытьи, душа её, стремящаяся отделиться от тела, ещё удерживалась якорем тяжкого греха на печальной земле нашей. Но вот Нина Петровна встала, в одной сорочке прошла по тёмному коридору квартиры, протягивая впереди себя руки, толкнула входную дверь, вышла на лестничную площадку, крепко держась за деревянный поручень, медленно спустилась с пятого этажа на второй, подошла к квартире Саниных. В правой руке она держала хлебные карточки и уже хотела положить их в почтовый ящик и поскорее уйти, но тут услышала шаги, обернулась и увидела, как с первого этажа поднимаются дочь и мать Санины. Они улыбались. Евдокия Матвеевна поздоровалась с Ниной, а та, онемевшая, ничего не смогла сказать в ответ. Катя подошла к двери, увидела в руках соседки свои карточки, посмотрела ей прямо в глаза и чётко сказала: «Оставь себе. Они вам нужнее…»

Нина Петровна судорожно вдохнула, всхлипнула…

Дальше был свет. Сплошной свет.

ДиН ревю

Римма Чучилина

Только ……. после буквы Л

Красноярск: литера-принт, 2023

АНГЕЛ УСТАЛЫЙ

Ангел усталый
Крылья сложил.
Ох, полетал он!
Ох и пожил!..

Сколько надежды
В души вселил,
Белых одежд сколь
Передарил.

Сколько заботы
Пусть предстоит…
Вот отдохнёт он
И полетит.

Ангел мой добрый,
Грех — унывать!
Бог уподобил
Не уставать!

ВДОХНОВЕНИЕ

Вдохновение — отклонение
От орбиты дневных забот,
Ощущение приземления
На планету, где Бог живёт.

Бог томления и мучения,
Бог любви — всемогущий Бог:
И нисходит вдруг озарение —
Ясность мыслей и стройность строк.

Вдохновение — погружение
Пережитых глубин на дно,
Умножение и деление
Того, что «после», на то, что «до».

Вдохновение — удивление
Перед сущностью простоты
Многократного повторения
Вечной формулы «Я плюс Ты».

Игорь Герман

Вопросы, по которым не следует беспокоить

Первые числа декабря отметились крутыми морозами. В самом деле, морозы взялись сразу и серьёзно.

До двенадцатого ноября погода стояла не по сезону тёплая, с частыми дождями, переходящими в мокрый и тут же таявший снег. Ноябрьский ветерок морщил пока ещё незамёрзшую поверхность дождевых луж. С середины месяца температура днём наконец-то опустилась до минусовых значений. Окаменевшая от мороза осенняя грязь до снега сохраняла вдавленные в неё отпечатки протекторов от колёс автомобилей и человеческих следов. А снег всё не падал и не падал. Пару раз, правда, делал робкие попытки, да неудачно. То ветер разгонит тучи, не успевшие просыпаться белым, то снежинок выпадет считанное количество, как будто небеса решили подшутить над изнывающей без снега землёю, вместо роскошной белой шубы сбросив сверху тонкую тюль, не способную даже прикрыть остывшую наготу земли.

В ночь на второе декабря ударил двадцатиградусный мороз. Следующим вечером к девятнадцати часам температура на улице опустилась до минус тридцати одного. Вымороженная земля, где она не была прикрыта асфальтом, потрескалась от сильного холода. Бывшие лужи, которые поменьше — вымерзли, побольше — превратились в катки, и прохожие старательно обходили их стороной. Многочисленные автомобили, ночующие во дворах многоэтажек, замерзали в ожидании своих хозяев: их крыши и капоты покрывались толстым слоем колючей изморози. Некоторые из машин, помигивающие время от времени синими глазками включённой сигнализации, автоматически заводились и прогревали себя сами. Хозяевам же более дешёвых автомобилей приходилось выходить на улицу и совершать процесс отогрева самостоятельно — на холодном сиденье замерзающего железного друга.

Молодой супруг и отец, двадцатисемилетний Владимир Гаврилов в двадцать ноль-ноль спустился к своей машине, пискнул кнопкой пульта, снимая блокировку, бережно усадил себя на обжигающе холодное сиденье, завёл мотор, чуть добавил газу и выругал некстати нагрянувший холод. Холод всегда некстати, даже если он и опаздывает на полмесяца.

Подождав, пока мотор достаточно разогреется, Владимир несколько раз до предела выжал педаль газа. Включил и выключил фары. Ещё немного посидел, подождал. Наконец масло нагрелось до девяноста градусов. Прежде чем отключить мотор, достал телефон и поставил будильник на час ночи. Ещё нужно будет встать в четыре и в семь. К восьми — дочь везти в детский сад. Бедные дети: в такой мороз их тащить на улицу, пусть даже в нагретую машину, — это пытка!

Владимир заглушил мотор, вынул ключи зажигания, вышел из машины, нажал кнопку сигнализации и торопливо направился к тёплому подъезду. Бросив случайный взгляд налево, на дворовую дорогу, он вдруг увидел, что на ней, ближе к выложенному брусчаткой тротуару, лежит какой-то человек. В свете подъездных фонарей он был хорошо виден.

Владимир от неожиданности остановился. Лежавший человек неуклюже попытался встать, но, видимо, поскользнулся, ноги его разъехались, и он опять упал.

Освещая фарами дорогу, из-за угла дома вывернула белая «тойота». Водитель аккуратно объехал лежавшего на дороге человека, проследовал мимо посторонившегося Владимира и припарковался у соседнего подъезда.

Стоявший в нерешительности Владимир окликнул вышедшего из машины водителя. Им оказался совсем молодой парень, лет двадцати. Хлопнув дверцей, парень нехотя подошёл.

— Что за авария?

Владимир пожал плечами:

— Не знаю. Сам только что заметил его. Надо посмотреть.

Они подошли к неподвижно лежавшему человеку. Он уже и не пытался встать — видимо, смирился со своим положением.

— Так он бухой, — сразу определил парень.

— Похоже, — согласился Владимир. — Что будем делать?

— Ничего. Он бухой. Его проблемы.

Парень развернулся и, более ни слова не говоря, торопливо направился к своему подъезду.

Молодой мужчина остался с ситуацией один на один.

Человек, лежавший перед ним на льду большой замёрзшей лужи, явно имел непрезентабельный социальный статус: одет в старый свитер, грязное пальто расстёгнуто. Замызганная вязаная шапочка, предназначенная не для таких морозов, от падения своего обладателя сорвалась с головы и теперь валялась в стороне. Пьяный, скорчившись, лежал на боку, положив голову с разметавшимися нестрижеными и немытыми волосами прямо на лёд. Владимир наклонился над ним, пытаясь разглядеть лицо этого человека.

— Эй, дядя… — осторожно окликнул он пьяного.

Тот не ответил.

— Всё в порядке?.. Вставай, дядя, а то замёрзнешь.

Бомж молчал — то ли спал, то ли просто был не в состоянии что-либо произнести. Самого Владимира уже начал хорошо пробирать тридцатиградусный мороз. Холод стал коварно забираться под короткую меховую куртку и пощипывать не прикрытые норковой шапкой-формовкой уши. Нужно было срочно что-то предпринимать или уходить — не стоять же столбом перед этим беспомощным пьяным человеком. Уйти Владимир не сумел — не пустила совесть. Тогда он решил действовать.

Поднял валявшуюся грязную шапочку, глубоко натянул её на голову пьяного, затем, преодолевая брезгливость, приподнял его за подмышки и потащил к незакрытому подвальному окну, откуда парил на улицу тёплый воздух.

Бомж пытался что-то сказать, издавая нечленораздельные звуки, потом, так и не сумев этого сделать, начал очень внятно ругать Владимира, тащившего его к тёплому спасительному окну. От этого человека несло как из выгребной ямы — грязью, алкоголем, мочой. Лица невозможно было рассмотреть — заросшее щетиной, опухшее, чёрное. Глаза превратились в щёлочки из-за чудовищных синих мешков под ними — то ли побитый, то ли опитый до такой степени. Отвернув лицо от бьющей в нос вони, Владимир наконец дотащил бедолагу до подвального окна. Уложил головой к выходящему тёплому воздушному потоку, достал из кармана джинсов телефон. Просто по ноль три не ответили, нужно набрать код города. Код Владимир точно не помнил. Набрал сто двенадцать. Прослушал автоматическое сообщение и нажал цифру три. Станция скорой помощи ответила сразу.

— Тут человеку плохо, он замерзает на улице, — начал объяснять Владимир. — Лежит на земле в лёгкой одежде, без перчаток. Во дворе дома… — он назвал адрес и добавил: — Приезжайте скорее, я уже сам замёрз.

— Кто звонит? — поинтересовался принимающий заказ женский голос. — Сообщите вашу фамилию, имя, отчество, место жительства.

Удерживая коченеющими руками телефон, Владимир торопливо сообщил требуемую информацию.

— Пожалуйста, скорее, — попросил он. — Очень холодно.

— Ожидайте, сейчас будет машина.

И диспетчер положила трубку.

Выскочивший без перчаток, просто прогреть автомобиль, Владимир вместе с телефоном спрятал в карманы коченеющие руки. Подумал: уйти или нет?.. Решил дождаться приезда скорой.

Скорая приехала через десять минут. Владимир помахал подъезжающей машине рукой. Из остановившейся жёлтой реанимации вышли мужчина и женщина.

— Кому здесь плохо? — спросила Владимира женщина.

— Вот… — он указал на бомжа, лежавшего без движения у подвального окна.

Оба врача в сине-серых куртках-спецовках подошли к бомжу. Мужчина чуть наклонился над не двигавшимся, мертвецки пьяным человеком. Переглянулся с женщиной.

— Ему не плохо. Он просто пьяный.

— Да, он пьяный, но… — начал объяснять Владимир, но мужчина перебил его:

— Зачем вы нас вызвали?

— Как — зачем? — удивился Владимир. — Он же замерзает.

— Пить меньше надо, — ответил врач. — Мы никуда его не повезём. У него возможна инфекция, заразные заболевания, включая кожные. В чистой палате ему делать нечего. Только больных заражать. Вы бы согласились с таким лежать в одной палате?

— И что мне с ним делать?

— Что хотите, то и делайте. Он пьян.

— Понимаю. Но он же человек.

— Вопрос не нашей компетенции. Вызывайте полицию, пусть она им занимается.

— Слушайте… — растерялся Владимир, — он же замёрзнет. Да и я тоже: вас ждал, сейчас ещё и полицию ждать?..

— Молодой человек… — вступила в диалог женщина. — Вы отвлекаете нас от выполнения наших прямых обязанностей. Нас ждут по-настоящему больные люди, нуждающиеся в экстренной помощи. Может, кто-то в эту минуту умирает от сердечного приступа. А если бы ваши родители находились на грани жизни?.. а мы бы в это время поднимали и приводили в чувство каждого алкаша?.. Вот подумайте над этим. Если будете настаивать, мы оформим на вас ложный вызов, а это очень приличная сумма. Вам придётся оплатить горючее, время, плюс сам штраф за ложный вызов.

Мы не можем уследить за каждым алкоголиком города. Дай бы Бог помочь нормальным людям. По таким вопросам, молодой человек, большая просьба нас впредь не беспокоить.

Владимир беспомощно развёл руками.

Реанимобиль уехал.

Владимир зло выругался, набрал едва двигающимися холодными пальцами по сто двенадцать полицию. Ответил дежурный. Владимир деревенеющими губами попытался объяснить ситуацию, но спокойный, уверенный голос дежурного перебил его:

— Представьтесь, пожалуйста.

— Гаврилов Владимир Ильич. Проживаю… — как и в случае со скорой, он повторил адрес. — Посоветуйте, что сделать?

— А что случилось?

— У нашего дома, прямо на земле, лежит человек. Выпивший, конечно. Мороз за тридцать. Скорая отказалась его принимать. Уехали. Что делать? Оставлять его на улице умирать?..

— Он пьян?

— Да.

Уверенный голос дежурного в трубке подержал паузу.

— Знаете что… Решайте сами, что с ним делать. Нас по таким вопросам беспокоить не следует. Нас беспокоят по серьёзным вопросам.

— А это вопрос не серьёзный? Я уйду сейчас, а он замёрзнет, умрёт. Это не серьёзно, по-вашему?

— Занесите его в подъезд, — ответил дежурный. — Больше посоветовать ничего не могу.

И отключился.

Владимир, громко ругаясь, потащил бомжа к своему подъезду. Скверно пахнущий человек проснулся от действий, совершаемых с его бесчувственным телом, и, вероятно, желая, чтобы его оставили в покое, пьяно и агрессивно ругал своего спасителя. Владимир наконец заволок тяжёлое безвольное тело в подъезд, протащил по ступенькам к почтовым ящикам и оставил лежать там. От бомжа так разило дурнопьяном, что молодой человек начал сомневаться в правильности своего решения. Жильцам подъезда такой сосед явно не понравится, люди будут недовольны, но, с другой стороны… как вообще поступить в такой ситуации?.. Оставить его на улице?.. А жить потом как?.. как жить с сознанием того, что оставил человека умирать на тридцатиградусном морозе?.. заведомо умирать, и ты это знал?.. А?.. С совестью ведь не договоришься.

— Ладно!.. — Владимир махнул рукой и начал подниматься по лестнице в свою квартиру на четвёртом этаже.

— Чего так долго? — спросила жена, едва он вошёл в двери.

Он рассказал ей всю историю прямо у порога, не разуваясь и не раздеваясь.

— Погоди, — сказала супруга. — Отнеси ему чего-нибудь.

— Ещё не хватало! — замахал руками Владимир. — И так провозился с ним столько!.. Кроме матюгов, ничего не услышал. Пошёл он!..

— Нет, — твёрдо сказала жена. — Надо помочь. Раз взялся — давай уже до конца. Постой здесь пару минут…

— Что ты хочешь сделать? — спросил он вслед уходящей жене.

— У нас коробка «Доширака» есть, — ответила она на ходу. — Заварю, отнесёшь ему.

Владимир нехотя согласился:

— Ладно. Давай скорее.

Минуты через три молодая жена вынесла горячую пластиковую коробку с заваренной лапшой и воткнутой в неё белой пластиковой вилкой. Владимир осторожно взял за края открытую горячую коробочку и спустился на площадку к почтовым ящикам.

Бомж уже не лежал, а сидел на бетонном полу. От слабости и количества выпитого алкоголя его болтало из стороны в сторону. Заслышав приближающиеся по лестнице шаги, он поднял дурной взгляд на спускающегося к нему Владимира.

Молодой человек присел перед ним и подал пластиковый контейнер с горячей лапшой. Пьяный принял еду как должное, даже не поблагодарив. Поставил коробочку себе на колени и, обжигаясь, начал есть, дрожавшей рукой направляя непослушную пластиковую вилочку точно в рот.

Владимир несколько секунд постоял перед этим человеком, не обращавшим на него никакого внимания, и опять поднялся к себе.

Когда в час ночи он спускался прогреть машину, бомж, свернувшись грязным калачиком, спал там же, у почтовых ящиков. В четыре утра — ещё спал, а вот в семь часов его уже не было. Видимо, выспавшись и протрезвев, он ушёл.

— Слава Богу, — тихо сказал сам себе Владимир. — Слава Богу.

На душе было спокойно.

• • •

Жарким июльским вечером трое двенадцатилетних мальчишек, друзей-одноклассников, играли в свои мальчишеские игры на пустыре за девятиэтажным домом. Другую сторону пустыря подпирала стройка, где на огороженном забором участке возводили новую кирпичную «свечку». Пустырь зарос травой, и в первую очередь — полынью, источающей терпкий горький запах.

Мальчишки бегали, громко кричали, прятались друг от друга за зарослями бледных пряных стеблей, искали друг друга, находили и опять кричали. Мальчишки всегда общаются в своей компании подобным образом: стоя в двух шагах, они орут

так, будто находятся на расстоянии километра. Их пронзительные звонкие голоса, что-то друг другу доказывающие, влетали в открытые окна всей округи.

Но вдруг голоса смолкли. Как-то сразу и именно вдруг. И сами мальчишки как будто исчезли с пустыря, потерявшись в высокой полынь-траве. Бегали и потерялись. Всё. И нет их нигде. Не видно и, самое удивительное, не слышно.

Но, конечно же, мальчишки никуда не девались и никуда не убегали. Просто три товарища, три одноклассника — Никита, Дима и Женя — присели возле открытого канализационного люка, прятавшегося среди высокой травы на пустыре. Крышки у люка не было — видимо, её утащили, и канализационный колодец, скрытый травой, угрожал безопасности беспечного или зазевавшегося прохожего. Удивительно ещё, как сами мальчишки не угодили в эту открытую яму.

Никита, Дима и Женя расположились вокруг идеально круглой дыры в земле и смотрели вниз. Там, на дне канализационного колодца, на глубине двух с половиной метров сидела живая собака. Как она попала туда — задача без неизвестных: носилась, дурёха, по пустырю, не заметила и загремела вниз. Среднего размера рыжая беспородная собака внимательными ожидающими глазами смотрела снизу вверх на заглядывающих в колодец мальчишек. Она заскулила и облизнулась.

— Жрать хочет, — догадался щупленький Женя, коротко стриженный мальчишка с оттопыренными ушами.

— Тебя бы сюда, ты бы тоже захотел, — ответил Дима, рослый белобрысый плотный паренёк, выглядевший старше своих товарищей.

— Да это козе понятно, — согласился Женя, почесав грязными пальцами худую щёку.

— Бедняга, — посочувствовал собаке Никита, самый маленький ростиком из этой троицы. — Как она упала туда?

— Ты чё-о?!.. — Дима с возмущением посмотрел на товарища. — Не знаешь, как в открытый люк проваливаются, что ли?..

— Ну, она же собака.

— И чё?!

— У них же нюх.

— Значит, эта лохушка не унюхала!

— Пацаны, чё будем делать?.. — спросил Женя.

Мальчишки ещё раз посмотрели на собаку, не сводящую с них умоляющих, почти человеческих глаз.

— Жалко её… — в голосе Никиты слышалось искреннее сочувствие.

— Жалко у пчёлки! — сурово огрызнулся Дима. — Покормить её надо.

— Точно, точно, — согласился Женя. — Смотрите, какая худая… Пацаны, а если она уже тут неделю?.. Капец!..

— Жендос, ты дурак?.. За неделю она давно бы уже сдохла!

— Не сдохла бы, Димас, не сдохла! У нас на даче собака несколько дней жила без жрачки. И чё, сдохла, что ли?!

— Несколько дней, но не неделю!

— Ну, не неделю!

— Вот и не гони!

— Димас, ты чё прикопался?

— А ты не гони!

Собака снизу молча наблюдала за перебранкой мальчишек.

— Её нужно вытащить! — эта мысль пришла в голову Никите будто совершенно неожиданно. — Точно, пацаны. Её надо вытащить!

— Как? — спросил себя и товарищей Женя.

— Я не полезу, — сразу заявил Дима. — Хотите — лезьте, я — нет!

— Я тоже, — поддакнул Женя. — На фига мне это надо? Никич, сам лезь, раз такой умный.

— Я бы залез, но как?.. Тут лестница нужна.

— Может, тебе ещё кран подогнать?.. Тебе кто из-за собаки чё будет делать?.. Ты думалкой думай своей!

— Спасать её надо, — тихо, но уверенно повторил Никита.

— Как?..

Мальчишки задумались.

Собака нетерпеливо ждала внизу, нервно перебирая лапами и поскуливая. Пару раз призывно гавкнула. Мол, ребята, думайте скорее, я уже не могу здесь.

— Слушайте, пацаны!.. — первым схватился за идею Женя. — А если сломать ветку с дерева, опустить её туда, собака зубами схватится, и мы её вытянем?.. А?!..

— А она схватится?..

— Прикольно, надо пробовать!..

— А если не схватится?..

— Никич, не паникуй, надо попробовать!

Так как других идей не возникло, мальчишки поискали в округе возле стройки, нашли сломанную высохшую ветвь от дерева, метра два длиной, отодрали со всех сторон ветки и вернулись к открытому люку.

— Давай я сам! — не предложил, а распорядился Дима, взяв ветвь из Жениных рук. — Ты собаку не удержишь, она тяжёлая.

— Ты удержишь, — чуть обиженно ответил Женя, неохотно отдавая ветку.

— Я удержу, — заявил уверенный в себе Дима.

Тонким концом он опустил вниз ободранную длинную ветвь, но до дна колодца она не достала. Тогда Дима лёг на землю и продлил длину ветви, опустив руку в колодец. Её тонкий упругий конец уткнулся в землю.

— Есть, есть… — обрадованно заговорили все трое.

Женя с Никитой тоже улеглись на землю и внимательно наблюдали за действиями собаки, опустив головы в люк.

Собака, видимо, не понимала, что от неё требовалось, поэтому никак не отреагировала на появление возле неё постороннего предмета.

— Хватайся!.. Хватайся за неё!.. Вот дурында!..— кричали сверху мальчишки.

Собаку напугала требовательная интонация людей, она занервничала, засуетилась. Мальчишки активно подсказывали бестолковой рыжей псине, что ей нужно делать: скалили зубы, делали вид, что вцепляются ими в ветку, но собака не понимала. Мальчишки ругались, бранили её, но всё напрасно — человеческой сообразительностью животное, увы, не обладало.

— Ну и сдыхай тут, раз ты такая дура!

Потеряв терпение, Дима первым поднялся с земли, вытянул ветку из колодца, отбросил её в сторону и отряхнулся. Посмотрел на разочарованных товарищей, объяснил им:

— Я что сделаю, если она сама не хочет?

— Она просто не понимает,— заступился Никита за пленницу.— Она же собака, она не понимает.

— Ага, собаки знаешь какие бывают?! А это дура, а не собака. Значит, так жить хочет, раз сообразить не может. Жить бы захотела, сообразила.

— Пацаны,— прервал спор товарищей Женя.— Пойдёмте во двор. Надоело уже тут!

— Погнали,— тут же согласился Дима.— Я уже задолбался всяких дебильных собак выручать!

— Никитос, ты идёшь? — обратился Женя к товарищу.

Никита в нерешительности стоял на месте. Ему хотелось помочь собаке, попавшей в беду, и не хотелось оставаться одному. И, самое главное, мальчишка не знал, что делать дальше, если он решит остаться.

— Пойдём, Никич! — настаивал Женя.

— Не уговаривай! — дёрнул товарища за рукав Дима.— Не хочет — не надо. Пусть возится с этой дурой. Хозяин — барин!

Понимая, что друзья сейчас уйдут и оставят его одного, Никита суетливо предложил:

— Это… пацаны… давайте сходим домой и притащим ей чего-нибудь пожрать. Хоть костей, хоть хлеба…

— Я не пойду,— сразу отказался Дима.— Делать мне нечего. Домой зайду, родичи дома и оставят. Мне это надо?..

— Я не знаю…— засомневался вслед за товарищем Женя.— Мне неохота. Идти далеко.

— Ну и идите! — вспылил, обидевшись, Никита.— Я и без вас справлюсь.

— В дыру полезешь?.. Прикольно. Лезь.

— Никитос, не парься. Идём с нами во двор.

Никита обиженно махнул на друзей рукой, и друзья ушли.

Оставшись в одиночестве, мальчишка сначала растерялся, не зная, как вести себя в такой ситуации и что вообще делать. Ему даже захотелось плюнуть на всё и догнать товарищей, но что-то заставило его пересилить себя, и он остался.

Опять подошёл к открытому колодцу и заглянул в него. Собака по-прежнему ожидала помощи, глядя вверх. Увидев заглянувшего человека, она подала голос. Её лай, как человеческий крик о помощи, окончательно убедил Никиту в том, что попавшему в беду необходимо помочь. Он осмотрелся по сторонам.

Метрах в пятидесяти от подростка, по тропинке у девятиэтажного дома, проходил какой-то мужчина.

— Дяденька! — отчаянно крикнул Никита и бросился к нему.

Мужчина в недоумении остановился. Взволнованный мальчишка стремительно подбежал к прохожему.

— Дяденька… там собака… провалилась в люк…— начал он своё объяснение.— Помогите, дяденька!..

— Чем помочь? — не понял мужчина.

— Вытащить… собаку… из люка… там…— он указал рукой на заросший полынью пустырь.

Прохожий, пока не вникнув в детали, понял главное.

— Ну, пойдём, показывай.

Никита привёл прохожего к открытому колодцу. Мужчина, заглянув вниз, увидел собаку.

— Ясно. Твоя, что ли?

— Нет, не моя.

— А тогда чего колотишься, малец?

— Жалко её.

— Жалко?.. Понял. И что предлагаешь?

Никита беспомощно дёрнул плечами:

— Вытащить её.

— Вытащить?.. Как?

— Не знаю.

— Да вот и я не знаю. Глубина колодца…— он заглянул ещё раз в дыру.— Метров… около трёх. Глубоко. Я не полезу. А то сам не вылезу обратно. И будем там скулить вместе с ней на пару… Даже не знаю, чем помочь тебе, парень.

Мальчишка расстроился, и прохожий заметил это.

— Ладно, не кисни, что-нибудь придумаем,— он посвистел в люк, и собака залаяла в ответ.— Вот что: тут нужна лестница.

— Лестница?..— с надеждой переспросил Никита.

— Да, лестница… или…— он задумался.— Слушай, вообще-то сейчас этим занимаются специально обученные люди. Эмчеэсовцы,— он спохватился, как человек, которому вдруг пришла в голову идея.— Да, это выход!.. Давай сделаем так: я вызову сейчас службу, которая спасает

животных, они приедут и вытащат твоего пса. Вот всё, чем я могу тебе помочь. Договорились?..

— Договорились!.. — радостно оживился Никита.

Мужчина вынул телефон из кармана. Когда связался со спасательной службой, спросил у Никиты название улицы и номер девятиэтажного дома напротив. Дал ориентировку стройки, пустыря и вообще спокойно и делово разрулил всю эту непреодолимую, как казалось Никите, ситуацию.

— Ну вот, малец… — прохожий опять опустил телефон в карман. — Сейчас прикатят хорошие дяденьки из спасательной службы. Видел по телевизору, как они всяких кошечек и хомячков из водосточных труб вытаскивают?

Никита согласно кивнул головой, хотя ничего такого по телевизору ему не доводилось видеть.

— Вот они твою собаку в два счёта и вытянут оттуда. Ладно… мне надо идти, а ты жди их здесь и не уходи никуда. Обещали быть в течении получаса. Пока…

— Хорошо, дяденька, я никуда не уйду, — крикнул вслед удаляющемуся прохожему Никита. — Спасибо!..

Он честно остался ждать спасателей.

В самом деле, менее чем через полчаса появился большой джип, который, медленно проехав вдоль девятиэтажки, взял решительное направление на стоявшего среди пустыря мальчишку. Остановившись от него в десятке шагов, джип распахнул обе передние дверцы. Из машины вышли двое в синих комбинезонах.

— Кто спасателей вызывал? — спросил Никиту один из них.

— Я! — храбро ответил мальчишка.

— Ну, по телефону не ты разговаривал, — заметил второй.

— Нет, не я. Один дяденька. Я попросил его помочь.

— Ясно. Показывай беду.

Мальчишка подвёл их к дыре люка.

— Вот.

Один из спасателей заглянул вниз.

— Твоя собака? — спросил он. — Чего так плохо следил за ней?

— Да нет, — начал оправдываться Никита. — Это не моя собака. Она просто упала сюда.

— Как это не твоя?.. — обратился к парнишке второй спасатель. — Звонивший сказал, что это твой пёс.

— Нет, не мой. Я не знаю, чей он. Просто я хотел ему помочь…

Спасатели переглянулись.

— Значит, не твоя?

— Нет, не моя.

— Хорошо.

Оба рослых молодых мужика присели возле канализационного люка и начали рассматривать внизу визжавшего от нетерпения пса. Понимая, что теперь её так не оставят, собака, предчувствуя спасение, оживилась и начала метаться в узком пространстве канализационного колодца.

— «Дворянин», — ответил один из спасателей нетерпеливому визгу животного.

— Доходной. Видать, не первый день.

— Похоже, что так.

— Давай так договоримся. Когда на рыбалку едем?.. через десять дней?.. Да, через десять. Вот, заглянем сюда, опарышей наберём. Тогда клёв точно будет хороший… А?..

— Добро, — согласился второй. — Запомни место.

— Запомнил.

Спасатели решительно поднялись.

— Значит, так, парень, — обратился к притихшему Никите один из них. — Слушай меня внимательно. Эта собака бродячая, дворняга, ничья. Живая ли она или сдохла — никто про неё и не вспомнит. Мы оказываем помощь тем животным, у которых есть хозяева. Мы думали, что это твой пёс. Мужик, который звонил нам, обманул. За ложный вызов полагается штраф. Не с тебя, конечно, а с твоей матери. Впредь по таким вопросам нас беспокоить не надо. Мы помогаем только тем, кто реально нуждается в помощи. А эта собака никому не нужна. И тебе тоже. Забудь про неё и спокойно иди домой. Уяснил?

Никита настолько растерялся, что не мог выговорить ни слова.

Спасатели уселись в свою машину, дуплетом хлопнули дверцами и уехали.

Только после этого, окончательно оставшийся наедине с бедой, Никита заревел. Заревел откровенно, громко, никого не стесняясь. Полными от слёз глазами оглядел пустырь. Но пустырь — он и есть пустырь, потому что здесь пусто и никого нет. Никого! Только мальчишка, открытый люк глубокой ямы и несчастная собака, погибающая внизу. Никита потерялся совершенно. Ему опять захотелось уйти домой, просто плюнуть на всё, развернуться и уйти, спрятаться от своей беспомощности, от своих слёз, постараться забыть поскорее эту дурацкую собаку, эти её глаза… но вот что-то не позволяло ему этого сделать. Не позволяло, и всё! И тогда, рыдая, вытирая бегущие слёзы грязными ладонями и размазывая грязь по лицу, спотыкаясь о неровности пустыря, Никита направился к асфальтированной дороге, по которой в обе стороны мелькали машины. Сразу за дорогой, огороженное бетонными плитами, располагалось гаражное общество. Сам не зная зачем, мальчишка перешёл дорогу, долго обходил бесконечно тянущийся бетонный забор и, наконец, вышел к открытым воротам гаражного общества. Вошёл в эти открытые ворота.

Поблизости, в одном из гаражей, что-то старательно протирал грязной тряпкой старенький

дедушка. Никита шагнул к нему. Дед заметил остановившегося неподалёку плачущего подростка.

— А чего случилось, парень? Обидел кто?

Всё ещё не в состоянии успокоиться, Никита рассказал деду о собаке, рассказал сбивчиво и не совсем внятно.

— Это моя собака,— повторял он, всхлипывая.— Моя собака. Она упала туда. Она просто туда упала. Это моя собака… Помогите…

Мальчишка не особенно рассчитывал на помощь этого старого деда, но дед, видимо, принял к сердцу рассказ юнца.

— Люк, говоришь, открытый?

— Да.

— Яма-то глубокая?

— Да.

— Это далеко?

— Нет. Близко,— Никита указал рукой в сторону пустыря на той стороне дороги.

— Ладно, не реви, парень, сейчас поможем твоей собаке.

Дед отложил в сторону металлическую деталь, которую протирал, бросил тряпку, взял стоявшую в углу алюминиевую лестницу, укрепил её на верхнем багажнике своей видавшей виды «Нивы». Усадил Никиту в машину, завёл её, вывел из гаража, прикрыл и замкнул железные двери. Машина тронулась.

— Давай показывай дорогу.

— У вас лестница короткая,— осторожно и даже немного испуганно заметил Никита.

— Короткая, говоришь?.. Ишь ты какой…— старик подмигнул мальчишке.— Не переживай, мы её удлиним… Она раскладывается, я её усовершенствовал.

Наконец тёмно-синяя старушка-«Нива» подъехала к злополучной яме. Дед неторопливо вышел из машины, заглянул в колодец. Покачал головой, отвязал лестницу. Вдвоём с Никитой они сняли её с багажника, дед выдвинул второе звено, и эту алюминиевую конструкцию старый и малый осторожно опустили вниз. Когда она достигла дна, две верхние ступени лестницы ещё оставались на поверхности.

— Ну, парень,— обратился к Никите дед,— раз это твоя собака, тебе и лезть за ней.

— Конечно! — обрадованно согласился мальчишка, утирая последние слёзы.— Я сам!

Он быстро спустился в тёмное прохладное нутро колодца. Собака прыгала от радости, лизала человеку руки, визжала и вообще делала всё, чтобы затруднить Никите своё спасение. Мальчишка попытался вытолкать её наверх, но собачьи лапы не попадали на перекладины лестницы, а если и попадали, то сразу же соскальзывали с них. Тогда Никита обхватил руками обезумевшую от радости собаку, прижал её к себе и уже вместе с ней начал подниматься наверх. Собака оказалась тяжёлой, сильной, беспокойно сучила лапами, визжала и, наверное, по-своему, по-собачьи, плакала от счастья.

Наверху дед ухватил дурного пса за шкирку и помог вытянуть его на поверхность. Собака, оказавшись на свободе, залаяла, завертелась волчком, но никуда не убежала. Она радостно прыгала возле старика и мальчишки, которые вытягивали и складывали лестницу, лизала людям руки и мешала им.

— Покорми свою собаку,— сказал дед, опять закрепив лестницу на крыше автомобиля.— Худющая она у тебя. Одни рёбра.

— Обязательно покормлю,— пообещал Никита.

Когда старик открыл дверцу, чтобы сесть за руль, мальчишка окликнул его:

— Дедушка!..

Дед вопросительно оглянулся.

— Дедушка, я вас обманул…— упавшим голосом проговорил Никита.

— Обманул? — не понял старик.— В чём?

— Это не моя собака.

И, видя, что старик не понимает, мальчишка пояснил:

— Это не моя собака. Она ничья. Просто собака, и всё. Не моя.

Дед ещё некоторое время соображал, затем, прочитав в виноватых глазах ребёнка то, что ребёнок хотел сказать, ответил:

— А какая разница?..— подумал и добавил: — Никакой разницы нет, парень.

— Спасибо, дедушка.

— А эту дыру я прямо сейчас и закрою. Сколочу деревянную крышку и закрою.

Старик уселся за руль, прощаясь, махнул Никите рукой и направил свою машину в сторону гаражей.

Никита свистом поманил собаку за собой. Но ему не нужно было этого делать. Собака и без того не отставала от шагающего домой мальчишки, прыгала и вертелась вокруг него. И оба они — и человек, и собака — были счастливы. Каждый по своей причине, но счастливы были оба!

Владимир Квашнин

Атя и Ома[1]

Крутобокая медведица Ома, женщина-красавица в самом расцвете сил, лениво смахнула лапой с носа назойливое комарьё и открыла глаза. Рядом, ткнувшись в её тёплый бок, сладко посапывали полуторагодовалые Аги и Пыг. И пора было бы пестунам уже отчаливать в собственное плавание, но медвежата всё никак не могли расстаться с любимой матерью, да и она не спешила их прогонять и постоянно, изо дня в день, учила всему, что умела и знала сама. Отца они отродясь не видели — знать, тот ещё гулеван, но им и с мамой было хорошо, вокруг была родная тайга, рыбная речка, боры со сладкой брусникой и такой же смородиной по густым тальниковым берегам. Жизнь представлялась интересной и счастливой. Никто не смеет их здесь обидеть. Тайга была и домом, и крепостью, а мама — их главной защитой.

Но в это раннее летнее утро чуткий нос Омы среди тысяч знакомых запахов уловил самый страшный в тайге — запах дыма. По неведомой причине где-то там полыхнула тайга, и, подчиняясь натиску южного ветра, всё набирая и набирая силу, огненный вал покатился по предгорьям Приполярного Урала, уничтожая всех и всё на своём пути. Какое спасение животным? Одно — бегство. Паническое, до полного изнеможения, иначе — смерть. Горячее дыхание огненного зверя то обжигало пятки, то отставало на длинных болотах, и семья, немного остудившись в водах очередного ручья, уходила всё дальше и дальше на север.

Они спаслись. Мудрая Ома ещё долго искала и, наконец, облюбовала кедровый массив тайги с наливающейся шишкой и рыбной речкой, неторопливо вьющейся среди крутолобых сопок. Обойдя по кругу новые владения, она не встретила ни знаков, ни особых отметин присутствия других медведей и была этому несказанно рада, тем более под еловым выворотнем она нашла просторную берлогу предыдущего хозяина.

Правда, было одно «но». Внизу по речке она наткнулась на зимовье охотника. Осмотрев всё внутри избушки и около, Ома ничего особо интересного не нашла, запахи человека были слабы, значит, здесь он появляется только зимой. Медвежата пробовали на зуб всё что можно, но добраться до сладостей, закупоренных в двухсотлитровой бочке, при всём их старании они не смогли. А вот железную печку, пыхтя и кряхтя, они всё же выкатили на поляну перед избушкой и тут же порвали над ней в лоскутья оленью шкуру вместе со спальником охотника, которые нашли под потолком избы. С чувством выполненного долга, самым решительным образом заявив о своём царском присутствии, дружная семья удалилась в глубь тайги.

Ещё до прихода сюда медвежьего семейства охотник-манси по имени Спиридон возвращался к своему зимовью по только ему ведомой, проторённой ещё его дедами-прадедами охотничьей тропе-путику. За ним, еле поспевая, вприпрыжку бежали его сыновья-погодки — Стёпка и Васька, восьми и девяти лет от роду. Как и его в своё время, он с малолетства обучал своих детей премудростям охотничьего дела. Угодья у него были родовые, то есть перешедшие от отца, тому — от деда. Что и требовалось от него, так это поддерживать в рабочем состоянии самодельные, изготовленные из подручного материала деревянные охотничьи ловушки: слопцы на глухаря, кулёмки на соболя, черканы на горностая и особые петли-ловушки на росомаху. Если в начале зимы её не убрать с охотничьего участка, можно считать, что промысла не будет, только лапки от соболей — вот и вся охотничья добыча. Был на сосновой гриве и особый, из толстенных брёвен срубленный домик-ловушка на тот случай, если забредёт зимой медведь-шатун.

Стоял золотой сентябрь. Старое зимовье на берегу таёжной речки с материнской любовью всякий раз встречало своих жильцов. Утомлённое за день неяркое северное солнце, сладко целуя на прощание ребятишек, не спеша устраивалось ночевать на мягких мхах ближайшей сопки. Ребята запалили костёр, а отец, не успев отпустить по реке на прочной капроновой нити «кораблик», уже вытащил двух переливающихся радугой хариусов. Не

1. Атя — папа, ома — мама (*манс.*).

отходя от воды, он выпотрошил рыбу и поставил котелок на огонь.

Варилась уха, фыркал под крышкой сердито чайник; укрывшись тёплым одеялом тумана, где-то за сопками спало солнце. Люди, всяк по себе занимаясь хозяйскими делами, изредка перебрасывались словами. Надо отметить, что бабушка Матра строго-настрого запретила им разговаривать и с отцом, и со всеми родственниками, тем более с ней, на русском языке. В школе — как душе угодно, дома — только на мансийском.

Долгими вечерами, когда у костра под яркими осенними звёздами, а когда в избе под шёпот дождя, дети просили своего любимого атя рассказать какую-либо историю. Спиридон, вспоминая сказания предков, учил детей уму-разуму, рассказывал познавательные мансийские легенды и сказки, которые знал в великом множестве. Доступно и просто объяснял на первый взгляд необъяснимые вещи, утоляя их жгучий интерес. В своём будущем дети уже видели себя великими охотниками. А в таёжном посёлке это было самое прибыльное дело. Их мама, когда они были ещё маленькие, сильно заболела и через полгода умерла. Жили они теперь с отцом, а когда он уходил на промысел, переходили к *анекве*[2] Матре, родной бабушке по маме.

Нет, наверное, на свете такого зверя, которого не смог бы добыть охотник-манси. Спиридон водил по тайге сыновей, показывал им следы и доступно объяснял, кому они принадлежат, когда и какой зверь прошёл, самка это или самец, как и где ставить различные ловушки и как тот же черкан изготовить из подручного материала. Порою он осторожно выводил их на край болота и просил рассказать, что они перед собой видят. А что они могли видеть? Берёзовый лесок посреди болотины — вот и всё. Но, более внимательно всмотревшись туда, куда указывал палец отца, они вдруг чётко видели перед собою, буквально в сорока-пятидесяти метрах, красавца-лося, не обращавшего на них никакого внимания. Да, это целое искусство — подкрасться к зверю незамеченным, просчитывая каждый шаг. Наступи случайно на сухую ветку — и спугнёшь зверя, или поменяйся ветер — зверь тебя почует, и не видать тебе добычи как своих ушей. Каждый сентябрь отец брал ребят с собою в тайгу и год из года учил их охотничьим навыкам. И он знал, что они будут достойными продолжателями их охотничьего рода.

Шло время. Ребята взрослели. Огромным событием для таёжного посёлка была установка вышки сотовой связи, а следом и протянутое за двести километров по тайге оптоволокно со скоростным интернетом от газоперекачивающей станции. Как-никак, а на дворе двадцать первый век! И опустели улицы. Редко когда увидишь вечером молодёжь на крутом берегу деревенской пристани — ранее излюбленном месте всех влюблённых парочек. Не услышишь ни душевных песен под черёмухой, ни страданий гармониста на реке. И как же завидно было братьям, когда они видели у друзей навороченные планшеты или айфоны. По зажиточным избам в большинстве своём стояли компьютеры, а что было у них? Старенькая кнопочная «Нокия», что подарил отцу когда-то дядя из Ханты-Мансийска, да чёрно-белый телевизор «Рекорд». Ни отец, ни тем более бабушка не могли себе позволить такие траты. На все просьбы старшие отвечали: «Учитесь, и всё у вас будет».

И действительно, Господь не обделил ребят умом и памятью — в школе всё схватывали на лету. Да, атя прав, и анеква тоже, но это когда ещё будет, а им же хотелось здесь и сейчас!

Однажды, подсматривая из-за плеча сверстника, как тот перелистывает по экрану телефона «Дзен», его взгляд зацепился за броскую рекламу: «Фирма скупает медвежью желчь по цене 120 тысяч за штуку». У Стёпки даже ноги подкосились и в горле пересохло от пришедшей в голову идеи.

Прибежав домой, он незаметно вызвал на улицу брата и изложил план действий, следуя которому, они могут несказанно разбогатеть. Сто двадцать тысяч для них были целым состоянием.

Стоял сытный, духмяный август. Жирная, вдоволь нагулявшаяся пелядь вышла из обмелевших заливных озёр Северной Сосьвы и тучными косяками скапливалась на глубоких плёсах низовий Ляпина перед длинным и опасным нерестовым ходом в хрустальные верховья Хулги.

Собрав немудрёную провизию на неделю, ребята запустили старенький лодочный мотор «Ветерок», который они уже с закрытыми глазами ремонтировали по десять раз за лето, и отправились на угодья. У отца еще с весны была прикуплена бочка бензина с танкера за вяленую пелядку.

Если дело выгорит, а они в этом даже и не сомневались, то и бензин ему купят, и новый мотор. Отец уехал под Игрим, на промысел тугуна, и вернётся только через месяц. Бабушке Матре они сказали, что поехали на рыбалку, так что алиби железное. Прихватив с собой старенькую, перемотанную на десять раз, но довольно крепкую одностволку шестнадцатого калибра с пулями, которые сами отлили из аккумуляторного свинца и откатали на чугунной сковородке, они отправились вверх по реке.

Добравшись до зимовья, они тут же, благо вечера были ещё светлые, сноровисто наставили в речных курьях десяток сетей разнобойной ячеи. Сперва ребята хотели зарядить приманкой медвежий сруб, что их деды изготовили на шатуна и действительно немало в нём их добыли.

2. Анеква — бабушка по маме (*манс.*).

Однако, представив, как в мешках будут таскать рыбу в качестве приманки к ловушке целых два километра по непролазной тайге, они отказались от этой затеи. Решили тут же, недалеко от избы, выкопать яму под огромной береговой елью и заложить туда пойманную рыбу, которая валом лезла в их сети. Главное — это аккуратно сделать направляющие загородки из ёлочек и на входе-выходе замаскировать стальные петли. Они были уверены, что через неделю медведи со всей округи соберутся сюда на званый пир отдавать им свою драгоценную желчь. Сказано — сделано. Ловушка получилась неприметная и качественная, а мягкий восьмимиллиметровый стальной трос не давал и шанса вырваться зверю.

Неделя подходила к концу, с нею и продукты, а желающих расстаться со своей желчью так и не находилось. Братья решили отметиться дома, отдать бабушке рыбу и опять ехать караулить свой «миллион». Однако скоро вернуться не получилось, сперва из-за непогоды, потом — поломки мотора. Только через полмесяца они выехали за своим богатством.

Аги и Пыг, как ртуть перекатываясь с яра на песок и обратно, постоянно балуясь и задирая друг друга, не спеша продвигались вниз по реке. Ома далеко отстала, но всё видела и контролировала каждый их шаг. И тут ветер бросил на нос медвежат сладкий запах забродившей в яме рыбы. Не дожидаясь матери, они припустили к влекущей, как магнит, приманке. Когда Ома подоспела к детям, было уже поздно. Оба медвежонка попали в петли, которые при каждом их рывке затягивались всё туже.

Наверное, нет на свете более ужасного, чем смотреть матери на своего умирающего ребёнка, которому ты ничем не можешь ни помочь, ни облегчить страдания. А здесь — оба. День за днём медвежата на её глазах медленно угасали, обезвоженные, голодные, практически без глотка свежего воздуха. С каждым движением трос всё туже стягивал их тело. Постепенно их жалобный скулёж затих. На седьмой день они умерли.

Даже сопки содрогнулись от страшного рёва убитой горем матери. Лоси и олени мчались прочь от её безумной ярости, мелкое зверьё и птицы, не дыша, забились в глубь своих нор и гнёзд, когда она шла по тайге, круша всё и вся на своём пути. Всегда добрые и ясные глаза её были налиты кровью, и в них читалось только одно слово: месть!

А братья даже не догадывались о том, что произошло за время их отсутствия и какую беду они навлекли на свои головы. Осторожно, с ружьём наизготовку, они шли по своей тропинке к установленным петлям.

Василий даже и не понял, что случилось, когда свет померк в его глазах от страшного удара медвежьей лапы сзади под основание черепа. Степан отпрянул и бросился назад к лодке, но, не добежав, тоже был сбит с ног. Десятисантиметровые когти медведицы пергаментом сняли скальп с головы беглеца, при этом они впились и в глазницы, моментально лишая его и зрения. Из последних сил паренёк добежал и упал в лодку, которую подхватило течение и медленно понесло к далёкому посёлку.

Только на третий день местные рыбаки-удильщики заприметили плывущую посредине реки пустую казанку. Когда они подтянули её к берегу, им открылась страшная картина. Скоро прибежал участковый, потом глава администрации; люд всё прибывал и, оглушённый, потерянно толпился вокруг лодки; женщины громко всхлипывали, временами переходя на пронзительный, выворачивающий душу нечеловеческий вой. А по проулку соседки вели, скорее, несли к реке под руки простоволосую бабушку Матру. Её седые космы раздувал ветер, по щекам, не останавливаясь, ручьём катились слёзы. Как же больно и страшно было смотреть в этот момент на убитую горем старую женщину!

Уже к вечеру следующего дня, где на перекладных, где — как, с лодки на лодку, приехал Спиридон. Всё случившееся казалось ему страшным, дурным сном. Никто не мог даже предположить, в том числе и он, как это всё могло произойти и где сейчас находится его второй сын. Однако, взяв себя в руки, он стал просчитывать ситуацию и пришёл к выводу, что ребята были, скорее всего, на своих родовых угодьях. Туда он и отправился.

Поздним вечером угрюмым молчанием встретило его пустое зимовье. Утром, даже не завтракая, взяв свою помощницу — лайку Нёкси, он пошёл искать сына. А его и искать-то особо было не надо. Хриплое карканье воронов привело его к месту недавней трагедии. Сперва к погибшим, уже расклёванным птицей медвежатам, а потом и к невысокому холмику свежей земли, из которого виднелись ярко синие кроссовки сына, те самые, что он сам весной подарил в честь успешного окончания десятого класса.

— За что? За что? За что вы покарали меня, боги?!! — твердил, как заклинание, Спиридон, неся в руках к лодке искалеченное тело своего ребёнка.

На следующий день два домика-могилки пополнили местное мансийское кладбище. Если взрослым усопшим в погребальный сруб клали ружьё и лыжи, табак и тёплую одежду, так как очень долог путь к Торуму по Нижнему миру, то детям и положить-то особо было нечего. Только игрушки, которые когда-то вырезал из дерева им отец, и тот самый старенький сотовый телефон. Надо отметить, что свои захоронения таёжный народ устраивает в потаённом, труднодоступном месте, на высоком сухом торфяном или песочном бугре,

поросшем кедрачом, среди самого непроходимого болота. Подальше от медведей и любопытных глаз.

И каковы же были страх и удивление родных, пришедших на следующий день по только им ведомой в болоте тропке помянуть детей, когда они увидели разрытые могилы ребят и искалеченные, ещё более обезображенные тела.

Даже старики не могли припомнить такого случая в своей жизни. Люди перешёптывались, кто — крестился, кто — матерился. Ребят опять похоронили, но и через ночь повторилось то же самое.

И Спиридон понял, кто это сделал. Каким наитием и сверхъестественным чутьём мать медвежат смогла отыскать посёлок за семьдесят километров и спрятанное в глубине болот кладбище, только Богу было известно. Однако это было так, Спиридон всем своим нутром почувствовал, что это была именно она, и разрешить противостояние родителей могла только их встреча. Молча попрощавшись с убитой горем Матрой и родным посёлком, он взял двустволку и в ночь пошёл к детям на далёкое кладбище.

Стемнело. Луна время от времени скудно освещала притихшее болото. Да Спиридон особо и не надеялся что-то увидеть или разглядеть. Только опыт бывалого охотника — меткий глаз, отличный слух, реакция и звериное чутьё — был на его стороне. Временами его веки опускались, казалось, что он уснул, но, уйдя глубоко в себя, он спрашивал свою совесть: правильно ли он воспитывал детей? Кого винить в трагедии? Если бы не уехал на заработки, всё было бы по-другому. Или причины кроются где-то гораздо глубже? Почему они, будучи мальчишками, знали и свято соблюдали законы предков: птицу на гнезде не бить, лося летом не трогать, медведя обходить стороной? Тем более что, по их поверьям, он и является прародителем человека. Разве не этому он их учил?.. Что за страшный зверь разрушил в их душах всё то, чем жили манси веками?.. Значит, причиной его беды явились эти разноцветные бумажки с нулями. Это ли не изощрённый инструмент дьявола? Да, все беды человека от денег… А что ты, Спиридон, сейчас здесь тут делаешь? Хочешь отомстить медведице за своих детей? А она? Ты хотя бы не видел их мук, она же минуту за минутой целую вечность наблюдала, как умирают её дети, не имея возможности ни прекратить, ни облегчить их непереносимые страдания.

— Господи, вразуми и направь на путь истинный раба Твоего, Господи!

Нет, не помогли Спиридону ни молитва, ни опыт, ни сноровка, ни меткий глаз и острый слух. На всякого охотника в жизни всегда найдётся свой охотник. Так и нашли их пришедшие утром родичи в высоком багульнике на краю болота. Атя — с зияющей смертельной раной в груди и Ома — с охотничьим ножом Спиридона меж рёбер. Они лежали рядом, и какое-то не познанное при жизни чувство душевного умиротворения светилось в глубине их остекленевших глаз. Что мы знаем о потустороннем мире? Сказания и легенды, предположения учёных да досужие домыслы, но всем без исключения сейчас истово верилось, что родители встретились со своими детьми.

Люди, опустив головы, молча стояли вокруг места схватки. И тут неожиданно звонко и задорно в кроне кедра над их головами радостно забулькал тетерев, потом ещё один и ещё. Где-то в глубине болот журавли нежно тронули свои серебряные арфы, им трубно откликнулись лебеди, а прилетевший нарядный дятел, усевшись на еловую сухостоину, громко и задорно отбарабанил свой единственный, навеки заученный стих.

Да, жизнь продолжалась, и только слёзы Всевышнего опять блестели на поникших травах и мхах от самых ног столпившихся людей до еле видимой, дрожащей в мареве восходящего солнца тонкой ленточки горизонта. И сколько их ещё будет пролито на Землю, только Ему и ведомо.

Геннадий Волобуев

У парадного подъезда

Окончание. Начало см. «ДиН» №№ 5–6/2023

Своя правда

Иван включил свет, втиснул голые ноги в войлочные тапки и вышел на кухню. Самая обитаемая часть малогабаритной квартирки, больше похожая на тесную каморку, пахнущую подгорелым подсолнечным маслом, жареной картошкой и ещё чёрт знает чем, ставшим родным и привычным в пределах своей жилплощади. Она не отталкивала, а притягивала к себе не только домочадцев, но близких соседей и друзей своей простотой и доступностью. Как же парадоксальна жизнь. Убогий уют и теснота делали соседей друзьями, с которыми можно было делиться сокровенными мыслями, получать помощь в трудную минуту, доверять и радоваться успехам друг друга. Оставлять на время своего отсутствия детей, звонить в скорую и помогать клеить обои. Но пришло долгожданное время, когда многие стали собственниками жилья, сделали современные ремонты квартир или купили дом с усадьбой, так называемый коттедж. И всё вдруг перевернулось.

Иван задумался. Что это? Пробуждение ото сна? Прозрение? Что с нами происходит? Мы свободны? Мы жили в плену? Мы жили неправильно? Мы сделали все какую-то одну большую ошибку? Мы — наше поколение. А если я рождён был в этом самом обществе? От головы до пят был продуктом его воспитания? Это была наша жизненная среда, наша жизнь и всех родных, близких, друзей… Мы не собираемся от неё отказываться, искать преимущества у современности. Да и глупо отказываться от того, что прожил. Всё равно больше остаётся в памяти то, что радовало душу, приносило чувство счастья семье, друзьям, то, что удавалось на работе. От трудностей, новых больших проблем, драматических событий в новом времени нас никто никогда не избавит. Они будут. Такова жизнь. Мы будем изучать то время и тех людей, передавать объективные, да и субъективные, знания о них своим потомкам. Мы знаем, что борьба за лучшую жизнь никогда не закончится, даже в самые благополучные времена.

Что? Моему поколению кричать, что мы лишились ума, что мы преступники? Каяться, строго судить вчерашнее, как мы на государственном уровне замалчивали и осуждали всё, что было в нашей истории до революции, как верили в светлое будущее, как доверяли своим вождям и лидерам? Пришла другая жизнь. Мы не хотим краситься в новые цвета. Мы хотим иметь свой голос, и не надо нам опять указывать, за кого голосовать, кого любить, что ценить больше всего.

Иван подошёл к пластиковому окну, повернул ручку и пустил свежий, пахнущий летней ночью воздух, который стал опускаться на тёплый пол и растекаться по тонкому ковру. Он присел на диван и продолжал думать. Наша жизнь имеет свою ценность, несёт свой опыт, свою правду. И никто не вправе вмешиваться в неё с позиций нового времени. Да, мы увидели прошлое без прикрас, узнали кое-какую правду, ощутили реальные начала свободы. Жизнь такова, что постоянно появляются неведомые раньше проблемы. И на весах истории они не раз будут перевешивать в худшую сторону от того «светлого», в котором мы жили. Время от времени моих друзей посещает ностальгия по ушедшей в том виде Родине, по прошлым счастливым минутам дружбы и общения. Значит, не всё нормально в нашем сегодняшнем «королевстве»? Да и тогда — зачем власть так «закручивала гайки»? Только настраивала против себя. Сколько талантливых людей уехало за границу, а кого и сослали в качестве наказания. Но они и там держали марку мирового уровня в спорте и творчестве. Только недавно стали показывать этих изгнанников, о них пишут книги, показывают фильмы, наши туристы посещают могилы оставшихся за рубежом.

Что мы от этого выиграли, что получили, когда загнали их на чужбину? Наши же партийные лидеры, руководители от культуры запрещали и сдерживали родные таланты. И не только от идеологического рвения делали это, а по собственной необразованности, тупости, от политической конъюнктуры и личного желания выслужиться. Да и сейчас не всё ладно. В отличие от прошлых лет, одни люди сами ищут место за границами, другие уезжают опять под давлением власти. Надо полагать, что это дееспособные, умные граждане, много специалистов и учёных. Всё-таки, правда, и настоящие ценности пробиваются, словно бамбук сквозь асфальт, и в новое время. Так зачем же

сегодня опять упорно пытаются повторять ошибки прошлого? Зачем случайные люди на экранах телевизоров с «колокольни» подаренной должности или частного журнала от олигарха врут бессовестно? Зачем навязывают свою не пережитую «правду» народу? Всё равно это осудят молодые, более просвещённые поколения. И всё же это продолжается. Не пора ли нам научиться жить всем вместе: и «серым», и «белым», и «красным», и «зелёным», и верующим, и неверующим, и чудакам, и прагматикам? Может, тогда и Родину будем любить по-настоящему. Правильно говорят китайцы: «Пусть расцветают все цветы!»

Иван зашёл в кладовую, нашёл там Евангелие, спрятанное много лет назад его бабушкой, и с интересом начал листать. Просто из любопытства. Он замечал, как у некоторых знакомых появилась тяга к религиозной литературе, символике и обрядам. Это походило на моду, Иван сторонился такого увлечения. После активной, наполненной каким-то смыслом жизни, он не мог терпеть пустоты. Брал разные книги в библиотеке и, не дочитав порой трети содержания, бросал томик с презрением на край дивана. Он не понимал авторов. Они были похожи больше на тех мифических «чёртиков из табакерки», которые выскочили на светлое пространство, и каждый побежал в какой-то угол, чтобы спрятаться вновь в темноте, получая собственное удовольствие во мраке недомыслия, или, оставаясь на свету, изображать немыслимые кульбиты, удивляя публику. Редкие книги он читал с интересом, бережно перелистывая страницы. Внимательно разглядывал титульный лист, получал первую информацию об авторе, издательстве и замысле книги. Он скорее угадывал по отрывкам текста, стоит открывать книгу или здесь же отложить её в сторону. Рекламные фразы умел расшифровать с позиций своего опыта, не поддавшись на литературную дешёвку. На последней страничке искал цифру тиража. Замечал, что автор едва набрал средств, чтобы сделать двести-триста экземпляров.

Всегда немного волновался, разглядывая очередной том. Если не доверял автору, клал в маленькую стопку, чтобы отнести на абонемент обратно. Исторические книги самых известных авторов медленно прочитывал от корки до корки, делал пометки себе в тетрадь. Поздно, но всё же пришло время понять своих родителей, особенно бабушку по матери, которая молилась Богу, изредка посещала церковь, в основном чтобы помянуть родных ей людей. Он подумал: «Может, в нём (Евангелии) есть ответ на тот хаос, что в головах народа и на площадях столицы? Это не простая книга, её издают самым большим тиражом. Если миллионы людей в разных уголках христианского мира читают её, значит, здесь должны быть мудрые мысли, может, ответы и на мои вопросы». Иван оставался внутри советским человеком. Его считали атеистом, но он нигде не выражал своё определённое отношение к религии. В детстве и по молодости твёрдо верил в коммунизм и давал понять в неопределённой форме, что в Бога не верит. С возрастом никак не показывал свои предпочтения. Жил себе человек да жил, работал, поднимал детей. Но в душе тянулся к знаниям, выписывал несколько газет и журналов, ходил регулярно в книжный магазин, покупал «умные» книги. Если его друзья больше читали детективные романы, приключенческие и военные книги, то он покупал исторические, читал биографии знаменитых людей, тянулся к классике. В последние годы перестройки выписал «Литературную газету». Что его привлекло в этой газете, трудно сказать. Большие статьи по теме развития литературного процесса с мудрыми идеями и критической позицией авторов не могли затронуть его ни по каким достоинствам. Политические статьи больше отвечали на его вопросы, но бывало, что и они ставили его в тупик и он терял к ним интерес на половине текста. И тем не менее он старательно просматривал каждый номер, находил для себя что-то значимое. Его привлекали критические статьи по художественным произведениям. Он невольно сравнивал свои мысли от прочитанных книг с тем, что писали авторы статей. Это больше походило на расшифровку ребусов. Тираж газеты говорил о том, что не один Иван из простого народа читал её. Росла новая культурная среда, захватившая любознательных рабочих, которые непрерывно учились, развивали свой интеллект и стремились достичь в этой жизни собственных высот. Была ещё тайная мысль: не отстать от своих детей. Он всё больше замечал, что они стали опережать его время и знают много того, о чём в его детские годы не было даже в мечтах.

Просматривая тексты евангелистов, в третьей главе Евангелия от Матфея он прочитал такие слова: «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь».

Неужели мы дошли до такого конца, что надо под корень срубать почти засохшее дерево? А кто его попытался оживить, поливать, убирать совсем сухие ветви? Он устало закрыл глаза.

Иван, как и всё его поколение, смотрел по телевизору разные политические программы, по-современному — шоу. Проникал сознанием в новое представление о мире, с надеждой ловил всё, что могло относиться к достижениям ещё молодой страны. Хотел убедиться, что выбор нового пути в девяносто первом году был сделан правильный. Многие достижения действительно радовали уставшую душу. Он видел переполненные полки магазинов — вначале тех, советских, приватизированных «активными ребятами», потом стали появляться совсем не наши

огромные торговые центры, в основном на бывших площадях полуразрушенных и разворованных заводов и фабрик. Постепенно стал забывать прошлую пустоту прилавков. Видел, как молодые семьи начали приобретать квартиры, делать евроремонты, покупать вначале подержанные иномарки, потом новые и всё более мощные машины. Знакомые стали ездить за границу погреться на песках южных морей. Что в этом плохого? Но что-то беспокоило, давало о себе знать и вызывало вначале слабую тревогу, которая с годами усиливалась. Не было в душе той цельности и полноты жизни. Не хотелось смотреть на блеск автомобилей и богатство новых домов. Чего-то существенно не хватало. Он видел, что молодые «деятели», в основном демократы девяностых годов, а с ними и растущие стремительно в своих богатствах, вдруг возникшие ниоткуда бизнесмены, обманули его и весь народ, который хотел трудиться в своём государстве, получать от своего труда и богатых природных ресурсов достойную зарплату. Не меньше его беспокоила и сама «сошедшая с рельсов» демократия. Он опять стал голосующим, но не выбирающим тех, кто руководит районом, областью, страной. Он опять, даже в большей степени, стал никем. Как тут будешь спать спокойно? Да и годы ушли, новые поколения думают по-своему. С гонором, амбициями, какими-то неясными новыми ценностями. Иван видел в их колючих глазах жёсткое: «Отойди, дедок, не мешай!»

Давно разойдясь с партией, её идеологией, многим таким, что называлось жизнью при социализме, Ивану стало казаться, что всё вокруг насыщено ложью, неправдой, иллюзиями, что жизнь простого человека и даже просвещённого, продвинутого в новом пространстве и времени, отдаёт пустотой. Церковь, занимая всё новые пространства, не овладела душами большинства людей, небольшое богатство или просто достаток не только остановился, но и стал падать вниз. Чиновники всех рангов безбожно воровали («пилили» бюджетные деньги), верхушка бизнеса обогащалась невиданными темпами и стала не замечать народ. Она жила по своим законам, народ — по своим. Иван стал задумываться. Он давно не воспринимал призывы и действия преемника своей бывшей партии, ставшего также пожизненным лидером, но уже был готов во многом поддержать её слабые попытки найти своё место в общем политическом процессе. Маятник жизни стал склоняться в обратную сторону. Но остановился, утратив энергию пружины, которая называется — Цель.

Что им Даннинг — Крюгер?

Кадровая политика нового главы стала вызывать всё большее удивление у подчинённых чиновников и активной части населения. Василий Иванович Стенин, начальник первого отдела (секретного) администрации, не был новичком в своём деле, он пережил уже несколько глав района. Работал уверенно, всегда спокойно общался со своими руководителями. Но с приходом последнего главы внутри него что-то надломилось. Он видел, как молодой помощник, Руслан Сергеевич, изобретает казуистические схемы, подставляя под увольнение то одного, то другого чиновника с опытом работы, глава ставит на их место неизвестных, приглашённых с других мест якобы специалистов. У аппаратных работников, начальников служб и предприятий постепенно исчезло чувство солидарности, доверия друг к другу, они перестали советоваться между собой и откликались только на вызов главы или его помощника. Страх за себя и будущее своих семей поселился в душах сотрудников администрации, спешащих пробежать в пустых длинных коридорах власти. Особенно это обрело необратимый характер, когда в штатное расписание возвратили упразднённую ранее должность заместителя главы администрации и назначили на это место известного нам помощника главы, Руслана Сергеевича. Должностная инструкция давала ему неограниченные полномочия и реальную власть над чиновным и служивым людом. Он объявлялся куратором районного совета депутатов, председателем окружной избирательной комиссии, руководителем аппарата администрации и куратором силовых ведомств.

Опытные руководители в сторонке от места работы недоумевали. То, что глава провёл вместе с помощником сомнительную операцию, унижающую достоинство сотрудников аппарата администрации, — ладно, переживём, у него есть право ставить на высокий пост кого считает нужным. Но что будет дальше? Доверительно общались между собой люди знающие, они преодолели не одно испытание, прошли множество курсов по переподготовке, в том числе и в региональной школе государственной службы, сдавали десятки экзаменов, тестов, особенно когда шли на повышение по службе.

Евгений Леонидович Корнев возглавлял районные электросети, отличался эрудицией и независимым характером. Своими глубокими вопросами или замечаниями часто ставил в тупик своих коллег, а иногда и вышестоящее начальство. В узком кругу он порой пытался сверить свои мысли с тем, что думают его друзья.

— Друзья, вы наверняка читали о принципах Питера, об эффекте Даннинга — Крюгера, тем более книги Карнеги? Карнеги у нас много издавали. В них пишется об этике отношений между людьми, особенно в деловой обстановке. Даннинг же прямо писал о той особой уверенности в себе и своих силах тех, кто не понимает, что их знания далеки от того, что они о себе думают. О нас же такие персоны думают, что мы не можем быть сведущей, опытнее их самих во многих

вопросах. Беда ещё в том, что окружение будет с ними соглашаться и проводить их линию в практическое дело. Недавно на депутатских комиссиях рассматривали вопрос о закрытии аэроклуба. Его руководитель, конечно, сделал много ошибок, пренебрёг требованиями административного руководителя учреждения, в котором арендовал помещение. Вместо того, чтобы разобраться и оказать организаторскую и юридическую помощь, как это было раньше, Руслан Сергеевич занял формальную позицию с юридической точки зрения. Его не тронула судьба детей, которые остались без любимого занятия. Проблема не решена, всё осталось в подвешенном состоянии. А ведь этим клубом три десятка лет занимались и партийные, и советские руководители, помогали и морально, и деньгами. Клуб работал. Сколько мальчишек и девчонок прошли здесь школу, научились летать, прыгать с парашютом! Это и патриотизм, и закалка мужеством. Я сомневаюсь, что с книгами, о которых я только что сказал, как-то знакомился глава, тем более его новоиспечённый зам. Скажите, я не прав? Ни по одному признаку, ни деловому, ни моральному, его протеже не подходит. Это что, издевательство над нами? А посмотрите, кого он поставил управлять учреждениями культуры! Женщина себе на уме, нравится ей командовать подчинёнными, но здесь же думать надо, культуру иметь ещё и личную! Кто будет заниматься инвестиционной политикой в администрации, конкурсами по торгам? Все они — новые люди из-за пределов района, неизвестные нам. О том, какие они будут принимать решения, да уже принимают в закрытых от глаз народа кабинетах, я вообще молчу! Значит, он ставит некомпетентных людей, а может, знатоков, «пилить» бюджетные средства «как надо» и с намерением управлять всем самому?

Да и не один был такой Корнев. Сомнения в действиях новой команды главы района проникали в сознание многих активных и ответственных руководителей, неравнодушных специалистов и рабочих.

Его поддержал сосед по саду и коллега по работе Виктор Сергеевич:

— Да! Он сознательно ставит на ответственные должности своих друзей и бывших коллег. Почему игнорирует испытанные местные кадры — это пока вопрос. Но время проявит его истинные намерения и возможности.

Виктор Сергеевич в начале реформ состоял в партии «Пенсионеры России», а после слияния её с другими партиями перешёл во вновь образованную «Справедливую Россию». Убедившись, что ничего нового от неё не дождёшься, покинул организацию. И стал беспартийным, но с партией настоящей справедливости в душе.

— То есть создаёт свою команду, не доверяя коренным жителям и всем испытанным руководящим кадрам, — продолжал Виктор Сергеевич. — Укрепляет позиции отделения правящей партии в районе. Её влияние будет посильнее той, нашей — «руководящей и направляющей». Она стала фактически политическим монополистом в стране. Без действенных советов, профсоюзных организаций, комсомола. Не видно, чтобы какие-то другие партии и общественные организации имели хоть какое-то заметное влияние. Все знают, что лидеры этих партий давно пользуются благами высшего руководства страны. Оно реальную оппозицию к власти и близко не подпускает. Но в этом виноваты сами партии и их начальники. Они даже на звание лидеров не тянут. Смешно смотреть их выступления с серьёзным видом, «надутыми» губами и аристократическими жестами. Комедия!

Читатель, я не сказал подробно о том месте, где велись эти «крамольные» разговоры. Но вы сами догадались: конечно, в саду (на даче)! Что такое сад? Это обывательская поэзия двадцатого века, средоточие реального нелёгкого физического труда, творческого вдохновения и настоящего дружеского общения. Начальники цехов на заводе порой смеялись, глядя на рабочих:

— Наработались, пришли сюда отдыхать.

Но люди держались за примитивные рукодельные «хоромы» и клочки земли. Садоводов объединяло ещё воспоминание о том, как и где они добывали материалы, чаще всего бывшие в употреблении — от разобранных строений на производстве, строительных площадках. Ездили по деревням и леспромхозам, в областной центр в поисках всего необходимого для строительства. Поэтому ценность той частной собственности возрастала во много раз. И «садоводы-дачники» держались за неё, считая своим загородным поместьем. Ко всему, был закон, ограничивающий площадь строения и участка, его высоту. Долгое время запрещалось строить бани. Но жизнь, словно корни вековых деревьев, расширяла пространство, обходила препятствия и приносила свои плоды. Хозяева участков делились опытом строительства. Непросто было осваивать новую специальность даже инженерам, особенно специалистам бюджетных организаций. Многие из них впервые слышали о технологии рубки сруба «в лапу», «в чашу», «ласточкин хвост». Почти никто не брался сам сложить печь. Искали печников среди пенсионеров, родителей своих друзей, или ездили за ними в деревни.

О дружбе на садовых участках можно было рассуждать только с некоторыми оговорками. Собственность хоть и маленькая, но правила остались ещё те, старые. Здесь и конкуренция, и зависть, и громкие стычки с соседями, не убирающими вовремя сорняки и мусор или продвинувшими забор в сторону соседа на двадцать сантиметров. Не подумайте, что это мелочи. Из-за них порой

и судились. И даже доходили до Верховного суда. Такие неизбежные обстоятельства подталкивали настоящих садоводов находить себе добрых соседей и негласно составлять группы по интересам. Особую роль здесь играли коллеги с места работы и настоящие друзья, которые собирались в редкие выходные дни, топили баньку во дворе, парились, накрывали обильный стол. Кстати, о «баньках». Рубленная из кругляка или собранная из бруса, с самодельными, сваренными втихую на каком-то предприятии стальными печами, с баком для нагрева воды, она всё больше закреплялась на участках и вместе с домиком заменяла городскую стандартную и бездушную квартиру в хрущёвке. Сразу оговорюсь: не примите этот эпитет как дискредитацию самой идеи строительства панельных домов по всей стране. Она была своевременной и значимой для народа. На дачах проводили отпуск, если не уезжали из города, здесь готовили на зиму соленья и варенья, приучали детей к труду. Надо признаться, это их не особенно радовало, дети находили тысячи отговорок, чтобы остаться с друзьями в городе, уйти на берег реки или отправиться в поход с классным руководителем. Почти никто из взрослых не чурался пить водку, а с девяностых годов активно употреблять самогон. Хорошие напитки становились недоступными или контрафактными. Садоводы хвастались друг другу, что у них «чистый» напиток, дважды прогнанный через аппарат, в него добавлены кедровые орехи или полезные травы, и что никакой «отравы», как водка из магазина, не представляет. Люди отворачивались от множества бутылок с красивыми этикетками на полках магазинов и уличных киосков, сокращая тем самым потребление опасного продукта. Но это не мешало политическим деятелям и журналистским пропагандистам говорить с экранов телевизоров и высоких трибун, что в стране в целом снижается употребление крепкого алкоголя. Не увлекаясь излишне крепкими напитками, в компании пели песни, веселились, скрашивали общение смачными анекдотами. Это был настоящий народный фольклор с «изюминкой». Вперемешку шли разные жанры: политический, чаще всего — интимный, личностный. Про армянское радио, про чукчу, про Василия Ивановича и Анку с Петькой, про евреев, про русских недотёп. Одно время много было анекдотов про Хрущёва, потом — про Брежнева, в семидесятые-восьмидесятые годы — про Штирлица. Анекдоты воспринимались весело, со смехом. Но был от них и ощутимый осадок за несовершенство собственной жизни. Народное творчество — неиссякаемый источник мудрости, острого восприятия действительности, хлёсткого юмора, уничижительных оценок, эротики. Во всём положительном живёт антипод. Он обязательно покажет себя. С первыми анекдотами политические или деловые разговоры здесь быстро прекращались, да и велись они с какой-то озабоченностью, без злобы или той жёсткости, которая случается на грани больших потрясений. Люди отдыхали и больше говорили о делах семейных, о «болячках», планах на будущее. Жизнь и природа переваривали, перемалывали и рассеивали во времени невзгоды и тревоги. И не было им дела до какого-то Даннинга — Крюгера…

Рейдер?

Давайте вернёмся к нашим известным героям. Почти одновременно с утверждением и вознесением на политический олимп своего помощника, глава начал операцию по продвижению бывшей сотрудницы, оставленной ранее где-то на своём карьерном пути. Он шёл к своей цели, словно ледокол в холодном безмолвии льдов. В один из осенних дней директору городской библиотеки позвонила секретарь приёмной главы района и сказала, что через час к ней зайдёт Георгий Георгиевич, встречайте! Директриса и сотрудники дворца знаний обрадовались. Не часто такой гость мог позволить себе зайти в учреждение и посмотреть, поговорить, оценить достижения или обозначить те проблемы, которые на уровне администрации и районного совета надо безотлагательно решать. Женщины второпях начали поправлять причёски, убирать лишние бумаги и книги со столов. Они вскипятили воду и приготовили душистый чай из местных трав. Не зная вкусов главы, на всякий случай положили рядом пакетики с лучшими образцами индийского, краснодарского и других престижных видов сухого напитка, достали коробку конфет, печенье и стали ждать. Глава открыл дверь библиотеки ровно через шестьдесят минут от звонка и приветствовал встречавших его сотрудниц библиотеки. Бывалые работницы заметили, что он проявил некоторую сдержанность, даже холодность при коротком знакомстве. Быстро снял куртку, посмотрел на встречающих скользящим безразличным взглядом. Директора библиотеки, Татьяну Игоревну Светлову, приветствовал лёгким поклоном головы. Движением правой руки поправил чёлку на лбу и сказал, что хочет полистать несколько отчётов и осмотреть помещение. Все сразу забыли про чай и направились в кабинет директора. Глава задержал директрису и её заместителя, предложив остальным сотрудникам идти на свои рабочие места. Обращаясь к Татьяне Игоревне, велел вызвать бухгалтера. В воздухе сразу повеяло духом известной бюрократической проверки. Тем не менее она была загадочна и непонятна женщинам. Пока бухгалтер шла с отчётами, стояла неловкая тишина, и заметно было, как учтивые дамы волнуются. Одна стала неловко перебирать бумаги на столе, другая остановила взгляд на манжете рубашки с дорогой

запонкой. Бухгалтер появилась через несколько минут и держала в руках две объёмистых папки с отчётами. Волноваться было незачем, так как отчёты проверялись в комитете по культуре и финотделе администрации. Всё в них соответствовало нормативам и строгим правилам. Глава, опершись на широко расставленные локти вокруг папок с отчётами, начал читать:

— Так, сравним книговыдачу с посещаемостью и нормативную нагрузку на персонал. Считать умеете? Видите, что штаты у вас раздуты, на полторы единицы не соответствуют нормативу?

— Георгий Георгиевич, так ещё год назад наше министерство культуры уменьшило штатную нагрузку на персонал для всех городов.

— Это касалось только региональных библиотек, — объяснил глава причину снижения нагрузки.

Опытные сотрудницы сразу поняли, что глава хорошо подготовился к встрече. Но зачем ему такие мелочи?

— Нам разрешили, — робко заметила заместитель директора.

— Кто вам разрешил? — продолжал гость-начальник.

— Администрация города!

— По-о-онятно! Только вы знаете, где сейчас эта администрация?

Молчание!

— Ну, нет худа без добра, — заключил загадочный посетитель и направился к двери.

Через несколько дней директор библиотеки получила постановление администрации района. В преамбуле отмечалась важность библиотечного дела, в целом выполнение планов и освоение средств, а в постановляющей части было написано: «Назначить заместителем директора библиотеки Елену Романовну… Предоставить ей права заместителя начальника управления культуры района на общественных началах. Директору библиотеки за счёт экономии ставки методиста по штатному расписанию начислять заработную плату на вновь введённую штатную единицу. В срок до… выделить кабинет и сделать текущий ремонт. Обеспечить техническое содержание заместителя директора за счёт внутренних резервов».

Конечно, этот документ был оформлен по всей строгости канцелярского дела, фразы разбиты на пункты, пункты пронумерованы. Стояли дата исходящего документа и его номер. Ниже — глава района… и подпись. Подпись (неразборчивая) в виде удлинённых ласточкиных крыльев. Таких размашистых и бессмысленных вроде бы крыльев. В них была воплощена вся мощная энергия большого начальника и таинственность его характера. Но сотрудники библиотеки где-то читали, что неразборчивая подпись — это и пренебрежительное отношение к тем, кто будет читать документ; в этом скрыта не только небрежность, которая присуща слабым руководителям, несобранным, недостаточно грамотным. Здесь сотрудницы библиотеки усмотрели закрытый, «тёмный» характер личности главы. Недоверие сразу поселилось в их душах.

На следующий день в обычном режиме глава проводил в зале заседаний администрации очередное совещание с исполнителями, которое называли планёркой. В заключение он объявил:

— Коллеги, довожу до вашего сведения, что я назначил своим советником на общественных началах руководителя муниципального ресурсного центра Елену Романовну…

Сотрудники библиотеки заволновались. Это постановление лишало их части запланированных расходов, они не поняли роль нового зама и как будут взаимодействовать с коллегой. Но догадывались, что она будет стоять над всеми и какие-либо жалобы «наверх» закончатся для них неприятностями. Женщина под таким прикрытием — двойное зло и опасная непредсказуемость. В коллективе повеяло холодком, все как бы сжались в ожидании чего-то нехорошего.

Красота работе не помеха

Елена Романовна, директор ресурсного центра, конечно, мечтала о счастливой личной жизни, надёжном муже, двух или трёх милых детях. Как деятельная, инициативная личность, она не менее мечтала об удачной карьере, которая помогла бы ей осуществить свои вдохновенные проекты и в лице хотя бы активной части населения получить признание за свой полезный вклад в развитие гражданской инициативы районного сообщества. Прежде чем говорить о её планах и первых шагах на рабочем месте заместителем директора библиотеки и советником главы города, посмотрим хотя бы вскользь на её портрет. Вы сразу поймёте, встречались ли ещё вам такие персоны в жизни. Я уже говорил, что это была молодая, лет тридцати с небольшим, симпатичная женщина. Как выяснится позже, замужем не была и детей не имела. Густые тёмно-русые волосы с мягким, почти чёрным оттенком волнами ложились на её круглые полные плечи. Это была повседневная причёска. Такого образа она придерживалась в своё рабочее время. Но если готовилась к празднику и хотела себя представить в образе прекрасной дамы, то заказывала сложную художественную причёску, требующую, кроме многочасового труда стилиста, ещё и его истинно фантазийного воображения. Выразительные узкие брови и веки с наращёнными ресницами, лёгким макияжем очерчивали главный живой элемент чуть круглого лица — чёрные глаза. Они могли пронизать из глубины зрачков невидимым лучом и заставить смутиться собеседника или кротко взглянувшего на неё случайного соседа по креслу на банкете или

в каком-то зрительном зале. Даже опытный собеседник из числа мужчин чувствовал её гипнотическое влияние. Как и всякая свободная женщина равного с ней возраста, Елена Романовна умело и в меру использовала дорогую косметику, слегка оттеняя живым цветом и без того приятные налитые энергией щёки — «ланиты», как сказал бы Гомер. Или Пушкин: «как розы пламенных ланит». Неброская, мягкого цвета, губная помада лишь слегка подчёркивала гармонию её лица. Женская красота вызывает поэтическое настроение у мужчин. Но есть дамы, которые в рамках профессиональной стези просто обязаны на всё смотреть критически, считать своё мнение определяющим в людской среде. К ним можно отнести журналистов. Не тех, кто изучает дотошно человека, его психику, мотивы поведения, а кто гоняется за сенсациями, ищет «жареные» факты, кому дела нет до внутреннего мира человека. Вот он видит его так, и точка! Увидела представительница «острого пера» чуть полные груди, повыше среднего размера, и вот она — характеристика на страницах газеты! Но ведь репортёрша знала, что мужчинам может наверняка нравиться такая особенность, но не побоялась немного подтрунить над нашей героиней. И у мужчин могут быть некие сомнения в гармонии прекрасных дам. Заметим вскользь, без иронии, что шаг Елены Романовны отчасти был женским, отчасти — по-мужски деловым. Она шла уверенно, но слегка покачивалась, словно на дорогой яхте. Общее созерцание её движений подсказывало наблюдателю, что эта женщина, кроме приятного общения, способна на решительные поступки и продуктивные действия. И мужчина в противодействии ей может проиграть или позорно быть загнанным в угол. Это подтвердили её первые шаги в должности директора ресурсного центра. Проницательный читатель упрекнёт меня в банальности описанного образа, скажет, что я использовал избитые приёмы. Отчасти он будет прав: нет такого опыта в описании женщин, как у известных авторов. Особенно молодых плодовитых современных писателей, без тех старомодных понятий и правил, которые только мешали раньше быстрому общению и прохождению науки любви за один вечер. Но я обязан был объективно приблизиться к реальному её отражению. И то, что буду говорить в следующих главах, к сожалению, скорее вызовет у неё огорчение или, во всяком случае, смущение. Нет, смущение как состояние, предохраняющее от необдуманных поступков, видно, не для неё. Хотя бы уже потому, как она приняла отремонтированный вне очереди кабинет, «любезно» потеснив детский отдел, как скоро получила мебель и оргтехнику. Не будем слишком придирчивы к Елене Романовне, лучше поболеем за её успехи на творческом поле, где реально должны воплотиться в «застойной» жизни района дерзновенные идеи и планы.

Елена Романовна взяла на учёт и зарегистрировала все, какие были, социально-ориентированные общественные молодёжные организации, разработала программу конкурсов между ними, призвала объединяться ищущих, неравнодушных молодых людей и школьников по интересам. Этого давно ожидали самые активные молодые силы района и особенно — районного центра. У формальной власти в лице комитета по делам культуры и молодёжной политики как-то не хватало времени на всё это в той массе плановых мероприятий и ограниченности бюджета.

Небольшие группы ребят уже занимались любимым делом. Самостоятельные объединения молодёжи и творческие клубы давали о себе знать. Каждый проявлялся по-разному. Кто-то испытывал себя в экстремальных видах спорта, приобретая специальные усиленные велосипеды — хардтейлы. Читателю не по глазам и слуху придётся обращение с их названиями и теми видами спорта, которые доступны подобным колёсным «ланям». Что можно освоить на них? Мини-даунхилл, дуал-слалом, дёрт-джампинг, фрирайд. Приходится мириться с таким неблагозвучием, виной тому наша извечная отсталость от «партнёров». А дальше всё зависит от возможности покупать эти дорогие машины или ещё более совершенные, приспособленные действительно к жёсткой и опасной работе на них. Представьте себе, если вы не видели в кино или по телевизору, молодого райдера, который на специальном трамплине — дропе — свершает изощрённые трюки или скатывается с крутого утёса через горную щель и немыслимую по рельефу поверхность, усыпанную камнями и остатками засохших деревьев. Вот здесь-то и нужна поддержка извне. Финансовая и профессиональная, тренерская. Ресурсный центр потому и назвали таковым, что он должен изыскивать ресурсы для такого рода занятий.

Долгое время в подвалах жилых домов несколько энтузиастов ковали металлические листы, гнули пруты и делали доспехи, мечи русского богатыря и шпаги средневекового рыцаря. Называется такое увлечение исторической реконструкцией и ролевым моделированием. На праздниках ребята показывали батальные сценки с владением таким самодельным оружием. Это была трудная работа по причине отсутствия нужных материалов, нормальных оборудованных мастерских и денег для приобретения всего необходимого. Опять же — ресурсный центр мог помочь в решении этих проблем. Если вы видели когда-нибудь альпинистов, собирающихся в очередной поход, то обратили внимание на их огромные столитровые альпинистские рюкзаки, верёвки с карабинами

и прочим инвентарём. Где, как и за какие деньги можно иметь всё это оборудование для сложных и опасных восхождений? Альпинисты обращались к главе района и получали временно финансовую поддержку. Различные экспедиции энтузиасты готовили зимой и летом и не собирались оставлять своё увлечение. Значит, им нужна была более надёжная и постоянная поддержка.

Из Африки, а потом и Америки в семидесятые годы занесло в молодёжную среду увлечение необычным видом танца, больше похожего на гимнастику, с кручением на спине или голове. Называется он брейк-данс (break-dance). В областном центре энтузиасты этого нового вида молодёжной культуры в начале девяностых годов показали его в натуральном виде, прямо на полу вестибюля Дворца культуры. Комсомольские вожаки приняли новый танец с пониманием и сдержанным одобрением. Они в душе всегда были впереди своего времени. Конечно, если речь идёт о настоящих комсомольцах, а не политических верхоглядах. Одновременно в молодёжных компаниях и на концертах стали звучать напевные ритмичные речитативы с музыкальным сопровождением на определённые темы. Самодеятельные артисты эмоционально и торопливо рисовали картину или раскрывали сюжет жизненных переживаний автора, коллизий в отношениях с девушкой или политической проблемы. Это называется рэп. Рэперы тоже нуждались в поддержке.

Современная молодёжь, не зная моральных ограничений комсомольских времён, всё больше увлекается привнесёнными издалека танцами, которые смущают старшие поколения. Например, тверк, танец ягодиц (booty). Он тоже попал в Россию из Африки через Америку. Там молодые девушки этим танцем завлекали парней для интимных отношений. В России он приобрёл несколько благопристойный вид и распространяется, как и другие танцы. Но бороться с этим бессмысленно. Мы же знаем, как старшие поколения вначале воспринимали твист, рок-н-ролл, шейк, буги-вуги и что из этого вышло. Значит, остаётся только направлять их в культурное русло, находить подготовленных руководителей. Без денег эту проблему решать трудно, почти невозможно. Молодые ребята ищут новые формы самовыражения в танце, порой подражают кумирам, таким как Майкл Джексон, или изобретают с помощью профессионалов новые танцы. Часто они пересекаются с акробатикой, множеством её форм. Примером может быть Ролл-данс (Role dance) или Экзотик пол данс (Exotic pole dance). Культурным явлением, и не только среди молодёжи, стал балет «Тодес», множество стилей и форм которого вихрем врывается в нашу жизнь на том уровне и культурной отечественной основе, о которой можно сказать, что это реальный шаг вперёд на поле современности. И молодые исполнители искренне и профессионально «зажигают» аудиторию.

Среди молодёжи много талантов. Одни сочиняют музыку и играют на музыкальных инструментах, другие пробуют себя в литературе, третьи пытаются исполнять серьёзные роли на самодеятельной сцене. Многие группы ребят оставались вне организованных властью форм, надёжных и профессионально обеспеченных. Парни и девушки жаждали свободы действий и реализации своих возможностей. Молодёжь тем и отличается от старших поколений, что её фантазия неизмеримо активнее и смелее, её энергия неисчерпаема, а стремление к достижению цели превосходит все материальные и бытовые проблемы. Тем не менее для самоорганизации нужны ресурсы. Такие ресурсы разумно было выделять не прямо заявителю, а через конкурсы проектов.

Пусть инициаторы, думала Елена Романовна, глубже осмыслят свои идеи, просчитают и спланируют действия, защитят их публично. Этим и занялась конкретно руководитель названного центра. Направление действий было выбрано правильно, оно реально могло принести пользу молодёжи. Опять же, этот пресловутый «дьявол». Он внимательно наблюдал и за Еленой Романовной, и за её покровителем. Был уверен, что такие люди обязательно попадут в его подслащённые сети. Он почему-то сомневался в качестве их духовного содержания. Сказал же один известный писатель такие слова: «Отравить жизнь добром — цель дьявола».

«Ямаха» на старте и шеф за окном

Город просыпался после тёплой ночи, ласкающей приятным ароматом распустившихся деревьев. Яркий солнечный шар на глазах прохожих поднимался над крышами домов, тополями, всё ярче освещая вершины сопок. Его лучи отражались мягкой зелёной свежестью на утренних молодых листьях деревьев.

Миловидная молодая женщина, можно сказать, ещё девушка, с привлекательными и совсем не худенькими формами, в кожаной облегающей куртке, шлеме с опущенным визором, обрезанными на пальцах кожаными перчатками и в мотоджинсах, лихо развернувшись на японском мотоцикле «Ямаха», остановилась на минуту, включила айфон с наушниками, прочертила коротким движением пальца вверх сенсорный экран, и в наушниках послышалась музыка и голос Бориса Гребенщикова:

Не трать время,
Милая, не трать время!
Солнечный свет на этих ветвях,
С нами ничего не случится;
Не трать время!

Владелица «Ямахи» энергично вписалась в небольшую колонну байкеров. Вы узнали нашу героиню? Конечно, это была она — Елена Романовна. Кто её провожал? Небольшая группа молодых ребят. Ранним утром напрасно ожидать праздных зевак. Здесь были местные экстремалы, они с завистью стреляли восторженными глазами на такую «крутую» технику. Никто не заметил, как над площадью, в широком окне третьего этажа административного здания, раздвинулись жалюзи, вернее, развернулись их полоски настолько, чтобы видеть отъезжающую группу. Только внимательный прохожий мог различить фигуру в окне, знакомую всем горожанам.

Вместе со всеми Елена Романовна взяла курс на запад. Мотоцикл, поблёскивая на солнце хромированными деталями, уверенно издавал приглушённый урчащий звук от двухцилиндрового двигателя. Какая сила подбросила на столь крутую орбиту заместителя директора городской библиотеки — руководителя ресурсного центра? Может, романтика дальних дорог, может, последняя мода на байкерский антураж или желание найти верного друга на свой зрелый период одинокой жизни? Она вам на это ничего не скажет. Нравится такой образ жизни, и всё тут! Машина, мотоцикл, частые туристические поездки и походы, восхождения на заснеженные и обледеневшие горные вершины в компании закоренелых альпинистов радовали её счастливым досугом. Работа не отягощала молодого директора ресурсного центра, а только дополняла эмоциональный и деловой характер реальным разнообразным содержанием.

Надо пояснить, что означает этот самый ресурсный центр, на который её поставил руководителем глава района. В оное время центрами именовались солидные по концентрации ресурсов и своей значимости организации, профессиональные и финансовые: например, «Космический центр», «Центр подготовки офицеров внешней разведки», «Центр подготовки космонавтов», «Центр подготовки олимпийских чемпионов» и другие. Но с девяносто первого года центрами стали называть сами себя всякие мелкие коммерческие структуры, организаторы сомнительных влиятельных групп, крупные и мелкие предприятия торговли. Последних наверняка оказалось больше всего. Почему было не назвать центром одного человека, у которого в голове поселилась идея объединить молодёжь и организовать реализацию проектов с их участием? А если ещё молодых людей собирать время от времени вместе и демонстрировать какие-то задумки или готовые результаты бурной деятельности, то это уже тянет на звание «форум». Нищета духа начинается с громких слов.

Не подумайте, что наша героиня была по-особому, как женщина, близка к своему начальнику. У нас таких мыслей не должно быть просто по определению, из уважения к прекрасному полу и тем немногим приличиям, которые сохранялись от прошлого времени. Хотя сам глава непроизвольно и не раз объяснял собеседникам, наталкивая на подозрения, будто держал в кармане горячий пирожок, что у них чисто «деловые отношения». Деловые, и точка! У нас тоже не любовный роман, а политическая форма художественного произведения, то есть — серьёзная книга. Шутки в сторону!

Она — подруга молодого главы, а может, и подруга его жены, а может, её знакомая по курсам кройки и шитья, бизнесу по раскрашиванию тканей или модному салону красоты в областном центре — и всё тут! Наверняка работали вместе где-то. Конечно, работали. Думайте что хотите, всё равно ваши мудрствования ничего нового не принесут. Такое вот мёртвое время, в прошлом копаться некогда и незачем. Да так ли это важно жителям главного районного городка, если она уже здесь и у неё есть крепкий спутник-проводник? Деловая дама, Елена Романовна, — не путайте с бизнесвумен, которые зарабатывают свои деньги в поте лица своего, со страхом за завтрашний день, — заметно отличалась от начальницы «культуры» интеллектом. Замечу, что почти все работники комитета по культуре и, конечно, городской библиотеки далеко превосходили Марию Ивановну Батягину в этом качестве. Все понимали, что именно Елена Романовна станет фактическим руководителем комитета, но будет действовать выборочно, там, где ей будет выгодно, не вдаваясь во всю рутину этой сложной и ответственной работы. Вполне закономерно, что у самостоятельного директора ресурсного центра, свободного от административного влияния, защищённого от всех коллег своим протеже, начала проявляться способность инициировать полезные дела, собирать команды единомышленников, увлекать их новой идеей. Слово «начала» — ещё не свидетельство того, что последует полный успех и признание и что она в итоге справится со своим предназначением. Такое начало подобно лёгкому восхождению на высокую вершину горного пика. Если ты опытный, знающий альпинист, то учтёшь все возможные обстоятельства и подстрахуешься даже от небольшого ночного обледенения или случайного снегопада. В жизни, как и в походе, может случиться всякое. «Чем чёрт не шутит», — мудрая поговорка. Вот и с нашей героиней, коли она, вопреки воле коллектива, его мнению и поддержке, решила брать собственные высоты в масштабах всего района, могли случиться разные неприятности. Всё ли она учла? Заручилась хотя бы моральной поддержкой самого опытного человека в коллективе? Или она доверилась только одному человеку, наделённому административной силой? Всё может хорошо сложиться, если тот самый мифический «чёрт» не «попутает». Мы ей этого совсем не

желаем. Чёрт или демон, сатана, Люцифер — всё равно, это одно и то же. Есть даже целые словари имён демона. Вспомним Мефистофеля в поэме «Фауст» Гёте или Демона в поэме Лермонтова, Воланда в «Мастере и Маргарите» Булгакова, равно и многих других в произведениях классиков литературы. Эти метафизические существа в них, как правило, похожие на человека в воображении писателей, умели опутывать свои жертвы ласковыми и умными словами с целью погубить душу своей жертвы. Если сатана, пробравшись в Эдем, сумел совратить Еву, то какая сложность сбить с верного пути молодую женщину, ищущую свой особый путь в жизни? Тем более в незнакомом городе, районе, где рядом был один человек: авторитетный, молодой, энергичный, с идеей покорить весь район, его столицу, сделать их обитателей счастливыми. Не сомневайтесь, то был истинный демон, который на крыле своих амбиций мог погубить душу нашей героини по классической схеме. Знаем же мы, что «благими намерениями дорога в ад выстлана». Для него, полного надежды и ослеплённого уверенностью в успехе дела, это было естественно и по всем правилам подобного жанра. Для жертвы — совсем нет. Разница между классическим демоном, знающим, что он и зачем делает, и реальным, из нашей текущей жизни, заключалась в том, что наш герой, с глубоким чувством собственного превосходства, не понимал, что творит. Здесь автор использует слово «творит» не в смысле окрыляющего творчества, а, напротив, в смысле разрушения. Не будем торопиться заглядывать вперёд. Надо убедить читателя, что финал подобных игр, особенно когда замешана женщина, зависит только от времени.

Он всё дежурит и наблюдает…

Елена Романовна так уверовала в силу своего начальника, что забыла о простых правилах работы в среде сотрудников. Кто успел так повлиять на её характер в прошлом и слепить в её лице неопределённую личность, которая, признаемся, переоценивала свои возможности и не умела правильно выстраивать отношения среди людей, от которых зависел её успех? А может быть, умение здесь ни при чём? Если за спиной стоит сильный человек, имеющий власть, и не надо какого-то умения. Может, этого достаточно для успешной работы на той площадке, которую сама же и придумала? Не совсем — сама. Помните, идею подал глава? Её задача — наполнять смыслом новацию и не обращать внимания на нытиков вокруг.

В библиотеке Елена Романовна формально числилась вторым лицом после директора. Но все важные вопросы напрямую решала с самым главным человеком в районе, как будто по родственному признаку. Было похоже на то, что она действительно второе лицо в районе — как бы теневое. Через неделю от начала своей деятельности Елена Романовна встретила в холле библиотеки заведующую отделом комплектации и спросила:

— Как дела?

— Да всё нормально! — ответила сотрудница.

Елена Романовна вдруг отвела её к ящичкам с тематическим каталогом и продолжила:

— Анастасия, слушай, а ты не хотела бы стать директором библиотеки? Смотрю на тебя, ты человек деловой, но скромный, подруг здесь не водишь, мы бы сработались. А?

Анастасия Николаевна недоумённо посмотрела на неё, смутилась и взмахнула обеими руками:

— Да что вы? Я с отделом-то едва справляюсь, да и двое детей, некогда будет ездить в командировки и на всякие совещания ходить. Спасибо, конечно, за доверие, извините, пожалуйста.

Самая главная опасность таилась в деньгах. Елена Романовна вначале не беспокоилась о включении расходов на нужды центра в план библиотеки, согласовании его с финансистами районной администрации и депутатами, а прямо заявляла директору, что ей надо перечислить определённую сумму на такие-то мероприятия. Для руководителя библиотеки это было неожиданно, так как финансовый план давно был свёрстан, и надо жертвовать утверждёнными мероприятиями. За ними стояли исполнители, заранее велась подготовка. Но не это больше всего пугало директора библиотеки как должностного лица. Любой финансовый инспектор мог задать вопрос: «А почему этого нет в плане, почему вы выделили незаконно деньги на такое-то мероприятие? Это нецелевое использование средств».

Всякий служащий, кто имеет дело с финансами, знает, что подобное нарушение приравнивается к присвоению бюджетных средств. Значит… значит, могут прийти стражи законов. Читателю, конечно, понятно, что полученными Еленой Романовной средствами надо было честно, по-хозяйски, распорядиться, быть справедливой в проведении конкурсов и распределении денег по самодеятельным коллективам. Но жизнь, вопреки здравому смыслу, разворачивалась совсем в другую сторону. Здесь-то уж наш непременный спутник — помните, я называл его дьяволом? — дежурит денно и нощно. Он никогда не спит и наблюдает, как должностное лицо нарушает всякую логику поведения, самоуверенно принимает решения. Видит, что его не покидает назойливое ощущение собственной власти, которое подталкивает жертву изнутри, будто пружина, и что у него только одна опора — на более сильную власть рядом. Криво ухмыляясь, наш воображаемый персонаж потирает косматые лапки. Что ему вот это телесное существо — несуществующему существу, воплощённому метафизически только в своём влиянии на души жертв? Душа! Её ни пощупать, ни увидеть.

Но она черпает энергию извне: положительную и отрицательную. От этого зависит процесс развития личности или её распада.

Мы хорошо знаем, как воспринимают назначенного сверху руководителя коллеги, особенно «сдвинутые» им на второй план, бывшие первые лица. В те строгие времена, то есть до девяносто первого года, партийные боссы и крупные хозяйственные руководители старались не показывать роли и влияния своих жён на служебные дела, тем более близких по общению женщин. Если не хватало ума и сил реально отдалять их от себя хотя бы для видимости, то всячески пытались, пряча глаза, объяснить своему окружению исключительную роль близкого человека. Последний генсек нарушил этот порядок, и сами видели, чем закончилось всё. Потом мэр столицы посчитал свою жену «самой умной женщиной в стране». Потерял должность. Но со временем всё «рассосалось». Наступили такие времена, что сама женщина стала на уровень с мужчиной, даже порой выше, если она успевала овладеть деньгами и властью. Сразу оговорюсь: деловая женщина или стремившаяся к тому. Откуда и какого она рода-племени — не важно. Может, бывшая соседка по парте, может, подруга моего друга. А бывает, и просто сослуживица делового мужчины, правильно понявшая, как распределять финансовые потоки, и умеющая хранить тайну. Так что женщина в наше время стала ещё большей загадкой не только для мужчин, но и для «компетентных органов».

Жизнь продолжается

Елена Романовна печатала на компьютере заявку на участие в очередном областном конкурсе, когда её работу прервал переливчатый сигнал смартфона. На сенсорном экране она увидела знакомое ей лицо Руслана Сергеевича. Он загадочно улыбался.

— Леночка, хеллоу (hellow)! Как ты там? Не замучили тебя «любимые» коллеги по библиотеке? Как настроение? При любом раскладе хочу добавить положительных эмоций. Догадываешься? О чём мечтала последнее время?

— Да много о чём. Говори скорее. Спешу отправить заявку на конкурс!

— Подношу с реверансом! Тебя направляем в столицу на курсы менеджмента в молодёжных самодеятельных организациях. Месяц потусуешься среди столичных профессоров и депутатов, да и коллег из других городов, наберёшься новых знаний, идей, будет чем просвещать твоих «ягнят».

— Ну, убил наповал! Спасибо!

Месяц пролетел как одна неделя: лекции, круглые столы, диспуты, реферат, музеи, театры, да и ресторан на выходе.

Лёгкой походкой с едва заметным морским пошатыванием она торопливо вошла в вестибюль библиотеки, на ходу лёгким поклоном поздоровалась с гардеробщицами и пробежала по лестничным ступенькам на второй этаж. Замечу, что с работницами скромного уголка, отгороженного узким парапетом, некоторые важные визитёры вообще не здоровались. Есть такие посетители «с улицы», которые ещё не дочитали нужных книг, особенно по этике.

Но один случай дежурным в раздевалке женщинам запомнился, думаю, до конца жизни. Как-то после обеда «влетела» в вестибюль знакомая уже читателю «начальница» комитета по делам культуры и молодёжной политики, уважаемая Мария Ивановна Батягина. Она спешила на совещание с директорами учреждений культуры, с ходу бросила свою куртку на стойку выдачи одежды и «вежливо» изрекла гардеробщице:

— Так, давай быстро! Я опаздываю!

— Да никто без вас, Мария Ивановна, не начнёт, не расстраивайтесь!

— Ты кто такая — мне указывать? Чучело!

Нелегко, наверное, было найти такого уникального руководителя «культуры» целого района. Да и в области найти проблема. Но — нашёл же глава где-то её, «по доброте души». Значит, надо подробнее остановиться на её ярком, незабываемом образе и «достижениях».

Начнём с того, что с первого дня работы Марии Ивановны руководителем комитета по делам культуры одна местная «всезнающая» газета сразу выдала информацию о её «никаком» образовании. Может, корреспонденту так показалось с первого взгляда. Такое бывает, если спешить и не проверять факты. Темпы жизни теперь другие, всё некогда! Справедливости ради заметим, что у Марии Ивановны был диплом, скорей всего, не купленный, а заработанный напряжённым умственным трудом в техническом университете. Хоть это и была заочная учёба, но тем трудней она достаётся студентам, загруженным по месту жительства работой. Не это важно, многие инженеры становятся на жизненном пути гуманитариями, работниками культуры, социальной сферы, артистами, писателями. Почему не стать и Марии Ивановне к тридцати годам активной жизни работником управления культуры, и не важно, с каким дипломом об образовании? Она неплохо знала людей, как мы уже убедились; постоянные поездки в Китай и Турцию, посещение множества магазинов и рынков, конечно же, обогатили её опыт. А прикосновение к зарубежной культуре? Не один «Гранд базар» привлекал её внимание. Только музей (собор) Святой Софии чего стоил! Отсюда и кругозор, знание десятка иностранных слов и географии. Сами видите, как уверенно и энергично она взялась за свою новую работу. Конечно, Мария Ивановна понимала, что её специальных знаний и опыта не хватает, чтобы убеждать подчинённых ей специалистов: педагогов музыкальной школы, режиссёров самодеятельных коллективов Дворца культуры, библиотекарей

и даже бухгалтеров централизованной бухгалтерии. Она по своим служебным обязанностям должна была обоснованно ставить задачи перед руководителями учреждений, грамотно подводить итоги работы за полугодие и год, корректировать их справки с компиляцией в текст общего отчёта. Наконец, она должна была владеть в меру этих обязанностей языком устной речи. Совсем не ораторскими приёмами и хитростями убеждений, но доступными всем, понятными и простыми словами. Может, это она понимала, и её тяготила мысль о своей слабой подготовке, она замечала усмешки на лицах подчинённых ей специалистов, слышала шепотки себе вслед, ещё эта «вредная» газета разрушала её спокойствие и уверенность. Может, потому её речь была напористой, атакующей, сокрушающей мнимые препятствия, без признаков красноречия и ощущения реакции слушателей. Для пущей убедительности, хотя и редко, Мария Ивановна применяла весомые русские выражения из мужского лексикона. Надо отдать ей должное, она извлекала подобные выражения из памяти о прошлом только в женском кругу. Мужчин она стеснялась убеждать подобным «красноречием» — потому, что боялась получить более квалифицированный изощрённый ответ.

«Железной рукой»

Было бы совсем несправедливо относиться к молодому главе района с долей сарказма, который всё же просматривается невольно на страницах нашего повествования. Будем объективны! Георгий Георгиевич Зарубнин с первого дня исполнения своих служебных обязанностей ревностно взялся наводить порядок в городе и посёлках. Как ни прискорбно вспоминать, два его предшественника многое упустили и, как говорят, «спустили район на тормозах». Кроме обычных проблем, с которыми сталкивались их предшественники, правительство создало новые, себе в угоду и как испытание для местной власти. Оно приняло закон о налогах, который сделал большинство регионов и, конечно, городов и районов дотационными. Теперь самым высоким руководителям на местах надо было обладать особыми качествами, чтобы доказывать высшей власти целесообразность затрат, их эффективность и своевременность. К тому же их обязывали подавать необходимые заявки на работы и материальное обеспечение через конкурсы. Без поддержки сверху и «понимания» деньги на развитие территорий получать стало во много раз труднее, чем прежде. Значит, и кадры подбирать стали по-новому. Читатель поймёт эту особенность, если будет внимательно смотреть на действия Георгия Георгиевича и оставит свой идеализм там, в до-девяностых годах.

Обильное цветочное оформление главного города, в лучшие годы насчитывающее до миллиона цветов разных сортов, зияло чёрными полосами земли без признаков жизни. Горожане вспоминали, как бригада женщин участка озеленения, сняв тёплые кофты в последние апрельские дни или в начале мая, обёртывали их вокруг талий, завязывали рукава на поясе и вскапывали чернозём на клумбах. Потом тем же составом высаживали рассаду по ранее разработанному плану, подбирая сорта цветов с их отличительным цветом в какую-либо композицию. Они гармонично вписывались в тему архитектурных форм и придавали общий живой и радостный фон всей городской застройке. За этим ревниво следил главный архитектор района. Осенью высаживали луковицы тюльпанов у здания администрации района, чтобы ранней весной они радовали горожан цветением. Это была широкая простая клумба с плотными рядами алых тюльпанов. Слева у бордюра на облицованном мрамором подиуме возвышался бронзовый монумент вождя. Справа и слева от здания вдоль улиц с наступлением стабильно тёплых дней высаживались длинными лентами рабатки. Маргаритки, бегония, виола и другие прекрасные создания природы пёстрым разноцветным ковром оживляли широкие тротуары и радовали глаза прохожих. Кто-то останавливался, внимательно всматривался в нежные лепестки и даже пытался прикоснуться к ним кончиком носа, вдохнуть ароматный воздух. Бригада участка озеленения ни на один день не останавливала работу, и город на глазах преображался. Появлялись новые цветочные и кустарниковые композиции, группы, расцветали миксбордеры, обустраивались альпинарии, оживали и обретали сказочные формы композиции из фигурок героев детских сказок. В середине июня мужские бригады озеленителей начинали стричь многочисленные живые изгороди, косить газоны.

Горожане ценили творческое оформление современных улиц и всегда с гордостью говорили гостям: «Здесь высажен миллион цветов!» Сейчас же, после десятка лет падения доходов в городской казне и безразличия некоторых главных руководителей города, всё стало приходить в запустение. Вдоль бордюров скапливались навалы плотного мусора, тополя перерастали и сбрасывали на дороги тяжёлые ветви во время порывистых ветров. Автобусы стали ходить с перебоями, знаменитый фонтан с бронзовой многофигурной композицией и двумя гранитными чашами, символизирующий мощь и красоту рек, потрескался, воду неоднократно перекрывали, пакеты от чипсов и окурки стали засорять ложе фонтана. Дети, те, которые не учились в местной художественной школе, глумились над произведением искусства знаменитого московского скульптора. Они разрисовывали цветными мелками и даже распылителями из баллончиков интимные места бронзовых фигур. Было за что браться с такой энергией, как у Георгия

Георгиевича. Он сутками находился на работе, появлялся неожиданно там, где его не ждали или нехотя выполняли его очередные поручения и приказы. Мы уже знаем о случае с сантехниками, не очистившими вовремя колодцы. Реакция на это, казалось, рядовое событие в городе была такой, что на следующий день о нём заговорили в магазинах и на автобусных остановках. Слесаря, как говорили в народе, немедленно уволили, а начальника службы понизили в должности. На очередной планёрке директор комбината благоустройства Евгения Озерова, опытная практичная женщина, дипломированный специалист, забыв о «скорой руке» главы района, начала по старой привычке объяснять Георгию Георгиевичу невозможность благоустроить в указанные им сроки автобусные остановки.

— На счетах комбината нет таких денег,— говорила она.— Жилищное управление вовремя не перечислило за работу, а кредитная линия уже закрыта.

— С директора жилищного управления мы уже спросили. Там новый руководитель. Но где вы сами были? Почему не требовали долг вовремя? В этом ваша прямая вина. Думаю, нам не о чем больше говорить, вы свободны.

Здесь автоматически повторился акт, подобный тому, как мы его описали в первой главе. Возмущённый рассуждениями, недопустимыми для его подчинённых, глава распорядился немедленно её уволить. Никто не попытался защитить женщину-руководителя. Её коллеги, опытные и решительные в масштабах своей организации, сидели молча, напряжённо вперив глаза в столешницы столиков, с каплями пота на шеях и бледными лицами. Жёсткий немигающий взгляд главы будто подталкивал её решительные шаги на выход. Мёртвая тишина провожала потерпевшую, которая гордо подняла голову и сильным ударом правой ноги с грохотом растворила дверь зала совещаний. Было раньше такое понятие: «открыть дверь ногой». Это условно значило войти в кабинет начальника по-свойски, без предварительного звонка или разрешения секретарши. Такие времена незаметно прошли. Но описанный прецедент говорит о том, что ногой можно открыть дверь в обратную сторону в случае возмущения и презрения к начальнику. Говорят, через пару месяцев, не сумев навести порядок в организации, глава справлялся о ней и сам хотел вернуть опальную руководительницу на прежнее место.

Между тем город стал медленно менять облик. Очищался, благоустраивался, понемногу оживал от недавней спячки. Главу все стали бояться, инициатива спряталась в головах умных руководителей. И в то же время внимательные люди замечали, что чиновники администрации, руководители муниципальных предприятий стали угодливо хвалить действия главы, его жёсткость оправдывали ленью и ошибками отдельных исполнителей. Аппаратные работники администрации замкнулись, исчезло понятие коллектива, и сотрудники, ранее дружные и внимательные друг к другу, стали сторониться друг друга и никаких оценок происходящему не давали. Каждый думал о своём рабочем месте и боялся его потерять. Только иногда с хитрой улыбкой вспоминали прежних двух глав, при которых начался спад деловой хозяйственной активности. Может — осуждая их, может — сожалея о прошедшем спокойном времени. Георгию Георгиевичу надо было победить, доказать, что он может сделать город и район ещё лучше прежнего. Но как с этим справиться одному, без грамотных и опытных руководителей, самостоятельных в своих действиях, творческих, волевых, харизматичных? Куда они все попрятались? Вместо них всё больше угодливых, расчётливых, боязливых и безынициативных исполнителей, особенно среди тех, кого он приглашал по старому знакомству. Время отсчитывало дни, недели, месяцы, торопилось перейти первые новогодние праздники, встретить три весны и совсем забыло, что главное должностное лицо района не успеет сделать всё, что задумал, не всё разложил по полочкам: первоочередное и второстепенное. Потому случались периоды неподконтрольной текучки, необязательных отвлечений и ошибок. Его душа горела, как и всякого деятельного человека, но в ней не находилось времени и желания остановиться, взвесить и оценить свои деяния, осмыслить реакцию населения, руководителей служб и даже своих заместителей.

Зачем? Всё работает так, как сказал! И зачем мне ещё чьё-то мнение? Для того чтобы терять драгоценное время и потакать капризам подчинённых? Руководители, например, главного предприятия должны понимать, что я на территории наделён самыми высокими полномочиями и кланяться по разному поводу, как мои предшественники, не намерен.

Может, так он думал, может, иначе, и продолжал активно руководить районом.

Будни

Георгий Георгиевич вошёл в вестибюль пятидесятиметрового плавательного бассейна. Старожилы помнили, как трудно досталось району это красивое здание. Несколько раз начинали строить и бросали из-за отсутствия средств. Но прежние «зубры» районной власти упорно стояли на своём, ездили специально в столицу, убеждали чиновников министерств всеми доступными средствами и «особым вниманием» — и победили. Быстротечное время оставило за бортом активной деятельности инициаторов проекта, первых исполнителей, и достройкой здания занимался

новый глава, которого поддерживал как своего покорного заместителя директор главного предприятия. О предшественниках он сразу забыл, что помогло торжественно, без помех и растаскивания «заслуженной» славы, провести торжественное открытие Дворца водного спорта с двумя бассейнами, сауной, тренажёрными залами, медицинским кабинетом и прекрасным современным оформлением интерьеров.

Добротное здание водного дворца блистало чистотой и радовало глаз посетителей продуманной по цвету и сочетанию мягких тонов раскраски стен. Одна из женщин продавала билеты в кассе, другая принимала гостей в раздевалке. Несколько работниц, закончивших уборку помещения, в голубых фирменных халатах и специально сшитых чепчиках с вышитой символикой, устало присели рядом на деревянную скамейку, окрашенную в приятный голубой цвет. Под потолком висел телевизор и излучал в уютное пространство «страхи» очередного заокеанского триллера. Женщины тихо посмеивались между собой, глядя урывками на экран:

— Застрелит или как? — предугадывали они финал фильма.

При появлении известного всем руководителя района технички вежливо наклонили головы и тихо поздоровались. Именитый гость, если можно его так назвать, сверкнул жёстким взглядом по короткому ряду «виртуозниц швабры» и решительным шагом направился в кабинет директора Дворца.

— Ты почему не занимаешься воспитанием своих подчинённых? — с ходу с язвительным напором в голосе заявил глава района. — Так думаешь и дальше принимать гостей? А если войдёт кто-нибудь из областной администрации или госкорпорации посмотреть на наш знаменитый бассейн? Ты ещё молодой руководитель, на первый раз я тебя прощаю, только вот персоналу оправдания нет. Там совсем не юные красотки, а опытные работницы, должны понимать, что они встречают главу района, а не бригадира сантехников. Ты понимаешь, что они должны были встать и приветствовать по имени и отчеству, стоять, пока я не пройду?

Глава района не махал руками, не сжимал в гневе кулаки, напротив, он ещё теснее прижал локти к серому пиджаку и сверлил взглядом молодого директора Дворца.

— Как ты с ними думаешь работать дальше? Тебе, наверное, надо помочь? Оформляй увольнение «по собственному желанию», всех, — тихо, но твёрдо заключил он.

Как видите, это было уже не новое явление в районе. Не впервые он увольнял работников. Если бы это можно было объяснить неисполнением производственных заданий или планов, тогда бы женщины поняли. Но чтобы просто так, походя, — такое выглядело особо унизительным для скромных работниц, когда они, после ухода Зарубнина, услышали о его решении от молодого директора. Женщины на мгновение ощутили себя рабами на плантации юга Америки. Не зря смотрели голливудские фильмы. Только уровень их сознания и воспитанности был выше руководителя. Потому они не обиделись, а только пожалели его. Знали: сколько верёвочке ни виться…

— Сам себя увольняет! Да мы и не оставим так, подадим в суд, напишем в газету, только не в нашу, а в ту, что он не признаёт.

Автору опять вспомнился Толстой с его мыслью о «чувстве, вследствие которого человек, совершая… безумные дела, как бы пробует свою личную власть, заявляя присутствие высшего, стоящего вне человеческих условий, суда над жизнью».

Вернёмся на минутку в кабинет директора.

Невысокий, на вид щуплый, а на самом деле тренированный спортсмен, молодой директор спортивного детско-юношеского клуба «Голубая волна» Николай Николаевич Пархоменко стоял, задумавшись, у своего кресла и пытался понять, что произошло. Совсем он был сбит с толку распоряжением главы. Такого не мог припомнить ни в своей жизни, ни общаясь с другими коллективами. По инициативе главы он всего два месяца до этого был назначен на должность директора, освободившись от обязанностей тренера по лыжным гонкам в другом районном клубе. Многие спортивные активисты недоумевали: почему лыжника ставят руководить развитием водных видов спорта? Но они ещё не знали, что это была промежуточная должность по замыслу главы. Главная будет впереди. Через месяц его назначат председателем районного спорткомитета, сняв с должности опытного, честного и уважаемого в спортивном сообществе чемпиона по биатлону. Последние пять лет районная спортивная организация занимала первые места в области по результатам всего комплекса спортивной работы, получала кубки и грамоты, благодарственные письма за подписью самого губернатора. Председатель спорткомитета также получал лестные отзывы о работе и личные награды. То, что случилось, понять никто не мог, а только встречные сотрудники и знакомые по работе люди сочувствовали и быстро проходили мимо, опуская глаза. Немногие, самые опытные, спортивные руководители начали связывать предшествующие события и факты в один узел. Поиск вывел их к областным фигурам. Заглянем за кулисы последних событий.

В кабинете главы зазвонил сотовый телефон, на дисплее обозначилась фамилия одного из министров областного правительства Андрея Сергеевича Стрелкова.

— Георгий Георгиевич, добрый день! Как у вас погода? Видимо, дожди так же заливают ваш район,

как и наш город, но вы, я слышал, уже подготовились к зиме, на станцию завезли хороший резерв угля, отчитались по урожаю, да и спортсмены ваши опять отличились, стали первыми в областном смотре спортивной работы.

— Спасибо, Андрей Сергеевич, стараемся! Наша команда руководителей муниципальных предприятий и организаций крепко взяла в свои руки хозяйство, навели полный порядок после развала прежней администрации, мои кадры надёжно и перспективно начали решать проблемы района, приезжайте, посмотрите.

— Я не сомневаюсь, правительство области относится к вам с большим уважением, считает район локомотивом развития области.

— Ещё раз спасибо, Андрей Сергеевич! У вас наверняка есть ко мне вопрос?

— Да! Знаете, мы здесь пересматриваем бюджет, появились кое-какие резервы, есть желание добавить вам на спорт хорошую сумму. Но не в целом на деятельность, а на строительство нового тренировочного корпуса на территории вашей спортивной школы, той, что отремонтировали в прошлом году. Мы предлагаем этот объект сделать областной спортивной школой-интернатом. Пусть ребята со всех районов поучатся у ваших спортивному мастерству.

— Будем рады, это превратит школу в настоящий спортивный центр областного значения. Мы сможем создать в ней все удобства для обучения и проживания ребят.

— Только сразу замечу, что могут возникнуть проблемы с вашим председателем спорткомитета. Неопытный кадр в таких делах, как я заметил. Всё ему не так да не эдак. Постоянно тормозил ремонт, придирался к сметам, пока мы не послали своего человека разобраться и поставить всё на место. Посмотрите по нему, если нужны деньги.

— Конечно! Деньги всегда нужны, потом оговорим детали. А с председателем разберёмся.

— Вас понял. Напишите письмо в адрес правительства с просьбой администрации района увеличить финансирование на объект. А пока — до свидания, Георгий Георгиевич.

Глава подержал задумчиво минуту замолчавший телефон в руке, потом медленно положил его на стол и внимательно посмотрел на известный читателю портрет губернатора.

«Турецкая» банька

Спортивная эпопея главы района на этом не закончилась. В городе Приреченске много лет работал тренером по футболу мастер спорта Антон Николаевич Быстров. Каждый год он привлекал в юношескую команду ребят с нестандартным поведением. Они, как правило, не раз вызывались на комиссию по делам несовершеннолетних, имели по несколько взысканий, а кому-то уже грозила колония. Антон Николаевич был членом районной комиссии и внимательно приглядывался к подросткам. Он видел, что в семьях таких ребят у родителей не хватает времени заниматься воспитанием своего ребёнка. Причиной в основном было их увлечение «зелёным змием». Такие родители грубили сыну или дочери, не стеснялись применять в порыве гнева ненормативную лексику, а порой и силу. Подростки восставали против этого и начинали вести свой, независимый от родителей, образ жизни. Главной школой становилась улица, а учителями — сомнительные старшие «друзья». Антон Николаевич звал таких «сорванцов» посмотреть игру в футбол на стадионе, вёл с ними доверительную беседу и приглашал на тренировки подростковой команды. Здесь было на что тратить свой пыл и неуёмную энергию. К тому же состязательность и пример известных футболистов быстро увлекал их, и дети становились спортсменами. Тренер подготовил не одно поколение ребят и напутствовал их в самостоятельную жизнь. Футбол оставался их увлечением, а некоторые попадали в сборные команды района и даже области.

В каждом спортивном комплексе Приреченска тренеры со своими питомцами сделали по одной или даже по две сауны. Их посещение для спортсменов было обязательным. И старшие приходили вместе с ребятами. Сауна здесь больше напоминала баню, так как спортсмены иногда парились с помощью берёзовых веников и обязательно мылись после тренировок. Антон Николаевич за долгое время «парений» хорошо освоил технику подготовки веников, правильного их использования, знал допустимые температуры, мог сделать массаж. В целом получались оздоровительные процедуры, необходимые после активных тренировок. Этому он учил и ребят. Праздник бани описан во многих книгах и показан в сотнях роликов. Каждый опытный банщик имеет свою особенность вести лечебно-оздоровительный процесс. Кое-что они держат в секрете. Некоторые приёмы парения применяют только в присутствии взрослых, чтобы не навредить здоровью детей.

Таким приёмом была так называемая ими «турецкая» баня. Кто посещал бани в Турции, которые называют «хамам», поймут, что ничего общего с настоящей турецкой баней она не имела, но само обозначение экстремального процесса этим названием придавало ему якобы классический, испытанный веками вид. И служило только реальным прикрытием экстремальных процедур. На втором или третьем заходе в парилку участников процесса на раскалённые камни сбрасывался целый ковш холодной воды, и каждый из участников, собравшись в комок, терпел жуткую температуру. Она немного не дотягивала до того уровня, чтобы спустить кожу с тела и развесить её на перилах парной. Конечно, то был сомнительный с точки

зрения врачей приём, но взрослым нравился. Они, конечно, рисковали своим здоровьем. Ребята о «турецкой» бане и не подозревали.

Как-то в воскресный день Антон Николаевич один пришёл в баню спорткомплекса и сквозь густой пар едва различил на полках Георгия Георгиевича и его помощника, а теперь уже и заместителя главы администрации района, Руслана Сергеевича.

— А, заходите, заходите, мы-то вас и ждали. Говорят, вы завсегдатай этой парной, да ещё и большой мастер. Вот покажите нам мастер-класс.

Антона Николаевича немного смутил такой вальяжный тон руководителей района. Он едва был знаком с ними, и то — издалека: по совещаниям и собраниям. Заранее его никто не предупредил о встрече.

— Ну что вы, я здесь по необходимости, работа такая, надо следить за здоровьем моих подопечных футболистов. Сегодня просто выбился из графика, еду в командировку, решил перед дорогой зайти сюда.

— Нет уж, мы приглашаем вас теперь постоянно быть с нами здесь, покажете, как «по-научному» париться…

Антон Николаевич был крепким, волевым человеком, незаметно исполнял свой кодекс чести, отличался культурой поведения, вёл независимый образ жизни. Начальников признавал, если они соблюдали такие же правила жизни. Но здесь он почувствовал их верховенство, вторжение в его натуру. Тренер ответил:

— Да, я вам покажу сейчас, как мы здесь проводим свои процедуры, о вениках тоже расскажу. Это целое искусство, но об этом много уже написано.

Он привычным движением взял в руки свой берёзовый веник, подхватил щупленький веник гостей и под напором заполнил деревянную кадушку горячей водой почти доверху. Через какое-то время, посидев на полке́, взял веники, встряхнул, понюхал с приятным выражением лица, показал знатным гостям, какие они стали мягкие и пушистые, и поднялся наверх. Хлестал спины чиновников со знанием дела, старался не переусердствовать, спрашивал:

— Как самочувствие? Не поддать ли пару?

Руслан Сергеевич в ответ поработал обоими веничками на спине и груди Антона Николаевича. Горячие процедуры на этом не закончились. Все трое быстро обмылись под душем и выбежали в бассейн. Здесь был прохладный полумрак, стояла тишина, и только эхо от голосов пришедших разбудил дремоту высокого зала. Через полчаса должна появиться группа здоровья. Не задерживаясь, наши «спортсмены» сделали дружно глубокий нырок, разными стилями преодолели двухсотметровую дистанцию и возвратились в парную согреться.

Через полчаса они вышли в комнату отдыха: горячие, распалённые и пахнущие берёзовыми листьями. Все трое слегка обтёрлись широкими полотенцами и обвязали их вокруг бёдер. Помощник главы быстро раскрыл спортивную сумку и вынул из неё две бутылки пива и бутылку армянского коньяка. Достал из небольшого шкафа тарелочки, три небольших рюмочки и поставил на стол. Начал доставать бутерброды и лимон.

— Ну, что, друзья, за знакомство и отличный урок, — произнёс сдержанно Георгий Георгиевич.

Все трое чокнулись верхними краями рюмок, и… Антон Николаевич поставил не выпитую рюмку на стол:

— Извините, я за рулём!

— Мы тоже за рулём, ГИБДД не бойтесь, свои ребята, не остановят, — сказал Руслан Сергеевич.

— Нет, извините, я не пью вообще, — повторил свой отказ Антон Николаевич.

— Ну, это ничего, а в баню по выходным приглашаем с нами, — сказал слегка удивлённо Георгий Георгиевич.

— Спасибо, вряд ли получится, я моюсь с ребятами по будним дням, а выходной, как всегда, занят. Спасибо за приглашение!

— Нет, я не понял: ты отказываешься париться с главой района? — возмущённо произнёс «верный помощник». — Для меня это было бы большой честью, — многозначительно заключил он.

— Признаю, что честь — это решающее обстоятельство, поэтому извиняюсь ещё раз, я не смогу парить вам спины, — Антон Николаевич встал, обтёрся большим полотенцем, оделся и направился к выходу.

Начальствующие лица с презрением смотрели ему вслед.

— До свидания! — услышали они в завершение роковой для тренера встречи.

На следующий день глава в первые же минуты рабочего дня вызвал в кабинет председателя спорткомитета, знакомого читателю, Николая Николаевича Пархоменко:

— Ну-ка расскажи мне подробнее, кто такой этот тренер по футболу Антон Николаевич? Что он из себя представляет?

— Он давно работает, ребята его любят, подготовил много спортсменов первого разряда и трёх мастеров спорта. Правда, директор спортивной школы говорит, что у него характер не похож на других. То ли гордый, то ли слишком умный, но всегда говорит то, что думает. А так — нормальный тренер.

— Да, я убедился в его дурном характере, таких тренеров не надо держать здесь. Найди ему работу полегче. Понял меня? Я проверю, как ты понял.

Через пару недель, под предлогом сокращения финансирования школы, Антону Николаевичу предложили работу с оплатой почти вдвое меньше, чем он имел. На отказ перейти на пониженную ставку ему заявили:

— Бери дополнительно ещё две группы, будешь получать больше!

Быстров отказался. Его нагрузка и так была на пределе. Через несколько дней ему позвонили из небольшого уральского города и предложили работу на ставку гораздо бóльшую при той же нагрузке, чем получал в последний год работы. Ребята плакали, когда провожали Антона Николаевича на вокзале…

На этом история с тренером не закончилась. Возмущённые родители написали письмо в муниципальную газету с требованием вернуть Быстрова на прежнюю работу и оставить ему заслуженную зарплату. Редактор запретил публиковать обращение родителей. Тогда одна из молодых корреспондентов, не успевшая «опалить крылья» в газетных баталиях, вспомнила, чему её учили в университете на журфаке, провела собственное расследование инцидента. Опросила коллег Антона Николаевича, ребят-футболистов, родителей. Зашла и к директору спортивной школы. Тот уклончиво отвечал, что у всех бывают ошибки, не надо зазнаваться, надо держаться коллектива… Она убедилась в неправоте директора школы и написала статью в другую, не зависимую от местной власти, газету. Её вызвал через секретаря директор муниципальной телерадиокомпании и спросил:

— Ты где работаешь, дорогая? Может, сразу тратишь силы на две газеты и получаешь двойную зарплату? Потихоньку предаём свой коллектив, да? Ты же понимаешь, что ни одна газета «таких» и минуты держать не будет. И я не могу отступиться от святого правила журналиста. Вот тебе бумага и ручка, пиши заявление «по соглашению сторон».

Она написала это «добровольное» заявление и заявила в другой газете:

— Все очень боятся администрацию. Так повелось. И не дай Бог где-то сказать лишнее. Работать там, где нельзя говорить правду, мне тяжело.

Вникай, друг!

Служебная «Волга» прошла половину пути от областного центра до Приреченска. По обеим сторонам поднимались густые высокие хлеба. Было заметно, как зелень стеблей и колосьев начинала переходить в жёлтый цвет, золотиться и готовиться к своей зрелости. Сергей Михайлович, ветеран автохозяйства, вёл машину через родные в прошлом поля и безошибочно определял сорта пшеницы, вероятный к осени урожай.

— Игорь Владимирович, — обратился он к своему пассажиру, главному архитектору района, — посмотрите, пожалуйста, это новый сорт яровой пшеницы, называется «Свирель». В прошлом году она дала более высокий урожай, чем знаменитый сорт «Омская-19». В хозяйстве работает мой брат агрономом, говорит, что специалисты постоянно обновляют посевной материал. Так что неслучайно здесь собирают с каждым годом более высокий урожай.

Проехали протяжённые лесополосы, за ними вновь открылись просторы полей. Они не радовали глаз. Здесь вместе с зерновыми культурами всюду виднелись сорняки, полёгшие от ветра слабые участки посевов, похожие на плешины. В отдельных местах, захватив широкие площади, на посевы наступал нестройными рядами мелкий берёзовый подрост. Налицо просматривалось закономерное явление, которое проявляет себя, когда в жизни страны происходят радикальные перемены. Такие плотные и молодые древесные посевы белоствольных деревьев посреди бывшего пахотного поля возможны только с разрушением крепких сельских хозяйств, когда нет уже сил и средств, чтобы обрабатывать ранее плодоносные поля, и нет тех работящих и знающих своё дело крестьян, которые умели сеять хлеба и убирать урожай. Засорённые, погибающие пашни насеивались семенами берёзы, захватывая всё новые площади.

Сергей Михайлович достал платок и обтёр им повлажневший лоб, издав странный гортанный звук. Видно было, как его пальцы сжались на кожаной баранке. Он слегка пригнулся. Так непроизвольно делают водители, когда на пути встречается препятствие или грозит опасное поведение встречных машин. Сергей Михайлович был опытный профессионал, много лет обслуживал заместителей глав администрации и начальников отделов. В любой ситуации он всегда чувствовал себя уверенно и никогда не подавал вида своим пассажирам, что его что-то волнует. Сейчас был особенный случай. На его глазах умирал труд его отца, его товарищей по работе, рушилась коренная надежда семьи не только на процветание хозяйства, но и на нормальную жизнь тех, кто здесь ещё держался. Он откинулся на спинку сиденья, включил приёмник и отрегулировал звук до приятного для слуха пассажира уровня. Передавали в записи Первый концерт Чайковского для фортепьяно с оркестром. Его часто можно было услышать и в дороге, и дома. Классическая музыка отвечала внутреннему настрою людей разных поколений — и молодых, и в возрасте. Было в ней что-то от русской души, и бунтующей, и ласкающей, и любящей, и отторгающей. В поведении пассажира водитель чувствовал интеллигентную основу и привязанность к искусству — редкое для аппаратных работников качество, которое вызывало у одних усмешку, у других молчаливое одобрение. Вдруг раздался прерывистый, с низким звуком, звонок сотового телефона Игоря Владимировича.

— Слушаю, Георгий Георгиевич!

Он не ошибся, звонил глава района.

— Ты где?

— На полпути от областного центра.

— Тебе удалось согласовать проект Дворца спорта в «Архитектурном контроле»?

— До конца мы не смогли всё решить. Начальника организации Владислава Игнатьевича срочно вызвал губернатор, он уехал и поручил обсудить все вопросы со своим замом, Виталием Павловичем. Тот не стал вникать в проблему и перенёс на неделю подписание заключительного акта.

— Ты что, не мог убедить его сделать это сегодня? Приедешь…

Разговор прервался, глава отключил свой телефон на полуслове. Игорь Владимирович в недоумении всё ещё держал трубку в правой руке и когда понял, что глава сам прервал разговор, возмущённо воскликнул:

— Разве так можно? Теперь думай, что он хотел мне сказать. Но вижу, что глава недоволен моей поездкой.

На следующий день Георгий Георгиевич вызвал Игоря Владимировича в первые минуты рабочего дня и на повышенных тонах начал выговаривать:

— Ты что, не знаешь, как разговаривать со своим руководителем по телефону?

— Простите, но я не понимаю, в чём провинился, — ответил начальник отдела.

— Не понимаешь? Ты должен был остановить машину, выйти из неё и обстоятельно мне доложить.

— Но я не был за рулём, машину вёл наш водитель, да и слышимость была хорошая.

Не обратив внимания на последние слова чиновника, глава сделал ещё несколько назидательных фраз и велел ему идти к себе.

Игорь Владимирович не слышал, что сказал в заключение его руководитель, в душе закипело, голова закружилась, он, стоя, положил руки ладонями на спинку стула, крепко её сжал, чтобы немного сосредоточиться. Это была ошибка молодого специалиста. Держись прямо, свободно, если начальник «наезжает». Покажи свою твёрдость характера, смотри ему прямо в глаза. Всему учатся, особенно если учит жизнь. Главное — захотеть извлекать уроки и учиться, даже если перед тобой диктатор, самодур, псих. Здесь была особая школа. Начальник отдела учился у своего начальника. Впитывал стиль и методы «твёрдого» руководства. В этом воспитании не было одного важного примера. Ни самый высокий начальник, ни его подчинённый, меньший начальник, никогда не учились и не воспитывались благородству. Не было такой школы и у родителей, особенно не могло быть у детей, которые в самые активные годы учёбы и воспитания жили в условиях ломки, отрицания, опошления отечественной истории, культуры и менталитета своего народа. Страна падала в пропасть, и каждый стремился ухватиться хоть за соломинку. Это падение происходило в умах и в душах. Учителями и воспитателями были чаще случайные люди, зомбированные чуждыми ценностями жизни. Игорь Владимирович внешне выглядел интеллигентно. Слаженная фигура, новый модный костюм подчёркивали его молодость и аккуратность, он отличался рассудительностью, речь его была тиха и продумана. Чем не руководитель важного отдела? Может, это только ширма?

За внимание надо платить. Не зря же шеф выбрал из многих опытных и зрелых специалистов молодого выпускника областного вуза. Назначил хорошую зарплату, посадил в тёплый кабинет и ему одному поручает обдумывать важные проекты, прислушивается негласно, когда его предложения выходят за рамки разумного. Глава шёл навстречу таким идеям сознательно, потому что хотел выглядеть и в районе, и в глазах областного руководства «продвинутым», современным и перспективным «отцом территории». Перед этим он говорил депутатам:

— Вы думаете, нам дадут деньги на какие-то наши проблемы, зашивать дыры? Это сугубо наше дело. Нужны новые идеи, нужно менять облик города по новым стандартам!

Каким стандартам, он не говорил. Но могла же у кого-то появиться творческая мысль, нестандартная?

Через несколько секунд Игорь Владимирович вышел из кабинета. Сел за свой рабочий стол и задумался. Работа не шла. Зазвонил телефон. Игорь Владимирович посмотрел на него безучастно и не стал отвечать. Через несколько минут в кабинете вновь раздался звонок. Молодой начальник отдела подошёл к маленькому столику, на котором стоял чайный сервиз, и налил кружку цейлонского чая. Дверь открылась, и его сотрудница, ведущий специалист, сказала:

— Игорь Владимирович, звонит Алексей Васильевич Громов, он недавно писал вам письмо по поводу установки памятного знака на комсомольской аллее. Вы помните, он ещё прилагал эскизы? Говорит, звонил вам два раза и подумал, что вы вышли из кабинета. Он просил перезвонить ему.

— Я занят и никому звонить не намерен.

Крути баранку…

Те водители, которых временно оставил поработать глава района, с первой встречи отнеслись к нему критически. Не было ещё в районе такого примера, чтобы новый руководитель одновременно заменил почти всех водителей, обслуживающих руководство администрации. Остались, да и то ненадолго, два человека допенсионного возраста. В мыслях эти многоопытные мужи жили воспоминаниями о былых временах. Раньше руководители всегда садились на переднее сиденье. Велись простые житейские разговоры.

«Рулевые» стеснялись обращаться к знатному соседу напрямую с какими-то своими проблемами, больше говорили о рыбалке, охоте, грибах. Радовались за своих детей — школьников, спортсменов. Иногда выполняли мелкие поручения, связанные с семьями пассажира или личными бытовыми вопросами. Это не напрягало водителей, они охотно выполняли пожелания своих шефов. Порой и сами обращались за помощью. Все понимали и уважали друг друга. Георгий Георгиевич решил сразу указать место каждого, показать разницу в положении. Так поступили и близкие ему подчинённые. Глава садился всегда на заднее сиденье, по обычаю больших руководителей области или государства. Никого не брал в машину с собой. Молчал или разговаривал по телефону. На совещания в областной центр все спутники должны были ехать в своих закреплённых автомобилях и строго следом. Если он задерживался на час-два в каких-то кабинетах или на закрытом совещании, то его спутники должны были ждать в своих машинах, пока он не вернётся и не возглавит кортеж.

Одна из участниц такого «важного» процесса рассказала подругам о своих тревогах в подобной ситуации. Повторим с их слов, как это выглядело.

Валерия Ивановна нервно ходила вокруг чёрной «Волги» ГАЗ-24. Мороз крепчал. Шли первые дни декабря, падал редкий, искрящийся под мягким светом уличных фонарей снег. Серая глыба главного здания региона с массивными, сложенными из тёсаного камня пилястрами напоминала вход в пещеру Циклопа. Такое впечатление осталось в памяти спутниц, значит, сравнение было в их сознании близко к истине. В роли Циклопа был разросшийся непомерно аппарат губернатора области, который часто менялся вместе со своим главой. Синхронно этому явлению сменялись быстро, один за другим, главы регионов. При них была проглочена львиная доля успешно работающих предприятий, гигантов индустрии, а вместе с тем и сами источники бюджета. Но спросить за это было не с кого. Губернаторы получали более высокие должности в столице или исчезали бесследно навсегда.

Яркие плафоны уличного освещения давно звали женщину и её коллег домой. Она мечтала поскорее принять горячий душ и, завернувшись в тёплый халат, упасть на диван. Валерия Ивановна беспокоились о детях и муже, как бы они не остались голодными. Она постучала в форточку машины:

— Зин, выходи. Тебе не надоело сидеть? Давай сбегаем в киоск, может, что куснуть найдём.

— Ой, Валерия Ивановна, а вдруг шеф вернётся, а нас не будет? Ты понимаешь, что нам грозит? Лучше давай послушаем музыку, у Владимира (водителя) есть флешка с записью хороших ансамблей.

Много чего испытали, увидели и услышали опытные водители администрации района за время своей работы. Начнём изучать их со времени появления новых начальников, то есть «пассажиров». Используя слово «пассажир», автор явно смягчает роль такового, искажает истину. На самом деле наш герой был жёстким, властолюбивым начальником, самим по себе центром Вселенной. Приход таких руководителей можно сравнить с цунами или землетрясением. Это явление стало проявляться совсем недавно, с ростом имущественного и социального неравенства. Оно больно отражалось на чувствах и настроении подчинённых. После недавнего фактического «равенства и братства» простые люди вдруг оказались за невидимой чертой.

Пример главы отразился на некоторых подчинённых ему чиновниках. Они так же садились на заднее сиденье, хранили мёртвое молчание, порой прерывая его резкими указаниями: «Так, гони быстро к проходной завода!» Или: «Подъедешь к моему дому, заберёшь сына и отвезёшь в школу. Ровно в двенадцать быть у подъезда администрации. Понял?» Воспитанные в той «совковой» среде, с таким упредительным и вежливым отношением к рабочему классу, водители «закипали» внутри, готовы были выбросить такого начальника из машины, но понимали, что работы нигде не найдут и до пенсии жить будет не на что. Крепче сжимали баранку и делали что прикажут.

Водители официальных лиц должны обладать особыми профессиональными качествами: блюсти скромность, выдержку, не надоедать своему важному пассажиру разговорами или случайной музыкой. На этот счёт у начальника автотранспортного предприятия есть специальная инструкция или наставления. Как встречать начальника, когда открывать дверь, как мыть и готовить машину к очередной поездке, как и где ожидать своего «пассажира», что можно и чего нельзя просить у него или спрашивать. Главное — тайна маршрута, если он пожелает отклониться от обозначенного в путевом листе. Другое табу на информацию: с кем общался, кому что говорил. Тем более если это была женщина. Последнее правило не было прописано в наставлении, его, между прочим, добавлял при случае сам постоянный «хозяин». Отклонения от маршрута случались, особенно когда какой-нибудь глава (не подумайте, что именно Георгий Георгиевич) возвращался из областного центра, да ещё после «подведения итогов» в какой-то компании. Иногда он приказывал притормозить где-нибудь на окраине соседнего районного центра, встречался с главой того района по предварительному звонку, что-то оживлённо и со смехом обсуждал в сторонке от водителей, а потом говорил своему: «Ты езжай, скажешь дома, что задержался в администрации области, завтра

приезжай до обеда сюда». Здесь его ждала бойкая молодая солистка народного ансамбля, которую уже упредил по телефону местный коллега.

Тем не менее у водителей бывает и своё братство, понимание друг друга и негласная поддержка. Правда, не всегда и не со всеми. Она особо проявляется, если начальники начинают «чудить», то есть отклоняться от нормального порядочного поведения. Может быть, знатные пассажиры недооценивают человеческие достоинства технических работников? У них своё представление о людях, особенно руководителях. Их зоркий глаз, не испорченный политической борьбой, потоками финансов, красивыми секретаршами, видит всё просто и ясно. Их критерии более нравственны, по-житейски мудрые. Они ценят своё рабочее место, свою семью, работу, стараются быть выдержанными и нейтральными в отношениях. Но готовы оказать неслужебную услугу шефу или его семье, если тот попросит.

Всё красное убрать!

Шла активная подготовка к празднику города. Коммунальные службы формовали газонные кусты, подкрашивали вазоны и цоколи зданий, вывешивали вымпелы, устанавливали красочное панно с видом города и счастливыми горожанами. Электрики меняли на уличных опорах перегоревшие лампы. Моечные машины, натужно гудя, поливали и мыли асфальт. Так было уже много лет, и привыкшие к такому действу горожане гадали: что же новенького придумает местная власть в этом году?

И «власть» старалась, поднимала на ноги все службы, утверждала программы и текущие планы, раздавала задания, строго проверяла исполнение. Радио и телевидение, вместе с муниципальной газетой, «накачивали» сознание людей пониманием важности всех решений и достижений администрации. Особо, заметно подчёркнуто, обозначали ведущую роль главы района, печатали по три-пять его фотографий в одном номере газеты, писали репортажи о его участии в наиболее важных мероприятиях в районе. Газета сообщала, что главой был основан общественный фонд с целью привлечения внебюджетных средств для решения важных вопросов оформления праздника и воплощения в жизнь новых идей. Дизайнер из числа родственников его команды внимательно изучил творческое наследие бывших архитекторов и художников, создал современный лейбл района с графическим изображением юноши, устремившего энергичный взгляд в «будущее». Люди бывалые сразу увидели в нём обобщённый образ комсомольца-первостроителя, украшавшего въезд в главный город района. Было очевидно, что городская среда, её исторический дух, образ молодых созидателей непроизвольно воплотился в замысле привлечённого художника, не подверженного идеологическому влиянию новоявленных представителей современной муниципальной власти. Получился сакральный знак эпохи. Не строгий значимый герб, а живой, одухотворённый образ недавнего прошлого. Но он совсем не соответствовал духу и ожиданиям сегодняшнего дня не только местного населения, но и всей страны, опошляемой и отравляющей души людей навязанной извне мысли о наживе, доходах, материальном благополучии, исключительности богатых и успешных на фоне тех, кто каждый день создаёт свою долю общего богатства.

В это пригожее утро за неделю до торжеств на центральную площадь вышел из кабинета молодой, энергичный и решительный заместитель главы администрации района. Он был одет в чёрный, свободного покроя, костюм с ярким, в красную полосочку, галстуке, на ногах красовались лакированные туфли. Похоже, что праздник у него наступил задолго до этого дня. К нему тут же подошли два руководителя городских служб и с приветствием заметили:

— Вот, Руслан Сергеевич, заканчиваем подготовку города к празднику, ещё немного подправим цветочные клумбы — и можно приглашать комиссию.

Руслан Сергеевич исподлобья осматривался вокруг, не реагируя на слова встречавших его бригадира и начальника участка. Он остановил свой взгляд на верхушках фонарных опор и начал рассматривать треугольные вымпелы. Повернувшись вполоборота к начальнику участка, строго заметил:

— Это ещё что? Кто додумался вывесить вымпелы с красными уголками? А-а?

— Да мы их каждый год здесь крепили, никто нам не делал замечания, — упавшим голосом заметил начальник.

— Потому и не делали, что не соображали. Та администрация, наверное, жила ещё при социализме. Заменить немедленно! Повесьте просто цветные флажки без красного цвета. Поняли? И чтобы я больше не видел красных флагов, вымпелов и прочей советской символики!

На площади незаметно появился начальник коммунально-бытового управления Павел Николаевич Поддубный. Он слышал последние указания заместителя главы. Павел Николаевич не был таким простым и покладистым, как казался. Один только внешний вид широкоплечего коренастого хозяйственника внушал почтение. Он видел «насквозь» новоявленного помощника главы. Ловил каждое его слово не для того, чтобы кивнуть и согласиться, а критически оценить его действия. Конечно, не выдавая своих мыслей и эмоций. Ещё не время. Он знал по собственному опыту, что скоро придёт момент настоящей, открытой оценки. Таких людей

во власти, пусть даже высоких по должности, он называл «помощниками», «секретарями» главы. Павел Николаевич имел в виду особую категорию чиновников. Получив в подарок должность вначале настоящего помощника или секретаря, потом, через короткое время, заведующего отделом, ещё быстрее — заместителя главы администрации, такие чиновники взлетали в мыслях и действиях, словно осветительная ракета в плотную темноту ночного города. Им казалось, что они источник света и мудрости для тёмного и зависимого народа. Вспомним Ивана, нашего героя. Он же читал умные книги и знал, что подобные типажи живут и, словно черви, делают ходы в земле, простите, в жизни, в нужном направлении с давних-давних, даже древних времён. Но мы не будем ходить совсем далеко, полистаем вместе с Иваном книжки Гоголя. Известно, что Николай Васильевич в последние годы жизни много размышлял о своём творчестве и видении будущего. Он мечтал даже поступить на службу в какое-нибудь учреждение чиновником и подпитывать свой опыт, наблюдая их обычное кабинетное существование, чтобы правдивее и точнее отобразить жизнь этих «героев» в своих творениях. Гоголь стремился к божественной чистоте слога и чистоте правды. Писатель считал, что всё, что сделал до этого, — пройденный этап и не стоит внимания. Но Николай Васильевич заблуждался. Он уже настолько познал ту, служебную, сторону жизни, так глубоко проник в психологию прототипов, которых художественно отразил в своих произведениях, что они ещё не одно столетие будут образцом неистребимого воинства бюрократов высокого о себе мнения, но самого низкого достоинства. Говорил же Гоголь, что там, где секретарь заведён только в качестве писца, там он хочет сыграть роль посредника между начальником и подчинённым. Где же он постановлен действительно как нужный посредник между начальником и подчинённым, там он начинает важничать, корчит перед этим подчинённым роль его начальника, заведёт у себя переднюю, заставит ждать себя по целым часам, — словом, вместо того, чтобы облегчать доступ подчинённого к начальнику, только затрудняет его.

Читатель, ты не ошибся, это слова писателя из книги «Выбранные места из переписки с друзьями». Что изменилось с тех пор? Да ровным счётом ничего. Невежество и спесь плодят себе подобных с удвоенной силой.

До праздника района оставалось два дня. Глава отправил своего заместителя в областной центр на организационное совещание по подготовке такого же Дня города, но большего размаха — губернского. Праздник должен состояться на две недели позже. Областной центр заранее начали украшать, на улицах уже колыхались на ветру самые разные флажки, вымпелы, красовались первые большие транспаранты, прославляющие главный город региона и саму область. Заместитель главы администрации района своим острым начальственным глазом сразу заметил на опорах множество вымпелов красного цвета. Посмотрел на водителя, который внимательно следил за дорогой и многочисленными знаками ПДД. Понял, что тот не замечает красных вымпелов и не сделает в разговоре с друзьями замечание в его адрес: «А вот в областном центре не запрещают красный цвет в оформлении…»

Машина застревала в пробках, обгоняла зазевавшихся и неаккуратных водителей, среди которых в большинстве были недоученные на скороспелых частных курсах молодые люди. Поток в основном бывших в употреблении машин самых разных зарубежных марок плотно заполнял все дорожные полосы в разных направлениях. Наш водитель с усмешкой, а порой и с хлёстким комментарием, умело лавировал в автомобильной реке. Профессионал, тем более за рулём служебной машины, здесь походил на солидного отца большого шаловливого семейства, заранее предугадывая неосознанные действия своего динамичного и малоопытного окружения.

Не всё потеряно

Какой только «умный» правитель не пытался «чистить поле»! Не подумайте, что хлебное, для большего урожая. Чистят и другие поля — например, политические: городское или районное, бывает — и областное. Чистят от неугодных людей, чтобы самим собирать урожай от своей популярности. Кто-то начал мыслить самостоятельно и не берёт во внимание линию главы района, кто-то что-то кому-то говорит нехорошее о руководстве района, а кто-то стал печатать в не зависимой от власти газете «сомнительные» статьи, восхвалять бывших руководителей и не замечать трудовые свершения настоящих. От таких, конечно, избавляются. И чем скорее, тем лучше, а то до очередных выборов можно не успеть.

В одной из глав книги мы уже познакомились с бывшим редактором муниципальной газеты Николаем Викторовичем Закатеем. Он окончил лет пятнадцать назад факультет журналистики университета. Прошёл вдобавок школу бойца в десантных войсках. Взяли его с охотой в муниципальную газету. Не было тогда в ней ни одного журналиста с высшим образованием. Всё учителя да инженеры, а то и спортсмены. Кто успел поработать в газете корреспондентом, знает не понаслышке, какая это «радость». То срочно материал по внезапному событию надо подготовить, то приезжает большой начальник из области и надо не пропустить ни одного его руководящего слова из беседы с народом, а потом до полуночи корпеть над репортажем. Не дай Бог сделать ошибку или пропустить «важную»

мысль — курирующий прессу замглавы душу вывернет. А про редактора и говорить нечего, он за всё отвечает. И за «линию партии», и за ошибки, и за «самодеятельность», и за «внимание к руководителям». Главное — уловить их линию поведения, их желания. Кончились те времена «буйной демократии», когда редакторы сами были «на коне» и поворачивали куда хотели, писали что думали. Ну какая же власть может удержаться долго при такой печати? Потому всей журналистской рати быстро «обрубили хвосты», чтобы не вертелись без толку перед глазами, а знали свой насест. Николай Викторович, впечатлённый той ещё службой да «медовым временем» журналистики, невмешательством прежнего мэра и его заместителей в дела редакции, соблюдавших без натуги законы о СМИ, вспомнил те времена и написал большую статью о первом главе района. Как-то неосторожно, почти по-мальчишески, напомнил читателям его стиль работы и немалые достижения в хозяйстве района. Он подзабыл, что ему твердил ежедневно верный помощник нового главы, его заместитель, чью надо ставить фотографию на первую полосу, о ком писать, кого надо забыть навсегда. Может, от своего упрямства, недомыслия, а может, и вовсе от неуважения к главе, но редактор это сделал. Видимо, увлёкся, совсем не понял, что попал на «высшую статью», и остался без работы. Полгода ходьбы по учреждениям, все «ворота» закрываются перед носом, как только слышат фамилию Закатей. Бдительные «следопыты» от главы успели всех упредить. Значит, ты сам «перешёл границу»? Перепутал государства? Ты всё продолжаешь говорить о каких-то законах? У нас свои законы!

Громов не мог остаться равнодушным к событию и человеку, которого сам рекомендовал на должность редактора газеты. Он пригласил его домой «на кофе» и начал расспрашивать:

— Николай, расскажи правду, как было.

— О! Это интересная история. После того, как я написал заявление об увольнении, в голове у меня загудел рой всяких неожиданных идей насчёт новой работы и перспектив. Однако бравые звуки фанфар очень быстро стали затухать, меня никуда не брали. Без объяснений. Как бы то ни было, я не сдавался. И, обломав «крылья мечты» в десятке разных мест, выдал миру, как мне казалось, восхитительный план пойти в охранники.

Закатей долго рассказывал, какие испытания он прошёл, какие надежды рухнули и он стал профессиональным охранником. Муниципальная газета долгое время оставалась без редактора, но под строгим присмотром Руслана Сергеевича. Женщины-корреспондентки выполняли нелёгкую роль «за себя и за того парня».

— Я вижу, ты пережил кризис и выглядишь намного оптимистичней, чем во время газетной работы. Что тебя приподняло, наконец?

— Знаете, Алексей Васильевич, я бы отметил одну важную особенность моей новой работы в охране крупного предприятия. Она в том, что люди там другие. Не сломленные морально и придавленные тупой силой, а вполне самодостаточные, сильные парни. Несмотря на то, что работа в карауле напряжённая, нервная, в трудную минуту тебе всегда подставят плечо. Слова «честь», «порядочность», «совесть» здесь не просто слова, за ними стоят реальные поступки. Да, старомодно, да, где-то наивно, но это правильно, чёрт подери!

«Не всё потеряно», — подумал Громов.

В чём сила?

Иван зашёл в читальный зал библиотеки просмотреть новые номера центральных газет. Читательский бум конца прошлого века, когда каждый житель района выписывал по нескольку экземпляров газет и журналов, рассеялся, словно дым от потухшего костра. Редкими стали читатели, которые выписывали хотя бы одно издание. Да и тиражи известных газет и журналов сократились в сотни и тысячи раз. Многие покупали их на почте или в киосках от случая к случаю. Иван, конечно, не знал, что наступает третья волна цивилизации в мире, по утверждению американского философа Элвина Тоффлера, которая в условиях пресыщения информационного поля ведёт к сокращению тиражей, обособленности активных источников, разнообразию точек зрения и позиций. Но он хорошо понимал, что государство больше не помощник в этом деле, дешёвых изданий больше не будет, и чаще заходил в библиотеку.

Иван увидел Алексея Васильевича, листающего красочный альбом современного художника Василия Гребенникова. Громов поднял голову и сказал:

— Иван, извини, я посмотрю ещё пару альбомов живописи, пока ты будешь читать газеты. Поговорим в вестибюле.

Минут через сорок они встретились на диванчике в безлюдном холле между читальным залом и абонементом.

Иван крепко пожал руку Алексею и с улыбкой сказал:

— Алексей, вот ругают бывшую советскую прессу: мол, идеологическая была, вводила в заблуждение читателей, искажала статистику и так далее. Правильно ругают. Но ты только посмотри, какая пресса сегодня. Мне хватает полутора часов в неделю, чтобы выудить со страниц что-то полезное. А посмотри, какие амбиции и всезнайство. Причём каждое издание идёт своим прямым коридором, тем, который задали ему владельцы. Раньше газеты и журналы читала вся страна, сегодня все разделились, как клубы по интересам. Многие интеллектуалы остались в одиночестве, рыскают по редким изданиям, интернету или стали блогерами. Но я не об этом хотел сказать. Понимаешь,

какая штука: уже тридцать лет смотрю нашу прессу и не вижу чего-то главного. Раньше была цель у всего государства, были инструменты поддержки народного духа, что ли, наверное, патриотизма, пресса всех объединяла словом. Не могу увидеть сегодня, что у нас в государстве главное, к чему стремится интеллигенция, чем и какими идеями она думает развивать умы и души простых людей. Я слышу порой тех, кто радуется тому, что есть. Они говорят, что никак не надо влиять на человека, он свободная независимая личность и сам определится, что ему надо. Посмотри на молодёжь, она впитывает как губка много такого, что вообще не приемлемо нам, противно духу народа. А старшие поколения вообще в растерянности, не понимают много того, что происходит. Их мысли и оценки событий часто прямо противоположны, они черпают разную информацию из случайных источников, владельцами которых являются те силы, которые знают, что им надо. Они имеют свои цели.

— Ну, Иван, ты далеко зашёл. Вряд ли кто ответит тебе просто и понятно на твой вопрос, каждый будет «философствовать» в пределах своих умственных возможностей. До девяносто первого года вся мощь государства и политических институтов преследовала одну цель, ты знаешь какую. Скажу прямо: в душах людей, не только старшего поколения, но и генетически в сознании и духовной составляющей молодых поколений, остался от этого большой след. Этот след уходит в русскую историю. Не вчера и не сегодня заявила себя Россия не только во внутренней политике, но и на мировой арене. И чаще она превосходила, как утверждают российские философы, другие страны в моральном смысле. Незримый, многими не признанный, но он есть, этот след, как большая широкая дорога по жизни. В чём это проявляется? В поведении всего народа и даже в политике государства. Часто можно услышать от публичных деятелей, особенно писателей, что мы не такие, как наши «друзья-партнёры» и в Европе, и в Америке. Хотя многое изменилось в нравах людей в последнее время не в лучшую сторону, всё же стержень остался. Мы отличаемся от всех более тёплыми отношениями друг к другу. Не улыбками во всю ширину рта, какие мы получаем при общении с ними, а гораздо бóльшим — улыбками наших душ. Понимаешь, это существенное, более искреннее и надёжное чувство. Оно относится не только к русским, русские всегда были на равных в правах и в отношениях ко всем народам, с кем связала судьба. Могу сказать по собственному примеру: когда я с коллегами был в Америке, хозяин дома, где мы жили, сказал, что здесь все чужды друг другу. Если срочно понадобится занять двадцать долларов, тебе, скорее, их не дадут. Отношения ограничиваются словами при встрече и расставании: «Здравствуйте!», «До свидания» («Hallo! How do you do!» или «Bye-bye! Bye!»), — и сопровождаются при этом широкой улыбкой. Это, конечно, частное мнение, но оно не единственное. Когда к нам приезжали не в первый раз друзья из Америки, а друзья были богатые, имели свой бизнес на родине, я их спросил: «Почему вы приезжаете к нам уже в третий раз? В стране же кризис. Да ещё вы не боитесь брать с собой своих друзей и детей. Вы же слышали, что говорят о нашей стране, какие страхи нагоняют на простых американцев?» Они отвечали: «Вы нам нравитесь, вы такие душевные и добрые, таких людей мы ещё не встречали».

Иван помолчал, потом сказал:

— Ты прав. Я на заводе слышал подобное, когда здесь работали вначале немцы, а потом французы. Они монтировали своё оборудование по контракту. Некоторые даже завели здесь семьи. И говорили примерно то же, что и ты.

Алексей положил руку на плечо Ивана и с улыбкой заметил:

— Вот видишь, это наша национальная черта, менталитет. Он, несмотря на разруху девяностых годов и все проблемы сегодняшнего дня, жив. За рубежом нас многие не понимают, принимают за «слабаков», этаких безответных, не созревших до их уровня людей, некоторые называют нас дикими, потому они так агрессивно, бессовестно, тупо нападают на нас через все средства массовой информации, пытаются унизить, посмеяться. Это значит, что они не видят и не ценят нашу внутреннюю силу, которая намного ценнее их долларов, оружия, передовых технологий. Может наступить такой момент, когда они пожалеют об этом. Но нам надо критичнее самим относиться к себе. Сравните их историю по времени и нашу. Европа многое переняла от греков и римлян ещё в начале первого тысячелетия. Мы начали обретать черты государственности только в восьмом-девятом веках. На Западе уже были письменность, искусство, правовая основа, опытные полководцы и армии, почти тысячелетняя религия, а мы всё только начинали.

Алексей задумался, глаза его выражали внутреннюю борьбу. Наконец он произнёс:

— Иван, не будем питать иллюзий. Я вижу, что эти чувства, менталитет наш заметно измельчились, стали тонким слоем наших душ. Это опасно для общества, для каждого из нас. Мы можем потерять свой внутренний потенциал, ту силу, которой всегда гордились, которая помогала нам выжить. Посмотри, что делается в умах наших интеллектуалов, учёных гуманитарных наук, философов. Ты вряд ли найдёшь для себя точку опоры, чтобы более уверенно строить жизнь, чем-то помогать детям и внукам в этом отношении. Множество теорий, идей порой доходят до полного абсурда. Интернет заполнен самодеятельными «просветителями», которые вытаскивают из тёмных коридоров своего сознания самые невероятные

теории. Может, в этом броуновском движении зародятся когда-то гениальные мысли. А как нам разобраться в сегодняшнем дне?

Алексей встал, начал сосредоточенно ходить по ковровой дорожке. Голова его склонилась к груди. Правой рукой он нервно теребил волосы. Справа от него стояли полки с ячейками, в которых хранилась доступная читателям картотека авторов в алфавитном порядке и предметная — по разделам знаний. Алексей Васильевич знал, что и его фамилия занесена в эти карточки и в предметном разделе есть наименования его произведений, но, взглянув в них как-то мельком, он больше никогда не подходил к этим ячейкам. Вот и сейчас сосредоточенно ходил, не обращая на них внимания.

Иван с интересом наблюдал за другом.

— Ты знаешь, — Громов вдруг остановился и посмотрел на Ивана, — я вот что подумал: мы не сполна оцениваем ситуацию сегодняшнего дня. Отвлекаемся на какие-то мелочи, роемся в характерах руководителей, хоть и критично, но неглубоко оцениваем результаты выборов в районе, да и области тоже. Мне кажется, мы быстро забыли уроки прошлого. Уроки других стран.

Иван тихо заметил:

— Ты говорил про дух народа. Мы с тобой тоже народ. Всё это относится и к нам. Но посмотри, что делает новая команда, своим пренебрежением к нашим людям, своими амбициями и кадровыми решениями она умаляет значение горожан. Особенно тех, кто построил город, кто хранит традиции наших предков. Да и какое представление о нас она внушает своим поведением молодёжи? Ведь это опасно. Опасно для наших семей и вообще для общества. Так может созреть конфликт как внутри нашего поколения, так и в целом среди населения. Послушай, я вчера зашёл в администрацию подписать одну бумагу и встретил там твоего коллегу. Начал шутить: с чего бы это так тихо в коридорах и так быстро пробегают некоторые сотрудники? Вспомнил, как ты рассказывал про коллектив и какое внимание друг другу тогда уделяли. Обязательно отмечали с тортом и чаем дни рождения каждого. Твой товарищ сказал, что сейчас все сидят по кабинетам тихо и никаких праздников в администрации не отмечают. Все боятся чего-то. Скажи без философии: для чего мы живём? Зачем ходят на работу миллионы наших людей? Вот и сотрудники администрации тоже с утра до вечера трудятся со своими компьютерами, принимают посетителей. Зачем? Думаю, главное, чтобы всем жилось хорошо, радостно: и им, и нам. А если плохо всем, значит, не то делаем, не так живём, понятно? Алексей, извини, что я, возможно, прервал тебя, но я полагаю, что наши мысли сошлись.

— Иван, спасибо тебе! Понимаешь, своим поведением команда как раз и уничтожает тот наш дух, о котором мы только что говорили. Если здесь такое отношение власти к народу, в области и в стране то же самое, значит, возникает большая опасность утратить вообще нашу идентичность. Нас принудят негласно подстроиться под чужие мерки, потерять, сломить наш дух. Я недавно прочёл исторический труд по Франции. Автор утверждает, что страна во второй половине девятнадцатого века, после всех революций, войн, утратила свой дух, превратилась во вторую страну в мире. Немцы же, объединившись, вышли на главные позиции. Так что не всё просто, как кажется за множеством наших проблем. За деревьями мы не видим леса.

Алексей говорил тихо, полушёпотом, будто их кто-то слушает или они кому-то мешают. Сказалась старая привычка так вести себя в публичном месте. Но вестибюль был пуст. Странное дело. Здесь всегда проходило много народа, читатели что-то искали в открытой картотеке, записывали на память коды и названия книг за маленькими столиками. Но сейчас было безлюдно, если не брать во внимание наших двух героев. Иван отлучился на минуту и возвратился с книгой в руке.

— Алексей, послушай, скажу «по секрету». Мне сейчас передали твою книгу об основателе города и сказали, что глава района, Георгий Георгиевич, велел своему заму отдать её в библиотеку. Но в книге же есть твоя подпись, обращённая к нему. Ты пожелал ему продолжить традиции лучших руководителей района, которые заложили крепкие основы его развития. Странно, конечно. Где вы успели поссориться?

— Хотел как лучше, а получил… Ты знаешь, Ваня, мне его реакция на книгу интересна не только с психологической точки зрения, но и с социологической. Кто нами поставлен управлять — вот её суть. А вместе с ним и вся так называемая «команда», если её вообще можно назвать таким значимым словом. Мы не ссорились, просто каждый стоит на своих позициях. Первые лидеры Приреченска отличались особой гуманностью, во всём их поведении было видно, что они с уважением относились к людям. Они могли талантливо решать хозяйственные проблемы и вместе с тем на таком же уровне развивать духовную социальную сферу. Ты же понимаешь, что без внутренней культуры, потребности собственной души реально делать добро не выходит, получается только гримаса желаемого вместо действительного. Спроси его: чего он хочет добиться в своей работе? Одно только насилие над библиотекой о многом говорит. Это его стратегическая публичная ошибка. А подбор кадров? Он думает, если поставит угодных себе работников, то сможет легко осуществлять то, что считает главной целью? Напомню, что эта книга документальная. То есть все факты имели место и подтверждены в источниках. Это важно для

истории района и нашего главного предприятия, для новых поколений. Она стоила мне больше года работы, и я полагал, что любая администрация просто не могла пропустить такие сведения мимо себя, особенно — глава. Ведь книга написана об основателе города и завода, то есть прямо касается его должности. Но, увы, ни он, ни его приближённые не сочли нужным заглянуть в неё. Представляешь, в районе работает новая команда главы вместе с депутатами, которая наверняка не знает ни людей, ни их достижений, ни истории, ни тех больших проблем, которые решали ещё два десятка лет назад. Они живут сегодняшним днём и не могут родить ничего оригинального, самобытного, что отвечало бы духу территории, её населения, исторической преемственности. Я тешу себя надеждой, что рано или поздно придут такие люди, которым это будет интересно. И мне приятно, что электронный вариант, сделанный библиотекой, живёт и к нему растёт интерес. Значит, людям книга нужна. Ваня, пожалуйста, посиди несколько минут, я сейчас вернусь.

Громов быстро встал и пошёл к дверям читального зала. Минут через пять показался перед Иваном с толстым томом в чёрной суперобложке сборника Иосифа Бродского.

— Ваня, я знаю, что ты не читал Бродского. Да и я не собираюсь вспоминать здесь его стихи. Хочу только показать тебе несколько отрывков из его нобелевской лекции. Это, к слову, о книгах и какое значение он придавал их чтению. Вернее, отношению книг к личности властителей. Весьма поучительно и для нашего «героя». Я эту лекцию перечитал много раз и могу сразу найти нужный абзац. Вот послушай: *«Выбирай мы наших властителей на основании их читательского опыта, а не на основании их политических программ, на земле было бы меньше горя».* А вот ещё абзац: *«Ни один уголовный кодекс не предусматривает наказаний за преступления против литературы. И среди преступлений этих наиболее тяжким является не преследование авторов, не цензурные ограничения и т. п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое — пренебрежение книгами, их нечтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью: если преступление это совершает нация — она платит за это своей историей».* Приходит ли это в голову нашим «вождям» — большим и маленьким? Вряд ли они об этом думают, немало других забот. Но мы не раз видели их падение, и на поверхности этих событий было их невежество. Надо сказать и о нас, нашем окружении. Мало кто утруждает себя чтением настоящей литературы. Далеко не каждый в молодости ставит себе цель развивать мышление, интеллект. Литература же делает человека более внимательным ко всему вокруг, будоражит мысли, наводит на сравнения, побуждает к более критическому осмыслению событий. Таких людей труднее обмануть хитроумным политикам и большим начальникам. Да и на выборах любого уровня они более точно могут определить качество кандидата. Затронув тему литературы вообще, я, конечно, не имею в виду свои несовершенные работы. Они далеки от этого. Но в них много той информации и примеров в пределах нашего района, которые просто надо знать руководителю. Думаю, не случайно уже несколько тысяч наших читателей обращались к ним. Не мешало бы и главе заглянуть на страницы. Ладно, не буду мучить твоё сознание нобелевским лауреатом. Кстати, он был не только прагматичным и гонимым в молодости человеком, но и большим мечтателем. Многое ему удалось исполнить, увидеть, получить. При этом привкус горечи никогда не покидал поэта. Но давай вернёмся к нашим делам. Вот, скажем, ресурсный центр. Зачем глава почти силовым приёмом создал его? Посадил руководить им свою даму? Есть же молодёжный центр. Он взаимодействует с областным центром и коллегами из районов и городов. Достаточно было немного увеличить финансирование, и всё было бы не хуже, чем сейчас. Молодёжный центр стал пасынком в этой системе. Зачем он это сделал? Чтобы показать всем нам и в пику прошлым решениям, что у него получится лучше? Да и рабочее место своему человеку, между прочим, обеспечил. Вот и все «секреты»! Подобный самообман давно описан в классической литературе, почитать бы ему не мешало. У меня есть вопрос: а читают ли они, глава и его команда, вообще что-нибудь, бередят души мыслями великих авторов? Если родители и наставники не вложили в душу и голову детям стремление развиваться до понимания, кто ты в этом мире, то получаем то, что видим в жизни среди гоголевской публики. Ты мне сейчас показываешь книгу, которую я подарил главе, чтобы на примере главного героя он мог разобраться в истории города, района, в той линии развития, которую задали первопроходцы. А вспомни, как он отнёсся к книге Светланы Алексеевны, моей жены! Труд не одного года, документальный, со многими новыми открытиями, скрытыми в архивах до сего дня, и с настоящими героями войны. Это книга о наших земляках и тех неповторимых событиях, о которых не было известно семьдесят лет. Это никак не заинтересовало главу района. Зато он артистически поздравлял ветеранов на праздновании юбилея, награждал их, даже поднимал традиционные «сто грамм». Ты видишь в этом искренность? Эту книгу они тоже передали в библиотеку. Хорошо, что не выбросили в контейнер. А ты говоришь о ссоре. Не тот уровень! Иван, скажу тебе прямо, это не главное в наших отношениях с главой. Я вижу другое. Когда я последний раз приходил на встречу с коллегами в литобъединение, с грустью смотрел

на участников. Их возраст вокруг числа «семьдесят». А я помню их другими. Как они вдохновенно читали свои стихи и рассказы. А сегодня все серьёзные, задумчивые, огонь погас в их глазах, и совсем не от возраста. Самое печальное то, что здесь редко появляются молодые таланты, нет почти смены нам, за исключением единичных случаев. Они наверняка где-то пишут, но сторонятся старших. В чём причина? Может, в том, что наш район не развивается, а деградирует, что нет тех вдохновляющих примеров нашей жизни, которые порождают новых поэтов? Сегодня все молодые люди озабочены тем, чтобы не потерять работу или найти её. Молодые думают, как заработать на квартиру, и вообще, как получать достойную зарплату, как поднять детей. Бытовых, чисто житейских проблем раньше было гораздо больше, но люди чувствовали себя по-другому. У них была уверенность в будущем. Государство им реально помогало. И песни были камертоном того настроения. И стихи звучали повсюду. Скажи, Ваня: может, всё оттого, что выбрали не тот курс, мы не занимались воспитанием молодёжи три десятка лет, мы не имели прочных ориентиров, копируя западные «ценности»? И среди новых руководителей нет почти никого, кто вырос на наших российских традициях. Да и откуда они возьмутся, если школы стали заниматься не обучением с воспитанием, а предоставлением образовательных услуг? В этом мало стимулов для гармоничного развития детей.

Зачем пишешь?

— Алексей, извини меня за прямой вопрос, он будет продолжением первых.

Иван часто задавал себе вопрос: в чём суть их работы, зачем они тратят столько времени на бумаги и фотографии, на поездки в архивы и музеи? Он хорошо знал, что многие его знакомые с усмешкой относились к увлечениям семьи Громовых: «Занимались бы выращиванием цветов или своими внуками». И теперь решил напрямую спросить друга об этом.

— Да, Ваня, слушаю. С тобой я чувствую себя более уверенно. Ты хоть и задаёшь неудобные вопросы и говоришь мне прямо всё, что думаешь, но у меня только больше уважения к тебе.

Громов посмотрел на Ивана чистым доверчивым взглядом. Его глаза говорили о чём-то большем, чем обычное уважение. В них таилась общая духовная сила, интуитивное понимание друга, которое не требовало слов. Но здесь был особый случай. Алексей вместе со Светланой последнее время много работали над архивами и записями воспоминаний разных людей, писали статьи и книги.

— Ты вот пишешь новую книгу, — продолжал Иван. — Я хоть и не такой эрудит, как ты, можно сказать, совсем никакой, но вижу, что писательское дело совсем в упадке и всё меньше людей, особенно молодёжи, читают книги. Больше смотрят в компьютер или смартфон, стараются пробежать глазами по сокращённому варианту, если надо для учёбы или просто захотели блеснуть знаниями среди друзей. Скажи, много ли ты обретёшь читателей? Да и кому нужны сегодня рассуждения представителя прошлых поколений, к коим мы с тобой принадлежим? Причём нас молодые обвиняют в каких-то грехах, в пережитках прошлого. Словом, ничего хорошего от них не жди, когда они увидят обложку с твоей фамилией. Так зачем ты тратишь время?

— Ваня, скажу прямо, я человек в определённой степени наивный. У меня до сих пор в голове рождаются какие-то идеи, возникают такие цели, которые не вписываются ни в уравновешенное состояние окружающих меня людей, в том числе близких друзей и родственников, ни в планы администрации района. Я не дружу с известными людьми, так как время разбросало нас по разным точкам зрения и в политике, и в культуре. Я всё больше замечаю, что они болезненно реагируют на иную от своей точку зрения. Но в душе чувствую, что кое-что из этого нужно людям для поддержания их духовного состояния, для поднятия познавательного уровня в сфере нашей действительности. Сейчас с утроенной скоростью всё меняется на глазах, наступает новая, незнакомая нам эпоха. Можно легко потеряться в этом, утратить жизненную нить, потерять веру в себя, растеряться. С прошлым, думаю, надо расставаться не полным разрывом, а мягким переходом в новое состояние, сохраняя для будущего память и собственные его оценки. Тогда это будущее не возникнет из ничего, не будет пугать своей неизвестностью и опасностью, а поведёт нас более уверенно по тропе жизни. Мы со Светланой Алексеевной ищем забытые, но значимые в истории района и области имена. Иногда удаётся найти таковые и в масштабах страны. Мы не историки и не писатели по большому счёту, не профессионалы. Но мы идём этим путём, конечно, не одни, есть и другие, кто также ищет и пишет, и видим, что никто до нас не дошёл до тех людей, о которых мы нашли какие-то новые сведения, до освещения некоторых важных событий. И читатели, пусть немногие, становятся нашими друзьями, соратниками, помогают уточнять и расширять знания о них. Так прокладывается дорожка в прошлое и в будущее. Образуется связь поколений. Ты спрашиваешь, зачем я пишу? Это могу объяснить двумя эпизодами, чтобы не отвлекать твоё время. Есть в истории нашего района и в целом в оборонной отрасли производства одно имя. Если говорить точнее — несколько имён, достойных исторической памяти. До тысяча девятьсот пятьдесят третьего

и чуть позднее судьбы людей зависели от воли немногих. Скажем прямо — руководителей страны. Но в жизни, её глубине, получалось, что от многих. Многими, в отличие от вождей, были скрытые от большинства трусы, подхалимы, доносчики, люди недалёкие, желавшие выслужиться и быть повыше своих коллег и даже друзей. Выжить или сохранить доброе имя среди них было почти невозможно, даже носителю «Золотой Звезды» Героя, каким был первый директор. Ты сам знаешь много примеров из того времени. У меня возник вопрос: а что же за человек был первый директор главного предприятия? Фотографию видел, а ничего о нём не знал. И понял, что другие из ныне живущих тоже ничего не знают. Начал искать и обнаружил огромную «чёрную дыру», которая вытягивала из истории многие значимые имена и события. Короче, первый директор был оклеветан, когда возглавлял самый секретный и особо важный для обороны страны научный центр. Так он оказался здесь и стал основателем нового города и главного предприятия. Проработал всего три года, пока один из «мстителей» не получил должностное верховенство и, тонко манипулируя своими полномочиями, не поставил его перед выбором: уволиться по собственному желанию или терпеть унижения. Имя Героя более полувека продолжали замалчивать наследники той политики по инерции, оберегая себя. Мы открыли его подлинную биографию для всех жителей района, хотя мемуары, написанные в конце жизни, лежали под спудом всё это время в музейном хранилище. По нашему предложению назвали улицу в городе, одна из школ занялась его историей и готовится также принять имя Героя. Я уже не говорю о близких родственниках, которые нашли автора через интернет, о новых фотографиях и документах, которые они нам прислали. Стоило такое исследовать и написать книги, статьи, очерки? Думай сам! Уместно будет вспомнить и второй эпизод, связанный с этим. Через десять лет после публикации книги на Светлану Алексеевну по социальным сетям вышел сын того главного инженера, которого взял в свою команду первый директор. Его следы на целых шестьдесят лет потерялись, я делал запросы, спрашивал у ветеранов, но никто не знал, куда он уехал. Только находил некоторые научные статьи в интернете, по которым также не смог выйти на этого человека. Сын живёт в Израиле, работает в научно-исследовательском институте. Он сказал, что в архиве матери сохранились неопубликованные статьи и письма отца с фотографиями. В статьях оказались те секретные данные, о которых в то время писать было нельзя. Они проливали свет и на технологию главного предприятия. Мы опубликовали его материалы, помогли умные люди из госкорпорации, и судьба человека, его вклад в науку и современное производство стали известны многим тысячам читателей. Первоначальная история нашего района, Приреченска и предприятия получила вполне завершённый вид. Но есть особые обстоятельства, когда мы не можем отразить душевное состояние героев, сложный путь их становления и развития, ограничиваясь только фактами, цифрами и документами. А душа просит более глубокого человеческого общения с ними, совместного размышления, переживания за судьбу того или иного. Это дополняет поле исследования и раскрывает новые возможности общения с читателями. Такие размышления привели к необходимости художественного отображения историй. Но у этого жанра есть свои законы, устоявшиеся каноны. Есть, наконец, достижения самых великих и признанных авторов. И мы, как самодеятельные наивные люди, конечно, выглядим выскочками, слабыми и ничтожными, конечно, не признаваемыми некоторыми профессиональными литераторами. Создание книги — сложнейший процесс. В нём должны переплетаться талант автора с его содержательной мыслью, духовной основой и страстью души, личным откровенным отношением к героям, к той теме, которой он коснулся. Понятно, что нужен дар природы. Если его нет или он только заявляет о себе, основой может быть правда и воспитанный жизнью, образованием уровень культуры. Такое произведение менее художественно, но тоже несёт образ эпохи. Поэтому надо быть уверенным, что ты говоришь об актуальных проблемах, что ты достаточно грамотен, чтобы понятно и правильно общаться, не насилуешь родной язык и не разрушаешь то, что читатели ценят по жизни.

— Алексей, ты всё правильно говоришь, только всё равно преодолеть горы предвзятости, огульной критики, закулисной возни самоуверенных оппонентов не так просто. Ты чувствуешь, что выполнил свой долг, может быть, ожидаешь объективной и умной оценки, профессиональных замечаний, но можешь не дождаться этого. Многие, получив автограф автора на титульной странице, поставят книгу на полку и будут продолжать путать даты, факты, публиковать свои искажённые заметки, по верхам наблюдать за твоими стараниями дойти до любознательного и правдивого читателя. Ещё хуже, будут считать тебя дилетантом и делиться этим со своим окружением. Один крупный предприниматель как-то сказал в своём обширном интервью зарубежному корреспонденту, что особенностью русских людей остаётся ещё с ранней истории то, что они привыкли «ломать шапку» перед начальством или признанными авторитетами. На малоизвестного автора они даже не обратят внимания. Это не всё, что я хотел сказать. Смотрю на тех людей, для которых ты пишешь, и вижу в их глазах равнодушие, полное лицемерное безучастие к главному, что ты

пытаешься сказать. Девяносто процентов твоего труда уходит «в песок» и не оставляет следа. Только немногие, пытливые и любознательные, находят для себя что-то значимое. Ты же видишь, что простые люди голосуют на выборах разных уровней, не вникая в личность кандидата глубже. Особенно охотно голосуют за известных руководителей, надеясь получить от них какие-то выгоды, или поступают так по инерции. И «паровозы»[1] на выборах придуманы на этой «национальной особенности». Я понимаю, что и твои проблемы по жизни касались отношений с руководителями, особенно, авторитетными. Многие из них признавали только свои идеи, в этом помогали им помощники и журналисты.

— Иван, ты удивляешь меня. Говоришь как соавтор. Видимо, не случайно мы три десятка лет общались просто и понятно и не думали ставить в вину друг другу какие-то неудобные выводы или особые взгляды на события. Когда я писал первую книгу, признаюсь нескромно, в том числе о своём участии в развитии района и города Приреченска, то предвидел, что «добрые» коллеги и «друзья» со стороны будут придирчиво читать её, взвешивая каждое слово. Если, конечно, вообще будут её читать полностью. Я уже тогда видел их лица и прочитывал мысленно их замечания и форму отторжения. Поэтому писал до предела сжато, перепроверял каждый факт, привлекал документы. Я думал, что такая книга нужна если не моим современникам, то будущим любознательным гражданам района. В ней маленькое окошечко в реальную жизнь нашего времени. И в ней лица и души простых людей, творящих и созидающих. Как и ожидал, вскоре услышал реакцию: «Это он о себе написал, присвоил заслуги руководителей, ничего он этого не делал», — и тому подобное. В чём конкретно я ввожу в заблуждение читателей, ни от кого не услышал. Самое грустное бывает, когда получаешь от близких по духу и профессиональной деятельности людей искажение фактов. Такое может случиться только от их поверхностного знакомства с текстом или по причине скрытой неприязни. Казалось, здесь всё строго и правдиво написано, читай и используй[1] в своих публикациях правильную картину событий и их прямых исполнителей. Но в отдельных головах рождается ещё при жизни автора выверт, с которым знакомится большое количество читателей через газеты. Иван, спасибо за разговор. Ты практичный человек, тебя уважают, и ты прав во многом. Зря в своё время не принял предложение преподавать в ПТУ электронику. Учащиеся тебя понимали бы и любили. Ты же на заводе подготовил не одного молодого рабочего, многие за последние годы окончили техникум, а пятеро, которых я знаю, получили дипломы в политехе. Тот же Павел Морских поднялся до начальника цеха. А то, что ты не пошёл в политику и оставил вовремя совет, это правильно. Ты — свободный человек и поступаешь так, как велит совесть. Спасибо за советы и понимание.

Былое только спряталось

Громов долго думал о своём разговоре с Иваном, удивлялся его природной прозорливости и трезвой оценке событий. Придя домой, он вдруг вспомнил один эпизод в своей прошлой работе. Глава вызвал его в кабинет и сказал:

— Алексей Васильевич, предлагаю вам взять отпуск и возглавить группу поддержки на выборах президента.

— Василий Григорьевич, я осознанно вышел из той партии, мне по душе хозяйственная работа, у нас много идей в заделе, во всех службах есть творческие люди, не могу назвать их просто исполнителями. С ними интересно работать. У меня нет времени отвлекаться на партийную работу, пусть временную. Хотя наверняка мне предложат вступить в новую партию. Я вижу по объединению политических сил, создаётся такая структура, которая будет исполнять роль руководящей силы. Я уже на себе испытал, что значит партия с государственными полномочиями. Она неизбежно будет стремиться к собственной монополии. Я буду заниматься, если позволят, развитием района в сфере своих полномочий.

Глава молча выслушал и сказал:

— Как знаешь!

Предвыборная борьба набирала обороты. Нашлись все исполнители, кто нужен был для организации выборов президента, местных советов, главы района. Участвовать в такой команде согласились многие сотрудники администрации и муниципальных служб. Одни делали это охотно, другие — незаметно вздохнув, третьи — по-деловому: «Надо — значит, надо!» Поэтому характер будущей объединённой партии стал проявляться без промедления. Из областного центра пришло указание создать институт «сочувствующих» партии «Единство». Чиновники всех рангов сразу ощутили холодок в сердцах: «А если ты не запишешься в „сочувствующие“?» Громов сразу понял, что счётчик включён и надо понять или просчитать, когда прозвенит «последний звонок». Иллюзий не было никаких. Правильно говорят, что лучше уйти на год раньше, чем на день позже. Через несколько дней он вновь зашёл в кабинет главы района Василия Григорьевича Коваленко, чтобы обсудить проблему развитии медицинского страхования и задать вопрос по своей перспективе.

1 Под «паровозом», т.е. условно той мощной машиной, которая везёт состав, избиратели понимают важного кандидата на мандат, который после выборов снимет свою кандидатуру в пользу следующего за ним более слабого кандидата.

Вдруг нетерпеливо зазвонил высоким колокольчиковым звуком с протяжкой телефон специальной связи ВЧ (высокочастотной), которую называли «правительственной»:

— Заместитель губернатора Сидорчук,— послышался голос в трубке.— Здравствуйте, Василий Григорьевич!

Громов встал, собираясь уйти, чтобы не быть свидетелем, может быть, доверительного разговора. Он знал, что по этому телефону просто так не звонят. Не случайно он служит обеспечению тайны разговоров. Но Коваленко остановил его, махнув рукой вниз, что означало: «Сиди!» Алексей Васильевич сел, но из трубки доносился вполне слышимый бас заместителя губернатора, и он улавливал каждое слово.

— Я вижу, вы неплохо развернули работу по выборам. Первыми отпечатали у себя всю необходимую продукцию для избирательных участков. Мне показали плакаты с кандидатом в президенты, молодцы! Я попрошу вас сделать дополнительный тираж для соседних районов, деньги мы перечислим. Я бы хотел предложить вам решить ещё один вопрос. Вы подали заявление об уходе, мы здесь решили пойти вам навстречу, всё-таки возраст говорит сам за себя. Но мы вас не оставим, есть хорошие почётные места, с предложением вас ознакомят здесь, у губернатора. Сейчас мы рассматриваем кандидатуру на должность главы района Петракова Сергея Ивановича. Хороший парень, не подведёт!

Громов знал, что в город из областного центра около года назад переехал молодой предприниматель, владелец большого пакета акций одного из высокотехнологичных предприятий. Он сразу заявил об отводе земли для строительства магазина и учредил газету. Хотя Алексей Васильевич курировал средства массовой информации, к нему никто не обращался с вопросами по изданию газеты. Новый хозяин все вопросы решал с главой.

«Что ж, новое время — новые порядки,— подумал Громов.— Теперь много чего с местной властью не обсуждают, а порой и не подпускают их представителей к своим вотчинам: частная собственность! Взаимодействуем только в рамках закона». А поскольку законодательная база ещё создавалась, «новые русские» вели себя на удивление своеобразно. Но есть вопросы, которые прямо касались руководителей местной власти. Например, вот это предложение агитировать за предлагаемого областными властями кандидата на должность главы района. Предложили-то не общественным организациям, партиям, а именно администрации. Всем понятно, на кого должна поработать администрация района. Её возможности несравнимы с представительством любой партии или движения в районе. А что записано в законе о выборах? Да и кто он такой, этот молодой предприниматель, которого рекомендует сам заместитель губернатора области? Кто он, чем себя показал, кроме владения деньгами и активами? Зачем учредил ещё одну газету в пику к двум известным? «Пожелание» озвучено, главе надо понять, как с этим поступить, как преодолеть начальственное указание, если он сам заранее готовил себе замену, много думал об этом, испытывал человека, видел, как тот будет продолжать общее дело, что сохранит и за что будет бороться.

Алексей Васильевич выходил из кабинета главы района с тем особым чувством, которое приносит облегчение, снимает душевный груз. Он понимал, что весь этот политический крен аукнется на его судьбе не лучшим образом. Но не боялся этого, напротив, крепла уверенность в своей правоте, которая делает человека свободным, независимым от той силы, которая выравнивает своим бездушным катком слабые души, делает их придатком чужих идей и мыслей, исполнителем чужой и не всегда праведной воли. Он уже прошёл своей прежней работой, убеждениями тот известный исторический период, когда низвергались столпы государства, политические провидцы, самые авторитетные, но конъюнктурные учёные. Он увидел, что был обманут той мощной слепой силой в омуте всеобщего одобрения. Та «железобетонная правда», о которой твердили почти столетие на государственном уровне, рассыпалась в прах за одно мгновение. Громов про себя подумал: «Правильно сделал, что не принял предложение главы района…»

Через неделю Громов наяву увидел, как появились в районе пиарщики из центра, они уверенно говорили о своей «компетенции», предыдущем опыте, показывали брошюры в предвыборном штабе. Один из них под хмельком и «по секрету», слабо камуфлируя чувство собственного превосходства, проговорился председателю районной избирательной комиссии, сидя в банкетном зале ресторана. Он вскользь сказал, какие деньги получит их команда «учёных» и сколько всего выделено средств и «пожертвовано» на избирательную кампанию.

Алексей Васильевич знал, что глава тоже не приемлет ту ситуацию, которую создаёт центральная власть. Он должен был, хотя бы временно, играть по их правилам, мягко дать понять, что «тянет важный груз» хозяйственной работы в большом районе, что это не менее важно и для политической кампании, какую представляют выборы. Сделает это так, что свыше негласно примут его решение и не будут мешать работе. Да и не везде сидели зомбированные псевдопатриоты, готовые слепо исполнять все политические установки и решения «сверху». Многие понимали, что их указания конъюнктурны. Оставались ещё руководители с критической «жилкой». Они понимали, кто может решать проблемы только на словах, а кто на деле.

Громов нашёл в своих записках: «Современные выборы больше похожи на спектакль. Общество догадывается, что „чёрный пиар“ — это средство оболванивать избирателей. Пиарщики продают свою душу любому „денежному мешку“. Они тянут за собой доверчивых и часто непросвещённых простых избирателей».

Глядя на выборную кампанию вблизи, Громов ощущал ту мощную концентрацию сил и средств для обеспечения победы на новый срок действующего президента. Казалось, что «тигр» подготовился к прыжку. Боевая поза ощущалась во всём настрое действующего главы государства и его кабинета министров. Как-то он сумеет подняться, в первую очередь над собой, над прошлым, получится ли у него управлять такой огромной страной в согласии с тем, что ожидает от него народ?

Силы разные и неравные

Тем временем события в Приреченске развивались так, будто они были похожи на чёрную тучу, которая двигалась с запада и покрывала мраком и сыростью отступающее солнечное пространство. Благополучный и самодостаточный район начало лихорадить вначале в сознании людей. От деловой активности многие специалисты стали уходить в политические разборки, наметился раскол в ранее спокойном и в определённой степени дружном коллективе аппарата администрации района. Одни безоговорочно поддерживали создание новой партии и кандидатуру президента, другие смотрели на это с осторожностью и выбирали для голосования ту небольшую политическую силу, которая обещает поддержать пенсионеров и сосредоточиться на решении социальных проблем. Всё больше стали говорить и о смене главы города. Образовалось твёрдое большинство, которое было намерено просить действующего главу остаться работать ещё на один срок. Поддержка большинства не вызывала сомнений. Громов знал настроение Василия Григорьевича, видел, что он колеблется. И причиной такой неопределённости был директор главного предприятия. Без его поддержки выдвигать свою кандидатуру было рискованно, так как за директором стоял многотысячный коллектив завода, и ему была обеспечена поддержка из столицы. Он был депутатом областного законодательного собрания. Коваленко понимал, что реально может победить на выборах, но не хотел создавать конфликтную ситуацию, исподволь наблюдал за руководителем предприятия, получал отрывочные сведения от своих близких знакомых и некоторых депутатов. Проблема выдвижения кандидата на выборы главы города назрела настолько, что произошла утечка информации из кабинета директора главного предприятия. Рассуждая о предстоящих выборах, он сказал своим подчинённым:

— Конечно, Коваленко не Бог весть какой глава, он большой mudak *(непереводимое оскорбительное латинское изречение Помпея в адрес Антония)*. Я думаю, мы его всё же поддержим, если догадается прийти ко мне, поговорить. Тогда и решим.

Как уже было сказано выше, закон «ярлыка» никто не отменял. Особенно в среде тех, кто жил по своим собственным представлениям о власти. Утечка информации, конечно, была задумана заранее и вскоре дошла до главы. Коваленко не стал скрывать своего возмущения, говорил об этом открыто со своими заместителями. Дошло это и до охочей на сенсации журналистской братии. Через день он твёрдой рукой написал заявление на имя губернатора, с предупреждением, что не будет выставлять свою кандидатуру на новый срок. Известная газета, которую называли оппозиционной по отношению к местной власти, пригласила главу на встречу. Тот охотно согласился и выложил все свои соображения о позиции директора главного предприятия и его собственной в большом интервью. Читатели в завершении текста прочли: «Не может быть такого положения, чтобы глава района подчинялся директору предприятия!»

Но кто мог тогда предвидеть, что совсем скоро такой глава появится в кабинете администрации района? Помните, тот, что ходил к директору с папочкой? Что? Вы даже имени его не запомнили?

Думать вредно

В кабинете Руслана Сергеевича зазвонил телефон прямой связи с главой.

— Зайди! — услышал он голос своего шефа.

— Через две недели в Москве состоится торжественное собрание госкорпорации «Росмаш» в честь юбилея. Свяжись с сотрудником, ответственным за мероприятие, и назови ему фамилии членов нашей делегации, подкрепи электронной почтой. Обязательно включи в её состав Елену Романовну. Командировку ей сделай за счёт библиотеки. Себя тоже не забудь. Моя фамилия уже в списке госкорпорации в качестве обязательного участника. Я вылечу раньше.

Руслан Сергеевич вперил неопределённый по выражению взгляд в Георгия Георгиевича. Такого с ним ещё не случалось. По скованным движениям заместителя главы администрации можно было заметить, что это указание его смутило. Конечно, он включит в список заместителя по экономике и финансам, директора телерадиокомпании, подтвердит участие директора большого завода. Но как он оправдает присутствие Елены Романовны? Даже ему было затруднительно подвести под эту акцию достоверную версию. Приходилось уже считаться с мнением горожан. Да и «независимая» газета это не оставит без своего особого внимания. Не было ни одного номера без разборки и колких шуток в адрес главы и его

специфического окружения. Горожане читали эту газету, пренебрегая муниципальной, которая за бюджетные деньги делала неприкрытую одиозную рекламу «избранным» административного здания.

Чиновник внимательно смотрел на главу. Но тот не проронил ни одного уточняющего слова и сосредоточенно просматривал бумаги.

Работает недавно, думал о Елене Романовне «верный помощник». Она не руководитель учреждения, а только заместитель, как и я, общественная деятельность едва начала разворачиваться. Да и в районе досужие активисты сразу заметят, что есть заслуженные люди, достойные участия в празднике. Директор библиотеки опять будет возмущаться, что в бюджете нет денег на такую командировку.

Внутренний голос подсказывал Руслану Сергеевичу, что это рискованное дело с точки зрения имиджа администрации. Он прямо отвечал за стабильность в аппарате и в умах руководителей муниципальных учреждений и предприятий. Лишний «напряг» только вредит. Не зря же следил за каждой строчкой «своей» газеты и содержанием сюжетов на телевидении. Значит, надо искать надёжную версию.

Но Руслан Сергеевич был не из того «теста», чтобы не найти оправдания и потеряться в таких проблемах. Тем более всерьёз думать об имидже. Шеф сказал — и точка!

Он связался с Еленой Романовной:

— Лена, привет! Готовься лететь в Москву! Ты включена в делегацию на празднование юбилея отрасли. Это не учёба и не деловая командировка, скорее — деловой праздник. Обслужат по высшей мерке. В делегации Георгий Георгиевич, директор главного предприятия, его заместители и наш первый журналист. Увидишь много знаменитостей, послушаешь звёздных исполнителей в главном зале столицы. Иди к «любимой» директрисе, оформляй командировку. Я сейчас скажу секретарше, чтобы отправила ей телефонограмму, распоряжение шефа получишь позже. Меня тоже не забыли. Вперёд!

Тревога!

То, чего опасались сотрудники библиотеки со дня появления в их здании главы района, не вдруг, но случилось. Светлова Татьяна Игоревна, директор библиотеки, не согласилась перечислить деньги на мероприятие Елены Романовны, которого не было в плане на текущий год. «Огниво» с первых дней их «сотрудничества» периодически скользило по «кремнию», но его силы было недостаточно, чтобы высечь огонь. Это обязательно должно было произойти. И вот искра метеором упала на «горючий материал», и всё вокруг запылало: глава решил уволить директрису без предоставления другой руководящей должности. Непослушание для него означало должностное преступление. Действия главы упрощал контракт, который был заключён до Нового года, и его срок заканчивался через два месяца. Как использовали такие контракты при новом руководстве, читатели уже знают. Это ещё и значило выбросить работника вон без каких-либо гарантий. Коллектив, который можно было таковым называть по сохранившемуся с былых времён менталитету и дружной профессиональной солидарности, «закипел». Коллеги сами рекомендовали на директорскую должность своего испытанного товарища и сотрудницу и не могли понять, в чём её вина. Есть же трудовой кодекс, она ничего не нарушала, напротив, новая заместитель директора сама в нарушение бюджетных правил требовала незаконно исполнения внепланового мероприятия. Это ли справедливость? Они позвонили председателю объединённого комитета профсоюзов районных бюджетных организаций и получили подтверждение того, что действия главы расходятся с трудовым законодательством.

Активные сотрудницы начали звонить в редакцию «независимой» газеты, в представительство КПР в районе и авторитетным людям с приглашением всех на митинг в библиотеку в защиту своего руководителя. Здесь сказался старый инстинкт со времён социализма: посочувствовать и помочь товарищу по работе, несправедливо наказанному, обойдённому должным вниманием, испытавшему незаконное давление на себя. Справедливость была не просто словом, а понятием ещё живым и законным. Здесь же никто не заметил беспристрастия со стороны главного должностного лица района, напротив, заподозрили его в личной выгоде. О справедливом решении вопроса не могло быть и речи. Всё указывало на то, что глава здесь никого не ценит и решает свои проблемы напролом, без учёта нравственных потерь коллектива и своих собственных. Глава не мог осознать, что вмешался неестественным образом и в жизнь Елены Романовны, которой хотел сделать добро своим назначением её на придуманную должность. Какой демон не хотел «добра» своим жертвам?

Позвонили сотрудницы библиотеки и Алексею Васильевичу Громову. Алексей Васильевич возмутился действиями главы, начал утешать женщин, попытался связаться с бывшими коллегами, но их телефоны молчали или сообщали, что абонент (subscriber) вне зоны действия сети. Громов попросил сотрудников библиотеки отменить своё решение.

— Я сам переговорю с главой, пожалуйста, отмените своё решение о митинге, — сказал он.

Поздно вечером он позвонил Муромцеву домой и рассказал о событии в библиотеке. Евгений

Иванович вздохнул тяжело, будто ожидал такое развитие событий:

— Алексей, он вообще-то думает, что творит? Такие вещи не только главе, но и любому должностному лицу народ не прощает. Как здесь не вспомнить Платона? В своём труде «Государство» он прямо пишет, что справедливый человек схож с человеком мудрым и достойным, а несправедливый — с человеком плохим и невеждой. Как же он этого не понимает, да ещё в начале своей карьеры, делая такие грубые ошибки? Ты извини, что я с такой высоты подхожу к этой ситуации, но ведь глава исполняет не просто муниципальную должность, а в определённой мере и государственную. Он должен знать больше, чем Елена Романовна, тем более то, о чём предупреждали умные люди ещё до новой эры.

— Женя, ты, конечно, прав. Но знаешь, что я думаю? Не обижайся, но и без философов все хорошо понимают, что такое справедливость. Она дана каждому человеку от рождения, как чувство добра и зла. В раннем детстве оно интуитивно, не осмысленно, ребёнок просто чувствует, что кто-то к нему проявил несправедливость: унизил, обидел, отобрал, наябедничал, пригрозил, надсмеялся, нарочно исказил слова и подал их кому-то в выгодном для себя виде. Но взрослый-то человек прошёл школу жизни, что-то изучал и читал, попадал в поучительные ситуации, видел не раз реакцию окружающих людей на свои поступки. Ты что думаешь, он не понимает, что творит? Хорошо понимает, но делает это назло человеку слабее его, чтобы унизить и решить свои корыстные замыслы. Его поступок усугубляет ещё одно, может, самое важное обстоятельство: он облечён властью, за которую мы с вами, со всеми избирателями голосовали и дали полномочия руководить районом. Мы тоже несём ответственность за его решения. А что касается твоих слов, хорошо, что ещё есть люди, которые не чураются открывать книги философов. Во всяком случае, я твою цитату запомню, но думаю, что мне, как старому управленцу, надо сказать молодому главе об этом простым языком. Я попрошу встречи с ним.

Утром следующего дня Алексей Васильевич позвонил в кабинет главы. Трубку взяла секретарь приёмной Анастасия, с которой Громов работал некоторое время.

— Алексей Васильевич, Георгий Георгиевич сейчас на совещании. Что ему передать?

— Настя, пожалуйста, передайте ему, что я хочу переговорить. У меня срочный и важный вопрос.

— Хорошо, я обязательно скажу ему, когда вернётся в кабинет.

Громов прождал ответного звонка весь день, много передумал всего и слегка устал от душевного напряжения. Открыл гардероб, переоделся по-домашнему и ушёл отдыхать.

Вечерний звонок

После восьми часов вечера Алексей смотрел по ТВ исторический фильм по программе «Культура», когда раздался мелодичный звонок сотового телефона.

— Здравствуйте, Алексей Васильевич, звонит Зарубнин Георгий Георгиевич. Вы хотели со мной встретиться?

— Да, я звонил вам. Секретарь сказала, что вы заняты.

— К сожалению, это так, много было посетителей. По какому вопросу вы звонили?

— Вопрос важный и неотложный, но я не могу объяснить всё по телефону.

— Я пока на месте, приезжайте, я скажу дежурной, чтобы пропустила.

— Хорошо, через пятнадцать минут буду, спасибо!

Громов завёл свою «Ниву» и помчался по мокрому, чуть заснеженному асфальту в сторону красного здания администрации. Во мраке осенних улиц, очерченных слабым рассеянным светом газоразрядных ламп, встречались знакомые и такие близкие сердцу здания и памятники, названия магазинов и аптек. Их строй нарушали огромные рекламные баннеры. В памяти калейдоскопом чередовались картины из прошлой жизни строящегося города. Сколько талантливых людей здесь прошло, сколько идей, изобретений, «сумасшедших решений» воплотились в этих зданиях, мостах, мозаиках и площадях. Люди, люди, люди — главное историческое богатство города, а не камни и бронза с мрамором. Какие были баталии на планёрках и технических совещаниях, какие были яркие руководители: харизматичные, волевые, грамотные, с высокой внутренней культурой и духовностью. Настоящие энтузиасты и романтики, несмотря на возраст и нарастающие проблемы в экономике. Да что там возраст? Стариками считали даже сорокалетних. Молодёжь четверть века строила город, и он был самым молодым в области по среднему возрасту населения. Молодые строители, инженеры, учителя задавали тон всей жизни, всегда были впереди, подхватывали интересные идеи и первыми бросались их воплощать в жизнь. Они на общественных началах строили стадион, сами делали освещение и озеленение. Дважды спасали плотину от внезапного паводка, первыми в области построили слаломную трассу. Могли по первому сигналу выйти на субботник или уйти в тайгу на поиски пропавшего человека. Наградой им была задорная песня или пламя костра на полянке среди вековых сосен и елей. В маленьком городе, вопреки всем строительным нормам и правилам, создали на общественных

началах художественную галерею, зоопарк, шахматный клуб, исторический музей и уникальный музей Боевой славы, где установили ракетные комплексы, самолёты-истребители и боевые вертолёты, танки и пушки. Но это был только фон той большой и зажигающей работы с молодёжью и школьниками. На базе музея создали целую сеть военно-патриотических клубов. В них воспитывались не боевики, а мужественные, закалённые и патриотичные граждане, способные защищать свою Родину. А как любили книги! В книжном магазине порой шли баталии за право подписаться на собрание сочинений известного автора или купить редкую книгу. Не ради моды это делали, как стали утверждать современные нечитатели. Да, жизнь кипела! Вопреки невежеству и во благо развитию! Сегодня всё здесь выглядит по-другому. Не внешне, а внутри каждого, в душах горожан. Ломается представление о романтике, о коллективах и дружбе, о патриотизме и энтузиазме, о любви к книгам и вообще — к знаниям. И мечты стали какими-то бескрылыми, меркантильными. Что-то ушло навсегда, а что-то искажено до неузнаваемости или до «наоборот». Только ведь жизнь продолжается, и главные ценности остаются прежними, так могло казаться, только многое надо испытать вновь, докопаться до истины, преодолеть навязанное нам недоброжелателями. Даже в простых, очевидных жизненных проявлениях думающие люди чаще стали сталкиваться с антиподами привычного сознания, культуры, представления о ценностях. «Как проявит себя новый человек в районе, — думал Громов, — его первое должностное лицо, в беседе с „осколком“ прошлого? Осколком, но не ретроградом».

Дежурная на вахте встретила Алексея Васильевича приятной улыбкой и сказала, что Георгий Георгиевич ждёт в своём кабинете на втором этаже. Дежурное освещение, необыкновенная тишина, подчёркнутая мягкими ковровыми дорожками в полутёмных коридорах, успокоительно влияли на возбуждённого необычным приглашением позднего посетителя. Глава встретил Громова посреди кабинета. Пиджак его висел на спинке кресла у вспомогательного стола для небольших рабочих совещаний. За широкими окнами под тёмным небом мерцали плафоны уличного освещения, присыпаемые редким мокрым снегом. Одиночные машины, описав круг на площади, исчезали в коридорах притихших улиц. В кабинете было уютно, рассеянный неоновый свет располагал к спокойной беседе. Хозяин кабинета быстро принёс из смежной комнаты отдыха фарфоровый чайник и предложил гостю пакетики с ароматным наполнителем, печенье и конфеты — обычный рабочий набор для вежливой встречи.

— Алексей Васильевич, так что вас привело ко мне? Я думал, вы пригласите меня к себе домой.

Громов промолчал. Он не ожидал такого предложения, да и не был готов встречать дома главу района. Он никогда не приглашал вышестоящих руководителей, считая это излишним для деловых служебных отношений. Хорошо знал, что такая дружба часто заканчивается большими проблемами и, как правило, обрывается. Друзей находил в стороне от влиятельных политических и хозяйственных руководителей. Может, это была его личная ошибка, но он часто наблюдал за подобными отношениями, чувствовал от этого осадок в душе, понимая, что они неестественные в своей основе, не отражают истинных чувств и создают незримые, но болевые проблемы в деловом окружении.

— Георгий Георгиевич, я пришёл к вам, чтобы упредить от ошибки. Не посчитайте это за вмешательство в вашу прерогативу, я вижу в своём появлении здесь обоюдную проблему. Она касается не только вас как должностного лица, но всех жителей района, города Приреченска. Вы новый человек в районе, мы, избиратели, хотим, чтобы у вас всё получилось. Ведь всякие случайные действия главы отражаются не в лучшую сторону на населении, на каждом из нас. Если у вас не получится, значит, мы проиграем и время, и достоинство. Скажу прямо, сотрудники библиотеки меня пригласили на митинг против увольнения своего директора по вашему указанию. Наслышан о ваших первых шагах в должности главы, и я подумал, что вы добьётесь своего. Но это будет неправильное решение, оно негативно отразится на всех сотрудниках библиотеки.

— Ну вот, уже сразу и митинг! Наверняка наши депутаты от КПР подсуетились. Я думаю, что это просто шантаж.

— Георгий Георгиевич, я думаю иначе, коллектив библиотеки настроен решительно. Также знаю, что там будут активисты от партий, некоторые действительно настроены радикально. Позиция сотрудников умножит их негативное отношение к вашему решению. Оно оценивается многими как несправедливое. Полагаю, что и вы не отступите, будете держать свою линию… Я так почему-то думаю. Противостояние только затянется. Ни коллективу, ни вам это не нужно. Люди в митинговом возбуждении вряд ли смогут объективно высказать свои мысли и требования. Значит, мы получим шумный эффект, о котором завтра заговорит весь город и район. Кадровые вопросы на митингах не решают. И народ останется недовольным, и работники библиотеки не получат нужного решения. Главное даже не в этом. Вы поставили на некоторые ключевые должности своих людей из-за пределов района. Они нисколько не лучше бывших на этих местах. Их работа уже показала это. К директору библиотеки нет никаких претензий. Да, там искусственно обострили проблему инспекторы пожарной

охраны, причём в противоречие проекту здания, но такие вопросы не решаются в одночасье. Эту работу вашим сотрудникам предстоит включать в план на следующий год, надо будет выделять дополнительно деньги. Но известные вам люди из комитета по делам культуры, в унисон вашему требованию, упорно настаивают на наказании директора. Понимаете, какое складывается мнение людей по этому поводу?

Громов знал о той роли, которую возложил глава на Елену Романовну, и то, как она начала исполнять свои «обязанности», с первых шагов настроив против себя коллектив библиотеки. Конечно, несмотря на все усилия и уважительное отношение к своему новому заместителю, директор библиотеки не могла согласиться со многими «необычными» требованиями Елены Романовны, её независимыми и несогласованными действиями. Но он решил ни словом, ни намёком не касаться её лично. И строить разговор на объективных фактах и рассуждениях.

Глава слушал, не перебивая, потом заговорил:

— Вы, Алексей Васильевич, преувеличиваете негативные последствия смены директора. Она не справляется, и я обязан её уволить. Если вы так настаиваете, давайте вместе посмотрим, что ей предложить, только ни в коем случае не продлять ей договор.

— Не могу согласиться с вашим выводом о том, что она не справляется с работой. Сам был директором учреждения и знаю, как могут надзорные службы, выполняя приказ сверху, сгущать проблемы, не сообразуясь с реалиями. Сами знаете, сколько новых постановлений и инструкций идёт из столицы, исполнители порой не успевают их читать. Совсем недавно одно серьёзное ведомство, и вы об этом хорошо знаете, предписало всем школам и детским дошкольным учреждениям поставить решётки на окнах первых этажей. Другое, такое же не менее важное, ведомство через два года обязало их снять. Сколько времени и средств пропало зря? Сейчас появилось предписание расширить проёмы дверей на десять сантиметров и поменять сами двери. Вы же понимаете, какие это затраты и сколько надо времени на исполнение? Я уверен, что это постановление отменят, когда проблема дойдёт до президента. Но при чём здесь сам директор учреждения? Дадите деньги, и она выполнит любое, даже абсурдное, требование столичных «гениев». Коллектив хорошо отзывается о её работе, да и ваши специалисты никаких претензий до сих пор не предъявляли.

Громов заметил, что собеседник внимательно слушает, не перебивает; казалось, что он задумался, как быть дальше, и хотел бы сменить тему разговора.

— Я предлагаю вам вместе с Марией Ивановной Батягиной посмотреть, что можно предложить директору, потом обсудим. Кроме того, я попросил бы любезно вас помочь Марии Ивановне поближе ознакомиться с культурной средой города и района, людьми, что-то подсказать в начале её профессиональной деятельности.

Громову звонила ещё вечером председатель профкома и убедительно просила повлиять на главу с тем, чтобы перевести директора библиотеки на должность заведующего отделом, так как оставаться в прежней роли она категорически отказалась, сославшись на семейные обстоятельства. Алексей Васильевич согласился с этим предложением.

До истечения срока трудового договора с директором библиотеки времени достаточно, чтобы найти верное решение, думал Громов. Если, конечно, глава согласится с той достойной должностью, которую сама директор библиотеки видит для себя и которую поддержат Алексей Васильевич с Марией Ивановной. Всё же появлялась возможность повлиять на решение главы таким доступным образом.

Каждый из собеседников чувствовал, что его оппонент что-то не договаривает, держит до удобного момента свои мысли. Может быть, Георгий Георгиевич готовился ответить на щекотливый вопрос о роли Елены Романовны, директора ресурсного центра, в ситуации с директрисой, а Алексей Васильевич, зная довольно близкие отношения главы района с виновницей всего, что случилось в коллективе сотрудников, не посчитал тактичным коснуться её роли в той сложной обстановке. И всё же хозяин кабинета, как бы для информации, сказал о той миссии, которую возложил на Елену Романовну совет администрации по предложению главы, подчеркнул её роль в объединении творческих сил молодёжи района.

— Если хотите, я познакомлю вас с ней, интересный человек! — добавил он.

Гость рассеянно улыбнулся, но ничего не ответил. Он ожидал, что глава ещё что-то скажет о ней или её работе. Но Георгий Георгиевич сделал несколько глотков остывшего чая и, улыбаясь, смотрел на Громова.

«Если глава предлагает мне „поработать“ с Марией Ивановной, значит, есть шанс найти приемлемое решение по директору библиотеки», — подумал Громов.

Стрелка часов на стене кабинета приближалась к полуночи. Алексей Васильевич решил затронуть ещё один вопрос, который действительно волновал многих горожан:

— Георгий Георгиевич, извините меня, я затрону один не совсем удобный вопрос. Все, с кем я общался в последнее время, а это разные люди, отмечают, что вы продвигаете своих бывших коллег и знакомых людей на высокие должности, что «круто» относитесь к руководителям предприятий,

кстати, опытным и авторитетным, не хотите встречаться с представителями КПР, а я слышал, что они пытались с вами поговорить, хотели обсудить вместе с вами важные проблемы.

У Громова было особое отношение к коммунистам. Человек своего времени, со всеми его достоинствами и недостатками, он всё ещё думал о какой-то общей цели, о дружеском общении разных политических сил в решении больших проблем. Для него главным был человек, как и для многих его коллег. Он также думал, что народные депутаты, глава района и весь исполнительный аппарат должны тоже на первое место ставить человека, независимо от своей партийной принадлежности. Занимаясь хозяйственной работой, Громов увлечённо продвигал свои идеи в социальной сфере района, поддерживал разумные предложения сотрудников. Сейчас он во вред себе говорил главе района о необходимости находить общий язык с теми, кто остался верен партии. Оставаясь беспартийным, делал это, зная, что за немногими партийными ортодоксами стоят простые доверчивые и ещё деятельные коммунисты, готовые прийти на помощь товарищу, подставить своё плечо в трудную минуту, готовые помогать району при любой персональной власти, если от неё исходят разумные предложения. Его главной мыслью было то, что «мы все — один народ» и надо решать государственные задачи совместно, не разделяя на своих, преданных, соратников и чужих, с их особыми взглядами. Он даже думал, что возможно создать совещательный орган на общественных началах, который бы включил в себя представителей всех партий и движений и собирался раз-два в год для координации своих действий на перспективу. Но понял, что подобные шаги категорически отвергаются правящей партией. Именно это было стержнем в сохранении её власти в каждой области, крае, городе и районе.

Георгий Георгиевич нахмуренно и отвлечённо посмотрел на Громова и сказал:

— Что касается представительства КПР, скажу вам, что я пытался с ними поговорить, но они пренебрегли моим предложением, это их дело.

Громов понимал, что он перешёл «красную черту» вежливого общения и ожесточает собеседника. Но мысленно оправдывал это поведение тем, что всё сказанное им уже было на устах многих горожан и ответственных работников организаций. Он посчитал, что обязан об этом сказать, используя случайную встречу.

— Много говорят и о вашем жёстком решении по отношению к сантехникам, — продолжал Алексей Васильевич. — На днях они не смогли до конца смены вычистить два колодца от ила, вы заставили их работать до полуночи под дождём. Ведь можно было дождаться утра.

Громов понимал, что продолжает «перебирать», говорит лишнее, что может вывести влиятельного собеседника из себя или, во всяком случае, ужесточить беседу и заставить его до времени попрощаться. Разговор был на грани дозволенного этикетом. Алексей Васильевич оправдывал такую ситуацию ещё и тем, что в разговоре по телефону с главой он сказал о том, что хочет обсудить проблему, глядя в глаза собеседнику. Это означало доверительность и выход за рамки тех официальных приличий. Георгий Георгиевич всё выдержал, оставался вежлив и охотно отвечал на вопросы, незаметно мысленно наблюдая за известным в районе собеседником, взвешивал и оценивал его слова. Услышав вопрос о слесаре, он взял в руки планшет и показал видеозапись, которую он сделал накануне вечером:

— Вот смотрите! Я поручил ещё утром убрать снег от бордюров на улице имени директора главного предприятия. Посмотрите, что я увидел три часа назад! Всё по-прежнему! Как к этому относиться? То же и с колодцем. Явный саботаж, демонстрация «свободы и независимости». Если бы это касалось политики — ладно. Но это же наш город, наша с вами повседневная жизнь.

Слово «саботаж», видно, крепко засело в голове Георгия Георгиевича, и он повторит его ещё не раз.

Обдумывая итоги беседы, Громов за полночь возвратился домой.

Через пару дней он позвонил Марии Ивановне и договорился о встрече…

Разговор «на понимание»

Мария Ивановна Батягина встретила Алексея Васильевича в своём кабинете приятной улыбкой, распахнула гардероб, подхватила и повесила на плечики его куртку. Завязался долгий разговор «на понимание».

Алексей Васильевич работал не с одним заведующим отделом культуры, который недавно преобразовали в комитет по делам культуры и молодёжной политики, объединив его с отделом по делам молодёжи. Он хорошо знал круг проблем, людей, бюджет учреждений, те «острые углы», от которых получали душевные раны даже опытные руководители комитета и учреждений культуры. Первое, что он вежливо и понятно начал объяснять Марии Ивановне, это тонкости работы с руководителями учреждений и специалистами, творческими работниками и талантливыми исполнителями: музыкантами, певцами, танцорами, самодеятельными актёрами. Особо объяснял, как строить работу с поэтами и писателями литературного объединения.

— Мария Ивановна, — говорил он, — только внешне кажется, что в коллективах полное благополучие, любовь друг к другу и взаимопомощь. На самом деле всё гораздо сложнее. В культурной

среде среди грамотных и амбициозных специалистов постоянно живёт дух соперничества, первенства, личной исключительности. Каждый старается проявить себя, получить добрую оценку своего труда, выгодно сравнить себя с коллегой по работе и творчеству. Порой это обретает крайние формы, которые переходят в прямой конфликт, «бескомпромиссный и порой беспощадный». Особенно обостряются отношения, когда происходит смена руководителя. Тогда выясняется, что половина коллектива видит на его месте одного человека из своей среды, другая — другого. Вот здесь-то и важна роль директора комитета, как он сумеет развести стороны, убедить, не унижая достоинства каждого кандидата на должность, убедить с аргументами и собственной объективностью весь коллектив. Вы что думаете, в библиотеке не было бурных конфликтов? Конечно, были. Мы вели долгие разговоры с каждой из сторон, предлагали варианты, убеждали примерами из жизни. В тупиковой ситуации, которую представляют как «наезд стенки на стенку», мы отдавали предпочтение авторитетным профессионалам вопреки воле сотрудников. Главное, быть объективными, не отдавать личное предпочтение одной стороне, терпеливо выслушивать все доводы, быть выше всех в понимании культуры отношений.

Алексей Васильевич внимательно наблюдал за выражением лица собеседницы, её глазами и про себя думал: «У вас есть проблемы с личной культурой, я уже не раз слышал о них, даже был как-то свидетелем. Сумеете ли вы подняться до уровня своих коллег-предшественников, хватит ли у вас терпения, уважительности к подчинённым?»

Он только спросил Марию Ивановну вслух:

— Что вы читаете, чем увлекаетесь в свободное время?

— Вообще-то читать некогда. Но месяц назад я прочла книгу «Поющие в терновнике», кажется, Макало написала.

— Маккалоу, — уточнил Алексей Васильевич.

— До неё, правда, уже давно, читала «Унесённые ветром», интересная книга. Автора иногда забываю. Митчелл, кажется, не знаете?

— Да, Маргарет Митчелл. В романе много такого, что и мужчинам нравится. Но мне больше интересна сама автор. В ней талант хорошо ужился с духом времени, и от него веет историей того особого периода Гражданской войны. В перипетиях любви есть что-то романтическое, возвышающее героиню над той сложной действительностью. В книге заложена невидимая пружина, наверное, она идёт от души автора и скорее раскрывает её, а не героиню.

— Спасибо, я обязательно её перечитаю. Конечно, я бы хотела здесь жить, выйти замуж. Мне нравится город, район в целом и люди. Правда, не всегда получается понять друг друга.

Другая проблема, которую Алексей Васильевич позволил себе обозначить, — это возможная самостоятельность в работе, отношение с главой города и его коллегами. Тема была явно рискованной. Алексей Васильевич это понимал. Но его несколько идеалистический характер, былая доверчивость к людям подтолкнули обсудить и этот вопрос, изложить личную точку зрения. Если родители или собственный труд души заложили основы этичного поведения в этой женщине, то она не позволит себе рассказывать своему начальнику эти доверительные тонкости, обсуждать с ним, принимать или не принимать к руководству советы старшего собеседника.

— Мария Ивановна, вы занимаете сейчас высокую должность в администрации района. Это значит, вы всегда на виду. По вашему поведению судят о личном авторитете. Признаемся, что это очень важно для вас как руководителя. Я понимаю, что вы — протеже главы города, он для вас самый большой авторитет в районе, это естественно, и никто не покушается на ваши отношения с ним. Но есть незримые ограничения. Будете вы их учитывать в работе или нет, от этого многое зависит. Поймите правильно, я хочу, чтобы у вас всё получилось. Скажу прямо, горожанам и жителям района важно видеть достижения в культурной жизни, а не борьбу личностей и провалы. Что я хочу сказать? Окружающие вас люди должны видеть вашу личную самостоятельность и стремление добиваться успехов собственными силами. Если вы будете опираться только на авторитет главы, к которому имеете более свободный доступ, чем ваши коллеги, то окружение замкнётся в себе. Вам не будут доверять, идти навстречу, поддерживать в трудную минуту. Может настать такая минута, когда ваш протеже не сможет вас выручить. Поверьте, кроме административной силы, которая, кстати, временна, есть ещё более мощная сила, сила народного мнения, отношение людей.

Громов внимательно смотрел на Марию Ивановну и думал: «Что возьмёт верх в её душе — здравый смысл или слепое преклонение перед своим главным начальником?»

Комильфо или моветон

Конференц-зал администрации, который служащие называли залом совещаний, располагал двумя сотнями мест. Кого он только не видел за последние тридцать лет! Работал здесь ранее многолюдный по тем меркам Совет депутатов трудящихся. Когда в него вклинился небольшой по количеству малый совет с преимуществом новых лиц от демократической партии, все возбудились, начались резкие споры между «бывшими» и вот этими, самыми «прогрессивными», мыслящими посланниками от народа, какими они себя представляли. Главной их задачей было избавление от бывших партийных и советских руководителей, активных рабочих,

которые не хотели признавать ни эту группу, ни саму новоявленную партию. Один депутат от главного предприятия, всего полгода назад вступивший кандидатом в «руководящую и направляющую» партию, вдруг бросил красную книжечку на стол секретаря парторганизации и вступил в демократическую партию. Был избран в районный совет депутатов по её рекомендации. Там он развил бурную деятельность, много раз выступал с «умными» речами и как-то поделился с мэром впечатлением о его работе:

— Вы знаете, Василий Григорьевич, я думал раньше о вашей работе и считал, что вы ничего не делаете. Или всё, что делаете, никуда не годно. Надо вас и команду, особенно членов партии, гнать. Но теперь изменил мнение. Вижу, что вы работаете. Значит, законы не те, что надо, будем их менять. А по партийцам всё равно примем решение, чтобы здесь больше никого из них не было.

— Но вы тоже партийцы!

— Партийцы, но другие.

Баталии едва не доходили до рукопашной. Но провести в реальность свои настойчивые предложения они не смогли. Вместо «своего человека» на должность председателя совета депутатов, которого они добивались поставить, был избран большинством бывший председатель исполкома горсовета. Но малый совет возглавил представитель от демократической партии, как оказалось, ненадолго, и депутаты погрузились в работу.

За тридцать лет всё и все успокоились, совет стал немногочисленным, всего два десятка депутатов. Для совещаний и сессий нового совета им хватило бывшего помещения библиотеки горкома партии, которое переоборудовали под его деятельность. Новая партия, собранная волей предприимчивых политиков из нескольких небольших скороспелых образований, как и в былые времена, обеспечила себе монополию и крепко держала власть. Регламент помогал соблюдать общую дисциплину в депутатском корпусе, а председатель совета не позволял заметно отклоняться от линии правящей партии группе депутатов, которые прямо называли себя оппозиционерами. Особо они почувствовали «железную руку» с приходом Георгия Георгиевича и внимательно следили как за его речами, так и за внешним видом, поведением, откладывая в сознании его реальные возможности и вероятные опасности. Что-то воспринимали с усмешкой на устах, что-то — сжав губы и насторожившись. Эти депутаты часто задавали неудобные вопросы, пытаясь довести до решения свои проекты. Они обрушивались порой на своих коллег, пока ведущий, то есть председатель, их не обрывал: «Только без личностей, соблюдайте приличия».

Для проведения праздничных или других важных мероприятий часто использовали большой и малый залы Дворца культуры.

На одном многолюдном торжественном мероприятии, но уже в большом зале Дворца культуры, присутствующие обратили внимание на перемены в облике главного руководителя района. Что-то необъяснимое произошло в нём. Две недели его никто не видел и не знал, куда подевался такой «самобытный» начальник. Может, отдыхал на юге, может, какая секретная командировка. Сотрудники только гадали. В приёмной вспоминали, что накануне два серьёзных парня с военной выправкой «влетели» в приёмную и, никак не назвав себя, исчезли в кабинете главы. Вышли они уже втроём. Георгий Георгиевич выглядел испуганным и пробежал вместе с роботоподобными «гостями» мимо секретаря, не сказав ни слова. Всех присутствующих обдало казённым сковывающим холодком. Прошло две недели, глава появился перед сотрудниками администрации в новом облике. Исчез тот Жора с мальчишеским чубом и представился прямо-таки вылитым комильфо. Может быть, вселилась в душу бóльшая уверенность в работе с тем покорным кругом подчинённых руководителей, которых назначали по его прямому указанию, может, надо было показать своё превосходство хотя бы во внешнем виде или проникшее в глубину души приятное ощущение своего равенства с главами других районов. Сотрудники гадали недолго, но чувствовали, что с Георгием Георгиевичем произошло что-то незаурядное, встряхнувшее его жизнь. Может, он пережил чувство пропасти перед собой и остался невредим, может, получил поддержку, от кого совсем не ожидал, но его «боевой» вид говорил о том, что началась новая жизнь. Теперь важно было не только в собственном сознании войти «своим» в круг делового общения с руководителями большого региона и управлений областной администрации. А может, и поддержать имидж во время частых визитов в столицу на нужные и ненужные совещания и праздничные мероприятия. Не последнюю роль наверняка могла играть и симпатичная дама, с которой «приходилось» иногда делить широкие кожаные кресла бизнес-класса в авиалайнерах и места в столичных театрах. Заметили внешние перемены у главы района и многие телезрители на экранах телевизоров. Держал он себя прямо. Сразу бросалась в глаза напомаженная стрижка уложенных вверх с глубоким пробором тёмно-русых волос. Что-то в стиле «блуджер» по технике сужающегося фейда. Над ушами волосы пострижены «под ноль» с медленным удлинением к вискам. Они даже стали казаться более светлыми. Модная причёска брутальных мужчин! Свободно прилегающий к фигуре тёмно-синий костюм (такой цвет часто мелькал с экранов телевизоров на чиновниках аппарата совета министров страны и на заметных публичных олигархах, приближённых к главному

лицу). Застёгивался модный пиджак костюма только на одну верхнюю пуговицу. Брюки были с безупречно наведёнными стрелками. Затёртые туфли областной фабрики сменились остроносыми итальянцами «Фаби». Какие по значимости и стоимости были часы на запястье, трудно уловить из-за манжеты, скреплённой дорогими запонками, белой, с чуть заметным серым оттенком, модной рубахи. Завершал внешний вид главы этаким акцентом синий галстук с белой крапинкой, премиум-класса «Босс». У некоторых, замечу, остроглазых и вечно чем-то недовольных посетителей праздничных торжеств или массовых мероприятий во Дворце культуры возникал вопрос: «Откуда у вас, дорогой, появились такие деньги, чтобы облачиться во всё это эксклюзивное, премиальное, заморское? Да и какая „муха“ вдруг укусила, чтобы так быстро поменять имидж? И не проще ли подобрать добротный костюм и новые туфли, делать модную, но неброскую мужскую стрижку?» Один местный острослов, слушая выступление главы, размышлял, положив ладонь на руку своего соседа, товарища по работе:

— Послушай, Степан, не пойму: то комильфо или моветон?

— Здесь, в зале, может быть и первое. Если на работе, то второе. Надо место знать!

А может, ничего необычного в этом не было? Зарплата у глав городов и районов сейчас достойная, общаться приходится в разной среде: от министерских чиновников до высокопоставленных гостей от разных бизнес-сообществ, представителей творческой элиты, губернаторского корпуса. Там бедных людей нет. Зачем портить впечатление, притворяться провинциалом? И верно, встречают по одёжке… Может быть, столь внезапное изменение имиджа вызвала молодая одинокая особа, с которой в близком общении не замечали ни одного достойного её внимания молодого человека? Главным для неё и самым авторитетным пока оставался наш герой. Ей-то был знаком вкус новых модных явлений не только по красочным журналам. В ресурсный центр она пригласила из областного города опытного стилиста.

— В первую очередь — забота о народе,— говорила она,— пусть наши провинциалки почувствуют вкус к настоящей моде. Мужчины тоже не будут забыты.

Зал с интересом смотрел на обновлённого главу района. Можно было заметить, что многие женщины совсем не слушают, о чём он говорит, и внимательно разглядывают его прямые плечи, мужественную шею и модную причёску. Тридцатилетняя заведующая отделом Алёна Сергеевна нервно перебирала тонкими пальчиками с декоративными ноготками длинный шёлковый шарфик. Его украшала красивая брошь. Края шарфика лежали на верху короткой юбки. Весьма заметная среди служащих администрации района молодая женщина иногда поднимала длинные чёрные ресницы и скучающим взглядом пробегала по лицу и плечам оратора. Её красивые губы с неброским нюдовым макияжем подчёркивали гармонию всего лица. Эти губы по своим формам не успели испытать той моды, которая затронула пока юных особ. Для тех, кто перешагнул давно молодёжный возраст, всякие эксперименты с такой выразительной частью лица могли сделать женщину смешной. Поэтому контурной пластикой первыми начали увлекаться девушки. Они накачивали прекрасную часть лица у косметологов для придания ещё большего очарования и сексуальной привлекательности. Наша героиня точно знала, что её естественные, тонко и красиво очерченные природой губы скажут больше, чем накачанные у юных девиц. Внимательный наблюдатель мог заметить их живое движение. Оно выдавало её настроение и даже мысли. Получалось это порой доходчивее выражения глаз. Вот они на мгновение сжались и превратились в тонкую и прямую полоску. Женщина волнуется, ей что-то не понравилось в поведении оратора. И вдруг она приоткрыла их: человек на сцене стал интересен. Спокойные очертания они обрели, когда всё пошло по обычному сценарию. Пшеничного цвета волосы красиво прикрывали плечи волнистыми прядями. Они больше говорили об уверенности и безразличии ко всему, кроме главного человека у микрофона. Только самый внимательный человек, если бы он смотрел ей в глаза и следил за переменой в положении губ, мог догадаться, что внутри неё бурлит своя жизнь, внутренняя, чувственная, её мечты далеки от серьёзной речи начальника всего района. Сам глава часто останавливал свой взгляд на её лице, будто подбирал в том приятном образе нужные слова.

Читатели не простят мне нескромные наблюдения, но таковы уж привычки тех, кто взялся за перо, чтобы передать впечатление от окружающих нас людей в лицах и делах, также в других жизненных проявлениях. Если мы будем думать, что строгий и, казалось, безучастный человек, стоящий за микрофоном, ничего не замечает, что он поглощён темой своего выступления и отмечает только реакцию своих подчинённых, то мы глубоко ошибаемся. Он видел всё. С высоты своего опыта зрелой натуры успевал замечать выражение многих лиц, неопрятный костюм или небрежную причёску сотрудника администрации или приглашённого, откладывал в сознании на будущее скрытую от других информацию. Конечно, он видел и эту женщину в седьмом ряду, понимал её стремление отличиться от коллег своего пола по работе, но откладывал свою реакцию до удобного времени.

Алёна Сергеевна

Кабинет Алёны Сергеевны почти ничем не отличался от других в здании администрации района. И всё же были едва заметные отличия. На приставном столике стоял портрет Брэда Питта. Его красивое и мужественное лицо наверняка помогало в трудные минуты отвлечься или, наоборот, обратиться к нему наедине с какими-то заветными словами. Пусть это останется тайной хозяйки кабинета. В маленькой фарфоровой вазочке, с декоративным оформлением в виде трёх розочек на плоской стороне, стоял букетик таких же миниатюрных роз. Всё остальное составляло стандартный набор мебели рабочего места заведующего отделом: компьютер, принтер, телефоны прямой связи с главой района и главой администрации. Городской аппарат стоял на краю большого стола. С левой стороны стопкой лежало несколько объёмных папок. Другие такие же папки-регистраторы были аккуратно поставлены на полки застеклённого шкафа. Алёна Сергеевна готовила проект программы по развитию района на следующие три года. Она собрала справки со всех отделов администрации и муниципальных учреждений, промышленных предприятий и сводила в общий объёмный документ. Это была рутинная работа: копаться в отчётах, отбирать нужную информацию, что-то уточнять по телефону, исправлять неточности и ошибки. Всё, что содержалось на бумагах, ей продублировали в электронном виде. Так было легче ориентироваться и расставлять материал на нужные страницы и в разделы, убирая всё лишнее и корректируя текст. Она возмущалась про себя, когда видела неграмотные предложения составителей, смеялась над автором или его секретарём, когда находила грамматические ошибки, присущие школьникам пятого-шестого класса. Тексты справок служили ей той «лакмусовой бумажкой», в которой отражались вузовская подготовка инженеров и управленцев, их отношение к собственному развитию, отсутствие любознательности и общей культуры. Было время, когда инженеры с гордостью носили голубые ромбики значков выпускников вузов, и недаром! Их общая и специальная грамота была почти на уровне современных кандидатов гуманитарных наук. Грамматическая ошибка считалась позором. К счастью, были и выверенные, грамотные отчёты, с умными предложениями и перспективным мышлением. Таких были единицы, и она знала этих людей, всегда с интересом с ними беседовала, развивала свои мысли и представления на перспективу.

Алёна Сергеевна была одинокой женщиной. Она потеряла мужа, который погиб при восхождении на пик Машербрум в Гималаях. Молодая женщина не была «синим чулком». Близкие подруги знали, что в её душе порой кипели страсти, она хотела нравиться мужчинам, и они часто теряли голову, готовы были всё бросить и упасть перед ней на колени. Алёна Сергеевна вовремя останавливала себя и отходила от нового поклонника, казалось, жёстко и сухо. Долго переживала мимолётное увлечение, плакала по ночам, больно кусала губы и зарывалась с головой в постель. И сейчас перед глазами встал её ушедший муж Герман. Вот она поднимается с ним на свою первую вершину — Эльбрус. Заснеженная, будто вздутая, округлённая вершина на плато, с которой они, обнявшись, глядят на бурые холмы Кавказских гор. Долго задерживают восхищённый взор на посеребрённых местами пятнах снега и на тёмно-голубой переменчивой полосе горизонта. Они сливаются в поцелуе, опьянённые всем торжеством природы: сказочным видом, прохладой разрежённого воздуха, переменчивой расцветкой неба, тем собственным достижением, к которому долго стремились, — покорением вершины, первой в её жизни, пусть и не самой знаменитой по высоте и своей недоступности.

Герман был не только заядлым альпинистом, путешественником, но и увлечённым человеком в профессии программиста. Он первым со своей группой разрабатывал собственные отечественные программы для экономических расчётов и проектов. Научил жену мечтать и покорять собственные вершины в жизни. Алёна Сергеевна не могла забыть это. Чувства исходят из души. Душа живёт в теле, но что или кто её источник — покрыто мраком. Это то, что называют божественным даже те, кто не верит в Бога. Душа руководит человеком и сама, независимо от его телесной сущности и разных мысленных схем в голове, сама знает, кого любить, кого ненавидеть. Она тот сканер, который проникает в души других, чувствует их внутреннее состояние и настраивает обе стороны на созвучный лад. Люди только наивно думают, что сами нашли свою любовь, что их рассудок или вечный телесный инстинкт продолжения рода определил спутницу жизни. Здесь всё сложнее. В душах действуют другие законы и неведомые человеку силы. Они вводят в приятное заблуждение влюблённых простым и ясным объяснением. Но оставим это философам и психологам. Наши герои будут любить друг друга так, будто это одна душа, слитая в мировом пространстве, и она питается высшими силами Вселенной.

Здесь, сейчас, всё было другое, чужое и холодное. Время отняло первый жар сердец, который уходит медленно и болезненно, душа немеет и другим чувствам не оставляет места. Она тает, как лёд в Антарктиде, и слёзы растекаются по планете, слёзы спрятанной навек любви. Время делает попытки оживить её. Хватит ли его на короткой дистанции в этой мгновенности?

Алёна Сергеевна постоянной связи с мужчиной не завела, но испытала несколько увлечений, которые не тронули её сердца, а только оставили тревожный след в душе, какой бывает от ошибок, которые надо исправить или стереть из памяти. Это была своеобразная скрытая школа жизни. Внутренняя, душевная и мыслительная. Недоступная другим, строго личная, чувствительная, исключающая упрощённое отношение к чувствам. Поэтому её душа просила чего-то более высокого не только во внешнем облике, уме и в силе мужчины. Ей мог понравиться только интересный человек, содержательный, не просто умный, но и грамотный, увлечённый. Она искала свою «гималайскую вершину», а жизненный опыт сдерживал возникавшие в сердце бури. Алёна Сергеевна хорошо понимала, может, по-своему, что есть любовь как природный инстинкт, позыв к продолжению рода или толчок к наслаждению. Но есть и более весомая, значимая любовь, данная человеку. Она не просто подарок Создателя, а воспитанная в муках переживаний, в процессе познания и общения с прекрасным. Такая любовь — плод наблюдения за множеством близких и далёких людей, их достижениями и счастливыми днями в жизни, в осмыслении прочитанных книг и лучших стихов любимых поэтов. Она, наконец, плод воспитания чувств. Сотрудницы Алёны Сергеевны, отношения с которыми походили на дружбу, видели её как успешную служащую администрации: собранную, красивую, умную и энергичную. Она пользовалась авторитетом у главы и его заместителей. Вот она такая! А какая она на самом деле, никто не догадывался. Всё скрывалось за ширмой деловых отношений и поверхностными дружескими проявлениями.

…Громко, одним непрерывным скрипучим сигналом, зазвонил телефон прямой связи с главой района. Алёна Сергеевна быстрым движением руки отбросила нависшую на правую бровь волнистую прядь волос и взяла трубку.

— Слушаю, Георгий Георгиевич!

— Алёна Сергеевна, зайдите, пожалуйста!

Она вначале не поняла, почему вдруг он обратился к ней на «вы», да ещё вежливо, со словом «пожалуйста». Быстро освоившись с аппаратными делами, глава ко многим стал обращаться на «ты» без церемоний и приглашал к себе в кабинет коротким словом «зайди».

Алёна Сергеевна быстро встала из-за стола, поправила юбку, заглянула в зеркало за дверью и лёгкими, но уверенными шагами направилась на третий этаж. Заметила внимательный взгляд секретарши, которая раньше почти не обращала на неё внимания, а только подчёркнуто официально отвечала на вопрос, занят или нет глава.

— Георгий Георгиевич один, заходите.

С некоторых пор он, сославшись на подготовку важных документов в областное правительство, велел секретарю приёмной разрешать входить в кабинет заведующей отделом без предварительной заявки.

Георгий Георгиевич быстро встал из-за стола и сделал несколько шагов навстречу Алёне Сергеевне, приглашая сесть. Для неё это тоже было новым в поведении начальника. Обычно он принимал своих сотрудников сидя и молча, порой дописывая какой-то документ или подписывая готовый. На его лице была сдержанная улыбка, и глаза блестели, выдавая внутреннее волнение. Опытный глаз Алёны Сергеевны заметил эти внезапные перемены в поведении начальника. Но она не подала вида и сделала серьёзное сосредоточенное лицо, как бы обращаясь к нему со словами: «Слушаю вас». Глава быстро сел в своё кресло и спросил:

— Алёна Сергеевна, вам все предоставили справки? Я же давал срок до первого числа.

— Да, Георгий Георгиевич, все сдали, и в электронном виде тоже. Я уже треть материала обработала, у кого надо — потребовала уточнения, так что работа движется.

— Областное министерство требует показать им проект для ознакомления. Они, видимо, торопятся тоже набросать свой документ, это им надо для предварительной работы. Поэтому я прошу вас сделать черновой вариант раньше их намеченного срока к десятому числу. Мы вместе с вами и моими замами посмотрим ваши наброски. Поедете к министру сами.

Глава внимательно, даже с особым интересом, смотрел в глаза собеседницы. Он видел, что она свободна в движениях, бархатный голос её был низкого тембра, мягкий и приятный. В ней не было той скованности и выражения покорности или повышенного внимания к начальнику, которое присуще многим подчинённым, выполняющим указания или приказы своего шефа. Её красивое лицо располагало, вопреки официальной обстановке, в которой находились оба, не к формальным отношениям, а в лучшем случае — к дружественным. Он это чувствовал, но должность обязывала не подавать вида. В нём, пока слабыми внутренними импульсами, начинали тревожить душу новые, совершенно случайные чувства, которых он ещё не успел понять. Но Алёна Сергеевна что-то уловила краешком души, поняла его неожиданное и не свойственное ему состояние по мягкости речи и необычному для главного чиновника, едва заметному волнению. Она вспомнила о Елене Романовне, чьё имя давно было на устах её коллег. При первой же встрече увидела, насколько близка эта молодая женщина к нему, как он заботится о её закреплении на новом месте работы, как оберегает от вмешательства кого-либо в её дела. Опыт подсказывал, что он действует вопреки правилам и традициям аппарата администрации,

ведёт себя, не замечая ни мнения, ни реакции своих коллег. Это было ново для неё. Алёна Сергеевна понимала, что надо быть осторожной, чтобы не попасть в неловкую или опасную ситуацию. Но дух соперницы, пусть мнимой, тот воинственный дух, который рождается в сердцах одиноких красивых женщин вопреки воле и обстоятельствам, вдруг кольнул неслышным выстрелом её сердце. В ней на мгновение пробудилась Мария Магдалина периода её жизни до мифического изгнания бесов самим Иисусом. Пусть женщины думают о себе, избегая или таясь порочных мыслей, что в их душах совсем не прячется дух этой мистической вольной пришелицы из Магдалы. Но он от природы неощутимо зародышем живёт в них, так же как добро и зло. Читатель помнит, как Есенин про свою душу сказал: «Если черти в душе гнездились, значит, ангелы жили в ней». Это метафизически присуще и мужчинам, и женщинам. Но распорядиться тем духом каждая женщина может только сама. На случай самого неожиданного преображения тысячи художников, как бы сочувствуя, но наслаждаясь образом Марии Магдалины, создавали шедевры живописи, а служители церкви обратили её в провозвестницу воскресения Христа и сделали её святой. По силам ли устоять после такого её триумфа представительницам прекрасного пола, хотя бы в мыслях? Но мы не будем так нескромно ворошить душу нашей героини, где сокрыто множество тайн, и заведомо предполагать проявление ею слабости.

Не подавая вида ни глазами, ни голосом о том, что она проникла в тайну его чувств, Алёна Сергеевна вежливо напомнила, что через две минуты начинается аппаратное совещание, которое он обычно ведёт, и поспешила выйти из кабинета.

В небольшой аудитории, знакомой нам по первой главе повествования, как всегда в первый понедельник после первого числа, сидели руководители отделов, управлений, директора муниципальных предприятий. Поспешная приватизация породила много важных и больных для районной власти проблем. Одной из них была ликвидация, а по сути — разгром эффективных муниципальных хозяйств. Те службы, которые создавались десятилетиями, наращивали свой технический потенциал, тонко и органично реагировали на все возникающие ситуации в городе и районе, вдруг стали не нужны, вернее, противоречили законодательству. Новые хозяева, в основном из областного центра, а порой из территорий за тысячи километров от района, распродали часть техники, уволили специалистов и успешно стали побеждать на конкурсах. Такие «победители», показав заниженную цену услуг, посылали в район своих представителей, которые заключали договор с администрацией, потом у местных предпринимателей искали необходимую технику, вольных работников и «успешно» срывали планы. С такими случайными силами и техникой они не могли качественно выполнить работу. С фирмами судились, теряли время и уровень содержания населённых пунктов, потом «хватались за голову», бормоча под нос: «До чего докатились!» Алёна Сергеевна нашла «лазейки» в законодательстве и предлагала воссоздать подобные предприятия, но с новыми условиями, не нарушая федерального закона. Это давало возможность не только повысить качество содержания территории, но и сэкономить значительные средства.

На планёрке глава выглядел не так уверенно и твёрдо, как обычно. Были мгновения, когда он стал повторяться в мыслях, сделал невпопад замечание директору городской бани и поспешил закрыть совещание.

В середине зала сидели за одним столиком друг перед другом директор районных электросетей Евгений Леонидович Пегов и директор водоканала Анатолий Иванович Целуев. Они, стараясь быть незаметными для главы, за спинами коллег шептали:

— Ты чувствуешь, что кто-то управляет его головой?

— Да! Видно по глазам. Только не «собачий хвост».

Аудиенция

Девятого числа текущего месяца Алёна Сергеевна ехала в областной центр на машине главы района. Когда она заказывала транспорт, секретарь приёмной сказала ей, что глава распорядился дать свою служебную иномарку, так как он весь день будет занят на семинаре по малому предпринимательству во Дворце культуры. Она не придала этому никакого значения, поскольку сотрудники её уровня часто выезжали в областной центр на машинах одного из руководителей администрации, чаще всего — заместителей главы администрации. «Toyota Camry» бизнес-класса, с присущим ей стильным дизайном и премиальным комфортом, приятно располагала к созерцанию окружающего мира с его изменяющимся ландшафтом, переменчивыми красками полей и мелколесья, всеми теми просторами, которые открывались за ветровым стеклом. После длительного сидения в кабинете, бесконечных совещаний и деловых встреч это было подарком душе. Кстати пришлась и классическая музыка, которую нашёл специально для неё в многозвучном эфире водитель. Алёна Сергеевна давно не слушала серьёзных произведений и была рада любому из них, которое тронуло бы её душу, отвлекло от повседневной работы и однообразного быта. Звучали пьесы из цикла «Времена года» Чайковского в исполнении Михаила Плетнёва. Они проникали в уши через мобильные стереодинамики и дополняли то,

что видела пассажирка по сторонам дороги. Это был июль — пора всеобщего расцвета природы, яркости красок и высокого солнца.

Массивное здание Дома Советов образца сороковых-пятидесятых годов двадцатого века в стиле сталинского ампира с серыми колоннами встретило её казённым бездушным видом, который сразу же отбил лирическое настроение от дороги и повернул на деловой лад. С усилием она открыла массивную, высотой в целый этаж, парадную дверь, за ней — дверь поменьше, во внутреннем тамбуре. Алёна Сергеевна прошла рамку-детектор и оказалась перед не менее массивным, чем входная дверь, полицейским, который потребовал показать служебное удостоверение. За ним две широкие мраморные лестницы с балясинами времён Микеланджело вели на второй этаж. Пройдя спокойно длинный безлюдный коридор, застланный во всю длину ковровой дорожкой, она оказалась в приёмной министра экономического развития регионального правительства. Секретарь попросила присесть, уточнила имя, отчество и сказала, что доложит министру. Через минуту она вышла и сказала:

— Максим Николаевич ждёт вас.

Министр отодвинул кресло, встал из-за стола и с широкой улыбкой встретил её, предложив сесть.

— Чай, кофе? Алина, пожалуйста, кофе! — быстро произнёс он, нажав на кнопку прямой связи с приёмной.

Министр, тридцати пяти лет, показал себя энергичным молодым человеком, схватывающим на лету мысли собеседника, и по всему было видно, что он владел той сложной ситуацией, в которой находился ранее богатый регион с развитой промышленностью и сельским хозяйством. На нём лежала задача навёрстывать потери времени. Это можно было частично сделать, вернув регистрацию предприятий по месту их расположения. То была сверхтяжёлая задача, и решить её без расположения столицы не в состоянии ни один губернатор. Министр искал свои пути смягчения проблемы, делая упор на инвестиции от бывших союзных республик и Китая. Он внимательно следил за работой директоров местных предприятий, глав городов и районов, внимательно искал в их работе новое, более эффективное.

— Алёна Сергеевна, я просмотрел ваш проект. Признаюсь, был удивлён. Вы пошли совершенно другим путём в оценке перспектив развития района, нашли свой подход в оптимизации деятельности промышленных предприятий, исключая, конечно, ваш оборонный завод. Я посмотрел некоторые отчёты администрации, изучил статистику и вижу, что у района есть потенциал для роста. Только вот слышал от своих сотрудников, что ваш новый глава, если говорить эзоповским языком, «закручивает гайки». Не буду вас спрашивать об этом. Попробуем поправить. Я всегда был убеждён, что кадрам надо давать максимальную свободу в профессиональной деятельности, поощрять их творчество в разумных пределах. Я хочу сделать вам предложение: поработать у нас. Я знаю, что вы живёте одна, и, думаю, ничто не будет вас держать в Приреченске. Мы решим бытовые вопросы. Вам будет интересно здесь.

Алёна Сергеевна ожидала чего угодно от высокого чиновника, только не приглашения работать в его команде. Областные начальники часто свысока оценивали работу районных специалистов, задавали много неожиданных, а порой и провокационных вопросов. Ставили, как говорят, «на место». Алёна была готова к этому и, входя в кабинет, максимально собралась, приняла независимый вид и смотрела прямо в глаза министру. Но его мягкий и спокойный голос, проявленный интерес к делам района и последние слова расположили Алёну Сергеевну, она расслабилась и внимательно посмотрела на высокого собеседника. Предложение министра приняла нейтрально. Нужно было время обдумать. В районе её действительно ничего не держало, кроме успешной работы. Здесь она могла обрести более широкие возможности для продвижения собственных идей. Тем более что при тесном общении с коллегами из других районов и изучении публикаций в газетах она отмечала про себя их упущения в экономике, порой слабую компетентность специалистов, и возникало желание помочь. В новом качестве это стало бы возможным. Она сказала:

— Максим Николаевич, я, конечно, польщена вашим предложением. Но это так неожиданно. Я не готова сейчас ответить. Если вы не передумаете, я отвечу вам через неделю. Можно так?

— Да, конечно, я не спешу. Это предложение на перспективу. Буду рад видеть вас среди наших сотрудников.

Форум

Алексей Васильевич получил персональное приглашение от главы района на участие в форуме молодёжных объединений. Малый зал Дворца культуры был полон. В президиуме форума заняли места директор главного предприятия и его коллега — директор тепловой электростанции, глава района и представитель от областного правительства по работе с молодёжью. Во всём ощущалась торжественность момента, значимость первого большого мероприятия по объединению творческих молодых сил района. В рекламных листках была распечатана программа форума, расписано время и место встречи главы района с молодёжными группами после пленарной части. Модератор форума, а вы уже догадались, что это была Елена Романовна, незаметно для всех задержалась на последнем ряду, внимательно отслеживая действия активистов своей команды. Первым выступил

директор главного предприятия. Он подробно осветил положение дел на заводе, подчеркнул его успешную конкурентную позицию на мировом рынке, призвал молодёжь готовить себя к работе в современных условиях.

— Ваше основное образование, которое вы получите в вузе или колледже, это только начало вашей учёбы. Вам придётся постоянно переучиваться, осваивать новые технологии, навыки и знания. Только так можно двигаться вперёд и быть конкурентоспособным.

Выступил и второй директор по той же схеме, за ним сделал заключение вступительной части форума представитель правительства области по работе с молодёжью. Он рассказал об активной работе своих коллег, об успешной реализации нескольких проектов и отметил добрым словом активное участие городских туристов и байкеров в областных молодёжных мероприятиях.

В зале стояла тишина, многие не понимали смысла выступлений обоих директоров. Они не предложили никакого проекта, в котором бы могли поучаствовать молодые ребята, не сказали о конкретной поддержке каких-то инициатив. Директора больше сообщали об особенностях работы своих предприятий. Молодые представители клубов и секций думали о своём: как получить реальную поддержку предприятий и администрации города. В былые времена, о которых глава и слышать не желал, такая поддержка была не только от двух больших предприятий, но даже от отдельных цехов и небольших хозяйственных структур.

Ведущая спросила аудиторию:

— Кто желает выступить?

Зал оживился, послышались тихие шепотки и слова: «Иди, иди, скажи о нас…» Поднялся молодой человек, сидевший в первом ряду, заметно смущённый своей ролью выступающего. Он сбивчиво и торопливо начал говорить о работе клуба ролевого моделирования:

— Материалы трудно достать, место нашли в сыром подвале, нет денег на аренду подходящего помещения, инструктора нет, всё сами придумываем…

Проблемы, конечно, важные, зал одобрительно поддержал выступающего товарища, но ведущая напомнила о регламенте, чем совсем смутила парня, и он поспешил вернуться на своё место. Слово попросил Алексей Васильевич.

— Уважаемые участники форума! Конечно, сегодня есть много проблем с досугом молодёжи, поддержкой её важных инициатив. Я думаю, что ресурсный центр вместе с молодыми энтузиастами сегодня на правильном пути, и они смогут решить большинство больных вопросов. Для молодёжи сегодня важной проблемой стало не только объединение с целью организации досуга, творческого развития и участия в конкурсах, значимых соревнованиях, но самое главное — проблема трудоустройства. Район много потерял рабочих мест за последнее десятилетие. Кто-то определился с работой, а кто-то ищет её. Но у молодёжи есть желание пробовать себя в предпринимательстве, в бизнесе. Это непростое дело, требует специальных знаний, умения разрабатывать бизнес-планы, да и не так просто найти помещение, доступное по затратам и оборудованию. Все эти вопросы решаются через бизнес-инкубаторы. Такой опыт есть в соседнем городе, это направление развивается в стране и за рубежом. Я думаю, что здесь можно объединить усилия и опыт главного предприятия и администрации города. Свободных помещений достаточно, методической базой могут поделиться наши коллеги из соседнего города, я был у них и говорил на эту тему. Проблем не будет.

Громов не стал говорить о личном опыте и попытках создать такой инкубатор в районе. Он был в столице по этому вопросу на специальных курсах. Слушал бывшего министра отрасли и его американского коллегу, получил методические пособия. Но когда вернулся в город и обратился в администрацию района и руководству главного предприятия, то услышал:

— Нам это не надо…

Стартапы (Startups) не состоялись. Так была похоронена интересная идея, которую успешно реализовали коллеги в соседнем городе и развили её до создания технопарка.

Громова после этого выступления ни разу не пригласили на форумы. Главную роль здесь играл и первым лицом на них был глава района, а едва заметной тенью — директор ресурсного центра. Идея форумов явно исходила от него. Ему и править бал. Выступления с мест без предварительного согласования могли преподнести нежелательные сюрпризы, да ещё в присутствии значимых гостей. Район продолжал изобретать всякие заумные схемы поддержки малого и среднего бизнеса, выделял деньги на поддержку инициатив и проектов, но эффективная система так и не сложилась.

«Уводят» лечебницу?

У подъезда межрайонной физиотерапевтической лечебницы стояла огромная фура. Несколько молодых людей в форменной одежде осторожно кантовали к открытому заднему борту по деревянным брускам габаритный медицинский аппарат. В лечебнице за счёт средств областного управления недавно сделали капитальный ремонт. Процедурные кабинеты оснастили современным импортным оборудованием. Спрос на лечение, особенно среди ветеранов, был большой, и больным приходилось записываться за месяц-полтора, чтобы получить лечение. Около фуры стояли несколько человек пожилого возраста

и с любопытством смотрели на рабочих и аппарат. Один из них спросил:

— Ребята, вы куда собираетесь везти прибор? Мы как раз записались на лечение, уже знакомы с этой «железкой».

Грузчики ответили:

— Не знаем, дед! Наверное, в областную больницу. Мы оттуда приехали.

Когда первый аппарат был погружен в машину, грузчики ушли в помещение и через несколько минут возвратились с коробками в руках. За их работой наблюдали врач и завхоз. Любопытные ветераны спросили врача:

— Скажите, пожалуйста, зачем увозят оборудование?

На что врач нервно ответил:

— Всё, закрываем лечебницу, зря стоите! Будете в область ездить, если, конечно, у вас есть лишние деньги.

Эти слова смутили случайных свидетелей, им показалось, что врач сам недоволен проводимой областным центром операцией по изъятию дорогостоящего оборудования. Он как бы подсказывал: «Что стоите, рты раскрыли? Идите жалуйтесь! Мне по службе не положено».

Пожилые люди сразу догадались, что дело не простое, надо всё выяснить.

Один из них позвонил председателю совета ветеранов и сообщил, что сегодня не смогли попасть на процедуры в физиотерапевтическую клинику. Там приступили к демонтажу оборудования, у подъезда стоит фура, на которую погрузили габаритный аппарат и медицинские приборы. Председатель быстро связался с заместителем главы администрации Василенко Надеждой Павловной. В администрации ничего не знали.

Не прошло и часа, как в зал совещаний совета ветеранов вбежал взволнованный мужчина и сбивчиво, хриплым больным голосом, стал объяснять председателю причину своего появления здесь:

— Борис Борисович, вы понимаете, я хожу целую неделю на процедуры, мне осталось ещё пять сеансов, а сегодня не допустили до процедурного кабинета, сказали, что поликлиника закрывается. Это правда?

— Мне уже звонили, сейчас выясняю, в чём дело, — ответил председатель совета ветеранов. — Подождите, я сейчас позвоню начальнику медсанчасти.

— Василий Павлович, добрый день! Звонит Борис Борисович Ветров, передо мной пациент физиотерапевтической поликлиники, он говорит, что вы прекратили процедуры и увозите оборудование. Это так?

— Борис Борисович, не совсем так. Да, мы частично убираем неиспользуемое высокотехнологичное оборудование и передаём его в областную больницу. Завтра возобновим работу поликлиники.

— Василий Павлович, я попрошу завтра прийти к нам на совет и рассказать подробнее об этом.

На заседание совета ветеранов Василий Павлович взял с собой своего заместителя, главного врача поликлиники и сотрудницу управления больницами. Он подробно доложил о работе поликлиники: сколько человек прошло за последний год лечение, какое новое оборудование было использовано, как отзываются пациенты о качестве процедур, пока Борис Борисович не остановил его:

— Василий Павлович, но в чём же проблема? Почему остановили процедуры, какое оборудование отдаёте областной больнице, с кем согласовали? Знает ли глава города?

Главврач на мгновение смутился:

— Нет, с главой мы не обсуждали, он и так знает, что у нас нет средств на содержание поликлиники в тех же объёмах…

— Так, значит, вопрос в деньгах? Почему сразу не сказали?

— Его решал директор областного медико-реабилитационного центра.

Слово попросил член президиума совета ветеранов Алексей Васильевич Громов.

— Уважаемые гости, уважаемый совет! Мы сейчас ясно услышали, что вся проблема в деньгах. Значит, нам надо помочь медикам решить эту проблему. Настораживает то, что Василий Павлович как-то уклончиво осветил вопрос. Значит, ответ надо искать на уровне его руководства и нашей администрации. В качестве аргумента могу заметить, что физиолечебница пользуется большим спросом у людей, особенно старшего возраста, то есть ветеранов главного предприятия, первостроителей города, инвалидов. Сам недавно прошёл курс физиолечения, сейчас всё в порядке. Мне понятно одно: поликлиника нужна жителям района, и не только. Значит, наши действия должны быть направлены на поиск источников финансирования. Один из главных аргументов в этом вопросе — внимание к ветеранам нашего завода, которые работали во вредных условиях и нуждаются в профилактике и лечении.

У последней черты

По выступлениям приглашённых медицинских руководителей района Алексей Васильевич уловил, что они не говорят всю правду, уклоняются от упоминания имён своих областных начальников, будто на них кто-то наложил табу. О перспективе продолжения работы лечебницы говорили сбивчиво, неуверенно, но дружно поддерживали идею поиска средств, будто этим хотели защитить себя. А может, ещё и потому, что их главный руководитель в области недавно выступал перед районными депутатами и доказывал, что средств не хватает, столица запретила иметь несколько профильных ставок. Значит, весь вопрос в деньгах.

Через день Алексею Васильевичу позвонил на домашний телефон председатель заводской профсоюзной ветеранской организации и попросил о встрече. В офисе отдела завода по работе с персоналом его встретили два человека. Один из них был недавно вышедший на пенсию начальник маркетинговой службы, активный член КПР, человек авторитетный на заводе и в районе.

— Алексей Васильевич, вы вчера выступали на городском совете ветеранов. Ваше выступление всем понравилось, нам представляется, что мы должны действовать сообща. Известно, что областные начальники нашей больницы и администрация района действуют согласованно. Для нас важно то, что сейчас стоит вопрос не только по изъятию оборудования, но и вообще по закрытию лечебницы в районе. Дело почти безнадёжное для нас. Мы хотим провести митинг по инициативе районного комитета КПР в ближайшие выходные дни и просим вас выступить. Пожалуйста, согласитесь, это важно!

Громов и сам понимал, что это очень важно. Он был свидетелем создания этого уникального для района объекта, инициированного авторитетным директором завода, которого называли «отцом города». Директор следил за строительством и оснащением лечебницы, вкладывал в это душу, собственное здоровье, искренне радовался, когда первые группы работников главного предприятия прошли там лечение. Лечебница была гордостью района, да и всей области. И вдруг — закрыть?

На митинг пришло много горожан, медицинские работники, корреспонденты независимой прессы. Не было представителей администрации и муниципальной газеты. Ни одного. Даже тех, кто просто обязан быть на таких встречах. Руководство города подчёркивало тем самым большую дистанцию между двумя партиями. И не только. Оно выражало пренебрежение мнением горожан. Свидетели позже сказали, что скрытный представитель там был и всё фиксировал. Но тайны у организаторов митинга не было ни от кого. Напротив. Здесь присутствовал представитель от регионального отделения КПР, он же и главный корреспондент областной партийной газеты.

Первым выступил организатор митинга, секретарь местного отделения партии Зубров Егор Филиппович.

— Наше районное отделение КПР не смогло получить достоверную информацию ни от медицинского управления области, ни от администрации города. Вот и сегодня сюда не пришёл ни один представитель от главы района, хотя некоторые сотрудники ещё вчера изъявляли желание участвовать в публичном разговоре. По всему видно, что глава района запретил своим подчинённым прийти сюда. Но вы видите, как важна лечебница для пожилых людей, для работников главного предприятия, по чьей инициативе она была построена, да и из области сюда направляли немало нуждающихся в лечении. Я предоставляю слово Алексею Васильевичу Громову, который много лет курировал здравоохранение в районе, почётному гражданину района.

— Уважаемые участники митинга, друзья, правильным было бы, чтобы нас пригласили депутаты районного совета, может, и сам глава, и послушали нашу тревогу. Но мы видим, что они сами по себе, а народ сам по себе. Печально! Я скажу коротко по делу. Эту поликлинику создавали по инициативе директора главного предприятия в те благополучные годы, чтобы обеспечить работникам вредного производства доступ к таким видам лечения, которые мы могли получить только в европейской части страны и на юге. Важность предприятия объяснять излишне. Были привлечены средства завода, редкие специалисты из центра страны, было заказано уникальное оборудование. Поликлиника более сорока лет успешно лечила не только работников главного предприятия, но и всего района. Кстати, она была капитально отремонтирована на средства Центрального медицинского управления.

Громов назвал цифры посещаемости поликлиники, число пролеченных в ней пациентов, привёл выдержки из двух отзывов посетителей от районного совета ветеранов и главного предприятия. Завершил свою речь словами:

— Я поддерживаю предложение вашего отделения партии обратиться к губернатору области и президенту за помощью. Думаю, что проблему надо срочно рассмотреть на сессии районного совета депутатов. Наше управление здравоохранения и администрация эту проблему не решат.

По району уже несколько дней ходили слухи, что уникальное оборудование хотят передать в ведение частной медицинской организации и что в этом заинтересовано одно важное лицо в области. Инициаторы митинга ясно понимали, что определённые люди, должностные лица в областном центре, являются причиной этого события и хотят пожертвовать лечебным учреждением. Действуют напористо, прикрывают главную цель версией о нехватке средств и получают поддержку на самом «верху». Район и так многое потерял. Неизвестные «деятели» обанкротили несколько предприятий, увезли современное уникальное оборудование с одного успешно работающего большого завода, а всё оставшееся в корпусах пустили на металлолом. Были попытки местной власти и главного предприятия помешать этому, но неведомая сила всех отстранила и довела дело до конца. Район потерял тысячи рабочих мест. На долгие годы за бетонными заборами стояли с выбитыми стёклами, или полуразрушенные, убитые корпуса других предприятий. Но больше

всего на настроение жителей района негативно влияли закрытые двери и безжизненные тёмные окна пустующих школ и детских садов. Не стало большинства рабочих мест, сократились кадры, сразу резко упала рождаемость, и несколько детских учреждений оказались ненужными. Громов понимал, что допустить опустошение лечебницы — значит, подвести город и район к последней черте. Её значение было гораздо дороже самого здания и уникального оборудования.

Областные газеты напечатали отчёты о событиях в городе, а сокращённый текст выступления Громова был помещён в столице в газете «Правда». Сотрудники аппарата администрации района «по секрету» сообщили Алексею Васильевичу, что негласно приезжал губернатор области и встречался с главой. Разговор был «закрытым», и никто так и не узнал его содержания. Или они вместе исправляли опасную для обоих ошибку, или глава просил губернатора об участии в разрешении проблемы. В любом случае это делалось под решительным давлением общественных сил района.

Через несколько дней глава собрал депутатов и провёл сессию горсовета с приглашением руководителей головного медицинского управления из области и местных учреждений. Казалось, что глава района и прибывшие руководители озабочены проблемой и начали вести обсуждение в русле поиска средств. Громов внимательно наблюдал за депутатами, ждал их решительной поддержки. Но услышал несколько уклончивых фраз от председателя бюджетной комиссии. Стало понятно, что никто не будет выражать своё мнение прямо и доходчиво. «Народные избранники» ожидали, что скажет глава. Было ясно, что он не только владеет всей информацией, но и ведёт какую-то свою линию в этом деле. Такое называют игрой. Оказалось, не так сложно было за счёт некоторых перестановок кадров и желания ключевых руководителей решить проблему. Никто уже не заводил и речи о закрытии физиотерапевтической поликлиники. Через некоторое время вопрос был окончательно решён: нашлись деньги, успокоились лоббисты из области, дорогое оборудование заняло свои прежние места. Жалоб на качество лечения и внимания к пациентам не было, как и раньше. На очередной встрече с почётными гражданами района Громов заметил, что действия активистов КПР «сдвинули проблему с мёртвой точки». Что сразу вызвало возражение главы:

— Да мы эту проблему решили сами с директором главного предприятия и губернатором. И коммунисты здесь ни при чём!

Чины людьми даются…

В кабинете Георгия Георгиевича раздался звонок сотового телефона, и на дисплее высветилась знакомая нам фамилия Андрея Сергеевича Стрелкова — заместителя губернатора области.

— Добрый день, Георгий Георгиевич! Как вы там подготовились к зиме? С уборкой зерновых, знаю, справились достойно, да и план по освоению средств на ремонты идут в соответствие с графиком. Так что — поздравляю! Но я хотел бы поговорить о другом. Город ваш современный, красивый, но время делает своё дело. Знаю, что у вас много проблем с ремонтом благоустройства города, приведением в порядок внутридворовых площадей, тротуаров, нет защищённых автобусных остановок. Нам тут Москва предлагает, правда, на конкурсной основе, современные идеи и может помочь с оборудованием. Надо переговорить на этот счёт. Приглашаю к себе. Когда сможете приехать? Познакомлю с женой, посмотрите наш новый оздоровительный комплекс. Если хотите, можем съездить на охоту. Да и рыбалка у нас здесь классная. Местные рыбаки в соседнем районе помогут с техникой и снастями. Выбирайтесь, жду!

Ездил или нет глава района на встречу с влиятельным руководителем областного правительства, неизвестно. Только через две недели он вызвал главного архитектора в кабинет и сказал:

— Игорь Владимирович, предстоит большая работа. Району выделяют дополнительные средства на благоустройство и тематические площадки — детские и спортивные. Оборудование сделано по зарубежным технологиям, ровно такое, как и за границей. Надо не ударить в грязь лицом и всё подготовить как надо. Займитесь проектом, обсудите с депутатами места установки спортивных тренажёров и детских игровых комплексов. Одновременно начнём готовить реконструкцию набережной, тоже с установкой современных малых архитектурных форм и импортного оборудования. Интересная работа, как раз то, о чём мы с вами мечтали и что предлагали не один раз горожане при опросах общественного мнения и на встречах с депутатами.

Это было точно так. Горожане не раз обращали внимание руководителей района и города на запущенную набережную с переросшим ивняком, который загораживал вид на реку и служил мусоросборником для прохожих. На исхоженных тротуарах зияли дыры от выбоин, а на стыках брусчатки торчали грязные пучки помятой травы. Местами прохожие обходили их по газонам, вытаптывая широкие тропы. Старые скамейки стояли с проломанными брусками и угнетали взоры отдыхающих многослойной обветшалой покраской со сплошными сколами.

Игорь Владимирович с родителями жил в этом городе со дня рождения, окончил здесь школу и недавно — архитектурно-строительный факультет университета. Свой человек! Глава пригласил его на должность, не обратив внимания на опыт

и реализованные проекты. Их просто не могло быть по причине молодости. Как и всякий молодой специалист, он держал в голове, а может, и в своих бумагах, фантастические проекты архитекторов мирового уровня, наработки своих преподавателей или собственные курсовые работы. С этим багажом молодой архитектор сел за стол в кабинете с табличкой на двери: «Главный архитектор». Что думал глава района, нам неизвестно, но можно предположить, что на самом деле условным «главным архитектором» он ставил самого себя. Другими словами, полагал, что сможет в общих чертах на словах представлять специалистам и главному архитектору форму или облик какого-то объекта, а его подчинённый будет выполнять инженерную работу — делать окончательный проект или заказывать более сложный вариант в проектный институт.

Георгий Георгиевич коротко объяснил Игорю Владимировичу свою идею и дал месяц на составление эскизного проекта набережной. Проект понравился главе района, фантазия просто щекотала чувствительные нервы амбициозного начальника. «Такое не стыдно будет показать и Стрелкову,— подумал он,— с деньгами пройдём без проблем!» Оставалось выбрать по конкурсу подрядную организацию. Нашли в областном центре с подсказки «знатоков» от правительства подрядную организацию. По учредительным документам было видно, что «фирма» создана совсем недавно в составе двух учредителей. Техники и строительной базы не имела. Но условия конкурса учитывали только сравнительную с другими участниками экономию. Организация получила хороший аванс, наняла в городе строителей и рабочих и приступила к работе. Но что-то пошло не по плану, рабочие со скандалом ушли, инженер-строитель стал требовать полный расчёт, и «внезапно», как всегда, пришла зима. На следующий год утверждали новую, более затратную смету, почти всё лето искали подрядчика, исправляли недоделки и брак. Работу с трудом довели до завершения. Всё было сделано на «отлично». Плитка лежала ровно, прохожие не спотыкались. Тротуары расходились веером: пойди направо, пойди налево — всюду прекрасный вид. Качели для взрослых и детей, скейт-парк, эстрада, богатые скамьи по английским образцам, и здесь же — частное кафе с итальянским брендом. Порадоваться, да и только. Но — увы. Не тот народ достался архитектору и его начальнику. Дикари, да и всё тут. Послушайте, что они говорят:

— Испортили набережную. Пожилым людям, которые здесь спокойно гуляли много лет, мешает этот скейт-парк. Постоянно под ногами крутятся ребятишки, играют, гремят железом, не дают пройти. Предлагали же построить такой парк в районе спортивного комплекса. Не послушали стариков. Зачем столько тротуаров? Зачем сократили зелёную зону? Шезлонги уже оборвали.

Архитектор явно увлёкся чужими проектами, устроил холмы, которые больше похожи на мини-курганы, а ещё более — на могильные холмики. Старикам от них только груз на душе. Горожане молодого возраста тоже стали проявлять недовольство: с колясками трудно ходить, шумно. А тут ещё жители начали возмущаться устройством автобусных остановок.

— Кто такое мог выдумать? — гневно говорили они между собой в ожидании автобусов.— Брызги от дождя летят вместе с грязью прямо на ноги ожидающих свой маршрут, от солнца могут защититься только несколько человек. Почему такие маленькие остановки сделали кругом? Что, не хватило денег, или кто-то успел «ополовинить» то, что выиграли по конкурсу?

Никто в администрации внятного ответа не дал на эти вопросы:

— Есть — и пользуйтесь, крытых остановок совсем до этого не было!

Муниципальные СМИ «били торжественно в барабаны» и восхваляли главу района с добавлением имени архитектора.

Мгновение, но какое!

Георгий Георгиевич зашёл в кабинет Алёны Сергеевны. Раньше у него не было причин заходить в кабинет заведующей отделом, как и в другие подобные кабинеты. Телефон прямой связи работал без перебоев, да и секретарь приёмной всегда сидела на месте. По особым случаям глава посылал её пригласить кого-то из своих заместителей для приватного разговора. Тем самым он подчёркивал важность предстоящей беседы, которая в основном касалась использования бюджетных средств, с последующим утверждением на сессии.

Алёна Сергеевна машинально откинулась на спинку кресла, поправила прядь вьющихся светлых волос. Качнулась серёжка с жемчужиной в ажурной серебряной оправе. Взгляд Георгия Георгиевича промелькнул по ней, словно спичка по коробку. Алёна Сергеевна попыталась встать, но глава, раздвинув веером все пять пальцев, энергично помахал кистью правой руки вниз и проговорил:

— Сидите, сидите! Алёна Сергеевна, я на минутку, можно сказать, проходил мимо и решил заглянуть к вам. Не скрою, мне приятно заодно лично сообщить вам, что полчаса назад звонил министр экономического развития области и восхищался вашей работой. Ему не просто понравился наш материал по программе развития, но он нашёл, что вы, в нарушение утверждённой методики, сами вышли на новый путь в таком деле и удивили всех его помощников. Вначале они подумали, что вы ошиблись или не читали методические указания, а потом увидели что-то новое в этом, до чего не догадались ваши коллеги. За делами я как-то не обратил на это внимания. Ваш подход даёт возможность оптимизировать расходы

бюджета без ущерба для экономики предприятий. Поздравляю!

Алёна Сергеевна поднялась с кресла, в некотором смущении подошла к широкому окну с закрытыми белыми жалюзи и дёрнула за шнур. Жалюзи раскрылись во всю ширину витражного проёма, и солнечные лучи брызнули ярким светом на стены и мебель кабинета. По её лицу было видно, что она смущена лестными словами своего руководителя, который раньше не позволял себе расточать похвалы и вообще давать положительные оценки сотрудникам: «Сделал — и хорошо, работай дальше…»

Яркий полуденный свет отразился и на лице главы, высветив в странном ракурсе всё его внешнее состояние. Георгий Георгиевич на минуту показался мальчишкой или юношей на границе совершеннолетия. Причёска была необычно взъерошена, глаза блестели, глупая улыбка придавала ему вид сбитого с толку студента. Свет выдал то, что никто и никогда в этом здании не мог видеть в лице строгого собранного начальника,— такого беспомощного молодого человека. Что случилось? Больше, чем солнечный свет, на него влияло само лицо Алёны Сергеевны, поразительно красивое, трепетное, почти юное, с вопрошающими чёрными глазами под приподнятыми в удивлении тонкими бровями. Всё формальное, обязательное для служащих администрации, холодное и чужое в одно мгновение исчезло во внешнем виде и поведении этих взрослых и бывалых людей. Но только на минуту. Алёна Сергеевна сухо поблагодарила Георгия Георгиевича за оценку, такую высокую, её «скромного» труда и быстро села за стол.

Глава вновь обратился в начальника и стал вдвое старше в глазах его подчинённой. Оба в смущении посмотрели друг на друга, и Георгий Георгиевич наконец промолвил:

— Алёна Сергеевна, министр мне сказал о своём предложении вам. Это, конечно, лестно и для меня, и для вас. Но мы с вами начали работать не столь давно, у нас есть нереализованные планы, вашим сотрудникам трудно будет всё довести до ума без вас, поэтому я думаю, что уходить вам пока преждевременно. Вы, конечно, извините меня, в конечном счёте решать вам. Но я бы не хотел вас отпускать. Знаю, что вы живёте в стеснённых условиях, я попросил присмотреть вам более достойное жильё, и мне показали его. К тому же мы приняли решение повысить вам зарплату, и некоторым сотрудникам тоже. В столице скоро начнут работать президентские курсы руководителей, я зондировал перспективу поучаствовать в этой престижной учёбе и вам. Такая возможность есть. Нет, вам совсем незачем менять работу…

Георгий Георгиевич подошёл вплотную к Алёне Сергеевне, она даже подумала, что он хочет положить ей руку на плечо, и ногой отодвинула назад кресло на колёсиках.

— Георгий Георгиевич, спасибо за вашу заботу, я подумаю!

Алёна Сергеевна не могла увлечься «служебным романом» в той формальной и размеренной обстановке административной службы. Всё её существо искало душевный простор. В нём мог проявиться и друг по жизни, с созвучной душой и той же пылающей страстью. Но она понимала, что он всегда будет походить на дублёра, доброго и приятного, порой созвучного, но уже другого, не первого, в его первозданной сущности.

Когда Георгий Георгиевич вышел из кабинета, Алёна Сергеевна набрала номер телефона министра и на его приветствие тихо сказала:

— Максим Николаевич, это Алёна Сергеевна. Приреченск. Я согласна на ваше предложение.

Отошла к зеркалу, кончиками пальцев провела по щеке, лбу, откинула прядь волос от виска и решительно вышла из кабинета.

Георгий Георгиевич, возвращаясь в свой кабинет, коротко приказал секретарю:

— Ко мне — никого!

Он сидел в кресле с высокой спинкой, откинув голову назад, и застывшими глазами смотрел в потолок. Сразу рушились два его намерения. Это был удар по его честолюбию, которого он не смог избежать.

Слабые тоже могут

Время шло, и наступал момент, когда главе района надо было окончательно определиться по работе директора библиотеки. Алексей Васильевич сидел за рулём своего автомобиля, когда раздался звонок сотового телефона. На дисплее обозначилась фамилия главы, как будто он подслушивал его мысли.

— Здравствуйте, Георгий Георгиевич, слушаю вас.

— Алексей Васильевич, вы излишне доверяете Светловой, то, что вы говорили о коллективе библиотеки, это просто шантаж, я повторяю. Нельзя её оставлять, поймите…

Громов растерялся от удивления, не мог сразу сообразить, что ответить.

«Значит, он ничего не понял, нет, наверное, в силу своего характера, решил идти своей дорогой, решил сделать так, как задумал до их разговора,— лихорадочно думал он.— Значит, и всё остальное было только игрой, попыткой расположить к себе. Такие люди остаются сами собой, их твёрдую позицию не может поколебать такой „нахальный“ полуночный разговор бывшего заместителя главы. Пусть он хоть трижды будет почётным гражданином. „Мы воспитаем своих почётных“».

Георгий Георгиевич более двадцати минут без перерыва убеждал Громова в собственной правоте. Со звуком в машине возникали проблемы, Алексей Васильевич напрягался, что-то пропустил, не расслышал. Он ещё раз попытался его убедить:

— Георгий Георгиевич, это будет неправильно, мы, по вашему же пожеланию, определили ей другую должность, это самый оптимальный вариант…

Телефон главы внезапно замолчал. Смущённый Громов, который был в растерянности и не знал, как дальше поступить — идти ли на приём к нему или встретиться с заместителями, включил стартёр и медленно поехал домой. В груди вовсю горел огонь того беспокойства, которое охватывает человека, когда он видит, что кто-то попадает в беду и у него нет сил помочь этому человеку.

Алексея Васильевича пригласила в свой кабинет заместитель главы администрации района по социальным вопросам Надежда Павловна Василенко. *(Не путаем главу администрации с главой района. Надежда Павловна была заместителем второго главы, выполняющего исполнительские функции. Подобное руководство района в народе называли «двуглавым», и большинство понимающих людей смеялись над такой структурой управления. Глава администрации был фактически заместителем главы района, и при соответствующих характерах и позиции каждого главы могли возникать серьёзные противоречия и конфликты. Такое наблюдали во многих районах и городах.)*

Надежда Павловна сказала, что в присутствии директора комитета по делам культуры и молодёжной политики Марии Ивановны Батягиной предлагает рассмотреть вопрос по кандидатуре будущего директора библиотеки. Алексей Васильевич дважды беседовал с председателем объединённого совета районных профсоюзных организаций, несколько раз разговаривал с директором библиотеки Светловой и пришёл к заключению, что надо выполнить её твёрдое желание возглавить детский отдел. К такому решению её подтолкнула необходимость заниматься с дочерью — выпускницей средней школы и подготовки её к поступлению в университет. Алексей Васильевич почувствовал между тем её обиду на власть, от которой она хотела уйти на более спокойное место. Бороться с этой властью ей было не по силам. Она знала, что должность любого директора — «расстрельная». То есть приняла на себя такую ответственность, которая может и погубить её из-за личной позиции важного чиновника или под давлением контролирующих органов, которым подскажут, где искать, «доброжелатели». Потому руководитель всегда взвешивает, стоит ли того его здоровье и благополучие семьи. Алексей Васильевич ещё раз позвонил председателю профсоюзной организации, и они пришли к выводу, что надо предложить такой вариант главе района: перевести действующего директора библиотеки на должность заведующей детским отделом, которая была свободна более месяца.

Кабинет заместителя главы администрации района был просторный, светлый, с минимальным количеством мебели, которая служила только исполнению служебных обязанностей. Вместо традиционного портрета на стене висела картина местного художника, на которой были изображены пороги большой реки. Картина подсказывала посетителю, что работа хозяйки этого кабинета больше похожа на опасные пороги, которые надо проходить каждый рабочий день.

Надежда Павловна обратилась к Батягиной:

— Мария Ивановна, что думает комитет по дальнейшей судьбе Татьяны Игоревны Светловой?

— Мнение однозначное: её надо уволить!

Начальница от культуры сидела с опущенной головой и обеими руками крепко держала край столешницы. Волосы она не успела расчесать, они произвольно падали на глаза и бросали тень на верхнюю часть лица. От этого оно выглядело мрачным и жёстким. Громову даже показалось на мгновение, что над её головой скопилось небольшое тёмное облачко, напоминавшее известное изображение демона Мефистофеля у Эжена Делакруа или Михаила Врубеля, настолько оно было размыто в пространстве.

Алексей Васильевич опешил. Он не ожидал столь категоричной позиции председателя комитета. В её голосе он услышал жёсткие начальственные нотки, хотя она сказала это тихо, опустив глаза на стол. Недавно он беседовал с ней, видел женщину, которая в обычной жизненной ситуации могла проявить соучастие к подчинённому ей человеку и даже протянуть руку помощи. Но здесь она была категорична. Это совсем не походило на женщину, мечтающую о счастье. Будто настоящий дьявол вселился в её душу или затуманил сознание. Алексей Васильевич не выдержал и спросил:

— Кто так решил? Мы же советовались и с коллективом, и с профсоюзной организацией, все сошлись на том, что Светлову надо не уволить, а перевести на детский отдел.

— Так решил глава…

— Но мы же с ним говорили, и он, как я понял, дал нам с вами право определиться с дальнейшей работой Татьяны Игоревны. Через три дня кончается срок контракта, она, доверившись главе администрации, написала заявление, в котором пропустила по его совету строку, где указывается должность, на которую она согласна перейти. Ей было сказано, что это будет сделано в день перехода.

— Я ничего не могу больше сказать…

— Надежда Павловна,— обратился Громов к хозяйке кабинета,— я настаиваю на переводе Татьяны Игоревны в детский отдел. Пожалуйста, передайте моё мнение главе района и главе администрации. У меня не будет другого предложения.

Это ставило в трудное положение заместителя главы администрации, которая знала, что подобная позиция Громова будет принята негативно её шефом и часть вины за итог их встречи он возложит на неё.

Наступил день окончательного решения главой района вопроса по кандидатуре директора библиотеки. Беспокойство всё более овладевало Громовым. Он позвонил в администрацию Надежде Василенко:

— Надежда Павловна, извините за беспокойство. Не могли бы вы мне сказать, у кого заявление Светловой и подпишет ли его глава?

— Знаю точно, что заявление лежит без подписи у главы администрации. Хочу вас успокоить: он за то, чтобы глава района подписал его на перевод Светловой в детский отдел, как вы и говорили. Георгий Георгиевич молчит, сейчас он находится в своём кабинете, это точно.

— Но время уже закончить рабочий день: восемнадцать часов. Сотрудники наверняка покинули здание? — спросил Громов.

— Будем ждать, я вам позвоню, когда вопрос разрешится, — вздохнув, ответила Надежда Павловна.

— Спасибо! Я тоже буду ждать. Фактически время прошло для оформления перевода. Срок договора истёк минуты три назад. Я дважды звонил Георгию Георгиевичу, но он сразу выключает телефон. Видит же мою фамилию на сенсорном экране смартфона. Это уже предел для возможных отношений.

Стрелки на часах перевалили за девятнадцать ноль-ноль. Томительное ожидание. Звонка от Надежды Павловны всё нет. Громов отчётливо понимает, что никакого решения тоже нет. Звонить бесполезно. Но человек не всегда поступает по воле разума, приличий, условностей той ячейки общества, с которой вдруг оказался связан общей проблемой. Здесь в свои права вступает интуиция, она даёт подсознательный толчок, за которым разум бессилен и поведением руководит та метафизическая сила, которую философы до сих пор не определили. Он вновь берёт трубку:

— Надежда Павловна, вы сами не пытались пройти в кабинет главы?

— Нет, что вы, он никого не впускает. Даже своего главного партнёра, можно сказать, товарища — главу администрации.

— Надежда Павловна, может, вам лучше пойти к нему и сказать, что Громов стоит на своём? Нас уже будет трое против одного.

— Попробую!

Прошёл ещё час. Плюс пятнадцать минут. Нервы Алексея Васильевича не выдержали, и он вновь позвонил по сотовому телефону Надежде Павловне. Громов понимал, что вероятный отказ главы района подписать заявление будет означать полный разрыв с ним и его ближним окружением. Но это никакого значения уже не имело. Лично ему это совсем было не нужно. Его самодостаточность будет определять свой собственный путь как в данной коллизии, так и в дальнейшем участии в жизни района. Он уже видел, как обратится ко всем представительствам партий и движений в районе, кроме одной, и они вместе проведут митинг на площади, о котором давно мечтали, что он поедет на приём к губернатору области с письмом за подписью сотен активистов и служащих от самой библиотеки. Он распалял свой мозг ещё какими-то ходами в той вероятной открытой и бескомпромиссной борьбе за справедливость в одном конкретном вопросе. На звонок быстро ответила Надежда Павловна. Голос её был совсем другим, чем час с четвертью назад. Она с заметно участившимся дыханием, прерываясь, сказала:

— Алексей Васильевич… глава… подписал… перевод. Я не смогла позвонить… поскольку все разом поднялись и пошли на выход…

— Спасибо большое. Извините, Надежда Павловна, что доставил вам столько беспокойства.

— Нет, вы нас извините, это наша работа, жаль, что всё так обернулось.

Громов срочно позвонил домой Татьяне Игоревне Светловой и сообщил о решении главы.

Эти события не только оставили гнетущий след в душе Алексея Васильевича, но и привели к полному разрыву его отношений с главой района. Его личный принцип в этом событии ничего не значил. Силы были на стороне чиновника. И этот чиновник сам определял будущие связи. И поступил так, как и следовало от него ожидать, независимо от позиции Громова. Он решил его просто не замечать. Все контакты, встречи, участие во многих мероприятиях Громову стали недоступны. СМИ хранили угодническое молчание. Известная газета в рамках своей специфики фантазировала и сочиняла «правдоподобную» версию разрешения конфликта в библиотеке. Другая газета, муниципальная, отвлекала население репортажами о достижениях своего главного героя. Жизнь продолжалась, и мало кто в районе заметил, что коллектив библиотеки пережил самый трудный момент в своей истории, впервые отстоял своего человека вопреки давлению жёсткой и бездушной силы первого по должности лица района. А Громов задавал себе мучительный вопрос: «Может, я зря тогда встретился с главой? Надо было идти на митинг и там сказать то, что я говорил Зарубнину при личной встрече. Но в его отсутствие это был бы пустой звук, „паровозный свисток“. Да и угодливые персоны могли исказить мои слова, подать в выгодном для них содержании. Это уже было, например, когда директор главного предприятия заявил: „Громов хочет командовать детскими садами“. Нет, я поступил правильно, сказав ему прямо то, что думал. И пусть он сам отвечает теперь за свои поступки. Этот человек живёт в оболочке амбиций, в душевной слепоте. Рано или поздно он наткнётся на непреодолимое препятствие, и оболочка развалится сама собой. Но что станет с её хозяином?»

Алексей Васильевич занялся любимым делом: изучал историю области и района, написал небольшую книжку и активно помогал Светлане Алексеевне собирать материал для книги об истории образования в районе и своих земляках — ветеранах войны. В жизни Громова случались такие периоды, когда он оставался один на один с собой, когда стремительный поток перемен всё смешивал, раскидывал на расстояние единомышленников и противников, и всё крутилось в историческом хаосе сил в поисках точки опоры. Он тогда говорил:

— Не беда, у меня не было ни минуты свободного времени, теперь смогу заняться своими делами, до которых не доходили руки.

Он садился за письменный стол и старался восстановить в памяти значимые события, участником и свидетелем которых был. Извлекал забытые документы, короткие записи, встречался с теми, кто оставил свой след в истории района, но по своей скромности оставался незамеченным. Он записывал на диктофон и в блокнот их воспоминания, копировал фотографии, ездил с женой по архивам, и постепенно эта работа превращалась в законченную историческую главу. Если ему удавалось восстановить в памяти и закрепить в статье или книге имя интересного человека, созидателя своего времени, он радовался как мальчишка, которому удалось забить гол в ворота соперника. Соперником было беспамятство новых поколений, которых жизнь ещё не успела поднять на уровень мудрости и проницательности. Той проницательности, которая высвечивает самого человека в историческом круговороте.

В этом увлечении Громов даже не заметил, как с культурного поля района исчезла директор комитета по делам культуры и молодёжной политики Мария Ивановна Батягина. Об этом не было сообщений в газетах. Был ответственный работник — и нет его, и никому дела нет до него, никто и не спрашивает, где, куда… Когда Алексей Васильевич случайно узнал об этом, он в душе пожалел молодую женщину, которую без подготовки бросили в недоступную ей среду, решая свои «великие» задачи. Ищут новую кандидатуру, но все устали и не хотят знать, кто будет на этом месте. Надломилась та невидимая нить в душах людей, которая удерживает их в активной, неравнодушной жизни в том внешнем мире, который подпитывает интерес, будит сопереживание, соучастие, желание участвовать в каких-то инициативах, проявлять себя полезными делами среди равных. Случилось ещё одно тихое незаметное падение. А сколько будет ещё?

Разное…

В кабинет директора ресурсного центра без стука и предварительного звонка вошли два молодых человека:

— Здравствуйте! Елена Романовна?

— Да. Чем обязана? Я спешу, извините.

— Вам незачем спешить, у нас с вами большой разговор.

Молодые люди извлекли из внутренних карманов кожаные красные корочки удостоверений с государственными гербами.

— Разрешите представиться: майор Колесников, следователь отдела по экономической безопасности.

— Майор Воинов…

Разговор был вежливым, даже подчёркнуто вежливым. Казалось, что «гости» перепутали кабинет и зашли не по адресу. Можно было подумать, что незримое око сопровождает таких важных персон и они пришли сюда против своей воли, что офицеров кто-то упредил, что субъект следствия представляет собой важную фигуру и обращаться с ней надо осторожно, чтобы не иметь больших неприятностей по службе. Молодые люди в штатском попросили показать решение сессии городского совета депутатов, где одним из пунктов значилось выделение средств на деятельность ресурсного центра на текущий год. Они могли этого и не делать, в папке одного из следователей уже лежала копия такого документа. Мало что у них в папке было ещё, главное — убедиться, что ты пришёл не зря и выполнишь свой служебный долг. Работаешь не по собственным домыслам и предположениям, а на основе тех документов, которыми пользуется их оппонент. У них была профессиональная задача — узнать, как она ими распорядилась, и соответствует ли это закону и правилам.

Несколько месяцев назад работники библиотеки, узнав о таком важном решении сессии районного совета возмущались:

— Как легко ей достаются деньги. Мы просили два года подряд увеличить смету на аналогичные мероприятия, депутаты отказали, а тут — нá тебе, сразу такую сумму!

Читатель знает, что Елена Романовна с первых дней работы очертила незримый круг между своей официальной персоной и коллективом. Сотрудники библиотеки не ведали о её планах на ближайший год и запросах в комиссии районного совета депутатов на финансирование своих программ. Позже они узнавали о них со слов директора библиотеки или прессы. Поэтому воспринимали любую новую информацию неприязненным молчанием и неуверенным ожиданием вероятных провалов. Известная читателю газета язвила по этому поводу, называя «виновником щедрости» только главу района. Глава наверняка не читал эту статью. Зачем? Всё равно критикуют в каждом номере, обвиняют во всех смертных грехах — стоит ли тратить нервы?

Сотрудники библиотеки в тот же день узнали о визите государственных мужей в кабинет коллеги и шёпотом спрашивали друг друга:

— Что будет дальше?

«Вежливый» разговор двух майоров с Еленой Романовной взволновал её не на шутку. Она не смогла ни объяснить, ни подтвердить целевое использование почти миллионной суммы выделенных средств. То, что они нашли в одном из подтверждающих документов, скорее говорило о таком нарушении, за которое отвечают только перед судом.

Майор Колесников закончил писать протокол и учтиво пригласил хозяйку кабинета поставить свою подпись. Он с торжественным видом протянул ей авторучку, уверенный в победе над очередным расхитителем государственной собственности. Ещё минута — и тот самый дьявол, о котором я говорил ранее, довольный воплощением своего изощрённого

сценария, исчезнет незаметно через замочную скважину. Но подумайте сами: разве может так прозаично сойти со сцены одна из главных и деятельных героинь, тем более женщина — красивая, молодая, незамужняя? Рука не поднимается так поступить автору. Поэтому он применит опыт первой главы.

Итак, к одиноким большим звёздочкам на погонах майоров вдруг приблизились ещё по одной, вначале на правых плечах, потом — на левых. Бывшие минуту назад майорами, подполковники явно ощутили приятное тепло пятиконечных с позолотой знаков на плечах, несмотря на их малый, в общем-то, размер. Подполковник Колесников на мгновение растерялся и подумал, что это временная галлюцинация от ежедневных переработок на службе. Но видéние только начиналось. Вначале авторучка, а за ней и лист бумаги с готовым протоколом вдруг поднялись над головами служилых, сделали по два круга над их головами и, покачиваясь, вылетели в приоткрытое пластиковое окно. За ними, оторвавшись от пола, поднялась и сама Елена Романовна. Майоры увидели только чёрное облачко, какое бывает от горящей автомобильной покрышки. Окно вдруг распахнулось во всю ширь и пропустило чёрный клуб дыма. Лёгкий ветерок сдунул последние бумаги на столе кабинета, створка окна с шумом захлопнулась, и оба офицера в ужасе посмотрели друг на друга.

Через месяц в интернете, на сайте «Одноклассники», появилось сообщение из далёкой и загадочной Новой Зеландии. На фотографии повыше текста красовалась сама Елена Романовна в обтянутых джинсах с изорванными до неприличия коленками. Она держалась за руль большого двухколёсного мотоцикла старой модели и улыбалась во весь свой презрительный рот. Из текста можно было узнать, что она отдыхает в романтическом месте и когда вернётся, пока не знает.

Читатель наверняка подумал: «А как же воинственные маори — аборигены острова? Ведь могут и скушать такое привлекательное своими формами и наверняка вкусное существо».

Алексей Васильевич просматривал сайт администрации города. Начиналась новая предвыборная кампания. Завершался четвёртый год пребывания у власти Георгия Георгиевича. Все закулисные действия влиятельных сил района и области по выдвижению на новый срок кандидата на главу оставались неведомы населению. Да и неинтересно это стало. Ощущалась усталость от такой напористой власти, и многие вообще никак не пытались узнать, кого же будут выставлять на главную должность. Как правило, для выдвиженцев такого рода полномочия продляют, конечно, проведя «правильно» выборы. А если законодательство не изменится, то и большие выборы не надо будет проводить по кандидатуре главы. Изберут по спискам в совет, а там «свои» депутаты проголосуют без проблем. Зелёная улица нужному кандидату будет надёжно обеспечена. О чём беспокоиться занятым людям?

Накануне Нового года, не веря своим ушам, Громов услышал по радио в машине, что в списке претендентов на должность главы района нет фамилии Георгия Георгиевича. Впервые горожане не услышали в репортажах даже привычного и обязательного для СМИ упоминания его имени как действующего руководителя. Сразу вспомнились портреты членов Политбюро, из которых время от времени внезапно исчезал один из них. Люди гадали, что с его живым представителем случилось. Кто-то читал короткое сообщение, кто-то пропустил, но вскоре все забывали, что такая фамилия была в составе высшего руководства страны. До выборов оставалось чуть больше месяца. Алексей Васильевич вдруг оживился, схватил телефон и стал звонить Евгению Ивановичу:

— Женя, слушай, что я скажу. Пока до конца не понял и не поверил, но в списке кандидатов на пост главы города нет фамилии Зарубнина. На сайте уже увидел сообщение, что из штатного расписания убрали главу администрации. Но должность-то главы района остаётся в любом случае.

— Свято место пусто не бывает, — грустно сказал Муромцев. — И оптимизм здесь пока неуместен. Думаю, что вирус бюрократизма и всезнайства уже пустил корни, школа-то была не одного года. А где воспитывали молодые кадры, умеющие работать на народ, с независимым и ответственным мышлением, ты знаешь?

К читателю

Дорогой читатель, чтобы не затруднить вас размышлением, где же всё изложенное в книге происходило, скажу прямо: это было на Урале или около него. Там климат не столь суров, много таких же «главных предприятий», кующих оборону страны, да и города там более-менее культурные, обустроенные.

Хотя нет! Я, наверное, ошибся. Это было в Сибири. Тайга, морозы. Нет, наверное, не в ней, холодной. Спросите любого англичанина, он вам точно скажет, что не в Сибири. Там ведь медведи ходят по улицам, морозы и медведи, медведи и морозы, снег круглый год и медведи. Точно так! А мы провели вас по культурному современному городу и медведей видели только в зоопарке. Так что извините. Это, скорее, было между Москвой и Санкт-Петербургом. Там чаще такие герои встречаются, вспоминаете? Я, однако, запутался, потерялся, как лодка в океане. Ах, точно! В океане, людском. Он же везде одинаков, как волны и бури. Как разойдётся, шумит, бушует, потом успокоится надолго, не отличишь, в каком океане конкретно так ведут себя волны. Как и люди.

Иса Айтукаев

Слово мужчины

Дедушкина трость

Идти по селу было ещё не так страшно: хоть и через раз, на столбах горели фонари,— и Эдик, где быстрым шагом, а где и мелким бегом, дошёл до околицы. Дальше была абсолютная темень, и он сбавил ход.

«Что же делать?» — стучало в мозгах. Приказ отца нарушать он не мог и не смел, а двигаться вперёд тоже страшно.

От Хамавюрта до села, где живёт дедушка, чуть более десяти километров, и необходимо преодолеть их за два часа, пока дед не лёг спать, так сказал папа.

Гравийная дорога была широкая — грузовики разъезжают свободно,— но с ухабами по краям.

«Пойду посередине,— решил мальчишка.— Если поедет какая-нибудь машина — заметят и точно остановятся, а нет — пусть задавят.

От села до канала — отвода воды из реки для совхозных полей — метров пятьсот, всё лето Эдик с друзьями пропадал там днями, обычное место купания сельчан. Здесь все пацаны учились плавать.

«Полежу на „пляжике“ до утра,— несмело подумал мальчик,— а с рассветом тронусь в путь, авось и машина какая подкинет…»

С шумом чеканя каждый шаг, дошёл до «водопада». Так все называли это место, где шёл из открытых шлюзов сброс воды. Излюбленное место ныряния с берега смельчаков. Но Эдик до сих пор не осмелился на такой шаг, пацаны часто получали тут травмы.

— Дальше — не пойду! — вытирая набежавшие слёзы, твёрдо сказал он и присел на своё привычное место у обрыва, где всегда загорал.

За Аксай-рекой, буквально в двухстах метрах,— Чечня, станция Герзель. Эх, жалко, что там нет ни одного родственника, так бы у них переночевал. А фонари и светящиеся окна манят и манят туда.

Немного успокоившись, вскочил как от толчка: а вдруг папа пошёл следом и наблюдает за ним?

Он вернулся на тракт и, спотыкаясь о камни, продолжил свой путь. Пусть папа слышит и видит, что он ничего не боится.

Дорога уходила чуть вправо, огибая небольшой курган. Откуда он взялся в этой степи, никто не знает. Старики рассказывают, что здесь некогда шли сильнейшие бои с полчищами Тамерлана. Иногда старшеклассники проводят на этом кургане раскопки и изредка находят наконечники копий и стрел, а бывало, и останки мечей.

Отсюда до железной дороги с полкилометра, а за «железкой» — лес. Раньше в том лесу было много волков и лис. Говорят, и медведи водились, но нынче встречаются крайне редко. Поездов, наверное, боятся.

Вспомнив о хищниках, Эдик остановился в нерешительности, от каждого шороха и шелеста гонимого лёгким ветерком листа по телу пробегал холодок.

— Эх, надо было нож с собой прихватить… Растяпа! Совсем без головы…— расстроился мальчуган, как будто десятилетний юнец смог бы ножом испугать волка.

Ноги стали ватными и передвигались с трудом, неутешительные мысли смелости не прибавляли.

«Если меня съедят волки, что будут делать мои сестрёнки?» — задумался Эдик, и слёзы сами покатили по щекам.

В семье он был единственным сыном, остальные — девочки, пять сестёр.

— У других единственного сына балуют, лелеют, всё для него… А мой папа, да и мама часто, как с неродным… Чуть что не так, сразу ремня или отхлещут прутиком,— вытирая лицо, с обидой прошептал он.

Как-то спросил у родителей, почему у него нет братика, у всех соседей по нескольку мальчиков, на что мама, хмыкнув, ответила: «Нам достаточно. Твоих друзей полный двор — куда нам ещё?»

— Вот я оболтус! — стукнул себя по лбу Эдик.— Надо было позвать с собой Ислама. Он бы точно не отказался. Вдвоём было бы спокойнее и веселее.

Они с Исламом дружат несколько лет. Мама даже предложила им побрататься. У него пятеро братьев, и пусть Эдика считает своим шестым братом. С тех пор они неразлучны.

— Эх, Ислам, наверное, сейчас в тёплой постели сладко спит…

Но ему было не до сна, хотя он всегда ложился в это время; сумасшедший стрекот кузнечиков отгонял малейший признак сонливости.

Одеревеневшие ноги совершенно не хотели двигаться, надо бы как-то взбодриться.

— Взвейтесь кострами, тёмные ночи, — запел малец, меняя «синие» на «тёмные» для бодрости тела и ног, гимн пионеров. — Радостным шагом, с песней весёлой, мы выступаем за комсомолом!

Из-за ночных облаков, словно послушать его песенку, вынырнула большая бело-оранжевая луна, и вокруг стало светлым-светло, так что парнишка запел ещё громче и веселее и, пританцовывая, побежал за своей тенью.

— Что, дружище, не догоню тебя, да? — начал он заигрывать со своим тёмным отражением на земле.

Так, играючи, дошёл до железнодорожного переезда и свернул направо. Дорога до Нурадилово была асфальтированная, хоть и изрядно разбитая, прямая, а между полотном и шоссе — густой кустарник, с другой стороны, за бруствером, — лесополоса. За железнодорожными путями — лес…

Палку бы какую-нибудь, но страшновато переходить за бруствер, можно на змею наступить, их тут много.

На большой скорости, после недолгого гудка, засвистел, застукал колёсами пассажирский поезд. В окнах горел тёплый жёлтый свет.

— У-у, едут себе… — представив, как там уютно, разозлился Эдик. — Влепить бы камнем…

Он поднял небольшой булыжник и только размахнулся, как его резко передёрнуло, будто ударило током. Мальчик представил, что он только кинул камушек, как тут же появился отец и как хлестанул прутиком по спине: по телу стрельнуло острой болью, как наяву, в действительности.

Эдик встряхнулся, прямо как это делает их большой и добрый пёс по кличке Князь. Но мысль об отце прибавила ему смелости. Появилась даже уверенность, что папа где-то рядом.

Подобрав у обочины небольшую палку, он, вытянув её перед собой, как солдаты в кино, идущие в атаку, решительно пошагал, запевая:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой…

Как бы то ни было, родителей Эдик очень любил, несмотря на их строгость и жёсткость с ним. Отец — уважаемый в селе механизатор, орденоносец, а мама — почитаемая всеми учительница в школе. Он и старался соответствовать им — учился только на «отлично». Но чтобы он ни делал, всё оказывалось не по их, и за это ему и попадало.

Хорошо у бабушки. Она его любит и балует, души в нём не чает. И Эдик её любит и обожает, и как выходные или каникулы — сразу к ней. Зная, что он побаивается отца, она часто повторяет: «Отца, как Бога, нужно любить, а не бояться».

Паренёк уже прошёл от перекрёстка пару километров, когда услышал шум машины, а потом увидел и свет от фар.

«А вдруг это папа едет за мной? — проскочила мысль. — Спрятаться или…» Он перешёл на сторону встречного движения. Решил просто стоять, не реагируя ни на что.

Машина, приближаясь, начала сбавлять скорость — видимо, заметили его. Эдик стоял, отвернувшись в сторону железной дороги. Машина остановилась, и мужчина лет под сорок, не выключая двигатель, окликнул:

— Ты что тут делаешь? Под поезд собрался прыгнуть?

Мальчишка повернулся к нему, в машине на пассажирском кресле сидел ещё мужчина.

— Не сказал бы, что горю желанием, но впору это сделать…

— Ух ты, смышлёный какой! — рассмеялись парни. — И откуда и куда ты такой?

— К дедушке, в Солнечный, — неохотно пробубнил малец.

— Ну, юноша, тебе повезло, нам по пути. Прыгай на заднее сиденье, поехали.

Когда Эдик расположился и автомобиль тронулся, товарищ водителя развернулся к нему:

— Рассказывай, джигит: кто ты? как зовут?

— Эльдар я, — с безразличием бросил парнишка.

— Хм, достойное имя! «Воин солнца» — означает у европейцев, а у азиатов — «правитель»!

— Ага, точно. Только я правитель тёмной ночи…

Мужики опять весело рассмеялись.

— Так расскажи, что ты в такую тёмную ночь на дороге делаешь.

— Отец отправил извиняться перед дедушкой.

Попутчики удивлённо повернулись к нему и снова расхохотались.

— Давай поведай, что к чему.

— Пф-фу-у-у, — тяжело выдохнул Эдик.

— Что, сильно провинился? — не унимался водитель.

— Папа считает, что сильно, а я не знаю. Плохо разбираюсь.

— Если расскажешь — разберёмся вместе.

— Да что там рассказывать, — после недолгой паузы начал малец. — Приехал вчера на выходные к бабушке с дедушкой, а там мой двоюродный брат Махач. Ну, игрались мы с ним. Залезли на крышу сарая, дедушка увидел и отругал. Сказал, что черепица и так на ладан дышит, сломать можем. Нам бы успокоиться, так нет же… Через пару часов мы опять полезли. Ну и выпала пара черепиц и разбилась об землю. Дедушка увидел и дал ремня брату. Махач расплакался — больно же. Ремешок у дедушки старинный, на таких раньше кинжалы носили, на кончиках железки. Подозвал и меня, но я что — дурак? Отбежал. Он за мной, а я ещё дальше. Кинул мне вдогонку свою трость, с которой он не расстаётся, старый уже, ему за шестьдесят. Я убежал ещё дальше, а он подобрал эту трость и опять в меня. Чуть по ногам мне не попал. Я психанул, взял эту трость, закинул её в чужой огород и дал дёру до автобусной остановки. Тут

как раз и автобус подошёл. Ну, я сел и уехал домой. Трость дорогая, редкая. Ручной работы, подарок от какой то знаменитости…

— А отец как узнал? Сам рассказал?

— Не-е! Дядька, младший брат отца, возвращался с города, заехал к деду…

— И дед попросил наказать тебя?

— Совсем не так. Дядя приехал к нам и спросил про меня, а когда узнал, что я дома, успокоился: мол, слава Богу, а то дедушка волнуется, переживает. Отец удивился, а дядя всё и выложил про трость. Когда дядя уехал, пообещав, что завтра заскочит к деду и успокоит его, отец как закричит на весь двор: «Эльдар!» Меня обычно дома и в школе зовут Эдиком, но отец, когда злой, зовёт только полным именем. Понимая, что влип, я вышел на крылечко. Отец пальцем показал, чтобы я стал перед ним. Когда я подошёл, влепил мне оплеуху, так что зазвонило и во втором ухе. Затем взял меня за грудки, оторвал от земли и спрашивает: «Ты знаешь, кто такой дедушка?» — «Конечно, — говорю, — знаю, это дедушка». — «Это мой отец! И если ты не уважаешь ни меня, ни моего отца, то я научу и заставлю тебя это сделать. Сейчас же иди к деду и извиняйся, паршивец!» Мама запричитала, что поздно, темно, автобусы не ходят, отложим до утра, а там первым же автобусом или с дядей поедет — повинится. Но отец был непреклонен: «Сказал — сейчас, значит, сейчас!» Мама шепнула мне, чтобы пошёл к Исламу и там переночевал. Папа заметил и догадался о затее мамы, строго крикнул: «Пусть даже не думает об этом. Я утром рано поеду к деду и проверю всё».

Несколько минут ехали молча. Товарищ водителя закурил сигарету и, выпустив дым в окно, протянул:

— М-да-а, строгий у тебя папа… урок на всю жизнь…

Когда подъехали к дому дедушки, мужчины вышли из машины и постучали по калитке.

Только дедушка распахнул её, Эдик шагнул к нему и выпалил:

— Дед, ты извини меня, я больше никогда не буду так делать, честное пионерское!

Дедушка растерялся, не понимая, что происходит. Приглашая поздних гостей в дом, он погладил внука по голове и положил руку ему на плечо.

— Спасибо, отец, за гостеприимство, но мы торопимся, — отрезал строго водитель.

Друг его подал руку Эльдару:

— Ну, бывай, джигит! — и обратился к деду: — Что же это ваш сын так с юнцом? Десятилетнего ребёнка в десять часов вечера, за десять километров, в тёмную ночь — одного.

Узнав, в чём дело, дед долго кивал, качал головой и сурово изрёк:

— Я с сыном разберусь завтра утром.

То ли прогулка ночная сказалась, то ли усталость — мальчик уснул, как только добрался до постели.

Его разбудили громкие голоса, доносящиеся со двора. Отец, как и обещал, приехал рано утром.

— Как ты мог такое сделать? — возмущённо кричал дедушка.

— Отец, успокойся, иначе этого паршивца не воспитаешь!

— Ты паршивец! А он ещё ребёнок!

— Всё, отец, понял я, понял. Успокойся.

Эльдар закрыл глаза и мечтательно подумал: «Интересно, а дедушка влепил оплеуху папе?..»

Слово мужчины

Как можно было проиграть бесспорно выигрышную партию в самой ответственной финальной игре, Эдик не понимал и потому не мог унять свою злость и раздражительность. Он во всём виноват, он смалодушничал…

Проиграла и сестрёнка Анжела, единственная девочка в команде. Тоже по-глупому. Расстроилась из-за него. Гаджи партию выиграл, а Бекхан сыграл вничью. Оставалась последняя надежда — Ислам.

Он хоть и играет слабее Эдика, но его прыткость, бесшабашная ловкость всегда приносили победы. Если он выиграет, команда может занять третье место, если проиграет, то… Эдику страшно было даже представить, что они не займут призовое место. А ведь изначально шли лидерами.

Шахматами в селении Хамавюрт увлеклись вовсе недавно, лет пять-шесть назад. Эдик смело и с гордостью может похвастаться, что друзей и одноклассников к этой древнейшей игре царей и шахов приучил он.

Когда папа, сельских механизатор, как-то пришёл с работы домой, держа в руках шахматную доску, и сказал, что будет учить детей этой игре, Эдик удивился и не поверил. Считалось что это забава для городских жителей, которым нечего делать в своих квартирах. Вот они и сидят во дворах многоэтажек вечерами. Сельчанам не до этого, тут ежеминутно найдётся чем заняться.

Пока отец ужинал, Эдик с интересом изучал эти странные фигурки, некоторые попробовал даже на зуб. Они вкусно пахли лаком.

— Игра очень сложная и вместе с тем — простая, — начал обучение папа. — Самый лёгкий способ понять, что собой представляют эти фигуры, — это вообразить, что пешки — это солдаты, как в любой армии. Конь — это конница, кавалерия. Слон — техника, танки, бронетранспортёры. Ладья — артиллерия, ферзь — это генштаб, а король — это генерал, командующий.

Шаг за шагом, от первой комбинации — детский мат, Эдик так увлёкся, что начал играть сам с собой, когда отцу или сёстрам было недосуг.

Друзья, кто нехотя, а кто с неподдельным интересом и азартом, вскоре были вовлечены в это забавное и мудрое увлечение.

Отец, следивший за успехами сына и дочерей, нашёл где-то книгу «Шахматы» Майзелиса.

— Вот тебе подарок на день рождения,— сказал папа.— По этой книге учился играть в шахматы гроссмейстер Анатолий Карпов.

Книге Эдик очень обрадовался, но никому о ней не рассказывал и не показывал её. Ему казалось, что это самое большое достояние, его тайна, клад, о котором никто не должен знать. Даже лучший друг Ислам, от которого у него никогда не было никаких секретов, не ведал о ней.

Разучивание коротких комбинаций, этюдов и композиции давали свои результаты. Среди участников школьных соревнований, которые организовывал учитель физкультуры, Эдик был всегда лучшим. Не отставала в успехах и сестра Анжела. А когда физрук объявил, что скоро намечаются турниры среди школ в районе, Эдик понял, что он и сестрёнка однозначно будут включены в команду их школы. Когда о предстоящих соревнованиях узнала мама и что в них будут участвовать Эдик, Анжела и Ислам, она забеспокоилась, ведь скоро конец учебного года.

— Вот наказание! — возмущалась она, наблюдая, как эта троица ежедневно заседает за игральной доской.— Совсем школу забросили. Возьму эти ваши деревяшки и выброшу в печь.

— Мама, ну что ты переживаешь? — раздражался Эдик.— Ты же знаешь, что у нас с сестрёнкой одни пятёрки!

— А Ислам? — не успокаивалась мать.— Ему и так с трудом даётся учёба, а у вас целыми днями игры!

Эдик лукаво взглянул на Ислама и рассмеялся.

— Он не любит учиться,— хохоча, выпалил он.— Он и так умный.

— Э-э, баламут ты, баламут… — она махнула рукой и ушла на кухню.

Возмущение матери сказалось на настроении игроков, занятия заметно расклеились.

— Вы что? — вскричал Эдик.— Что за вялость? Что приуныли?

— Может, действительно тётя права, Эльдар? — вяло прошептал Ислам.— Учёба всё-таки главнее…

— Вот в этом и кроется всё! — закричал, не сдерживая себя, Эдик.

Физрук назначил Эдика капитаном и поручил подготовку команды, за что с присущей ему ответственностью тот и взялся.

— Вы же понимаете, что во всех школах сейчас основной вопрос — учёба! И никто практически не готовится к соревнованиям. И наша задача — воспользоваться этой ситуацией и победить. Понимаете? Победить!

Рьяный настрой капитана был понятен: всем хочется победы.

Бывало, что сельчане занимали в районе какие-то призовые места по вольной борьбе, боксу, но по шахматам — никогда. Даже физрук проговорился, что шахматы не наш конёк. Главное — участие.

Но Эльдар твёрдо стоял на своём:

— Если там быть — значит, быть первыми. Другое — непозволительно.

Твёрдость в поставленной цели — вернуться только победителями, чтобы школа гордилась ими,— зажигала всех. Практически — это были первые турниры в селе и районе, и Эдик, как постоянный победитель во всех школьных олимпиадах, не был готов принять проигрыш.

Как и предполагал, нет, как безапелляционно утверждал Эльдар, команды практически не были подготовлены к чемпионату, и поэтому его команда, нанося поражения в каждой партии, добилась ошеломительного успеха.

Это была феерическая победа! Его победа! И все, во главе с физруком, понимали, чья это заслуга, чей труд и старания.

Когда приехали в село, Эдик предложил ребятам зайти к его отцу. Едва сдерживая свои эмоции, так хотелось взять эту кипу грамот и бросить вверх, чтобы они, как листопад, упали на землю и красовались у его ног. Выразить, что это всё благодаря ему, словами парнишка не мог, поэтому он молча выложил все грамоты перед папой.

— Ну, неплохо… молодцы,— хладнокровно начал отец, но, заметив возбуждённое состояние сына, вопреки кавказским законам сдержанности и скудности в похвале, улыбнувшись, продолжил: — Кхм… хвалю, сынок, рад и горд за тебя.

Превыше этого Эльдару не нужно было ничего — хвальба родителей для детей Кавказа дорогого стоит. Он даже не заметил, как из глаз по щекам покатились слёзы. Чувствуя, что от волнения может сорваться голос, он аккуратно сложил грамоты и вышел из комнаты. «Эх, сейчас бы забежать за дом и дать волю эмоциям»,— промелькнула мысль, но его ждали ребята.

В доме у друга Эдик как бы между прочим, показывая его родным грамоты хвастливо заметил:

— Там против нас не было соперников. Мы у них все партии, как у детсадовцев, выиграли.

Даже на второй день в школе, когда физрук и директор при общем построении поздравляли победителей высокопарными речами, Эдик не так гордился заслугой, как перед отцом. В голове только и звучали слова папы: «Рад и горд за тебя, сынок!»

За несколько дней до окончания учебного года детей вызвал к себе директор. Когда они вошли в его кабинет, физрук, не дав и слово вымолвить директору, радостно воскликнул:

— Ребята, вы едете в Махачкалу на республиканские соревнования по шахматам!

Через полчаса вся школа гудела от этой новости. На спортсменов смотрели как на героев. Каждый

старался пожать руку, поздравить и пожелать хороших результатов.

Эльдару казалось, что он, как облако, высоко летает над всеми, что все учащиеся только этим дышат и живут. Понимая, что слава может не только возвышать, но и помешать, капитан команды сразу же и объявил:

— Все дела побоку! Только шахматы!

Времени до республиканского турнира оставалось совсем немного. Команда с утра до вечера оттачивала мастерство. Беспрерывные тактические задачи: отработка дебютных вариантов — от начальных, открытых, до закрытых, от миттельшпиля до эндшпиля.

Отец обрадовался сообщению не меньше детей, но мама твёрдо заявила, что она категорически против поездки.

Загвоздка оказалась в том, что дети будут жить в гостинице «Ленинград», находящейся в нескольких сотнях метров от Каспийского моря, и она боится, что сын полезет в воду и утонет, что его унесут волны, которые бушуют там триста дней в году.

Не помогало ничего: что в июне волн уже нет, в зоне купания море мелкое, людей очень много, никто никому не даст утонуть, все у всех на виду.

Ясно, что без брата не поедет и Анжела, единственная девочка в команде,— это уже минус два участника из пятерых, почти полкоманды — никаких шансов на призовое место.

Ничьи уговоры, даже физрука, бывшего одноклассника мамы, не могли повлиять на неё.

За пару дней до отъезда зашёл к маме директор школы. Вникнув в ситуацию, он не стал вызывать её к себе в кабинет на работе, отчитывать, упрекать и указывать, как её начальник. Вопрос хоть и касался престижа школы и села, директор сам, как многодетный отец, осознавал, как родителям тягостно отпускать детей от себя.

— Так нельзя с детьми,— начал он, как педагог с большим стажем,— они старались, самостоятельно работали, рвались ради нас, а мы, учителя, которые учили их этому, ставим им препоны…

После недолгого паузы мама позвала сына и сказала:

— Я соглашусь, но с одним условием…

Дети радостно захлопали и закричали:

— Ур-ра-а-а! Едем!

— А условие такое! Эльдар даёт мне честное слово, что он не будет купаться в море.

Эдик рухнул на диван. Ему показалось, что его скосил сорокадвухградусный жар. Он прикрыл глаза и, как рыба, пришлёпывал губами, не в состоянии и слова вымолвить. Зачем ему эта Махачкала без моря?! Прогулки по парку и городу с мороженым можно и в Хасавюрте устроить, пара десятков километров от села, чем ехать за сто километров.

Немного придя в себя, он уже намеревался решительно отказаться от поездки, но, увидев глаза директора, физрука и своих ребят, глубоко вздохнул. Нельзя подводить команду, школу и район.

— Хорошо, мама, даю слово,— тихо, но очень твёрдо выдавил из себя юноша.

— Я верю тебе, сынок,— спокойно сказала мать и похлопала его по плечу.

Семнадцатиэтажная гостиница, куда поселили спортсменов со всех районов Дагестана, считалась небоскрёбом для Махачкалы. Весь город и окрестности с верхнего этажа — как на ладони.

Соревнования проходили до обеда, а во второй половине дня иногородним организовывались всякие познавательные экскурсии по памятным местам города и музеям.

Махачкала — совсем молодой город, ему нет и двухсот лет, он раскинулся на берегу моря, на холмах, как горные аулы. За эти недолгие годы поменял несколько названий. На месте поселения Анжи в середине девятнадцатого века появилась крепость Петровск в честь Петра Первого, который в начале восемнадцатого века останавливался здесь во время Персидского похода. После свержения царизма несколько лет назывался Шамиль-кала, а с 1921 года получил своё нынешнее наименование в честь Магомеда Али (Махача) Дахадаева.

На утреннем «совещании», обратив внимание каждого на их слабые моменты и после необходимых наставлений, капитан пожал всем руки с пожеланиями побед. Радовало, что никто не волновался и все готовы к бою.

Отборочный тур команда прошла успешно, все партии были выиграны. Пацаны восприняли это как обыденное событие и спокойно пошли на море.

— Эльдар, давай на пляж,— звали друзья.

«Эх, сейчас бы ринуться в море и не выходить из воды до самого вечера, пока не спадёт этот зной»,— с завистью посмотрел на ребят Эдик.

— Не, мы с Анжелой записались на экскурсию,— соврал он и, взяв за руку сестрёнку, направился с ней в город.

Гуляли они недолго. Немного походили по парку, покатались на карусели и, полакомившись мороженым, вернулись в гостиницу.

В городе везде пахло морем; несмотря на жару, дышалось легко, воздух был насыщен морской свежестью, но это больше раздражало Эдика, чем успокаивало.

— Лучше будем готовиться к завтрашнему дню,— более успокаивая себя, сказал он сестре.

— Правильно, брат,— поддержала учтиво Анжела.

Конечно, ей-то что, она ещё не умеет плавать и боится воды.

Команда не подвела и на второй день. В полуфинал вышли также очень легко, не проиграв ни одной партии, и, пожалуй, можно сильно и не волноваться за предстоящий финал. По итогам прошедших игр они были в лидерах.

Узнав, что капитан отпустил сестрёнку до вечера в гости к дяде, который живёт недалеко от гостиницы, ребята залетели в номер и чуть ли не насильно потащили его с собой. Хотя бы чтобы он просто посидел у моря.

Солнце нещадно обжигало тело через рубашку, а на голове, казалось, развели костёр. Ребята, на ходу скидывая рубашки и брюки, ввалились во влажное пространство и, как младенцы, визжали от удовольствия: ныряли, обрызгивали друг друга, плавали наперегонки.

Завидуя их беззаботному счастью, Эльдар сидел на горячем песке и представлял себя вместе с ними. Нет, нет, он бы ушёл подальше от берега и не спеша, щурясь от бликов, полыхающих, как огоньки, над ослепительно-сине-зелёной водой, прочёркивая руками мягкую, нежную гладь, лёг бы на спину и, закрыв глаза, спокойно вздохнул несколько раз и, задержав дыхание, ушёл бы под воду и, пока хватало силы, не всплывал. Но…

Чтобы отвлечься от сладких наваждений, Эдик негромко запел песенку из мультфильма:

— Я на солнышке сижу, всё сижу и сижу…

Семейная пара, расположившаяся в паре метров от Эльдара, удивлённо спросила его:

— А ты почему не с ними? Не умеешь плавать?

— Умею,— грустно ответил он.

— И в чём дело? Боишься моря?

— Не-е, нисколько. Моря не боюсь, мамы боюсь,— со смехом, больше напоминающим истерический плач, выкрикнул парнишка.

Женщина понимающе покивала головой, а мужчина вопросительно посмотрел на него и потряс ладонью.

— Дал слово маме, что не полезу в море. Она опасается, что я утону. Я единственный у них сын, остальные девочки.

Довольно долго наплескавшись, ребята начали уговаривать Эдика искупаться:

— Нырни разок, никто не узнает.

— При чём здесь «узнает» или «не узнает»? — начал отнекиваться Эдик.— Во-первых, если мама спросит у Ислама, он не соврёт, не умеет врать. Во-вторых, я обещал маме…

— Ну что ты, в самом деле? — встал перед ним Бекхан.— Мама не узнает. Если что, я скажу, что я толкнул тебя в воду.

Убедившись, что уговоры бесполезны, ребята взяли Эльдара под ручки и потащили к воде. С трудом вырвавшись, он жёстко крикнул:

— Стойте, или вы мне больше не друзья!

Эльдар посмотрел в глаза Ислама и понял, что и он, поддавшись общему настроению, не слышит его.

— Не важно, будет мама знать или нет. Важно, что знать буду я, что обещал маме и не сдержал своё слово. Я не полезу в воду.

Он оттолкнул Ислама и пошёл прочь с пляжа.

Вечером Эдик не смог перебороть себя, заглушить обиду на весь белый свет и не пришёл на инструктаж. Не успокоился он и к утру и вяло, отрешённо давал наставления на решающую, финальную игру.

В шахматы играют головой, шахматист полагается исключительно на свой разум, Эльдар это понимал, но не сумел настроить, сосредоточить свою голову. Сам же учил и наставлял других, а тут… сам и оплошал.

Он стоял на крылечке гостиницы и уныло смотрел на синюю даль моря, когда Ислам подошёл и спокойным, безрадостным тоном произнёс:

— Выиграл…

Капитан был рад, но что-либо сказать, похвалить был не в состоянии. Он понимал, что это надо сделать, но никак не получалось унять себя. Благо Ислам без слов улавливал его настроение. Они молча постояли несколько минут.

— Успокойся… — похлопав друга по плечу, прошептал Ислам.— Всё хорошо.

Команда заняла третье место, что, в принципе, неплохо для школы и района, но капитана терзало чувство вины. Могли показать лучший результат, если бы… не если…

Больше, чем физрук и директор школы, ликовал отец:

— Мои дети, мои ученики… — тряс возбуждённо он кулаками.— Третье место среди десятков районов — это результа-а-ат! Верил, не сомневался…

Немного успокоившись, отец сказал:

— Но у меня всё-таки кралась мысль, что если не первыми, то вторыми будете.

— Могли, папа, но… Я подвёл команду,— понурив голову, начал Эльдар.— Отсутствие хладнокровия у меня, бесхарактерность… Если сломается капитан, ломается и вся команда.

— Ни в чём ты не виноват,— вступился за друга Ислам.— Это мы сглупили, допекли тебя на пляже, прекрасно понимая, что ты ни за что не отступишь от своего слова.

Разобравшись, в чём дело, отец стал ругать маму:

— Сын три дня был у моря! И вернулся, ни разу не искупавшись! Как ты могла потребовать такое?

— Ну и что? Зато я была спокойна и ни о чём не беспокоилась. Я знаю, что если мужчина обещал, то он сдержит своё слово,— улыбаясь, ответила мама.

— Кхм… — раздражённо прокряхтел отец.

— У нас растёт мужчина, который, дав слово, сдержит. Слово мужчины! — мать гордо посмотрела на сына.

Эльдар облегчённо вздохнул и улыбнулся. Он нисколько не сожалел, что не поддался искушению, не нырнул в море. Довольное сияющее лицо матери для него было важнее, чем все потери и достижения.

Галина Шляхова

Когда в окнах много света

Отец легонько подтолкнул Ваську в спину, и мальчик сделал несколько нерешительных шагов, украдкой глянул на стоящих перед ним женщину и маленькую девчонку, опустил голову.

— Чего не здороваешься? Онемел? — хохотнул отец и, распахнув объятья перед женщиной, радостно воскликнул: — А ты чего, Таня, стоишь как неродная? Не соскучилась, что ль?!

Женщина кинулась навстречу:

— Серёженька! — прощебетала она и несколько раз чмокнула его в щёку.

Вася искоса посмотрел на отца, поморщился и, отвернувшись в сторону уставился на девчонку. Девчонка тоже с любопытством разглядывала гостя. Мальчишка скорчил ей злую мордочку и показал язык, девочка захныкала и уткнулась в материнский подол.

— Что, Наташенька? — мама ласково коснулась русой головки.

Наташенька указала пальчиком на Ваську.

— А это Васька! — пробасил отец. — Теперь это, Наташа, твой старший брат! — после отец строго посмотрел на мальчишку: — Васька, вот твоя сестра Наташа, а это новая мама Таня. Понял?! — отец аккуратно взял Васю за подбородок и вопросительно поглядел ему в глаза.

Сын часто заморгал и покорно пролепетал:

— Мама Таня…

— Здравствуй, Вася, — радушно поприветствовала мама Таня.

— Ну вот и хорошо! — хлопнул в ладоши отец и скомандовал жизнерадостно: — А теперь раздеваться и обедать!

Он быстро скинул верхнюю одежду, занёс в комнату дорожную сумку, попутно рассказывая о перелёте; мама Таня суетилась у обеденного стола, расставляя посуду и угощение; сестра Наташа, усевшись на кухонный диванчик, наблюдала за Васькой, который нехотя расстёгивал куртку и воровато оглядывал свой новый дом.

Так вышло, что Васька помнил своего отца смутно, родители расстались, когда мальчишке было всего четыре года, отец остался в деревне, а мать, сложив небогатые пожитки, рванула в город в поисках новой жизни. Какое-то время Васька жил у бабушки, где его регулярно навещал отец, но вскоре мать, необдуманно выскочив в очередной раз замуж, забрала Ваську к себе; с той поры, до прошлой недели, Васька отца и не видел. Жизнь матери с новым мужем не сложилась, уже через год они расстались, потом был другой муж, потом друг дядя Толя, потом друг дядя Женя… Потом Васька даже не старался запоминать имена материных друзей и подруг, он злился на мать, злился на её календарные и по случаю «праздники», злился на пустые бутылки, окурки, грязь в доме; и все эти годы он мечтал, как однажды за ним приедет его отец, он накажет всех обидчиков, заберёт маму и Ваську и всё будет хорошо! Но сколько Васька ни молился сказочным богам шумными пьяными ночами, добрый герой его мечтаний — отец — так и не приезжал, зато полгода назад появились «злые герои»… Однажды утром в их съёмную «однушку» пришли важные и нарядные тёти из какого-то «злого департамента» и забрали Ваську от матери. Громко рыдала пьяная мать, горько плакал Васька в машине, тихо плакал Васька потом… В приюте было чисто и красиво, вкусно и светло, но одиноко и холодно. Каждую ночь Васька вздрагивал: то ему слышался плачущий голос матери, то мерещился образ доброго спасителя, — но всегда наступало утро, и тётя в белом халате включала свет и громко командовала: «Мальчиши, подъём!» Постепенно Васька стал привыкать к новой обстановке, даже перестал наедаться про запас и прятать куски хлеба за пазуху, привык каждый день мыться, ходить в школу… лишь к одному он привыкнуть не мог: матери не было рядом. Как-то однажды она пришла, стыдливо прятала взгляд, всё причитала и всхлипывала, трясущимися руками гладя лысую Васькину голову; уходя, она сунула Ваське две карамельки:

— Я скоро тебя заберу, Васька, заберу, мне только на работу устроиться, и всё! Скоро заберу! Клянусь!

И Васька поверил. Но мать больше не приходила, и когда Васькины надежды умерли, а в душе царили отчаянье и пустота, в учебный класс приюта вошла воспитательница.

— Ирина Евгеньевна, — обратилась она к учителю, — я Васю Сухлеева забираю, за ним пришли.

Сердце Васьки рвалось из груди, он вылетел из-за парты, понёсся в приёмный покой вперёд воспитателя и, выскочив из коридора в уютную и просторную комнату, остолбенел: перед ним стоял его ОТЕЦ!

— Ну, здоро́во, что ли! — засмеялся отец громко.

— Здравствуйте… — пискнул Васька и заплакал.

Отец с аппетитом хрустел солёным огурчиком, Наташа жевала бутерброд с колбасой, а мама Таня, прихлёбывая ароматный кофе, наблюдала за тем, как Васька, разложив локти на стол, сгорбатился над тарелкой и громко хлюпал супом.

— Сядь прямо, Василий, — покачала она головой, — и локти со стола убери, это неприлично… ну и чавкать тоже некультурно…

Отец строго зыркнул на Ваську, мальчик положил ложку и промямлил:

— А можно я больше не буду?

Мама Таня удивлённо подняла бровь:

— Что? Невкусно, что ли?!

Васька потупился.

— Ну? — протянул отец. — Говори как есть…

— Я лук и эти красные штуки не люблю… — выдавил Васька.

Мама Таня недовольно хмыкнула:

— Ну уж извините, деликатесов у нас нет… — она вдохнула, чтоб продолжить язвительное высказывание, но, столкнувшись с настороженным взглядом отца, продолжила спокойно: — Не хочешь есть — не ешь… — и, немного помолчав, добавила: — Бери бутерброды или печенье к чаю…

— Жуй, что на глаз попало! — кивнул ободряюще отец и потрепал Ваську по голове.

— Худющий он невозможно и маленький совсем для пятиклассника… — ополаскивая чашки, вздохнула Татьяна.

— Это да! — кивнул Сергей. — Заморыш совсем…

Он виновато замолчал.

— Ладно, не думай… — махнула полотенцем Татьяна. — Были бы кости — откормим!

— Так там и со школой беда! Чёрт его знает, как он учился… — всплеснул руками Сергей.

— Завтра вместе сходим, устроим, пойдёт, как положено, в пятый класс, а там видно будет… Что теперь сделаешь… раз всё так?..

Сергей кивнул.

— Всё хорошо будет, Серёжа! — ободрила мужа Татьяна.

— Ага… Прямо как камень парень, живинки нет… Видать, совсем я ему чужой… Как оно будет?

— Привыкнет! — уверенно сказала Татьяна. — Уж, поди, лучше, чем в детдоме или у матери-алкашки!

Сергей глубоко вздохнул:

— Ты, Таня, помягче с ним будь… пока обвыкнется… то да сё…

Таня недоуменно посмотрела на мужа.

— А что я?! — возмутилась она. — Это ты к тому, что я про локти сказала? Ну так разве я что-то плохое сделала? Или я что, сюсюкать должна, по-твоему?

— Да не сюсюкать! — вздрогнул Сергей. — Просто дай ему привыкнуть…

— Хорошо… — обиделась Татьяна.

В эту ночь Татьяне совсем не спалось, тревожные мысли не давали покоя… Прежняя жизнь её была несладкой: деспотизм родителей, ранний неудачный брак — как побег из-под родительского гнёта, трёхлетнее одиночество, бессонные ночи у детской кроватки и бесконечные упрёки матери… И вот, наконец, казалось, все мучения остались позади: ей встретился Сергей — сильный, серьёзный, работящий. Сергей забрал её с дочерью из ненавистного ей мира, теперь у неё был и дом, и муж, и настоящая семья. Жила Татьяна счастливо уже два года, как тут такое! Пришёл муж как-то с работы: мол, вот, Таня, такие дела — надо сына забирать. «Делать нечего, надо так надо…» — не согласиться с мужем Татьяна не могла, но неясный ревнивый страх поселился в её душе.

— Вот! — сказала Татьяне мать. — Дура ты, Танька, как есть дура! Приволочёт он тебе своего сынка, и будешь ты на их горбатиться, а потом, плюнь мне в глаз, вырастет этот ребятёнок и будет тебя ненавидеть!

— Ну что, мама, ты говоришь такое? — пыталась спорить Татьяна, но мать не унималась:

— Вот увидишь, Серёжка твой и к Наталье сразу переменится! Кровь — она, известно, гуще воды. Это он сейчас к Наташке как к дочери… Думаешь почему? А потому, что своих детей при нём нет, а теперь узнаешь, когда сына-то своего привезёт!

Татьяна грустно задумалась, а мать, воодушевившись, продолжила:

— Ты его бывшую-то хоть знаешь? А?! Сама посуди, какой опыт у сынка того имеется: пьянки, гульба и прочий срам! Ну и чего он доброго знает? Только пакостное! Вот будешь всякую копейку прятать в собственном доме! А с Наташкой чего сделает? А?!

— Ну ты совсем! — всплеснула руками Татьяна. — Типун тебе на язык!

— Ишь! Машет она мне! — взвилась мать. — Поглядишь — узнаешь!

— Так что я могу? — жалобно простонала Татьяна.

— Как чё?! — возмутилась мать. — Скажи ему: «Никаких!» — и всё! А упрётся — собирайся и уходи!

Татьяна скривилась.

— Ну и бегай перед ними на цырлах! Дура несусветная!

Лёжа рядом с мирно сопящим Сергеем, Татьяна жалела себя: «Как же так? Вот почему я такая невезучая? Видимо, кто-то из прабабок согрешил, что я теперь рассчитываюсь. Только всё устроилось,

только свободно вздохнула, как нá тебе, Таня, держи удар и не морщись! И мальчишка-то непрост: набычился, голову вниз, как на врага смотрит исподлобья… А разве я чем-то виновата? И Сергей туда же: „Будь помягче, будь помягче…“ Спрашивается — это как? На задних лапках теперь бегать перед ним, что ли? Не вижу я, чтоб он перед моей Наташкой бегал… ему она наверняка что есть, что нет… Неужто мать правой окажется?!..»

Уже неделю Васька в новой школе, посадили его в пятый класс, но сразу же обнаружилось, что знания у Васьки едва соответствуют третьему… Что делать? Определили Ваську на индивидуальное обучение, ходил он теперь отдельно к опытному учителю на русский язык и математику, а остальные предметы изучал вместе с классом.

— Понимаете, Тамара Васильевна, — розовея, поясняла Татьяна учителю, — он в таких условиях находился… Мягко говоря, неблагополучных… А сейчас надо ситуацию исправлять… Я вас прошу, держите его на контроле, если что — сразу сообщайте. Ну а с учёбой что смогу — сделаю, проконтролирую и прочее… Мамаша его совершенно запустила. Да что про неё говорить? Дикий он совсем, не приучен ни к чему — что там ваша математика… — вздохнула она многозначительно.

— Я вам искренне сочувствую… — ответила учитель. — Сделаем всё, что в наших силах. Трудная вас ждёт работа, но терпение и труд всё перетрут!

— Уж и не говорите… — горько вздохнула Татьяна.

— Сейчас была в школе… — третий раз начала Татьяна, когда суетящийся над ящиком с инструментами муж наконец отыскал нужную отвёртку и поднял-таки на неё взгляд. — В школе, говорю, сейчас была. Говорят, что тёмный лес!

— Ну и?! — Сергей начал прикручивать болтик.

— Что «ну и»?!.. сказали, заниматься надо много, чтоб хоть что-то он смог… — и она строго кашлянула.

— Надо — значит, будем! — тряхнул кудрявым чубом Сергей и снова повернулся к мотору.

Татьяна недоуменно смотрела на мужа: «Гляди каков! Надо — значит, будем! Это кто будет? Это я теперь должна с ним сидеть над учебником, что ли?!»

Сергей оглянулся:

— Тань, ты там пожрать чё-нить собери дня на три-четыре, мы с Витькой порыбачить поедем вниз вечером. Хорошо?

— Надолго? — нахмурилась Татьяна.

— Сказал же: дня на три-четыре. Не успеешь глазом моргнуть! — подмигнул Сергей.

— Ясно… — раздражённо бросила Татьяна и повернула от гаража к дому.

— Ты чего, Танюх, обиделась, что я раньше не сказал? — крикнул вслед Сергей. — Я и сам не знал с утра…

Но Татьяна сделала вид, что не слышит: «Как же так?! — возмущалась она тихо. — Приволок парнишку и ведёт себя, как будто ничего не произошло: то он на работе, то в гараже, теперь вот на рыбалку собрался… А мне теперь его сына воспитывать?!»

— Ну вот смотри, я тебе нарисую! — Татьяна с надрывом в голосе в четвёртый раз принялась объяснять условия задачи, она схватила карандаш и, развернув к себе черновик, нарисовала три прямоугольника. — Вот! Это три дома из задачи…

Васька кивнул.

— А теперь ответь: сколько в каждом доме этажей?

Васька хлопал глазами.

— Ну ты чего? — злилась Татьяна. — Прочитай задачу ещё раз!

Васька медленно начал:

— Строительная бригада сдала в эксплу… эксплуа… экпламатацию…

— Эксплуатацию! — строго поправила Татьяна и, понимая, что это слово Ваське непонятно, добавила: — Это значит построили… Итак, строители построили три дома… Вот они! — она ткнула в лист карандашом. — Читай дальше!

Васька с дрожью в голосе продолжил:

— Три пятиэтажных дома, на каждом этаже по шесть квартир…

— Стоп! — скомандовала Татьяна. — Сколько этажей в каждом доме?

Васька вопросительно смотрел на Татьяну.

— Ну как же так?! — всплеснула руками Татьяна. — Читай эти слова! — она ткнула пальцем в учебник.

— Три пятиэтажных дома, на…

— Ну! — Татьяна вытаращила глаза.

Васька часто заморгал.

Татьяна глубоко вздохнула и, собрав остатки спокойствия, хрипло ответила:

— По пять этажей! Дома пятиэтажные — значит, пять этажей… Понял?

Васька послушно кивнул, а Татьяна разделила каждый прямоугольник на пять частей.

— Вот, теперь в этих домиках по пять этажей! Сколько квартир на каждом этаже?

Васька уставился в учебник, он бегал по строкам в тщетной попытке ответить на непонятный ему вопрос, от страха мысли в его голове окончательно запутались, тревога нарастала, ему казалось, если сейчас он не скажет, сколько «чего-то там было», эта «мама Таня» обязательно треснет его по голове…

— Ну что ты умолк? — прошипела Татьяна и потянулась к книге.

Васька вздрогнул и вскинул ручонку над головой. Татьяна испугалась:

— Ты чего?!

Васька опустил руку и посмотрел на Татьяну с полным отчаяньем.

— Ладно… — выдохнула Татьяна. — Иди пока мультик, что ли, посмотри, отдохни немножко, попозже позанимаемся… и я передохну… посуду пока вымою…

Васька озарился и тут же вприпрыжку унёсся в гостиную.

«Бог мой! — восклицала про себя Татьяна. — «Как его учить-то? Он же туп как дерево! Ну элементарного не понимает… И психика совершенно нарушена, вздрагивает весь, как будто я его бью или кричу на него».

Лёжа в кровати, Васька ворочался; за окном в тусклом свете фонаря кривые ветки черёмухи качались от порывистого ветра, а Ваське чудилось, что это злые духи леса грозят ему своими костлявыми пальцами: «Ах ты, Васька, утащим мы тебя в чащу непролазную, ответишь ты нам за незнание таблицы умножения!» И тут же в тёмном углу мерещилась строгая Тамара Васильевна с мечом грозящим — указкой, а с нею другие злобные создания — учителя школьные, а возглавляла это тёмное войско мама Таня: «Ух! Заучим-замучим мы тебя, Васька!» — «Мама, мама, мамочка…» — тихонько скулил Васька, проваливаясь в сон.

— Мама, а ты меня любишь? — вдруг спросила Наташка.

— Конечно, люблю! — ласково ответила Татьяна. — А почему ты спрашиваешь?

— А у бабушки кошка окотилась! — тут же, вытаращив глазёнки, принялась рассказывать Наташка. — Такие рыжие, а один белый! Бабушка сказала, что у соседей спросит, кому нужны, и если нужны, то оставит какого-нибудь, а других порешит! Хоть бы она оставила беленького, он такой беленький, и только пятнышко рыжее на лбу! — захлопала в ладоши Наташка, а потом остановилась и, поглядев на маму, спросила: — А что такое «порешит»?

— Хм-м… — погрустнела Татьяна и, не зная, что сказать, ответила: — Рано тебе про это знать…

— Мама, а почему котята разноцветные родятся? — переключилась Наташка.

— Ну как почему?! Один котёнок похож на маму, другой котёнок — на папу…

— А третий? — озадачилась Наташка.

— Третий? Третий — на дедушку! — нашлась Татьяна.

— Четвёртый — на бабушку, пятый — на дядю… — печатая шаги, считала Наташка, но, пройдя немного, остановилась и задумалась. — Мама, а что такое «подкидыш»?

— Подкидыш — это… — начала было объяснять Татьяна, но озадачилась. — А почему ты спрашиваешь?

— Бабка говорила, что Васька — подкидыш, потом спросила, не лупит ли он меня…

— Ясно! — сощурилась Татьяна. — Что ещё спрашивала бабка?

— А не помню! Она говорила, что если Васька меня бить будет, чтоб я сразу ей говорила, а то ты теперь нового сына заимела и про меня забыла, — Наташка вытаращила глазёнки и снова спросила: — А ты меня точно любишь?

— Да что ты будешь делать! — воскликнула Татьяна и обняла дочку. — Как же я тебя могу не любить?! Ведь ты моя доченька!!! Все мамы любят своих детей!

— А Васька? Его мама любит?

Татьяна помолчала.

— Так бывает, Наташа, что у детей нет рядом родной мамы или папы… — объясняла она тихо. — Вот у тебя нет родного папы, а дядя Серёжа тебе стал приёмным папой, ну, то есть он заменил тебе папу… А у Васьки, наоборот, папа его родной — дядя Серёжа, а мамы у него нет…

— А ты ему теперь приёмышная мама?

— Ну да, «приёмышная»… — улыбнулась Татьяна.

— А бабушка сказала, что Васькина мать забулдыга и Васька плохой мальчик…

— Так! — резко оборвала Татьяна. — Бабушке твоей я устрою головомойку за такие слова! И тебе, если ты будешь это повторять! Разве Вася плохой? Разве он сделал что-то плохое?

Наташка отрицательно покачала головой.

— То-то же!

— Мама, а что такое «забулдыга»?

Татьяна строго кашлянула:

— И слов бабушкиных не повторяй! Это плохие слова — ругательные! А будешь повторять — я тебя накажу, — и погрозила пальцем.

— Не буду… — понурилась Наташка.

— Вот и хорошо! Ты у меня девчонка взрослая, пять уже…

— Вася, а в школе трудно учиться? — спросила Наташка, присаживаясь на тахту.

Васька читал учебник истории.

— Ещё как… — вздохнул он глубоко, не отрываясь от книги.

— А чего самое трудное-претрудное? А?! — Наташка заглянула ему в лицо.

— Да всё! — вздохнул Васька и отложил учебник в сторону. — Вот задачи эти по математике, например: мало того что прочитать надо, потом ещё краткую запись составить, а потом ещё чего-то делить-умножать, записывать! А русский язык…

— А что такое «делить-умножать»? — заинтересовалась Наташка.

— Это такие действия.

— А что такое «действия»? — ещё больше озадачилась Наташка.

— Ну… как бы тебе объяснить?.. — Васька задумался. — Вот у тебя яблок сто штук!

— Ого себе! — воскликнула Наташка. — Целый дом из яблок!

— Но! — хихикнул Васька над фантазией приёмной сестры и продолжил: — Вот яблок сто штук, а тебе их надо поделить между…

— А! Поняла! — перебила Наташка. — Поделить на маму, папу, мне и тебе…

— Ну да! Вот по сколько на всех получилось?

Наташка пожала плечами.

— Нас четыре! Правильно? — кивнул Васька, подскочил к учебному столу, схватил лист и ручку и начал писать. — Вот теперь берём сто и делим на четыре… — он записал выражение и приступил к решению, бормоча под нос: — Десять на четыре, берём по два — это восемь, отнимаем — это два, ноль сносим — это двадцать, берём по пять… Двадцать пять яблок!

Наташка стояла рядом и таращила глаза на Васькины записи, а когда он выкрикнул ответ, она радостно воскликнула:

— Ну, Васька, ты умник какой! — и захлопала в ладошки.

— Да подумаешь! — довольно улыбнулся Васька и потом грустно добавил: — Это простой пример, а сейчас у меня только труднющие примеры!

— Ничего себе! — изумилась Наташка, она села на тахту и задумалась вслух: — Ой-ё-ёшки, а как жить я в школу-то пойду?.. Я ведь ничего в этих «делениях» не знаю…

Но Васька сел рядом и успокоил:

— Не боися, научишься, девчонки всегда хорошо учатся, а ещё я же много пропустил, вот и догонять приходится…

— А! — кивнула Наташка, но снова засомневалась. — Ну а если я чего-нибудь не пойму или забуду?

— Ну… — Васька повращал глазами. — Ну, если что, я тебе помогу, я же уже в пятом классе, а когда ты в школу пойдёшь, я уже в шестом буду!

— Точно! — обрадовалась Наташка.

Васька взял учебник истории, Наташка смотрела на него безотрывно, он уткнулся в книгу, но через минуту поднял взгляд на Наташку:

— А чего мультики не идёшь смотреть?

Наташка поморщилась:

— Надоели эти мультики…

— А! — подмигнул Васька, и снова посмотрел в книгу.

Наташка продолжала за ним наблюдать.

Васька поинтересовался:

— А ты хоть читать-то умеешь?

Наташка оживилась:

— Немножко… только у меня по складам плохо получается…

— Не «по складам», а «по слогам» надо говорить, — поправил Васька. — Ну давай посмотрим как ты читать умеешь! — и Васька положил книгу перед Наташкой. — Вот, читай тут!

— Это мы в школу играть начали? — обрадовалась Наташка.

— Ну… типа… да! — согласился Васька.

— Ура! — шепнула Наташка и принялась читать: — С-п-а-спар-т-ан-цы б-ы-бы-л-и-ли о-т-л-отли-ч-н-ыны-м-и-ми… Вася-учитель, а кто такие спартанцы?

— Спартанцы — это такие люди из Древней Греции, — строго ответил Вася. — Не отвлекайся, читай дальше.

— В-о-во-и-н… А что такое Древняя Греция?

— Греция — эта такая страна, она и сейчас есть, а когда-то была очень древней, вот и называлась Древняя Греция…

— А, понятно! — расцвела Наташка. — В древние времена древние люди жили в Древней Греции! А интересно, а какие времена были древними?!

— Это известное дело! — многозначительно поглядел Васька. — Это до нашей эры!

— Ого!! — восхитилась Наташка. — «До нашей эры!» — и снова спросила: — А это как?

Васька потупился, он немного помолчал и ответил:

— Это сто миллионов лет назад!

— Ничего себе! Целый дом из лет!!! — Наташка вытаращила глаза и развела руки в стороны, отчего Васька весело засмеялся.

Тут в комнату заглянула Татьяна:

— Что делаете?

— Мама! — подпрыгнула Наташка. — Васька мне про деление рассказал, а ещё!.. А ещё в Древней Греции сто миллионов лет назад, до нашей эры, жили спартанцы… это я сама прочитала…

— Ну, молодец, что прочитала, только наверняка ты Васе мешаешь уроки делать… — Татьяна вопросительно поглядела на Васю, но мальчик отрицательно покачал головой.

— Мама! Ну ты представляешь, это сколько много лет?! Сто миллионов! Это же как до неба!

Татьяна засмеялась, она вошла в комнату и присела на стул рядом с детьми.

— До нашей эры — это не сто миллионов лет, а две с небольшим тысячи лет. Вот какой сейчас год?

— Две тысячи восемнадцатый, — ответил Вася.

— Вот! Значит, наша эра длится две тысячи восемнадцать лет, а до нашей эры — это события раньше… Вот смотрите сюда…

Татьяна взяла лист и нарисовала на нём линию, посередине поставила точку и написала над ней ноль. Дети с любопытством уставились.

— Вот эта линия — время, годы, вот в эту сторону мы летим в будущее, а в эту сторону — в прошлое.

— А! — воскликнула Наташка. — Это как на машине времени!

Васька и мама кивнули, и мама продолжила:

— Вот тут у нас две тысячи восемнадцатый год, а потом пойдёт дальше две тысячи девятнадцатый, две тысячи двадцатый… А если мы будем передвигаться от ноля в прошлое, мы и окажемся до нашей эры… Понятно?

Васька улыбнулся.

— А теперь какие там у тебя, Вася, в учебнике годы указаны?

Васька схватил учебник, но тут же понурился:

— А тут какие-то крестики и палочки… я их не понимаю…

Татьяна засмеялась:

— Давайте ваши палочки разбирать!

И она принялась объяснять несмышлёнышам написание римских цифр.

Татьяна раскатывала пласт теста, то и дело поглядывая на часы. Вымазанная в муке Наташка мешала начинку для ягодного пирога.

— Наташа, не облизывай ложку! — нервничала Татьяна.

— Пятый раз повторяю: не умножить, а разделить! — из комнаты раздался гневный крик Сергея.

Наташка от неожиданности выронила ложку, Татьяна вздрогнула, бросила скалку и в три прыжка оказалась в комнате. Васька хлюпал носом, Сергей тряс тетрадью:

— Ты что, вконец тупой, что ли?!!

— Умолкни! — гневно потребовала Татьяна.

Сергей остолбенел, ему никогда не приходилось видеть свою жену в ярости. Татьяна стиснула губы, сжала кулаки и прожигала его взглядом насквозь:

— Положь тетрадь и выйди! — прошипела она.

Сергей покорно положил тетрадь и направился к выходу. Татьяна даже не посмотрела в его сторону, она, как кошка, тихо и плавно ступая, приблизилась к Ваське.

— Вася… — позвала она охрипшим голосом.

Васька поднял слезящиеся глаза.

— Вася, — повторила она уверенно, — сейчас оставь эту математику, и пошли на кухню, мне нужна твоя помощь…

Васька вопросительно хлопал глазами.

— Нужна твоя помощь, там Наташка, всю начинку съела, ещё и вымазалась! Давай математику позже сделаем, а пока ты поможешь мне с пирогами и за Наташкой последишь, чтоб не пакостила! — и она подмигнула заговорщицки.

Из окна доносился аромат свежей выпечки. Сергей порядком замёрз и проголодался, но не спешил домой. Ковыряясь в моторе, он злился на своего неумного сына и на Татьяну, позволившую себе поднять голос на мужа.

— И пирог этот есть не буду! — цедил он сквозь зубы. — И вообще!!!

Что такое «вообще», он не понимал и даже не старался задуматься.

— И что?! Долго ты в гараже прятаться будешь? — окликнула Татьяна.

— Сколько надо! — не оборачиваясь, проскрежетал Сергей.

— Ясно… — усмехнулась Татьяна и вошла в гараж. — Ты мне, Серёжа, скажи только: это твой сын или подкидыш?!

Сергей вытаращился на жену.

— Чего смотришь?! Удивлён вопросу? — её тон был ровным, спокойным, но требовательным, как у школьного учителя или сотрудника прокуратуры. — А вот меня удивляет, не сказать хуже — возмущает, твоё поведение. Ты поставил меня перед фактом, что сына заберёшь, затем привёз его: мол, привыкайте, — а сам что? Это он, я, Наташка должны привыкать, учиться жить вместе, а ты будешь жить как жил? Тебя это не касается?

Сергей побагровел.

— Ты за эти полтора месяца впервые сел с ним уроки делать, и то не по собственному желанию, а я настояла, дурная баба… стряпать пирог мне приспичило! И что вышло от твоего участия?! Крик! Слёзы! Скандал!

— А что я такого сделал?.. — начал оправдываться Сергей. — Он ничего не понимает…

Татьяна его оборвала:

— Что ты сделал?! Ты ещё хуже сделал! Он ничего не понимает, видите ли… А с чего он понимать будет? Как он жил?! Что он видел?! Что у него в душе?! Ты хоть на минуту можешь встать на его место? Ты ж отец!!! — на её глазах выступили слёзы.

— Тань… — виновато протянул Сергей.

— И не дави на жалость, Серёжа! — холодно продолжила Татьяна. — Он мне не сын, я его любить не обязана, в отличие от тебя. Но я мать, и сердце у меня не камень, и когда я гляжу на твоего сына Ваську, оно у меня кровью обливается. Сдалось сто лет это деление и умножение, когда человек погибает… Погибает как есть… — её голос задрожал, и она заплакала.

Сергей подскочил к жене и, обняв её, тихо заговорил:

— Таня, я ж понимаю всё… Понимаю, но что я могу поделать? Он как ёж колючий, смотрит и молчит да глазами хлопает… Как на врага смотрит, понимаешь? Я уже и не знаю, поменяется ли он когда-нибудь, или так и будем мы как чужие друг другу.

С минуту они молчали, обнявшись, а после Татьяна уверенно сказала:

— Поменяется! Рано или поздно иголки отвалятся, только потерпеть надо. Давай так: больше ты никакими уроками с ним заниматься не будешь. Это как уколы матери детям делать не должны, так и здесь: уж лучше я, чужая тётка, та самая мачеха, буду его уроками мучать. А ты через интересные дела тропинку прокладывай. Вот чего ты его с собой в гараж не берёшь, или в лес за дровами, ну или ещё куда? Ведь тут двух зайцев

убить можно: ты и к труду его приучать будешь, а ему с его знаниями в будущем только рабочую специальность осилить получится, а к тому же через общее дело он и к тебе приблизится. Вот они сейчас с Наташкой смешные истории сочиняли, пока пироги стряпали! И знаешь, так он легко говорил, так мы все смеялись! А с Наташкой посмотри как они спелись, на пару пакостят и не сдают друг друга. Вчера, например, полотенце в зелёнке испоганили — видите ли, проводили эксперимент над моющими средствами! Смешали «Фейри», соду, соль, стиральный порошок… и угробили новое полотенце!!! — Татьяна засмеялась.

— Ну что, пирог есть пойдём?! — улыбнулся Сергей.

Очень трудно Ваське напрямую обращаться к маме Тане, сказать ей «мама» — невозможно, у него есть МАМА, а в адрес этой хоть и доброй, но чужой тёти слово «мама» никак не выдавливалось. Всякий раз он изобретал фразы, чтоб обойти это навязанное отцом обращение.

— Вася, — как-то раз напрямую спросила Татьяна, — ты не знаешь, как ко мне обращаться?

Васька залился румянцем.

— Ну не молчи, я же вижу и чувствую, что ты не можешь сказать мне «мама», или «тётя», или «эй ты»! — она засмеялась.

Васька хихикнул.

— Вот! И мне тоже смешно от этого. Мы уже два с лишним месяца живём вместе, а ты всё «акаешь» да «выкаешь»… Давай так: зови меня Таня, или тётя Таня, как больше удобнее будет, ну и не «выкай», пожалуйста, а то я себя учителем чувствую… Хорошо?

— Хорошо, тётя Таня, — улыбнулся Васька. — А вы… то есть ты… что сейчас делать будете… ну, то есть будешь?..

— Я буду ужин готовить, а вы на горку с Наташкой сходите.

Приближался Новый год, Сергей вот-вот должен был вернуться из зимовья, но ждать его Татьяна не могла, ведь по зимней дороге в деревню привезли свежие продукты, и промедление могло обернуться отсутствием вкусняшек на праздничном столе. Сразу после работы Татьяна забежала в центральный магазин, набрала полные сумки товаров и едва донесла приобретения домой. Всю дорогу в сумочке звонил телефон, и, наспех выгрузив покупки в холодильник, Татьяна в него заглянула. Пять вызовов с одного неизвестного номера: «Это кому я понадобилась?.. — подумала Татьяна. — Зачем звонить пять раз подряд?!» Немного погодя она перезвонила.

— Алло! — послышался взволнованный женский голос.

— Слушаю, — ответила Татьяна. — Вы мне звонили?

— Да-да! — сквозь помехи торопился голос. — Я Наташа, мама Васеньки… Вы Таня?.. Таня! Пожалуйста, только не кладите трубку.

У Татьяны внутри похолодело.

— Я ваш номер узнала, чтоб спросить про Ваську моего… Вы уж скажите, как он?

«Как он!» — хмыкнула про себя Татьяна, а вслух спокойно ответила:

— Всё с ним хорошо, здоров, в школу ходит, привыкает.

— Ой, спасибо вам! — дрогнуло с той стороны, послышались всхлипы и частое дыхание. — Я же не пью, работу нашла, уже месяц работаю, даже вот телефон купила… Виновата я, виновата… — женщина плакала.

Татьяна сжалась, ком застыл в её горле, не пуская слова наружу.

— Алло, алло! — испугалась женщина. — Вы тут? А?!

— Тут… — выдохнула Татьяна.

— Я ходила на неделе в органы, мне сказали, что лишили меня Васьки… лишили навсегда… Пусть и правы они… И вам с Серёжей пусть Бог здоровья даст, что в детском доме его не оставили… Но можно мне с ним хоть по телефону иногда говорить? Пожалуйста! Можно?!!

— Можно… — не задумываясь, ответила Татьяна и сразу же испугалась.

— Можно! Ой, спасибо вам! А можно сейчас?!

— Сейчас? — растерялась Татьяна. — А сейчас его рядом нет, я ещё на работе… — соврала она.

— Жалко… — поник голос, но тут же в нём вспыхнула надежда. — А когда позвонить? Попозже? Да? Во сколько? Я могу хоть когда! Когда скажете!

— Давайте так, Наталья, — собралась Татьяна. — Я подготовлю Васю, мало ли что и как он отреагирует, и позвоню вам предварительно, и мы договоримся о дне и времени.

— Как же так?! — отозвалась женщина обиженно. — Неужто он совсем меня забыл, что всё так официально?..

— А что вы хотели?! — вспыхнула Татьяна. — Вы его кинули, в приюте не появлялись, а он рядом с вами полгода жил как круглый сирота! Отец его привёз — он как зверёк загнанный, только-только начал оживать, а тут… Вам, видите ли, наконец-то поговорить с ним захотелось!

— Ой, ругай меня, ругай! Бей! Колоти! Кричи! — вопила женщина. — Всё права! Всё поделом! Только не убивай отказом… — и она снова жалобно всхлипнула.

— Не плачьте… раньше надо было… — грустно отозвалась Татьяна. — Я уже сказала, я позвоню вам предварительно, и мы договоримся о дне и времени, чтоб ребёнку после хуже не было, — и, не дожидаясь ответа, положила трубку.

Тревожный вечер, полный мыслей и страхов, перевалил за полночь. Татьяна вошла в детскую.

Наташка, распластавшись во все стороны, сопела на втором ярусе детского спального гарнитура. Татьяна аккуратно положила на кровать свисающие вниз ногу и руку и укрыла дочь одеялом. Васька спал, скрутившись калачиком, лишь острая мордашка высовывалась из-под одеяла. Татьяна застыла в шаге от тахты и грустно наблюдала, как пухлое одеяло медленно и ровно движется, как мирно и спокойно он дышит… «Эх, Васька, Васька, бедолага ты горемычный! Как трудно тебе… Какая долюшка тебе выпала… Сирота при живых родителях… Матери нет, как говорится, круглый сирота!»

Со двора послышался гул «Бурана». «Слава Богу!» — обрадовалась Татьяна и поспешила на кухню.

На кухне пахло свежей хвоей, огромная пушистая ёлка, обёрнутая в кусок дели, оттаивала от снежной пороши. Сергей громко швыркал горячим чаем, уплетая творожные шанежки. Наталья выжидала.

— Ну а вы тут как? — наконец, завершив свой рассказ о поездке, спросил Сергей.

Сначала Татьяна коротко поведала об основных событиях и покупках, а после подошла к самому главному.

— Да! — сказала она вроде невзначай. — Сегодня Наталья звонила…

— Какая Наталья? — поперхнулся Сергей.

— Какая, какая! Наталья — мать Васьки, жена твоя первая…

— И?! — напрягся Сергей.

— Ну вот, звонила, сказала, что пить бросила, даже работу нашла…

— Надолго ли?! — недовольно бросил Сергей. — А телефон у неё твой откуда?

— Серёж, какая разница — откуда?! — взвилась Татьяна. — Ты дослушай, а потом комментировать и вопросы задавать будешь…

— Ну! — нахмурился Сергей.

— Не дуйся ты, ради Бога! — улыбнулась добродушно Татьяна. — В общем, просит она с Васькой поговорить…

— Никаких! — отрезал Сергей.

— Серёж… — протянула Татьяна. — Я ей уже сказала, что можно…

— И что?! А я сказал — никаких разговоров!!! — он резко встал из-за стола и, присев у печки, закурил.

Татьяна молчала.

— Ишь она! — выпуская сизый дым, размышлял вслух Сергей. — Поговорить ей захотелось! Не наговорилась за прежние годы? Ах, ей же не до того было! Угробила ребёнка, бросила ради пьянки, а теперь ей поговорить?!! А ты, Таня, подумай, если б сюда из соцзащиты не позвонили, ведь дело случая… Мать её давно померла с горя, со мной она и знаться не хотела, алименты шли, и ладно… Сколько я пытался её найти, чтоб парня увидеть?! Без толку, хоть бы раз написала, хоть бы раз фото отправила! Вот сама посуди, ведь если б не эта женщина сердобольная, которая запросы рассылать принялась настойчиво и нашла меня, то жил бы Васька в детдоме или в семье какой… при живых-то матери и отце! Как подумаю об этом, так с души воротит…

— Серёжа… — с мольбой позвала Татьяна.

— Нет! Я сказал — нет, значит — никаких!!! — и Сергей раздавил сигарету.

Сергей лежал на кровати, заложив руки под голову, и молча глядел в потолок. Татьяна щекой прижалась к его груди и мурлыкала незатейливую мелодию.

— Что ты поёшь? — тихо спросил Сергей и коснулся её волос рукой.

— Пою? — ответила Татьяна. — Я пою песенку твоего сердца.

— Интересно… — шепнул Сергей. — Моё сердце поёт?

— Иногда, — Татьяна села и, обхватив руку Сергея, начала: — Знаешь… В детстве мне часто казалось, что моя мать — не мать вовсе, а мачеха; думалось мне, что взяли меня из детского дома или нашли где-то… Злилась я на неё, на её несправедливость и жестокость… Иногда представляла, как помру я однажды, как будут меня хоронить, а мать моя громче всех плакать будет, плакать и прощения просить… Вот тогда бы я встала, думала я маленькая, встала и сказала: «Так тебе и надо!» Повзрослев, я уже понимала, что никакая я не приёмная, что мать и отец у меня родные, просто жизнь меж ними не сложилась, живут они — мучаются без любви и счастья, а ради нас живут, будто наказание своё родительство выносят. Но, как и в детстве, в самые трудные минуты грезилось мне то же самое: умираю я, снова все плачут, громче всех, как положено мамка моя ревёт, ну и тут я подымаюсь… Подымаюсь и говорю: «Ну что, и как вам без меня?» А она будто подбегает ко мне: мол, прости меня за всё и только не умирай! А я… — Татьяна глубоко вздохнула. — Я её прощаю… И видится мне, как мы дальше с чистым сердцем живём, без боли, обиды…

Сергей нахмурился, лёг на бок и пристально посмотрел на жену.

— Понимаешь, Серёжа, всё в жизни странно… Вот хоть бы меня возьми: сложно мне было с матерью и будет дальше, злая она, взрывная, неумная, ругаюсь с ней, обижаюсь и порой… даже не знаю, чем бы её треснула за слова ядовитые… Но, как ни крути, мать она мне, мать! Понимаешь?! Поставь сто самых лучших, добрых, умных, богатых и Бог его знает каких… других родителей и скажи мне: «Вот, выбирай, Танька, выбирай и в детство возвращайся, и будет всё иначе, будешь ты жить и в любви, и в счастье!» Но не выберу я никого,

кроме своих. Вот оно как! И Васька твой не выберет никого…

Сергей глубоко вздохнул, приготовившись к монологу, но Татьяна его остановила:

— Нельзя, Серёжа, эту нить рвать… никак нельзя… Может, и для Натальи это шанс один на сто миллионов, надежда на прощение, понимаешь?! А самое главное — для Васьки… — она с надеждою уставилась на мужа.

— Таня, — сказал Сергей, — она ж его бросила, на водку променяла, он бы…

— Да знаю я это! — вздохнула Татьяна. — И понимаю, что дальше неизвестно как она будет… Но разве о ней речь? Тут Васька! Мы его предавать не должны. Он ведь думает о ней, каждый день думает, думает, боится за неё… А мы стеной встанем? Вспомни себя, когда ты ничего не знал, у тебя не было шансов помочь, принять участие, спасти. Теперь наоборот, теперь ты со своим «никаких»! Это месть?! Подумай. Может быть, ты просто пытаешься ответить Наталье тем же?

— Ерунда! — протестовал Сергей.

— А если ерунда, то почему? Почему не позволить? Ну, будет она ему звонить иногда, будет он слышать её голос, будет знать, что мама помнит, любит, — разве будет ему от этого плохо, разве будет он от этого чужим тебе? Ведь у ребёнка должны быть родители! Ты — отец, она — мать!

— А ты не думаешь, что она раз позвонит и канет, как не бывало? А?! Тебе это в голову не приходило? — Сергей сел и пристально посмотрел в слезящиеся глаза жены.

— И об этом думала, — спокойно ответила она. — И боюсь такого поворота… Но ещё больше мне страшно, что скроем мы всё, её отшвырнём: мол, не тревожь ребёнка, — и совершим этим большее зло… Знаешь, чувствую я сердцем, что надо… Надо, Серёжа, надо!

— Хорошо, — выдохнул Сергей обречённо. — Поступай как знаешь… Только потом не пожалей…

— Всё хорошо будет, Серёжа, всё хорошо…

Вот уже тридцать минут Татьяна не находила себе места, она металась по кухне от окна к столу, от стола к плите, от плиты к шкафу. Наблюдавшая за ней Наташка удивлялась:

— Мама, а почему ты опять стол протираешь? А подоконник ты тоже уже тёрла…

Но мама ничего не отвечала.

— Мама, а можно я за Васькой пойду? Нам же надо ёлку уже наряжать…

— Нет! — воскликнула мама и тут же ласково прошептала: — Нельзя пока к Васе ходить, он по телефону разговаривает.

— А почему нельзя? — недоумевала Наташка.

— Потому, Наташенька, что это очень важный для него разговор, и ему нельзя мешать…

— А я не буду мешать, я тихо посижу… — уговаривала Наташенька.

— Нет, нельзя! — и Татьяна приложила палец к губам.

— А! Это секретный разговор?! — прищурившись, прошептала Наташа.

— Очень секретный… — Татьяна села рядом. — Иногда, Наташа, даже взглядом можно помешать… Понимаешь?

— Ага… — кивнула Наташа, и они умолкли.

Из детской не было слышно и звука.

— Тихо, — прислушавшись, отметила Татьяна.

— Очень, — подтвердила Наташа.

— Ох! — глубоко вздохнула Татьяна.

— Ох-хо-х-хох… — изобразила страдающую мину Наташа.

— Ладно! — Татьяна встала и направилась к дверному проёму в коридор.

— А мне можно? — спросила умоляюще Наташа.

— Нет, — ответила Татьяна и добавила: — Ты иди в гостиную и аккуратно вынимай игрушки из коробки и раскладывай на ковре в группы по цветам.

— Это как? Синие к синим, красные к красным?!

— Верно! — улыбнулась мама и добавила строго: — Только аккуратно, желательно, чтоб все игрушки остались целыми.

— Хорошо! — воскликнула Наташка и поспешила к ёлке. — Жёлтых к жёлтым, белых к белым… — весело напевала она.

Пройдя по узкому коридору и остановившись у двери, Татьяна прислушалась: в комнате тихо, лишь едва различимо доносилось какое-то мычание. Татьяна отворила дверь. Васька сидел на тахте, обхватив руками ноги и уложив голову вниз лицом на колени; он слегка подрагивал. «М-м-м…» — скулил он тихо. Телефон лежал на столе. Сколько минут он говорил с матерью, а сколько времени он плакал, Татьяна не знала. Васька не слышал, как она вошла, и Татьяна, стоя в паре метров от него, боялась пошевелиться, она не знала, что делать, как поступить правильно, и впервые она отказалась думать об этом. Она сделала уверенный шаг, за ним второй и коснулась Васькиной головы своей пылающей ладонью.

— Вася, — сказала она с дрожью в голосе; мальчишка не поднял головы. — Вася…

Она села рядом и, обхватив его руками, прижала к себе так крепко, как только могла. Васька не вырывался, он как-то сразу обмяк, его зажатая боль обрела голос, красивый цветастый халат впитывал горькие слёзы.

— Плачь, не бойся… — говорила Татьяна тихо. — Это всё неправда, что мальчишки не плачут… Все плачут, малыш, плачут, когда больно, а иногда от радости… — она гладила Ваську по спине и приговаривала: — Всё будет хорошо и у тебя, и у мамы, всё будет хорошо, Вася, всё наладится… Я точно знаю, что так будет… А мама будет

звонить, обязательно будет, и ты ей звонить будешь… А летом будем в отпуск ездить, и мама с тобой увидится… И вы с ней вместе в кино пойдёте или в парк на карусели…

Васька стих.

— А ты карусели любишь? Или цирк? Любишь?

Васька отстранился от Татьяны и, громко всхлипнув, ответил:

— Карусели люблю… а в цирке я не был никогда…

— Вот видишь! — улыбнулась Татьяна. — Значит, поедем и в цирк пойдём!

— А мама? — трясущимися губами прошептал Васька.

— И мама с нами пойдёт в цирк! Обязательно пойдёт!

Васька широко улыбнулся:

— А она пить бросила, совсем-пресовсем! — и он утёр маленькими ладошками мокрые скулы.

— Вот видишь, как хорошо, а ты слёзы льёшь, а надо радоваться! — и Татьяна коснулась указательным пальцем его носика.

Васька улыбнулся и виновато посмотрел на Татьяну:

— Тётя Таня, вы хорошая, я знаю. Только вы не обижайтесь… Ну, что вы мне не мама…

Татьяна смотрела в честные Васькины глаза, в его распахнутую израненную душу.

— Знаю, Вася. Да, я никогда не заменю тебе маму. Но позволь мне стать тебе настоящим другом!

Зимний вечер над деревней, трескучий мороз грозит хрустальным посохом одинокому прохожему и щиплет любопытный нос, походя подглядывающий за чужим счастьем. В огромном окне за прозрачным тюлем суетятся четверо у ёлки — семья готовится к торжеству!

…И всё-таки как мне свободно дышится, когда в окнах так много света…

ДиН ревю

Индира Зубаирова

На этом краешке земли

Москва: издательство «стихи», 2023. — 44 стр., ил. — Серия «Сингл». Книга семьдесят четвёртая. — Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»

• • •

Укрой меня, тёмная сырость, —
мы оба с тобою в плену:
нам зимнею ночью приснилось,
что кто-то задумал войну.

Что солнце упрямо не светит,
и птицы галдят и галдят.
И дерево сгорбило ветви
над тенью сутулых ребят.

Мы оба с тобою немые.
Над нами воюет земля.
…цветы я люблю полевые
в руках озорного дитя.

Затем упираюсь спиною
в твои ледяные бока,
что этой хромою весною
рассеются вдруг облака.

• • •

Воскрес поэт под шорох листьев,
и улыбается народ.
Отец поэту пишет письма
уже который год.

И пляшет осень на балконе:
недели водят хоровод.
— Что празднуют в соседнем доме
в суровый год?

За тем холмом, за той калиткой
могильный след.
Мне сладостны земная пытка
и тайный свет.

Воскрес поэт людским соблазнам
продлить труды.
Поэту в жизни только надо —
кнуты, кнуты.

Геннадий Васильев

Господь нам дал терпение и веру

К картине Юлии Ивановой «Два ангела»

1
Фонари темноту стерегут, как псы.
Темнота, как тесто, густа.
Если только не врут на стене часы,
я уже досчитал до ста.

Не уснуть. Гляжу в темноту, незряч,
и подушка давит углом.
Ну а ты усни. И во сне не плачь.
Я укрою тебя крылом.

2
Под маслом холст не исказил черты,
и масло не осыпалось порошею.
У этого посланца Высоты —
глаза твои. Твоя слеза — горошиной.

Не плачь, мой ангел. Слёзы — не броня.
Что наши беды? Их невнятен лепет.
Ты так хранишь, так бережёшь меня!
Я слышу крыльев треугольный трепет.

3
По роще, по чаще, по лугу!
Не сеять, не жать, не косить!
Мы продали душу друг другу —
а плату забыли спросить.

Распахнуты настежь постели!
И вольтовы дуги — в дугу!
Два ангела, два подмастерья
друг друга — для нас — берегут.

● ● ●

Невесело, мой друг. Увы, невесело.
Искусство жить становится трудом.
Вороний окрик, пёсий лай — не песня ли?
Прозрачный воздух приторно-медов.

Застыло солнце в небесах навытяжку.
В алмазный крик срывается река.
Петляет время. Вынести бы. Выдержать.
Петля смугла. Недостаёт крюка.

14 декабря 1825 года

Декабрист
Белый свет мне так дорог, что судьи мои мне — не судьи.
Кандалы мне — как чётки. Иконой — слепое окно.
Мне суют мою пайку в помятой казённой посуде.
Я ищу уравнение между «дано» и «равно».

На тюремной стене не оставить послание другу,
а оставишь — едва ли он будет посланию рад.
Я ночами не сплю. Я гоню свои мысли по кругу,
но действительность круг обращает в тюремный квадрат.

Моя участь известна. Петли на меня не хватило.
Не достало верёвки, чтоб шею удавкой обнять.
И глядит на меня сквозь решётку слепое светило,
будто силясь помочь мне «дано» и «равно» уравнять.

Ночь кончается. Утро слепое глядит глаукомно.
У решётки удел — на квадраты зрачок расчленять.
То дано, что назначено. Что ж, уравненье знакомо.
Знак и верен, и выверен. Мне его — не поменять.

Отъезд Лунина в Акатуй
Дорога — дрянь. Но ехать надо.
Пора, пора, невольный пилигрим.
Не то беда? Не то отрада?
Садитесь, сударь! Там поговорим.
А путь далёк, не обессудьте!
И санный скрип — чредою зим и лет.
И наших судеб наши судьи
султаны дыма нам склонят вослед.

Дорога ластит санным всхлипом.
Луна на чёрном — чайная свеча.
Вы веселы. Но как могли вы,
пером скрипя, неволить палача?
Перо скрипит, бумага терпит.
Для почитанья верен ли расчёт?
Пытает вьюга: «Страстотерпец?
По виду — нехристь. А, поди, крещён».

Лоснятся тучи, конь измучен.
Луны — то нет, то выставит оскал.
Тебя везут. Так ты — везучий!
Могли бы дать износу башмакам.

Дорога — дрянь. Тюрьма — не лучше,
и впереди — ещё не Третий Рим.
Сед, словно лунь, силён, как лучник,
судьбу пинками катит пилигрим.

Рылеев
Свободы сладострастное вино.
Полёт картечи. Торжество булата.
Судьбы щербатой белое пятно
заполнено квадратом каземата.

Петля задушит пламенную речь
и вольной мысли страстное круженье.
Честь — не в чести. Но надобно сберечь
хотя б скупое чести отраженье.

К цепям примкнуты, взяты ль в палаши
штаб-офицер иль сочинитель оды…
Не сочиняй! Не мысли! Не пиши!
Свободы братья? Иль рабы свободы?

Пианист

Объятия неясной партитуры.
Слепая музыка. Рокочущий Steinway.
Над чёрно-белым сном клавиатуры —
порханье ангелов, скупой алмаз бровей.

Гармония скрывается не в нотах,
не в римских прописях на палевом листе.
Гармония — тяжёлая работа.
Тропа и проповедь. Служенье на кресте.

Steinway рокочет. Ангел музыки хлопочет
и топит клавиши под спудом бытия.
Как плачется! Как этот мир непрочен!
Но эта музыка! Но ангелы! Но — я!

Порхают пальцы в пламенном пассаже —
и забывают партитуры палисад.
Пиано или форте — им неважно.
Они — о Музыке. Они — о Небесах.

И Небеса от синевы весомы,
есть разве росчерком — апрельский снегопад.
Слепая Музыка. И нот весомых — сонмы.
И рокот клавиш.
И предвиденье утрат.

● ● ●

Я жизнь записал в порыве,
не сразу — заподлицо.
Нашли меня не в крапиве,
родился под стон птенцов

на старой сермяжной речке,
под куполом синих зим,
где сосны светлы, как свечки,
и свет их неотразим,

где пологом снежной шали
зима покрывает быт,
где с малых ногтей внушали
мне тропы моей судьбы.

Я так и хожу — по тропам.
Протаптываю, топчу…
А детство пахнет укропом.
Поставлю ему свечу.

● ● ●

Невыносимы по утрам шумы!
Там, под окном, стоит одна машина.
В нее садится пожилой мужчина —
и в пять утра вдруг вспоминаем мы,

что есть края, где нет таких машин
и нет мужчин таких; где правит леность,
где над людьми, что суетны и тленны,
царит нетленно марево вершин,

где облака так ангельски чисты,
что обретают форму мирозданья,
где август, как весны переизданье,
подносит нам охапками цветы.

Как жили мы на фоне этих гор!
Как эти горы вечны и бесспорны!
Как ясен мир!

…С усердием упорным
сосед педалью пробует мотор.

* * *

Чем больше думаю — тем меньше понимаю.
На «потому что» не находится вопросов.
Река вскрывается и синий лёд ломает,
зелёный селезень макает нос курносый
в прореху мутную и ловит корм корявый.
Последний снег стекает в сторону апреля.
Ответ понятен. Но вопрос ещё не рядом.
Да и зачем вопрос, когда на самом деле
скрипит тропинка под ногой, теряя форму,
и день — то серый, то восторженно-прозрачный?
Вопрос таится. Он даёт ответу фору.
«Возьмите сдачу, гражданин! Возьмёте сдачу?»
Я так задумался, что отошёл от кассы.
Приход стиха сухой наличностью нарушив,
я сдачу взял, пополнив скудные запасы
бумаги гербовой в бумажнике бездушном.

Что мне мешает помириться с этим миром,
где снег — как губка? Где река пороком пахнет?
Блюду́ завет: «Не сотвори себе кумира!»
Не сотворяю. Сам себе — кумир, сам — пахарь.

И всё же хочется понять: ковром сминая
дырявый лёд, река кого зовёт к ответу?
Чем больше думаю, тем чётче понимаю:
ответа нет. Вопроса нет. Река — не Лета.

* * *

Нам возраст дал изящные манеры —
не верить в сон, не ворожить вранья.
Господь нам дал терпение и Веру.
Мы подставляем щёки для битья.

Давай, ударь! Замах не слишком труден.
Коснись щеки, расправив пятерик.
Мы точно знаем: праздника не будет.
Осенний лист срывается на крик.

Но мы верны терпению и Вере,
но так полны любовью невода́!
Жизнь пережить — не поле перемерять.
Глоток — не чаша. Горе — не беда.

Разглаживая серые седины,
вдыхая поминальный дым утрат,
свой путь земной пройдя за середину,
я понимаю: нет пути назад.

Уродлив мир, корыстью исковеркан.
Бессилен плач, направленный в зенит.
…Господь нам дал терпение и Веру.
И это — всё, что нас ещё хранит.

* * *

То ли крачки в волненье кричат, то ли коршуны плачут,
то ль за мухой в азарте гоняется стая стрижей,
то ли речка, по-свойски облаяв меня по-собачьи,
на камнях в перекатах стыдясь своего неглиже,

вдруг воротится вспять и, натужно взревев от бессилья,
на меня, неповинного, рухнет холодной волной…
Ветер в клочья порвал облака. Или хищные крылья
так изрезали небо, грозя то чумой, то войной?

Что же делать нам, брат? Что же, друг? Что, любимая, делать?
Если лает волна, если птицы берут нас на крик?
Скоро спрячется август за месяц под номером девять.
Ничего не решит этот, в рыжих заплатах, старик.

Он поплачет над нами, поставит слезу на потоки,
в полинялое небо направит короны берёз.
Что корить его, впрочем?.. Не им ведь назначены сроки.
Птицы крик изведут. Речка станет прозрачна от слёз.

Николай Ерёмин

Сонеты про...

Сонет предвечный

Прости меня, что новый год встречаю,
А старый провожаю, — без тебя…
Нет, не прощай! Без водки и без чаю
И без меня — минуты торопя,
Чтобы избавиться, от плена отрешиться
И откреститься… Сохранить себя
Попробуй — для грядущего веселья,
У ёлки новогоднего спасенья,
В мерцании бегущих огоньков…
Прощай… Пойми забвение веков…
И сказочный, волшебный бег на месте
На фоне всепрощения и мести…
О, навсегда, в двенадцать без пяти,
Прости меня! Как я тебя, прости…

Троянская война

Парис влюблённо сморит на Елену —
Как яблочко, румяная она…

И вновь вина вине идёт на смену…
Троянский конь… Троянская война…

Сонет про мираж из детства

В край детства песен форс-мажорных
Вернулся, чтоб остаться, я…
…Вокзал… Приют умалишённых…
ДК… Ад-министрация…

И рядышком с Дворцом культуры,
Где был райком КПСС, —
Большой приют прокуратуры,
Пять этажей — на интерес…

А поглядеть за огороды —
Места лишения свободы…
Где форс-мажорно, без забот,
Как прежде, радио орёт,

Зовёт в далёкие края…
Откуда возвратился я.

Псевдо

Певец, хранимый псевдонимом,
Себя украсил псевдонимбом…

И песенки из года в год
Псевдонародные поёт…

И подпевает без забот
Ему крутой псевдонарод…

Я ж — снова слов не различаю
И телевизор выключаю…

Сонет про шампанское и шоколад

Камлая у костра шаманского,
Я так давно не пил шампанского…
И не дарил во всей красе
Шампунь поэткам-шимпанзе…

А жил, увы, слеза к слезе,
Глаза в глаза — гроза к грозе…
Один, как мог, — слуга небес,
То полубог, то полубес…

Здесь, где кричат — в словах отрада —
Мои детишки из детсада:
— Ша! Нам шампанского не надо!
А надо только шоколада…

Невольное воспоминанье —
Камланье… Будь оно неладно…

● ● ●

Я спорил, помнится, с поэтом,
Который, обожая смерть,
Хотел, падение с полётом
Сравнив, — разбиться, умереть…
Он выиграл безумный спор.
А я летаю до сих пор…

«Про» или «по»?

Против или по ветру
Вертится наша земля?
Сергей Прохоров

Крутится, вертится шар голубой…
Ох, как мне верится в это, друг мой!
Если б не верилось, то на заре
Я бы давно бы сгорел на костре…
Было — и я против ветра ходил…
Против течения реками плыл…
Хватит! Я против уже не могу…
Время согнуло поэта в дугу…
Пусть под дугой мой любимый Пегас
Путь продолжает вперёд без прикрас…
Но возражает, везёт наугад
Он — против ветра — не зная преград…
Шустрая, вертится наша Земля…
Быстрая, катит коляска моя…
Глядь, а навстречу, весёлый вполне,
Прохоров скачет на белом коне!
Ветер в его голове и вокруг…
— Стой, ты куда?
— Я? К Ульяне, мой друг!

Набело

Жили — набело!
Бог не осудит.
Лучше не было,
Хуже не будет.

В мире злобы,
Где чёрные лужи,
Всё могло быть
Значительно хуже…

Небо плачет…
И вдруг — за дождём —
Солнце!.. Значит,
Ещё поживём…

Сонет про семиструнную гитару

Бард-менестрель семидесятых лет,
Я был тогда не меньше, чем поэт.
О, как моя в эпоху «Солнцедара»
Звучала семиструнная гитара!
Все ехали куда-то за туманом,
Любовным очарованы обманом…
И Юрий Кукин, ах, таков-сяков,
Мне подпевал, и Юра Бендюков…
…Где юности поющая эпоха?
Всё было хорошо, что стало плохо…
Любовь прошла… Рассеялся туман…
Все поняли, где правда, где обман…
И все гитары — Муза, мон ами! —
Вдруг стали дружно — шестиструнными…

Летающий принц

Антуан Жан-Батист Мари
Роже де Сент-Экзюпери

Был Антуан де Сент-Экзюпери
Большим поэтом, что ни говори…
Но, будучи Большим, когда летел,
Всегда стать принцем Маленьким хотел…

Недаром в нас, кто и бескрыл, и мал,
Пропев, его пропеллер не пропал…

Памяти Нострадамуса

Поэт, сбежавший от лоботомии,
Провидящий на сотни лет вперёд,
Какие бы кошмары ни томили,
Нигде от ностальгии не умрёт…
А может быть, и вовсе никогда,
Ведь умереть — не стоило труда…

Ирина Денисова

Времени нет

New Age

О зной пустыни!.. Призрак пирамид!..
И память предков… Прах давно развеян.
В России снег лежит, хотя порой дождит.
В Египте — неизменно суховеи.
И разворачивает свитки тишина,
Тела из древности хранит селитра.
Веками не очнётся ото сна
Тот фараон, чьё имя в кинотитрах.
Протягивает пясти Птолемей,
И изгибает шею Нефертити —
В России правит миром Водолей,
Среди сугробов вечности хранитель.
А шар земной покажется так мал,
Цивилизации здесь вечно обитают.
Но пусть песчаный не сметает вал!
Но пусть беды и горестей не знают!
А иероглифы сплетают вязь,
И сохранит историю папирус.
Для мумий и святых подходит бязь,
Не умолкай и пой, священный клирос!
Ярило — то же самое, что Ра,
И улыбается всем матерям Исида.
И жизнь, и смерть — извечная игра,
Но сам себя — ты не теряй из виду.

• • •

Вновь заблудился в жизненном пространстве.
Душа свернулась, глаз заволокло,
Хотя стоит зима в простом убранстве,
Хотя сияет кружевом стекло.
Батон вчерашний не бывает сладок.
Давно заплесневел засохший хлеб.
Дела твои опять пришли в упадок.
Крутой маршрут покажется нелеп.
И ты царапаешь, как прежде, стены,
На тверди оставляя борозду.
Хрипишь и споришь яростно, до пены,
Платя судьбе непознанную мзду.
Но всё равно, печали вспоминая,
На Небо вскинешь невзначай свой взор.
Поймёшь, как встарь: судьба твоя иная,
Когда продолжишь с Богом разговор.

• • •

Времени нет, растворилось оно.
Слиты в одно столетья, минуты.
Непостижимо, с чем миг заодно.
Кажется, все впечатления сдуты.
Жизнь, словно поезд, вагонами мчит.
Окна проносятся жёлтой чертою.
Песни и рок, джаз, нью-эйдж и биг-бит
Вновь занимают пространство пустое.
Вспомнится всё: и веселье, и плач.
Нечто то, что ещё не сбывалось.
Время, ты самый жестокий палач —
Перед чертой остаётся так мало…
Не для того ли мы здесь и сейчас,
Чтобы копить улыбки и счастье?
Чтобы не слышался сумрачный глас?
Карту чтоб выиграть радостной масти?
Не для того те мгновенья даны,
Что песком проникают сквозь пальцы,
Чтобы дождаться новой весны,
Хоть на Земле этой все постояльцы?..
. . . .
Да, растворяется время. Оно
В каждой судьбе мелькнёт, как минута.
Пей, наслаждайся им, слово вином!
И да поможет триглав Абсолюта!

• • •

…Искать его в предельной немоте,
Рассматривать в обличье чьём-то строгом,
Презрев ненужность в тихой суете,
Забыв печали, беды за порогом.
И, растворясь в кромешной темноте,
Взяв дар, который дан тебе беспечно,
Понять на миг, что все вокруг не те,
Хоть попадут они, наверно, в вечность.
С ума сойти от самых странных фраз,
Впитав душою творчества истому,
Скосив на нереальность дикий глаз,
Увидеть жизнь внезапно по-иному.
И, отворив внутри себя портал,
Иллюзии питая, как и прежде,
Постигнуть смысл, что сам Господь прислал.
И распахнуть объятия надежде.

Ворона

Прибиться к стае, чтоб прослыть своей,
А оказаться белою вороной…
Скрываться в череде бесцветных дней,
Сдержав в душе и карканье, и стоны…

Зачем, зачем мне вечно быть иной,
Не сознавая, в чём моё отличье,
И не поняв той истины простой:
Создал Господь все виды и обличья?

Здесь каждая молекула слита
Со всем привычным глазу мирозданьем.
К чему пустая эта маета?..
Зачем перечить Божьему заданью?..

А Космос светит синим. И Земля
Несётся сквозь со звёздами синхронно.
Всё сделано умно — и также для
Того, чтоб ощутить себя вороной.

Молчание

В молчании — такая глубина,
Которую не знают водолазы
И буйная зелёная волна,
Что мчится вниз, творя свои проказы.
Молчание — как остров нежилой,
Где проложили динозавры тропы.
Земля наклонена, как аналой,
А сосны в океане моют стопы.
И в этой кроткой немоте простой
Сокрыты размышления и смыслы,
Сохранены божественный покой
И тихая задумчивая пристань.
И если человек порой молчит,
То значит — говорит он с Небесами.
Творец, художник, музыкант, пиит,
Кто созерцает звёзды с облаками.
Молчание — начало всех начал.
Всегда беззвучен христианский ихтис[1].
Господь тебе молчание послал.
И не слышна работа белой кисти…

На дороге

На дороге плакала женщина седая,
Обнимала юношу, прижимаясь лбом.
Знала, провожая, знала, не гадая,
Что полечь он может вон за тем холмом.
Говорила женщина юноше чужому:
«Милый мой сыночек, хоть не знаю чей.
Я молю тебя, возвращайся к дому.
Вот возьми с собою души матерей».

На дороге плакала девушка с косою,
Обнимала юношу, хоть не жениха,
Целовала в лоб его, лента — полосою,
Понимали оба: в этом нет греха.
Говорила девушка: «Передай обьятья
Моему хорошему, что ушёл на фронт».
Слёзы как алмазы, трепетало платье…
И сливался с небом сизый горизонт.

На дороге плакала девочка мала́я,
Прижимаясь к жилистой дядиной руке.
Рядом пёс безродный бесконечно лаял,
Отражалось солнце в голубой реке…
Лепетала девочка о хорошем папе,
Что ушёл с товарищем из дому давно.
Мимо провозили грузы на пикапе.
И смотрел водитель сумрачно в окно…

Вдоль маршрута этого много женщин было,
И солдатам пристально все смотрели вслед.
Понимали люди: здесь сокрыта сила,
И на все вопросы будет дан ответ.
Приподняли б голову — увидали чудо.
Смотрит Божья Матушка — сверху и в упор.
Вырвется надежда словно из-под спуда —
По небу струится белый омофор!

27 сентября 2022
Воздвижение Честного и Животворящего
Креста Господня

1 Слово «ихтис» в переводе с греческого означает «рыба» и является символом христианства, так как начертание этого слова – акроним греческих слов, обозначающих «Иисус Христос Божий Сын Спаситель».

Анатолий Арестов

Рождение звезды

Чай на веранде

Греется дом. Облетевшая краска
ярко синеет с земли в небеса,
рядом на пару белеет замазка —
рама рассохлась, и ваты коса
мерно дрожит на ветру Первомая.
Требует помощи старенький дом!
Дети приехали. Внучек, играя,
дружбу разрушил навеки с котом.
Скрылся хвостатый в сарае с дровами.
«Кисонька, кисонька», — Петя зовёт.
Только шипит и блистает глазами
прямо с поленницы яростный кот!
Свежую землю подняли лопатой.
Петин отец потирает бока:
«Солнце какое! Снимай, конопатый,
майку свою. На природе пока!»
Мама с бабулей покрасили рамы.
Стёкла отмыли. Натёрли — блестят!
«Лучше не видел нигде панорамы! —
хвалит отец. — Совершили обряд —
домику дали второе рожденье!»
«Эх, молодцы! — усмехается дед. —
Может чайку на веранде с вареньем?
Выпьем за домик, за выслугу лет!»
Солнце садится. Прохладнее ветер.
Чай на веранде. Небесная высь.
Спит в одеяло закутанный Петя.
Котика бабушка манит: «Кысь-кысь!»

Пензенские журавли

А в сурских краях разливаются воды —
весенние воды последних снегов.
В ахунском лесу белоствольные взводы
берёз окаянных лишатся оков
морозного плена. Охвачены негой
набухшие почки с зачатком листа,
и ветер играет на мертвенно-пегой
пожухлой траве. В луговые места
летят журавли, прямиком в Городище.
«Привет, дорогие!» — машу им вослед.
И словно ответили: «Строить жилище
с дороги далёкой пора нам, сосед!»
А в сурских краях зеленеет округа,
и чистое небо синеет вдали,
но там, в Городище, на свежести луга
танцуют, взлетая, мои журавли…

Поэзия лунного света

В изяществе лунного света — поэзия
скромного слова, ветрами избитого.
Словно из ножен острейшее лезвие
блещет меча, да из кубка испитого
капли вина растекаются кровью,
скатерть степную украсив былинами.
«К ратному бою дружину готовлю!» —
шепчет камыш. Вознеслись исполинами
сопки притихшие. Светом облитые
листья осоки, подобные копьям,
камня касаются, вросшего плитами
в землю родную. Разбужены воплем
птицы невидимой тучи плаксивые,
боком уходят с дорожки сверкающей
на озерце одиноком, под ивами,
лунной поэзии свет отражающем…

Муки прошлого

Погаснут звёзды над селом,
пастух раскурит злой табак,
потянет дым наверх столбом,
но без него уже никак —
привычка, мать его ети,
за много сложных мрачных лет.
«Прости мя, грешного, прости!
Шальная страсть, а счастья нет…» —
пастух подумал, кнут зажал,
присел в траву, глотая дым,
а конь ретивый громко ржал:
«За злой табак тебя простим!
Ты нас поил, ты нас кормил,
не бил кнутом, водил в луга,
и мы набрались свежих сил,
и будем вновь возить стога
с полей привольных». Рад пастух!
Закралась в грудь благая тишь.
Шептал вопросом ветра дух:
«Ты сам себя когда простишь?»

Туча-тень

Быть ли туче, полной мрака,
в день июльский тенью им,
им, покрывшим дно оврага,
травам жаждущим, сухим?
Солнце жжёт. Желтеет глина.
Трещин путь морщинит лик
дна оврага, где калина
пьёт листами солнца блик,
опротивевший до боли:
— Небо, сжалься! Туча, плачь!
Ветер, хватит веять с поля
зноем мёртвым!
— Ты, палач,
прекрати! — шептала туча,
плача сверху. — Там, за мной,
на просторе сто могучих
туч, побивших летний зной!
Расходился мрак спасеньем.
Ветер сдался. Дождь-слеза
капал сверху. Тучи тенью
наступали. Шум. Гроза!

Крах искусства

«Конец июля. Шум в дубравах
резных листов. Кидает тень
Андрея дуб. Прошли забавы,
настал счастливый новый день,
любовь несущий…» — славный гений
увидел связь высоких чувств
в природе русской, в плясках тени,
грядёт падение искусств
чрез много лет… К брусчатке прочной
один делец прибьёт «своё»,
другие будут в церкви ночью
кричать безумное враньё!
Быть может, мир резвится дико?
Быть может, мир стремится пасть?
И вновь расходится он криком,
с ухмылкой злобной скаля пасть!
Он сам себя съедает жадно
и рвёт клочки своих волос!
Безумство, наглость — всё коварно!
Увы, до классики дорос,
но бросил мир в экран смартфона
потухший взгляд и палец свой,
оставил слово Art для фона,
забыв про небо над главой…
Оно, высокое, синело,
Оно, высокое, звало!
Андрея там оно задело,
но пощадило! Не свело
в могилу к смерти… Крах искусства?
Верней, война и краткий мир.
И всё же будет чистым чувство,
и будет полон вновь потир —
искусства полон!

Рождение звезды

Угасала с рассветом
звёздная пыль,
на пригорке согретом
просыпался ковыль —
не расчёсаны пряди
белокурых волос.
«Да чего это ради?» —
задавал он вопрос.
Разбуянится ветер,
замотает ковыль,
и собьётся при свете
звёздная пыль —
упадёт на пригорке,
прорастёт в те места,
и в небесной сторонке
засияет звезда.

К Создателю

Спасибо, Господь, за чужие молитвы,
спасибо за ношу в житейском пути,
спасибо за щит в неоконченной битве,
спасибо за мысли: «Стараюсь найти».
Ты веришь в меня — неосознанно знаю,
Ты мысли читаешь в безумной главе,
Ты совесть даруешь. Тебя заклинаю:
не дай оказаться в погибельном рве
пороков мирских и в объятьях гордыни!
Спасибо, Господь, за мученья любви,
спасибо за кровь, что от ужаса стынет,
спасибо за ужас, что стынет в крови.
Просил я немало, но делал немного,
пытаясь законом Твоим побороть
деяния дерзкие, снова и снова
старался умерить и душу, и плоть.
Писанье Священное тихо читая,
я тешил себя, познавая мотив
божественной сути. К обители рая,
наверное, душу стихами сгубив,
меня не подпустят. Надеюсь на чудо,
надеюсь на веру, на крест на груди!
Спасибо, Всевышний, за времени ссуду,
позволь мне и дальше по жизни идти!
Аминь.

Диана Синёва

Освободить пространство

● ● ●

Осень в сердце поселилась,
Не прогнать её ничем.
Поселилась, распушилась,
И не спросишь ведь: зачем?

Словно снег ей не причина,
Чтобы, съёжившись, уйти.
Нет, ей лишь бы брызгать синим
И желтить лучи в груди.

Осень, жмёшь дыханьем влажным
Сердце… нет, прогнать нельзя.
Признаю, мой ход напрасный…
Отдаю тебе ферзя.

● ● ●

Занавески опять волнуются —
Бьются крыльями.
Снова день, как тогда… сутулится —
Топит шпилями.

В узких улочках встало облако —
Ярко-серое.
Может, я простудилась около
Ночи северной?

Может, просто дожди забрызгали
Остов радуги
И заставили спрятать из виду
Сладость Ладоги?

Отчего-то душа не ищет уж
Скрыться в тёплое
И забраться, уйти от грустных луж
В снежность тополя.

Отчего-то сильнее и чаще
Стук под рёбрами —
И взлетаю всё выше и дальше
Я над нормами.

Занавески опять трепещут…
Дверь закрыть бы мне…
А в душе моей море плещет,
Как заря в окне…

● ● ●

Мне сегодня с тобой по пути —
Говори свои смелые речи.
Буду слушать я их до зари
И смотреть на певучие свечи…

Говори о насущном и нет…
Слабым шёпотом, криком орлиным.
Сохраню я навеки секрет,
Чтобы стал он однажды старинным…

Говори… в эту музыку слов
Я готов окунаться, как в море,
Даже если не буду готов
И в душе полыхает иное…

Мне сегодня с тобой по пути.
Это значит — ничто нас не держит
От того, что хотим мы найти,
От Того, чей восход в сердце брезжит…

● ● ●

Куда стремится будущность времён?
Однажды мы придём и к сей развязке…
Быть может, наша жизнь — лишь лёгкий сон,
А сон — прикосновенье к звёздной сказке…

Зачем мы вновь рождаем и творим,
Изнемогая каждый раз в мученье?..
Освободить пространство мы спешим,
Чтоб зазвучало лёгкостью мгновенье!

Куда стремится будущность времён?
Быть может, не открыть нам этой тайны…
Вновь белый парус ветром унесён
Туда, где все теченья не случайны…

Евгения Симакова

Лицом к лицу

Быть в порядке

Мне бы кататься утром на ласковых лошадях
И не в за́мке жить, а в простой палатке,
Засыпать на траве — свежескошенных простынях,
Просыпаться целой и быть в порядке,
Собирать не себя, а конструктор «Лего»,
И запомнить, что люди — не из кусочков.
Мне бы просто смотреть каждый день на небо,
А когда умываюсь — на небо в бочке,
И на камни в реке, и на ветер в листьях,
На свои же пальцы в своих же пальцах.
Если есть внутри солнце — найдутся кисти.
Мне бы мир весь обнять, когда все боятся.
Мне бы жизнь разобрать на любовь и строчки
В этой самой на свете простой палатке.
У меня есть и солнце, и небо в бочке —
И они помогают мне быть в порядке.

Бумажный кораблик

Мы часто так молчим о важном:
Всегда с холодной головой.
Кораблик соберу бумажный
И отпущу его домой.
Туда, где кофе варит мама,
Где запах нежности вокруг.
Туда, где мягкая пижама
И тёплые объятья рук.

А каждый вечер — смех и шутки.
Я ведь прошу совсем чуть-чуть:
Мне можно только на минутку
Прижаться к маме и заснуть?
Пока я сплю — давай о важном:
Кораблик станет кораблём,
И, взрослой став, сама однажды
Я в море уплыву на нём.
В свой личный путь. Одна. Без мамы.
Хотя… Она всегда со мной —
Как ветер в паруса тот самый
Мне помогает плыть домой.

Он не вышел меня провожать

Он не вышел меня провожать.

Тумбочка, стол, кровать.

Зачем мебель умирающим людям?
Он шутил: мол, мы все там будем,
И что рак — это не приговор.
А потом растворился, сгорел, ушёл.

А я тут стою и смерти смотрю в глаза:
Милая, отмотай назад? —
Туда, где мы вместе гуляем в парке
Или катаемся на иномарке,
Которую он так себе хотел.
Но, милая, не успел.

Я бы смотрела в зеркало заднего вида
И сама бы себе, сама бы себе завидовала.
Понимаешь, людям не хочется умирать.

Тумбочка, стол, кровать.

Это всё, что осталось после него в палате.
Мне этого ни за что не хватит.

Мне бы шутки его по утрам на ухо,
Но во рту неприятно сухо,
А рядом мятая простыня,
Будто бы ночью он обнимал меня.

Милая, я знаю, он обнимал.
И я его очень хочу обнять.

Тумбочка, стол, кровать.

Он не вышел
Меня
Провожать.

Когда умирают птицы

Когда умирают птицы,
роняя большие перья,
мне кажется, что разбиться —
гуманней, по крайней мере,
чем, сидя на тротуаре,
морозить ночами пальцы
и чьей-то чужой гитаре
шептать, что пришла сдаваться.

Когда умирают птицы
(так часто совсем нелепо),
мне хочется застрелиться
под синим-пресиним небом.
Но вместо ружья — гитара,
и струны её смеются,
а птицы о тротуары
под каждую песню бьются.

Сумасшедшая тишина

Я привыкаю к молчанию в узких стенах.
Тишина паутиной спускается с потолка.
Тишина наполняет зал,
Тишины уже по колено.
Она до меня доберётся.
Доберётся наверняка.

Сядет напротив и будет сидеть как дома,
Руку свою протянет, погладит по голове.
К тишине не бываешь хоть сколько-нибудь готова,
Тишина не оставит звуков, ни слова не скажет тебе.

Не будет бесед до утра, шуток или скандалов —
Только глаза в глаза. У неё сумасшедший взгляд,
Волосы не расчёсаны,
Замёрзла или устала.
Или и то и то.
Счастливые не молчат.

Счастливые не смеются улыбкой кривой с оскалом,
Не гладят себя при этом, не бьют кулаками пол,
Не сидят на полу холодном с полупустым бокалом,
Не ждут до полпервого ночи, чтобы хоть кто-то пришёл,
Чтобы хоть кто-то открыл эту дверь ключами,
Закурил на балконе, в вазу поставил цветов,
А потом восхитился
Этими же цветами.
К тишине не бываешь
Хоть сколько-нибудь готов.

Огромный кит

Я ношу в себе килограммы
Робкой нежности и бронхит,
Под рубашкой моей пижамы
Вместо сердца огромный кит.
Под рубашкой моей пижамы
Корабли выбирают путь.
Под рубашкой моей пижамы
Можно запросто утонуть.
Я ношу в себе дым и слякоть,
Эту осень и ту весну.
И стараюсь чуть меньше плакать,
Перед тем как почти усну.
Я стараюсь, но всё напрасно:
Этих слёз во мне — океан.
Я люблю проходить на красный,
Не коситься по сторонам.
Я под мышкой ношу тревогу:
Ей без света совсем темно.
Корабли плывут к водостоку —
Он ведёт прямиком на дно.
Мой бронхит затаился сбоку:
Ему страшно,
Киту — вдвойне:
Под пижамою — осьминог.
Он душит, душит их всех во мне.

Лицом к лицу

Привет, как дела? Ты снова ко мне за стол?
Что-то случилось? Год ведь уже прошёл
с тех пор, как бросила на кровать отца
и тихо шептала: «Это конец конца».
И тихо шептала, что он от меня уйдёт,
а я говорила: «Лучше закрой свой рот».

А я говорила: «Его тебе не отдам.
Зачем ты ходишь без спроса к чужим отцам?
Ему ещё внуков нянчить и строить дом,
ты погоди лет двадцать, зайди потом».
Но ты говоришь, что сегодня мы допоздна,
что дел больше нет и я у тебя одна.
И ты говоришь, что сегодня не за отцом,
и смотришь,
смотришь,
смотришь
в моё лицо.

Здесь обо мне, немного о тебе, много про нас

Сегодня мы потерялись с тобой:
Ты сам в себе, я в других — так проще.
Пока я в омуте с головой,
Ты где-то мимо идёшь на ощупь.

Пока я пью молоко на ужин,
Стреляю в тире, смотрю на горы,
Ты помни: если почти разрушен,
Спасают люди и разговоры.

Спасает часть одного куплета,
Хороший фильм и сюжет без драмы,
Полчашки кофе и сигарета,
Один обычный звонок от мамы.

Спасают с кем-то родным рассветы,
Холодный душ и пробежки в парке,
Спасают купленные билеты…

Спасает мысль, что ты в порядке.

Не про цветы

Недосмотрела, недописала, недолюбила.
Я бы к тебе ходила по тусклым могильным цветам.
Но я не могу поверить, никак не могу поверить,
Что я продолжаю тут, а ты остаёшься там.
Помнишь, я говорила? Помнишь? А я говорила:
«Я тебя не отдам. Я тебя не предам.
Я без тебя не буду ходить по живым цветам».
Потому что они ручные, душистые, полевые,
Живые-живые-живые… И тянутся к небесам.
А ты уже дотянулся. И не похож на ручного,
Душистого, полевого и, в общем-то, на живого.
Совсем. Совсем не похож.
И руки теперь — фиалки, и вместо ключиц — две розы,
И ноги теперь — не ноги, а стебли в коротких шипах.
А я бы к тебе ходила.
А я бы тебя любила,
Но каждый мой шаг — могила
В огромных живых цветах.

Д*и*Н конкурс

Победители литературного конкурса имени Сергея Павлова «Лунная радуга»

Дарья Похабова

Будущее горит

• • •

Неужели всё катится в бездну?
И в мире одна беготня.
Если стану я бесполезной,
Пешеходы затопчут меня.

Как обидно знать, что завещаны,
Словно ветхое платье старухи,
Нам царапины, сколы и трещины,
Житие во вражде и разрухе.

Неужели мне нужно готовиться
По ОГЭ сотню тестов решить?
Заформатиться, зашаблониться?
Только душу свою потрошить!

Одолели попсовые страсти.
Вместо связок визжит автотюн,
На экране филейные части
Выставляются, как на фритюр.

И навязчивой западной радугой
Отвлекают сердитых людей,
Когда в мир вырывается жалобный
Плач потухших голодных детей.

Как печально, что рядом на полке,
Где покупают поесть,
В пластиковой обёртке
Продаются дружба и честь.

Как тяжело улыбаться:
То геноцид, то ковид.
Понятно и без нотаций:
Будущее горит.

Илья Ерёмин

Последняя надежда человечества

Победители литературного конкурса имени Сергея Павлова «Лунная радуга»

Пролог

Массивные осветительные установки заливали светом уничтоженную улицу: разрушенное здание Ассамблеи Объединённых Мусульманских Стран, разбитый тротуар и искорёженные фонарные столбы. Ветер гонял по останкам города седую пыль, которая оседала на чёрный силуэт мужчины. Разведчик, прищурившись, посмотрел на серые обломки небоскрёбов и пожелтевшую траву в саду Ассамблеи. Он высматривал патрулирующих солдат и снайперов.

Из всего мрачного пейзажа выделялся баннер, на который направлена пара прожекторов. На огромном алюминиевом листе были написаны три слова: «ЖЕСТОКОСТЬ ТЩЕСЛАВИЕ ЖАДНОСТЬ».

Эти слова написаны светоотражающей краской, по контурам букв протянута тонкая линия светодиодной ленты. Всё это для того, чтобы эти слова отпечатывались не только в материи, но и в памяти землян. В головах людей же эти слова сплелись в ошибочную ассоциацию с пришельцами, которым ныне принадлежала Земля и вся Солнечная система. «Именно эти слова привели к гибели человеческой цивилизации», — голосили отовсюду. Ведь, глядя на разрушенную улицу, никому из людей не пришла бы в голову мысль, что эти ужасные слова описывают отнюдь не инопланетных захватчиков, а самих землян.

Разведчик сжал покрепче обрез в руках и выдвинулся к зданию. Вынырнув из засады, он сбросил с себя пыль, осыпавшуюся на его голову и плечи. Идя по улице, мужчина перешагивал запылившиеся кости, разбросанные по улице. Любому солдату Сопротивления стоило остерегаться патрулей лоялистов. Тех, кто попался, ожидала участь гнить под слоем бетонной пыли вместе с теми, кто уже давно сгнил.

Мужчина, прячась в ржавых остовах машин и в ямах тротуаров, перебрался через улицу и оказался во дворе Ассамблеи. Само здание, пусть и обрушилось со временем, всё же не было тронуто снарядами. Внутри Ассамблеи уже побывало множество мародёров ещё до того, как было решено создать из руин настоящий памятник. Памятник капитуляции человечества.

Весь квартал, испещрённый пулевыми отверстиями, воронками от взрыва и костями убитых когда-то давно людей, представлял собой художественный перформанс пришельцев. Уже после некоего давнего события, от которого в напоминание осталось крайне мало разрушений, позже руками самих инопланетян было добавлено ещё больше разрушений вручную. Всех людей вывезли в другие районы, а сам перекрёсток был огорожен, и несколько дней происходил хаотичный обстрел улицы. Сначала из ручного оружия, позже взрывчаткой, всё так же хаотично разбросанной, и, наконец, и вовсе была сброшена парочка бомб, которые и образовали те самые воронки.

Разведчик проник внутрь здания. Хруст осыпавшейся штукатурки еле слышимым эхом проносился по опустошённому залу. Мужчина прошёл в дверной проём, переступив упавшие изящные двери, и оказался в знаменитом зале, центром внимания которого была трибуна с символом некогда существовавшей международной организации. Этот символ тоже лежал в пыли, облокотившись на стену, на которой висел несколько лет. Прямо на месте трибуны теперь находится витрина. На витрине лежал листок.

Человек подошёл ближе, осмотрелся и потом подошёл совсем в упор к витрине, ожидая различных технологичных ловушек. Лазерных мин. Самонаводящихся турелей. Клеток с инопланетными монстрами.

Но нет, ничего из этого не было. Был лишь сплошь укреплённый титановыми рамками ящик из толстого закалённого стекла. А внутри ящика лежал ламинированный лист, сделанный по инопланетной технологии из переработанного пластика. Внешне напоминает шероховатый лист глянцевой бумаги. На нём был напечатан на арабском некий список, названный «Требованиями к землянам». Каждый человек, каждый землянин, даже не зная арабского, понимает, что это за список, ибо его версия в электронном виде на всех доступных

языках была опубликована на сайте, созданном инопланетянами для землян, чтобы те могли без проблем ознакомиться с содержанием листа.

Требования к землянам

«К свободе личности»

Ни одна особь самосознательного и социально-культурного биологического вида, далее именуемая индивидом, не может быть принуждена к любому деянию против собственной воли, при условии, если само деяние не является вредоносным или опасным. Должны осуждаться или пересматриваться все догмы и учения, культурные, религиозные или идеологические, которые мешают реализации личной свободы.

«К власти»

Никакой институт не может существовать, если он гарантирует властные полномочия должностному лицу. Следовательно, ни один индивид не должен находиться на должности и иметь полномочия вне собственной свободы.

«К ведению хозяйства»

Ни один индивид не должен иметь больше, чем другие индивиды, права владеть конкретным участком земли или другим нерукотворным объектом. В соответствии с этим правилом, должна быть ликвидирована любая возможность использовать капиталистическую логику производства и должна поощряться любая прямая инициатива в экономике и трудовая солидарность.

«К общению»

Должны быть осуждены или пересмотрены все средства коммуникации, будь то язык, символ или знак, выражающий собой оскорбление или проявление вражды к индивиду, к характерным группам индивидов или к Конфедерации.

«К окружающему миру»

Радикальными методами должна быть проведена чистка природных территорий и акваторий, привлечение всех возможных ресурсов. Перевод экономики на «зелёный» курс путём полного отказа от экологически опасных продуктов, развития промышленной переработки мусора, производства искусственного мяса, а также путём ограждения техносферы.

«К науке»

Любое научное знание, любая идея или интеллектуальная собственность должны быть обобществлены. Вследствие этого земляне могут пользоваться доступными для Конфедерации научными достижениями. Научный прогресс Земли аналогично будет использоваться всей Конфедерацией.

«К оружию»

Должна быть создана возможность населению Земли свободно иметь огнестрельное оружие. Оружие не должно использоваться с целью, противоречащей предыдущим требованиям.

«К наказанию»

Нарушение требований влечёт за собой наказание в соответствие с причинённым индивиду или Конфедерации вредом, вплоть до смертной казни. Суд будет составлен из пяти присяжных.

«К отказу»

Сознательный отказ будет рассматриваться в качестве враждебного действия. При полноценном планетарном восстании будет применена политика техносферной изоляции. Любая агрессивная особь или вид будет исключён из окружающей среды планеты и заключён в техносферу Земли.

● ● ●

В стеклянном ящике лежал оригинал, ставший не столько документом, подтверждающим подчинение землян, сколько монументом, символом принадлежности планеты инопланетянам. На листе должны быть подписи, как это принято у землян, но они отсутствовали вовсе. Подпись, как считают пришельцы, — это личный признак отдельного человека. Отдельный человек не может решать за всё человечество. Даже отдельная группа людей. Поэтому для пришельцев было немыслимым, чтобы человек был ответственен за другого человека, если тот не являлся недееспособным. Хотя и тут тоже были нюансы. Человек должен быть не просто независимым от многих вещей, но и буквально свободным, в соответствии с пунктом требований «К свободе личности».

Несмотря на захватнический характер самих требований, первое, о чём позаботились пришельцы, — это о личности. По какой-то непонятной землянам причине пришельцы озабочены тем, чтобы на подконтрольной им планете отсутствовали любые институты власти. Для них противна абсолютно любая иерархическая структура. Проблемой для землян же стала невозможность пользоваться ресурсами планеты без надзора пришельцев. Причиной тому является «небрежное обращение» с биосферой планеты.

На Скандинавском полуострове находились общины размером с целый город, которые по причине их отказа подчиняться «Требованиям» были полностью изолированы. Вокруг города были построены бетонные заграждения. На входе и выходе

выставлены кордоны лоялистов. Вход любого землянина или инопланетянина свободен, но выход возможен только для того жителя общины, который ещё не принял отказ общины. Но при принятии решения отказаться от соблюдения требований обратного пути не будет. Тебя поселят в такую клетку, где ты будешь предоставлен самому себе. Встречались такие родители среди отказавшихся, которые осознанно отправляли детей прочь из изолированного города, поскольку жизнь в бетонной тюрьме тяжёлая. У отказавшихся практически не остаётся возможностей заработка, поскольку все возможности городской жизни утратили свою ценность.

Таким образом земляне соблюдают пункт «К отказу», дающий человеку какой-никакой выбор. Правда, иногда удаётся увидеть нескрываемую насмешку инопланетян над таким «выбором». Они сами называют это «человеческим компромиссом» и видят в таком «выборе без выбора» идеальную свободу действий для современного землянина.

Человек спрятал обрез, достал ломик и попытался отковырять титановую рамку. В процессе ковыряния ящика у него не получилось даже оставить царапину на металле или стекле. Мужчина постоянно озирался и вслушивался в окружение, вытирал пот со лба. Он не услышал, как его шею стиснула тонкая нить удавки. Грохот упавшего лома заглушил сдавленный хрип. Последнее, что смог увидеть убитый человек, — это лицо убийцы. Высокий силуэт пришельца, баранья морда с будто человеческими глазами. Белая шерсть пришельца размывалась в серое пятно, смешиваясь с красками окружения в глазах мертвеца.

Тело обмякло. Пришелец отпустил удавку, схватил массивными руками голову человека и провернул до смачного хруста. Он выхватил рацию и вызвал к себе помощников. С улицы прибежали два солдата-лоялиста. Вслед за ними перебирал четырьмя лапами роботизированный охранник. Он всё это время находился рядом с пришельцем и был оставлен позади, чтобы подкрасться к преступнику. Такие роботы — это специальная разработка инопланетян, чтобы те пресекали любую попытку убийства инопланетянина. Маленький личный телохранитель.

Когда лоялисты подбежали, они остановились в пяти метрах от вызвавшего их пришельца. Он был очень высокий, ростом немного меньше двух с половиной метров. Стоявшие неподалёку от него солдаты были похожи на муравьёв, а прибежавший робот был и того ниже и выглядел как робо-паук с пулемётами на тушке. Робот подобрался поближе к охраняемой цели, запрыгнул на возвышенность и осматривал помещение своим визором.

— Уберите его, — единственное, что вырвалось из уст пришельца.

Он направился на выход, огибая весь зал по периметру, а лоялисты стали заниматься телом.

— Чёрт, какого хрена они сюда прутся? Чё им эта бумажка?

— Они дураки. Чем плохи эти инопланетяне? Ты только взгляни, как наша планета похорошела.

— Да плевать мне на эту планету. Нас держат здесь как собак на привязи. В нашем собственном доме. И заставляют убивать наших граждан. А этим дуракам, — лоялист кивнул на труп, который они несли к выходу, — лишь бы бумажки портить. Чё толку?

Второй солдат лишь пожал плечами, и они вынесли тело из помещения, в котором снова изо дня в день будет оседать пыль и гулять ветер сквозь дыры в стенах.

Победители литературного конкурса имени Сергея Павлова «Лунная радуга»

Влада Власова

Будущее: неизведанный мир или давно известная истина?

Моему дедушке, преданному почитателю советской фантастики, посвящается

Альберт Эйнштейн, один из самых известных физиков нашего времени, однажды сказал: «Я никогда не думал о будущем. Оно наступает достаточно быстро». Дорогие читатели, мы предлагаем вам всё-таки подумать о будущем, причём с разных точек зрения.

В науке время — и будущее как его непосредственная часть — рассматривается по-разному. Например, в классической физике, согласно представлениям Ньютона, оно подразделяется на абсолютное (в качестве математической модели) и относительное (измеряемая величина, которая подвластна чувствам человека). С развитием физики как науки появлялись новые теории о времени; одной из них стала теория советского астрофизика Н. А. Козырева, который одним из первых предложил рассматривать время как творческое и организующее начало Вселенной, причину движения тел и процессов. «Время — непрерывный поставщик энергии во Вселенную… Звёзды черпают энергию из хода времени», — писал в своих научных работах Николай Александрович.

Таким образом, трудов, посвящённых времени, в науке не меньше, чем в литературе. Но разница лишь в том, что писатели и учёные смотрят на время, в том числе и на будущее, с разных сторон. Учёные больше заняты пониманием самого процесса протекания времени, тем, как оно функционирует, если говорить о физиках и астрофизиках, или тем, как могли бы сложиться обстоятельства в прошлом, если говорить об историках. Футурология как наука о будущем известна с конца девятнадцатого века и обладает статусом молодой, развивающейся научной дисциплины. Она тесно переплетена как с философией, так и с литературой, что позволяет некоторым учёным сделать вывод о том, что её теории и постулаты «недостаточно научны» и приравниваются к художественной литературе о будущем, то есть к научной фантастике.

Фантастика подразделяется на несколько направлений. Мы остановимся на научной фантастике, то есть на литературном жанре, который сочетает научные прогнозы и художественный вымысел авторов. Фантастика, в том числе научная, как литературный жанр популярна не только в нашей стране, но и за рубежом. Так, классикой западной научно-фантастической мысли считается знаменитая книга Г. Кана и А. Винера 1968 года «Двухтысячный год — база для размышлений о следующих тридцати трёх годах», которую относят к технооптимизму. Далее следуют труд О. Тоффлера. «Шок будущего», который, в свою очередь, уже относится к технопессимизму, и произведения О. Флехтгейма, который первым вводит термин «футурология». Но самое интересное то, что советские писатели-фантасты опередили своих западных коллег на без малого половину века, начав свой тернистый путь к описанию возможного будущего в 1920-х годах. Рассмотрим несколько литературных работ наших соотечественников, повлиявших на становление советской научной фантастики.

«Ах, мы упустили час… Нужно было свирепо и властно, властно и милосердно любить жизнь…» — писал Алексей Николаевич Толстой в романе «Аэлита». Данное произведение считается первой ласточкой советской научной фантастики, которая смогла, как потом убедились потомки, предсказать полёты человека в космос. Центральная сюжетная линия романа связана с путешествием землян на Марс. Не обделено произведение и любовной линией: один из героев романа, инженер Лось, взаимно влюбляется в марсианку по имени Аэлита, отсюда и название романа. Произведение, работа над которым была начата Толстым в 1922 году, не задумывалось как детское, но позже оно было переработано автором и выпущено в том числе и как детская повесть. С 1940-х годов считается классикой советской детской литературы.

«Ежегодно ставятся менее важные опыты, иногда кончающиеся трагически. Наука — борьба за счастье человечества — так же требует жертв, как и всякая другая борьба. Трусам, очень берегущим себя, не даются полнота и радость жизни, а учёным — крупные шаги вперёд…» — культовый роман Ивана Антоновича Ефремова

«Туманность Андромеды» 1957 года, сюжетная линия которого построена вокруг научных открытий, можно описать одной лишь цитатой из этого прекрасного произведения. Один из персонажей произведения, физик Рен Боз, понимает, что совершил величайшее научное открытие, но, увы, научный эксперимент он провести не сможет, слишком велика вероятность гибели людей. Мвен Мас, коллега Рена Боза, решается пойти на должностное преступление и всё-таки провести эксперимент планетарного масштаба, который закономерно приводит к трагическим последствиям. Главная сюжетная линия произведения ставит перед читателями вопрос: достойны ли великие открытия человеческих жертв? — который становится особенно актуальным в наши дни. Иван Ефремов в своём произведении также затрагивает новаторскую для советских писателей тему психических расстройств, наделяя одного из героев, Дара Ветра, депрессией, хотя только в начале двадцатого века учёные и писатели стали активно развивать тему ментальных расстройств. В «Туманности Андромеды» описывается очень технологически продвинутая земная цивилизация из отдалённого будущего, которая исследует другие планеты и галактики. Автор уделяет внимание образованию землян из отдалённого будущего, которые учатся непрерывно всю жизнь. Таким образом, можно отметить, что Иван Ефремов, скорее всего, сам того не подозревая, показал нам наше настоящее — тенденцию к постоянному саморазвитию, борьбу с ментальными нарушениями, морально-этическую сторону великих научных открытий и, конечно, как и в романе «Аэлита», тягу к космическим исследованиям.

«Что простительно питекантропу, то позорно для человека. Мы должны исправлять ошибки предков, а не усугублять их», — пишет в серии произведений «Приключения Алисы» фантаст Кир Булычёв, и с его утверждением тяжело поспорить. Серия книг о девочке Алисе, дочери профессора Селезнёва, живущей в конце двадцать первого века, покорила сердца читателей и создавалась писателем с 1965 по 2003 год. Данная серия, как и одна из версий «Аэлиты», предназначалась для детей. В СССР писателям-фантастам было легче издать произведение для детей, чем для взрослых, из-за своеобразных требований цензуры, поэтому многие писатели издавали свои работы именно как предназначенные для детей. Так они могли избежать чрезмерной цензуры, ведь детской литературе присущи выдуманные миры и фантастические явления, как, например, в сказках. По этой причине литература Советского Союза в жанре фантастики богата произведениями для детей. В серии книг об Алисе Киром Булычёвым раскрываются не только присущие многим работам советских фантастов темы полёта в космос и освоения других планет и галактик, но и ещё ряд интересных задумок. К ним можно отнести машину времени, роботизацию Земли и развивающуюся сферу разного рода технологий. Если машина времени пока ещё в разработке, то космические исследования, роботы и разные виды технологий уже присущи нашему времени, в этом Кир Булычев был прав.

«Я не романтик, гипотез не измышляю», — говорит главный герой романа Сергея Павлова «Акванавты», «дополнив» цитату Ньютона: «Гипотез не измышляю». Главный герой произведения, подводник Игорь Соболев, как он сам про себя говорит, «не романтик», но ему резко приходится, по сюжету романа, пересмотреть свои приоритеты, когда он встречает призрак своей недавно умершей любви… Казалось бы, отличное описание для любовного романа, но как бы не так. В произведении Сергея Павлова рассматривается другая грань советской фантастической литературы — не «космическая», а «океаническая». Местом действия становятся океанические глубины, а герои романа, профессионалы-глубоководники, наделены гидрокомбовой оболочкой, чтобы дышать под водой. Литературную работу Сергея Павлова часто сравнивают с «Человеком-амфибией» Александра Беляева, общепризнанного родоначальника «океанической» тематики среди советских фантастов. Конечно, трудно отрицать, что Сергей Павлов ориентировался на опыт коллеги, продумывая своё произведение по схожей тематике, но учёные склонны считать, что Сергей Павлов всё же работал в собственной манере письма и опирался на свои художественные наработки — например, вводил новые термины, такие как «внеземелье» и «смех Люцифера». До «человеческих жабр», как ещё можно назвать гидрокомбовую оболочку, мы пока не дожили, но подводные исследования, в том числе строительство разных станций на дне океана, ведутся уже в настоящее время.

Наиболее точное попадание советских писателей в реальные свершения в будущем можно описать одной лишь цитатой испанского философа Ортеги-и-Гассета: «Использование метафоры, т. е. художественного приёма, дополняющего научное знание, оказывается более эффективным, чем строго рациональное логическое построение». Очевидно, что хорошо продуманный художественный приём в фантастике может дать свои плоды не меньше, чем чёткое следование научным изысканиям, в чём нас и смогли убедить советские писатели-фантасты.

«А каким же будет наше будущее?» — спросите вы, дорогие читатели. У советских фантастов было много идей, связанных с серединой и концом двадцать первого века. Например, уже упомянутая нами машина времени, миелофон (прибор для чтения мыслей), телепортация (Кир Булычёв);

повсеместная межвидовая трансплантация, передача мыслей на расстоянии, изобретение средства от усталости (Александр Беляев); победа над временем и пространством (Иван Ефремов); бессмертие (Георгий Гуревич); консервация личности в биоаналогах, перенос её в организм животного, вышеупомянутая гидрокомбовая оболочка для дыхания под водой (Сергей Павлов); создание гиперболоида (сверхмощного лазера, рушащего все преграды на своём пути) (Алексей Толстой); общая Цивилизация без деления на страны и народы, вакцинация от всего и сразу одним уколом (братья Стругацкие). И, конечно же, общие для большинства советских фантастов идеи об освоении космоса, других планет, галактик и общении с другими цивилизациями, а также идеи о детальном изучении океана.

Что до нашего, авторского, скромного мнения… то бессмертие, полёты в космос и всё вышеперечисленное — это, конечно, прекрасно, но, как пел в своей знаменитой песне Олег Анофриев: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется „жизнь“» (автор слов Леонид Дербенёв). Всему своё время, а пока следует радоваться каждому новому дню. А вы как считаете, дорогие читатели?

Литература:

1. *Старцев Д. И.* С. Павлов («Акванавты (Океанавты)») vs А. Беляев: диалог на расстоянии//Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/s-pavlov-akvanavty-okeanavty-vs-a-belyaev-dialog-na-rasstoyanii (дата обращения: 31.10.2023).

2. *Сунь Цзинъяо, Цао Хайянь.* Развитие научной фантастики в СССР и её путь//Евразия. Диалог культур. 2023. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-nauchnoy-fantastiki-v-sssr-i-ee-put (дата обращения: 31.10.2023).

3. *Черняховская Ю. С.* Советская художественная футурология и классика футурологии западной: историческое опережение и знаковые расхождения//Власть. 2017. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-hudozhestvennaya-futurologiya-i-klassika-futurologii-zapadnoy-istoricheskoe-operezhenie-i-znakovye-rashozhdeniya (дата обращения: 31.10.2023).

4. *Яловенко С. Н.* Природа времени//Colloquium-journal. 2019. № 4 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-vremeni-2 (дата обращения: 31.10.2023).

Д*и*Н СИММЕТРИЯ

София Парнок

Тихо, как нигде

* * *

Я не умерла ещё,
Я ещё вздохну,
Дай мне только вслушаться
В эту тишину,
Этот ускользающий
Лепет уловить,
Этот уплывающий
Парус проводить…
И ныряют уточки
В голубой воде,
И на тихой отмели
Тихо, как нигде…

Январь 1924

* * *

Мне снилось: я отчаливаю,
А ты на берегу,
И твоему отчаянью
Помочь я не могу.
И руки изнывающие
Простёрла ты ко мне
В такой, как никогда ещё,
Певучей тишине…

Май 1924

Нина Ищенко

«Вектор Донбасса»: Луганск — Иркутск — Россия

В контексте тетралогии

В августе 2023 года в Иркутске и Луганске презентован альманах военной литературы «Вектор Донбасса». Книга включает работы более сорока донбасских и иркутских писателей, а также произведения авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Красноярска и других городов. В сборнике представлены поэзия, художественная проза, исторический очерк, драматургия, детская литература, литературная критика. Больше всего работ создано писателями в период 2014–2022 годов. Особое место занимает раздел «Иркутские агитокна в годы войны (1941–1945)», где опубликованы агитационные плакаты иркутских художников. Сборник «Вектор Донбасса» является четвёртым в серии альманахов, изданных Союзом писателей ЛНР в ходе донбасской войны, и оценить его идейное содержание можно только в контексте всей серии, включающей сборники «Время Донбасса» (2016), «Выбор Донбасса» (2017) и «Воля Донбасса» (2019).

Первый сборник

Книга «Время Донбасса» объединила около семидесяти писателей и стала своеобразным итогом 2015 года, второго года донбасской войны. Альманах также включал произведения разных жанров, от драматургии (Глеб Бобров, Иван Донецкий) и обширного раздела прозы (Алексей Ивакин, Кирилл Часовских, Герман Садулаев, Сергей Шаргунов, Дмитрий Стешин и другие) до поэзии.

Луганский интеллектуал Владимир Карбань написал в рецензии на книгу: «В условиях общественных катаклизмов актуализировались старые полузабытые традиции гражданской лирики, старые жанры инвективы, плача, молитвы, гимна. Характерно, что общность позиций авторов, их мировоззренческое сходство в главном не отменили удивительного разнообразия их творческих стратегий, их психологического и чисто писательского облика, и мы уже никогда не забудем и не спутаем индивидуальность манер Марины Кудимовой и Елены Заславской, Александра Сигиды-младшего и Вадима Десятерика, Анны Долгаревой и Светланы Сеничкиной. Ставя поэтическое творчество последних двух лет в широкую историческую ретроспективу, можно с уверенностью сказать, что поэзия Донбасса переживает период роста, возмужания, взлёта, период, который неизбежно даст свои плоды в жанре крупной формы, приблизит поэзию к читателю и станет подлинным голосом самого народа».

Предвидение Владимира Карбаня оправдалось. С тех пор в Луганске появилась посвящённая донбасской войне поэма Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз», а в Донецке — поэма Анны Ревякиной «Шахтёрская дочь» на ту же тему.

Книга-осмысление

Осмысление происходящего на донбасских просторах с 2014 года является основным предметом изображения и в двух последующих книгах СП ЛНР. Так, альманах «Выбор Донбасса» был презентован в Луганске в 2017 году. Книга издана при содействии писателя, ветерана боевых действий в Афганистане, ведущего «Первого канала» Артёма Шейнина. Сборник стал наиболее полной антологией поэтических, прозаических и драматургических произведений о событиях в республиках Донбасса, созданных как в Донбассе, так и за его пределами.

Во второй книге сохраняется разнообразие жанров и подходов к военной теме: от непосредственных эмоциональных реакций до вдумчивого осознания событий. В то же время спектр явно сдвигается в сторону осмысления. Опыт военного времени, как на передовой, так и в тылу, вписывается авторами в общерусский контекст, корректирует политические представления и этические оценки.

Главным достоинством сборника «Выбор Донбасса» является утверждение вечных ценностей в эпоху постмодерна. Человек играющий исчез перед лицом войны, постмодернизм неинтересен ни авторам, ни читателям. Произведения книги позволяют прикоснуться к настоящему, снова делают важными любовь к Родине, человечность в вихре войны, ответственность и сострадание. Поэты из Донбасса и разных городов России

привносят новую серьёзность во все темы, за которые берутся. Экзистенциальный кризис, пережитый на войне, обновляет разные сферы жизни и заставляет читателя переосмыслить и свой собственный предыдущий опыт. Авторы сборника ставят сложные вопросы героизма и выбора, вины и прощения, ставшие с течением времени только более актуальными.

Если первый альманах СП ЛНР был манифестацией того, что новая военная литература Донбасса существует, то вторая книга продемонстрировала её высокий уровень и соразмерность вызовам времени.

Фундаментальное свидетельство

Третий сборник, «Воля Донбасса» (2019), включил работы около сорока поэтов, прозаиков и драматургов из ЛНР, ДНР и РФ. По словам председателя СП ЛНР и редактора альманаха Глеба Боброва, «трилогия стала наиболее полным и фундаментальным литературным свидетельством жизни осаждённого Донбасса. Уверен, что она уже вошла в историю. По этим книгам со временем будут изучать Русскую весну и последующие события в Донбассе точно так же, как современники пытаются ощутить дух эпохи, читая классиков периода Гражданской или Великой Отечественной войны».

Особенность третьей книги отметил в своей рецензии доктор философских наук Виталий Даренский: «Как и прежде, большинство текстов имеют „репортажный“ характер, написаны если не по „горячим следам“ событий, то по не менее горячим воспоминаниям, однако в них появилось новое измерение — особая дистанция памяти, заставляющая перейти от непосредственного переживания событий не только к их осмыслению (это было и раньше), но уже и к новой „картине мира“, порождённой опытом прошедших исторических событий». Главным элементом этой картины мира, по словам философа, становится преображение памяти. События войны оцениваются с некоторой дистанции, и становится очевидно, что в них проявляются решения участников, ответственность перед будущим, христианское сострадание ко всем людям без исключения.

Первое драматическое высказывание

Материалы трёх сборников послужили основой спектакля «Время. Выбор. Воля», созданного Луганским академическим русским драматическим театром имени Павла Луспекаева в 2019 году. Стихотворения для постановки актёры выбрали самостоятельно, отталкиваясь от личных эмоций, пережитых во время военных действий. По-новому зазвучали стихи после того, как актёры театра демобилизовались с фронта в 2022 году. Спектакль был показан донбасским и российским зрителям. Он стал первым драматическим высказыванием, отразившим события военных лет с 2014 года.

Продолжая традиции

Все заявленные ранее линии продолжает четвёртая книга — «Вектор Донбасса». После начала СВО в 2022 году проблематика донбасской войны становится значимой для всей России. В литературное пространство, отражённое в книге, включаются сибирские писатели. Непосредственный опыт войны дают луганские и донецкие авторы, а авторы Иркутска и Красноярска, Москвы и Петербурга вносят свой вклад в осмысление событий.

Алексей Ивакин, одессит, писатель, ополченец, мастерски фиксирует в своих рассказах происходившее в 2014 году в Одессе и на Донбассе. Самой значимой исторической параллелью в осмыслении событий является Великая Отечественная война. Детективный сюжет по реальным фактам борьбы с бандитизмом в Луганске в 1946 году строит Глеб Бобров в киноповести «Группа Векслера», соединяющей события наших дней и предыдущую войну. Осмысляет эту связь в очерке о военной литературе Андрей Чернов. Связи Донбасса с другими русскими территориями показывают на примере семейной истории Станислав Гольдфарб и Борис Рычков. Война в Донбассе сравнивается в книге с походом князя Игоря, с битвами Александра Невского и Дмитрия Донского (Владимир Скиф), с революцией 1917 года (Артур Чёрный). В книгу включены рассказы Андрея Кокоулина в жанре альтернативной истории, рисующие страшноватую картину того, что было бы, если бы русские уподобились своим противникам в поклонении силе.

Традиционно мощной является поэтическая часть сборника. Юнна Мориц, Елена Заславская, Игорь Караулов, Мария Ватутина, Ирина Каренина, Юрий Беридзе, Виктор Пеленягрэ, Дмитрий Мельников, Андрей Сизых, Наталья Чекер, Владислав Русанов в своих стихах передают яркую эмоцию и размышляют о смысле и причинах войны, неизбежных потерях, преображении человека.

Яркое свидетельство

Итак, четвёртый альманах СП ЛНР «Вектор Донбасса» стал ярким свидетельством высокого уровня донбасской литературы, поднимающей основные темы русской жизни: любовь к Родине, экзистенциальный выбор, сохранение человечности. Книга также показывает совместную работу русских писателей из разных городов по осмыслению войны с Украиной в контексте русской истории и закрепление событий в общей культурной памяти.

стр. 58

Авагян Нвард Арамовна

Арцах (Армения)

Родилась в Нагорном Карабахе, именуемом предками Арцахом. Окончила историко-филологический факультет педагогического вуза в Баку, четыре года преподавала по специальности. Вернувшись на родину, перешла в журналистику. Была ответственным секретарём, затем заместителем главного редактора республиканской газеты, далее — советником председателя республиканского радио и телевидения, редактором газеты Минздрава. Автор 10 книг. Из них — пять стихотворных сборников, три книги рассказов и один биографический роман. Шестая книга, «Арцахский дневник», в которой собраны стихи о войне, о месте поэта в жизни, о кредо человека, написана на русском языке. Давно и увлечённо занимается переводами. Так, ею переведены на армянский язык хрестоматия культуры Китая, отрывки из прозы Эдуардаса Межелайтиса, стихи Владислава Ходасевича, Сэды Вермишевой, Юрия Кублановского и Юрия Беликова, а также, в 2016-м, под эгидой духовного центра «Наири», — антология «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)». Была вынуждена покинуть Степанакерт вместе с другими тысячами соплеменников.

стр. 158

Айтукаев Иса Билалович

Красноярск, 1961 г. р.

Родился в Дагестане. В 1984 году, после окончания Ачинского сельскохозяйственного техникума, поступил на отделение «Журналистика» филологического факультета КГУ. Публиковался в журналах и альманахах на Кавказе, Дальнем Востоке и в Сибири. Автор нескольких книг прозы. Член Союза писателей России.

стр. 32

Ампилогов Олег Константинович

Красноярск, 1952 г. р.

Профессор Сибирского федерального университета, почётный работник высшего профессионального образования, лауреат Золотого знака профессора главы города Красноярска П. И. Пимашкова. В 1978 году окончил Московский полиграфический институт. Художник-график. Оформил свыше 130 книжных изданий. Призёр международных, российских и региональных художественных конкурсов. Участник Красноярских международных музейных биеннале. Участник международных, российских, региональных художественных выставок. Участник международных биеннале, триеннале современной графики в Новосибирске. Работает в сфере визуальных искусств: книжная графика, графика, фотография, проектирование, кино и видео.

стр. 181

Арестов Анатолий

Рубцовск (Алтайский край), 1985 г. р.

Учился на агрономическом факультете Пензенской ГСХА. Публиковался в журналах «Юность», «Наш современник», «Волга — 21 век», «Приокские зори», «Северо-Муйские огни», «Традиции & Авангард», «Дарьял», «Сура», «Сибирский Парнас», «Сибирь», «Ротонда», «Невский альманах», «Александръ», «Мир животных», «Эколог и Я», «Русская мысль», «Нижний Новгород»; газетах «Литературный Крым», «Слово»; сетевых ресурсах «День литературы», «Литературная газета», «Причал» и др. Автор книги в трёх частях «В потоке поэзии».

стр. 90

Астафьева Анастасия Викторовна

Костромская область, *1975* г. р.

Родилась в Вологде. Писать начала с пятнадцати лет. Автор многих сказок, повестей, рассказов и статей; участник семинаров и совещаний молодых писателей Вологодчины и Северо-Запада. Печаталась в местной прессе, в «Литературной России», в журналах «Нева», «Очаг», «Мир женщины», «День и ночь», «Невский альманах». По детективу «Сети Арахны» в 1998 году на вологодском областном радио был поставлен одноимённый спектакль. Член Союза российских писателей с 2000 года. В 2003 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького (Москва). Лауреат журнала «День и ночь» за 2023 год.

стр. 58

Беликов Юрий Александрович

Пермь, 1958 г. р.

Поэт, эссеист, публицист. Родился в городе Чусовом Пермской области. Окончил филфак Пермского госуниверситета. Автор книг «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой», «Я скоро из облака выйду». Обладатель гран-при и звания «Махатма российских поэтов» (всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», Алтай, 1989), лауреат международного фестиваля театрально-поэтического авангарда «Другие» (2006)

и литературных премий имени Павла Бажова (2008), имени Алексея Решетова (2013), общенациональной премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» (2014). Основатель поэтических групп «Времири» (конец 70-х), «Политбюро» (конец 80-х), «Монарх» (конец 90-х). Лидер движения «дикороссов» и составитель книги «Приют неизвестных поэтов» (Москва, 2002). В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность». Был собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», «Литературной газеты», спецкором «Труда». Стихи публиковались в журналах «Юность», «Знамя», «День и ночь», «Арион», «Дети Ра», «Флорида» (США), «Зарубежные записки» (Германия), «Киевская Русь» (Украина), «Иерусалимский журнал» (Израиль), в альманахе «День поэзии — XXI век», в антологиях «Самиздат века», «Современная литература народов России», «Антология русского лиризма. XX век», «Молитвы русских поэтов». Награждён орденом-знаком Велимира «Крест поэта», орденом Достоевского I степени и медалью «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе». Член редколлегии журнала «День и ночь».

стр. 174

Васильев Геннадий Михайлович

Красноярск, 1959 г.р.

Журналист, поэт, исполнитель авторской песни. Родился в Томске. Отслужил в армии, потом по комсомольской путёвке оказался на КАТЭКе, в Шарыпово. Учился заочно в Иркутском университете на факультете журналистики. Работал в газетах «Красноярский комсомолец», «Свой голос», «Евразия», «Деловая Сибирь», вёл еженедельную программу на красноярской студии «Авторадио», участвовал во всевозможных медиапроектах. Участник Всероссийского совещания молодых литераторов в Ярославле в 1996 году. Автор нескольких книг стихов и прозы. Член Союза российских писателей.

стр. 106

Волобуев Геннадий Тихонович

Зеленогорск, 1944 г. р.

Краевед, публицист, писатель. Бывший заместитель главы администрации города Зеленогорска Красноярского края (ответственный за социальную сферу), директор филиала СибГАУ, доцент. Начал трудовую и общественную деятельность в Зеленогорске (Красноярск-45) в марте 1967 года, после окончания Томского политехнического института по специальности «инженер-физик». Автор множества публикаций в газетах и журналах, нескольких книг по истории атомного проекта СССР и саги «Найти себя в эпоху перемен». Почётный гражданин города Зеленогорска. Член Союза российских писателей.

стр. 54

Галицкая Любовь

Лозница (Сербия), 1948 г. р.

Родилась в семье офицера-топографа на станции Бира Еврейской автономной области. Окончила Львовский техникум промышленной автоматики, сербохорватское отделение школы гидов-переводчиков БММТ «Спутник». Публиковалась в газетах «День литературы», «Кубанский писатель», «Тамань», журналах «Литературная учеба», «Краснодар литературный», «Родная Кубань» и других изданиях. Автор нескольких поэтических сборников.

стр. 95

Герман Игорь Викторович

Минусинск, 1964 г. р.

Окончил Кемеровский государственный институт культуры. С 1985 года работает актёром в театрах Красноярского края, с 1996 года — в Минусинске. Публикации в журналах «Истоки», «День и ночь», а также в коллективных сборниках. Член Союза российских писателей.

стр. 179

Денисова Ирина

Москва, 1967 г. р.

Поэт, публицист. Автор пяти сборников, поэтических подборок и статей в российских и международных изданиях. Член Союза писателей России, творческого содружества «Роза поэзы», попечительского совета альманаха «День поэзии — XXI век» (2020–2021). Лауреат Первого всероссийского фестиваля авторской песни «Покровский собор» (2021, «Поэзия»), Международного фестиваля «Симфония поэзии без границ» (2021, «Стихи для песни») и др. Обладатель диплома «Золотой Витязь» МЛСФ-2022 и литературных медалей (2021–2022). Финалист фестиваля авторской песни «Большой Донбасс» (2023). Ведущая творческих площадок в библиотеке имени М. Ю. Лермонтова.

стр. 3

Довыденко Лидия Владимировна

Калининград, 1952 г. р.

Главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, прозаик, публицист, автор 34 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов. Почётный гражданин Балтийского городского округа, почётный член философского делового клуба, заместитель президента «Всемирной Информ-энциклопедии» (Калининград), член редакционного совета журнала «День и ночь», член жюри литературного конкурса «Новая библиотека», премии имени святых благоверных

Петра и Февронии. Лауреат литературных премий: Гумилёвской, Корниловской, Союзного государства, «Щит и меч Отечества».

стр. 52
Долгарева Анна Петровна
Москва, 1988 г. р.

Автор нескольких поэтических сборников. Публиковалась в журналах «Урал», «Дружба народов», «Крещатик», «Юность», «Дальний Восток» и др. Лауреат Григорьевской премии (2019), спецпризёр Гумилёвского конкурса «Заблудившийся трамвай» (2019), победитель VII Международного поэтического конкурса «45-й калибр» (2019), лауреат Кубка издательства «СтиХИ» (2020), победитель Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (2023), лауреат Всероссийской премии имени А. И. Левитова (2021), финалист премии «Лицей» (2022), лауреат премии «Гипертекст» (2023).

стр. 63
Дробинина Наталия
Санкт-Петербург

Прозаик, педагог. Родилась в Вологде, окончила Череповецкий государственный университет по специальности «учитель русского языка и литературы». Участник трёх литературных семинаров в рамках Беловских чтений, преподаватель региональных образовательных смен по литературному мастерству.

стр. 61
Дюгаева Ирина
Оренбург, 1998 г. р.

Окончила Оренбургский государственный педагогический университет по специальности «педагог английского и французского языков». Участница литературных фестивалей и семинаров: имени Анищенко (2020); поэтического фестиваля «Пятый. Свободный» (2021); «Мы выросли в России» (2021); слёта молодых литераторов в Болдино (2022); лаборатории верлибров «Маяковский. Поэт перемен» (2023); литературного семинара имени В. И. Белова (2023). Автор повестей «Кумир» (2019), «Мистическая сопричастность» (2020), опубликованных на стипендию Министерства культуры РФ от издательского центра МВГ. В 2021 году опубликовала сборник рассказов «Мимо башни» за победу во всероссийском литературном конкурсе «Мы выросли в России». Рассказы публиковались в журналах «Молодёжная волна», «Гостиный Двор», в «Литературной газете».

стр. 177
Ерёмин Николай Николаевич
Красноярск, 1943 г. р.

Родился в городе Свободном Амурской области. Окончил Красноярский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Автор ряда поэтических сборников и книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья» и др. Лауреат премии «Хинган». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института — 2011» в номинации «Классическая лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» имени Н. А. Некрасова. Публиковался в журналах «День и ночь», «Новый Енисейский литератор», «Истоки», «Бийский вестник», «Вертикаль» (Нижний Новгород), «Огни Кузбасса», «Провинциальный интеллигент», «Интеллигент» (Санкт-Петербург), «Русский берег» (Благовещенск), «Флорида» (Майами), «Лексикон» (Чикаго) и др. Член Союза писателей СССР, Союза российских писателей.

стр. 193
Ищенко Нина Сергеевна
Луганск

Кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик». Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Член Философского монтеневского общества Луганска. Автор книги литературно-критических статей «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), а также «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск-2014» (2020).

стр. 102
Квашнин Владимир Александрович
пос. Саранпауль, 1958 г. р.

Окончил Тобольский рыбопромышленный техникум по специальности «ихтиолог-рыбовод», Тюменский ГУ по специальности «охотовед-биолог». Работал охотоведом службы Госохотнадзора Берёзовского района. 27 лет занимался охраной диких животных Приполярья от браконьеров. Автор шести сборников стихов и рассказов: «От сердца к сердцу» (2014), «Синегорье» (2019), «Коготь Манараги» (2019), «Потаённая заводь души» (2022), «Золотой корень» (2023), «Таёжный оберег» (2023). Победитель международного конкурса «Север — страна без границ» (2014), поэтического конкурса «Пятая стихия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва (2014), лауреат Международного литературного конкурса «Лохматый друг» (2018) и др. Член Союза писателей России.

стр. 74
Киляков Василий Васильевич
Электросталь, 1960 г. р.

Родился в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе в городе Электросталь, служил в армии. Окончил Литературный институт имени Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Молодая гвардия» и других изданиях. Лауреат

литературной премии имени Б. Полевого и Всероссийской литературной премии «Традиция». Член Союза писателей России.

стр. 14 Малашин Геннадий Викторович
Красноярск, 1956 г. р.

Поэт, прозаик, публицист, режиссёр, педагог. Руководитель информационно-аналитического и издательского отдела Красноярской епархии РПЦ, профессор кафедры гуманитарных и филологических дисциплин Красноярского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Родился в селе Ермаковском Красноярского края. По окончании в 1977 году Красноярского педагогического института преподавал в школах края. С августа 1981 года в течение 20 лет работал на Красноярской телестудии. В 1993 году с коллегами создал творческое объединение «Русские вечера», до сентября 2000 года еженедельно выходившее в краевой эфир. С 2011 года является секретарём Общественного совета Красноярской митрополии по науке, культуре и образованию, с 2014 года — ответственным секретарём Епархиальной комиссии по канонизации святых и церковно-историческому наследию.

стр. 49 Николаева Олеся Александровна
Москва, 1955 г. р.

Родилась в Москве, в семье поэта А. М. Николаева. Окончила Литературный институт (семинар Е. М. Винокурова, 1979), в котором с 1989 года ведёт семинар поэзии. Доцент. Выступала со стихами и лекциями в Нью-Йорке, Женеве и Париже, преподавала древнегреческий язык монахам-иконописцам Псково-Печерского монастыря, работала шофёром игуменьи Серафимы (Чёрной) в Новодевичьем монастыре. В 1998 году была приглашена в Богословский университет святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова читать курс «Православие и творчество» и заведовать кафедрой журналистики. Печатается как поэт с 1972 года. Публиковалась в журналах «Знамя», «Юность», «Новый мир», «Литературное обозрение», «Арион», «Дружба народов», «Вопросы литературы», в альманахе «Апрель» и др. Председатель жюри премии «Поэт» (2007), входила в жюри премии «Русский Букер» (2007). Отмечена стипендией фонда А. Тепфера (1998), медалью города Гренобль (Франция, 1990), премиями имени Б. Пастернака (2002), журнала «Знамя» (2003), «Anthologia» (2004), «Поэт» (2006), дипломом премии «Московский счёт» (2004). Член СП СССР, Русского ПЕН-центра.

стр. 69 Разживин Роман
Санкт-Петербург, 1993 г. р.

Родился в Костроме. Получив в 2013 году специальность в области прикладной информатики, переехал в Санкт-Петербург. Финалист премии имени А. И. Левитова, победитель конкурса «Литературные резиденции», лауреат конкурса «Хрустальный родник», лауреат II степени международного конкурса имени А. Н. Плещеева, финалист Всероссийского фестиваля имени Л. И. Ошанина и ряда других конкурсов, участник семинара «Братья по духу». В качестве поэта был участником «Всероссийской творческой лаборатории для молодых авторов». Публиковался в журналах «Наш современник», «Литеrraтура», «Формаслов», «Новый Орёл + XXI век».

стр. 184 Симакова Евгения Петровна
Красноярск, 1997 г. р.

Родилась в городе Шарыпово. Стихи начала писать в средней школе, прозу — в 2019 году. Публиковалась в коллективных сборниках, в альманахе «Крымский сад метаморфоз» (Севастополь). Осенью 2022 года опубликована первая книга «График смелости» при поддержке Министерства культуры РФ, в том же году стала лауреатом конкурса «Король поэтов» и получила возможность публикации второй своей книги «Когда умирают птицы». В ноябре была опубликована в сборнике лучших произведений Всероссийского литературного конкурса фантастики памяти М. Г. Успенского. В 2023 году стала руководителем писательского клуба на базе арт-площадки «Квартира Академика».

стр. 183 Синёва Диана Александровна
Красноярск, 1979 г. р.

Окончила Сибирский государственный университет путей сообщения (факультет мировой экономики и права). Автор сборника стихотворений «Облака» (Красноярск, 2023), вышедшего под эгидой РПЦ.

стр. 38 Шанин Владимир Яковлевич
Красноярск, 1937 г. р.

Родился в селе Бирилюссы Красноярского края, в крестьянской семье. Окончил историко-филологический факультет Иркутского государственного университета и аспирантуру Высшей школы профсоюзного движения при ВЦСПС в Москве. Трудиться начал с 14 лет. Работал в колхозе, леспромхозе, на заводе «Сибтяжмаш», в районных, многотиражных газетах, в альманахе «Енисей», в профсоюзных организациях, служил в армии. Участник краевого семинара молодых писателей Красноярья в 1974 году и в том же году — зонального совещания молодых писателей Сибири и Дальнего Востока в Иркутске, на котором рукопись рассказов была рекомендована к изданию. Печатался в краевых и областных газетах, в журналах «Молодая гвардия», «Дальний Восток», «Сибирские огни», в коллективных сборниках. Автор книг прозы «Памятник для матери», «Бел-горюч камень», «От зари до зари», «Горька ягода калинушка», «Куплю дом

в деревне…», «Имя собственное» (литературные портреты писателей), изданных в Красноярске и Москве. А своей «главной» книгой считает роман-исследование о В. И. Сурикове «Суриков, или Трилогия страданий». Член Союза писателей России.

стр. 164

Шляхова Галина Николаевна

Туруханский район, 1976 г. р.

Родилась в деревне Сургутиха Туруханского района Красноярского края. Живёт в посёлке Бор Туруханского района. Работает в школе преподавателем искусства и учителем индивидуального обучения детей с ОВЗ, имеет высшее образование и магистерскую степень по направлению «Психологическое консультирование и психотерапия». Публикации в альманахе «Енисей»; стихи в разное время публиковались в газетах «Маяк Севера» и «Голос поречан» под псевдонимом Мария Елизарова.

стр. 56

Щенятская Марина Александровна

Белгород, 1984 г. р.

Кандидат экономических наук, доцент. Работает в Белгородском государственном технологическом университете имени В. Г. Шухова. Автор книг стихотворений «В сети волшебных лабиринтов», «Из солнечных ладоней». Член Союза литераторов Белгородской области. Лауреат международного поэтического конкурса «Что превращает слёзы в благодать…», межрегионального фестиваля молодёжного творчества «БеРег». Стихи публиковались в литературных журналах «Молодая гвардия», «Александръ», «Приокские зори», «Краснодар литературный», «Звонница» и других изданиях.

стр. 43

Щербаков Александр Илларионович

Красноярск. 1939 г. р.

Родился в Красноярском крае. Образование: история и филология, экономика и журналистика. Работал учителем, корреспондентом краевых и центральных изданий. Автор двух десятков книг стихотворений, прозы, публицистики: повесть «Свет всю ночь», сборники рассказов «Деревянный всадник», «Лазоревая бабка», «Змеи оживают ночью», поэтические книги «Трубачи весны», «Глубинка», «Горлица», «Жалейка», «Дар любви» и др. Печатался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Уральский следопыт», «Сибирские огни», «Огонёк». Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

и.о. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Марина Наумова-Саввиных

ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Дмитрий Косяков

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Владимир Безбатченко

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Владислава Васильева

КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анастасия Астафьева
Костромская область

Александр Астраханцев
Красноярск

Наталья Ахпашева
Абакан

Юрий Беликов
Пермь

Александр Герасимов
Калининград

Лидия Довыденко
Калининград

Вера Зубарева
Филадельфия

Ирина Криворучко
Анапа

Александр Кердан
Екатеринбург

Станислав Колчин
Калуга

Сергей Кузнечихин
Красноярск

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Татьяна Масс
Париж

Евгений Минин
Иерусалим

Миясат Муслимова
Махачкала

Александр Орлов
Москва

Анна Сафонова
Южно-Сахалинск

Андрей Тимофеев
Москва

Нина Ягодинцева
Челябинск

В оформлении обложки использованы репродукции картин Андрея Поздеева.

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель:
Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издатель:
Краевое государственное автономное учреждение «Организационно-методический Медиацентр»

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск,
пр. Мира, 57;
Медиацентр

Наш сайт: krasdin.org

Подписано к печати: 10.02.2024
Дата выхода в свет: 29.02.2024
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Журнал выходит 6 раз в год

Отпечатано ИП Азарова Н. Н.
в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова,
д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+

Андрей Поздеев | "Здесь живёшь ты". Картон, масло, 50x80, 1960

Андрей Поздеев | "Ближе к утру". Картон, масло, 50x80, 1977

Андрей Поздеев

"Розы в корзине", холст, масло, 120x120, 1997

на обложке:
"Букет", холст, масло, 110x115, 1998